С О Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи

Материалы

Доклады в О-ве историков-марксистов

Библиография

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

РЕЦЕНЗИИ

Хроника

М. Н. Покровский

Задачи Общества историков-марксистов

(Речь, произнесенная при открытии Общества в заседании 1 июня 1925 г.).

Потребность об'единить на научной работе уже довольно многочисленный сейчас контингент товарищей-коммунистов, преподающих историю в наших ВУЗ'ах,— а также все более и более увеличивающиеся кадры близких к нам буржуазных историков, «приемлющих» марксизм, потребность эта чувствуется уже довольно давно. В годы учения эта потребность удовлетворяется историческими семинариями Института Красной Профессуры,—но как только учение кончилось, разрывается и научная связь, вчерашние участники коллективной работы превращаются в одиночек, т.-е. самым наглядным и очевидным образом деградируют. Примыкающие же к нам буржуазные историки совсем лишены возможности примкнуть к какой-либо коллективной работе [1]).

Мысль об организации общества, об'единяющего историков-марксистов, почти одновременно с Москвою возникла в Ленинграде среди историков-коммунистов, посланных туда на работу. Но их было слишком мало, они представляли собою незаметный островок среди буржуазно-исторического океана,—местные центры, видимо, ощущали опасение, как бы волны океана не залили островка, и «опасный эксперимент» разрешен не был. Теперь здесь, в Москве, мы опираемся на несравненно более широкий круг партийной молодежи, здесь есть налицо и «старшее поколение»,— перед нами все шансы, по крайней мере формальные шансы успеха налицо.

Из этого вовсе не следует, что наша задача очень легка и что путь наш очень гладок и ровен. Исторический материализм наших дней есть нечто, гораздо более тонкое и сложное, нежели исторический материализм даже 1917, не говоря уже 1897 года. Судьбы исторического материализма в России представляют собой такой блестящий образчик исторической диалектики, что собрание разрешит мне, надеюсь, остановиться на этом несколько подробнее.

---

[1]) Когда говорилось эта речь, РАНИОН, с его Историческим Институтом и соответствующими семинариями, еще только складывался.

Когда наше поколение начинало сознательную жизнь, первый—и довольно блестящий—расцвет материалистического подхода к истории в нашей стране был уже далеким прошлым, прошлым, основательно позабытым, густо намоченной губкой стертым из памяти людей.

Этот исторический материализм «первого призыва» связан с именами Щапова, а в особенности Чернышевского, и еще более, пожалуй, с именем Ткачева. Первый из них захватил наиболее широкий район своими историческими концепциями,— но самые концепции были необычайно туманны и как небо от земли далеки от марксизма, несмотря на всю свою весьма подлинную материалистичность, но материалистичность метафизическую. Чернышевский в период расцвета своей литературной деятельности плохо знал Маркса,—с его главнейшими произведениями он познакомился уже в ссылке, когда от его имени в русской литературе осталась только буква Ч., да и то не в качестве подписи под его статьями. Но, тем не менее, его «Кавеньяк» дает образец классового анализа французской революции 1848 года, в мировой литературе уступающий только анализу Маркса. А в ранних статьях Ткачева мы имеем постановки, столь близкие к позднейшим постановкам Каутского 1880—90 г.г., что, например, известная статья Каутского о реформации не дала бы почти ничего нового тому, кто знал бы старую статью Ткачева.

Но беда в том, что к 90-м годам статьи Ткачева решительно никто не знал и не читал,—не исключена возможность, что и сам Ткачев (уже знавший Маркса и цитировавший его) позабыл свою статью к периоду расцвета своей деятельности, когда он был довольно чистой воды бланкистом. Мокрая губка «суб'ективно-социологического» метода все это безнадежно стерла,—и в солиднейших научных исторических трактатах проблема «падения крепостного права» изображалась, как чисто моральная проблема: чтобы сие событие совершилось, нужно было, изволите ли видеть, чтобы помещики сознали всю «мерзость» крепостного права, что и побудило их «добровольно» отказаться от своих прав на крестьян. Мои слушатели, вероятно, с трудом представляют себе возможность такого положения вещей. Но я могу их уверить, что это действительно было так, и что когда к этой сахарной водице Ключевский подбавлял немного крепкого уксуса «государственного интереса», то это казалось уже верхом «научного» об'яснения. Мудрено ли, что мы пришли в восхищение от одной статьи будущего октябриста, а тогда рязанского предводителя дворянства, князя Волконского, где об'яснялось, что крепостное право пало не вследствие благородства души помещиков, а потому что эти последние стали вместо домодельных сальных свечей употреблять покупные стеариновые, а дочери их начали играть на фортепиано, которого тоже руками крепостных мастеров соорудить было нельзя. Что появление помещика на рынке в качестве покупателя обозначало появление его на рынке и в ка-

честве продавца,—эта элементарная мысль, в настоящее время слишком элементарная даже для Совпартшколы I ступени, после народнического периода русской историографии могла показаться настоящим откровением.

Господство народнической идеологии недаром связано в нашей литературе с относительным застоем русской промышленности в 1860–70 годах. Бурный промышленный под'ем 1880—90 годов должен был дать новую идеологию,—и она не заставила себя ждать. Правда, наиболее подлинные ее образчики были скрыты от глаз массового читателя. Царская цензура переживала период еще весьма бодрой и крепкой старости и твердо держала стражу. Издания группы Освобождения Труда, писания Плеханова, первые работы Ленина распространялись в России в ничтожном количестве экземпляров—и, в сущности, не шли дальше немногочисленных в ту пору революционных кружков. Примером может служить судьба «Что такое друзья народа»: ведь для того, чтобы одна из ее глав безнадежно пропала, нужно было, чтобы сама брошюра существовала в том примерно количестве экземпляров, в каком существуют средневековые рукописи. А некоторые марксистские работы тех дней,—например, касавшаяся как раз крестьянской реформы работа Федосеева,—и совсем ни в каком количестве экземпляров не увидали света.

И тем не менее, исторический материализм пошел такой бурной волной, что захватил территорию, далеко выходившую за пределы не только революционных рабочих кружков, но и вообще всего, так или иначе связанного с пролетариатом. Мои слушатели, опять-таки, с трудом поверят, что фронт «экономического материализма» (такое тогда было название,—я к этому еще вернусь позднее) тянулся от Плеханова и Ленина слева до Максима Ковалевского и Милюкова (!) на крайнем правом фланге. Иные старые люди, помнящие те времена, и до сих пор считают Максима Ковалевского одним из родоначальников исторического материализма на Руси. И что удивительного, если в те дни на страницах большого журнала «открывали», как некогда Америку, исторический материализм в писаниях немецкого приват-доцента Вейзенгрюна: это—когда существовали уже, отчасти даже и на русском языке, весь Маркс, вес Энгельс, лучшие ранние работы Каутского и Меринга и т. д. А на совсем русском, и очень хорошем русском языке существовал Плеханов, не считая старых работ Чернышевского и Ткачева. Нет ничего более нового, чем то, что хорошо забыто.

Широчайшее «марксистское пятно», вдруг расплывшееся чуть не на всю российскую историографию, при таких условиях должно было отличаться не только неопределенностью очертаний, но и большой тусклостью окраски. Уж ежели Милюкова, с его древле-Щаповским благочестием, помноженным на «государственность» Чичерина—Ключевского, можно было сопричислить к лику «экономических материалистов» (от

марксизма Милюков с самого начала категорически и четко отмежевался, он и тогда не любил этого слова),—то что же удивительного, если всякого, кто к экономическому об'яснению исторического процесса присоединял упоминание о классовой борьбе, зачисляли в самые подлинные «ученики». (тогдашнее название для марксиста: самое слово было, конечно, нецензурным).

Только к самому началу нового столетия подлинный революционный марксизм, погребенный под этой грудой мусора, начал выбираться на свет: появились в легальном, массовом издании такие крупные работы Ленина, как «Развитие капитализма в России», ряд работ Плеханова,—увеличилось и количество переводных работ во много раз по сравнению с тем, что было за десять лет раньше. С другой стороны, несколько уже воспитавшаяся публика не причисляла к историческим материалистам не только Ковалевского и Милюкова, но и Булгакова с Бердяевым. Под некоторым сомнением до 1905 года у широкой публики оставались Струве и Туган-Барановский, которых иные продолжали еще считать какой-то «разновидностью» марксизма.

Было ли это, однако, сколько-нибудь «окончательное» достижение? Ничего окончательного диалектика истории не знает,—и достаточно было подняться сильному ветру, чтобы некоторые внешние украшения и нового здания, здания уже «революционного марксизма», начали отваливаться. Наша первая революция, мне это приходилось говорить уже не один раз, была великим учителем русских историков. После нее марксистами сделались многие, раньше никакого касательства к историческому материализму не имевшие—а в 90-х годах даже яростно спорившие с ним. Этот «марксизм после 1905 года» оказался не особенно устойчивым (пример—проф. Р. Ю. Виппер). Но он отразился, прежде всего, колоссальным, по сравнению даже с 90-ми годами, распространением исторических идей, более или менее близких к подлинному марксизму. «История России в XIX веке», Гранатовского издания, разошлась в 15.000 экземплярах,—за ней шла имевшая немного меньше успеха меньшевистская «История русской литературы», изданная «Миром» и т. д., и т. п. Недаром в конце этого периода департамент полиции забеспокоился и стал говорить о «легальной социал-демократической пропаганде», и даже о легальной пропаганде большевизма, по поводу издававшихся в России писаний Ленина и некоторых других большевиков. Словом, количественное распространение исторического материализма к началу второго десятилетия XX века было фактом, неоспоримым ни для кого, не исключая кадетов, которые именно этим обстоятельством, огромной популярностью, какую приобрел исторический материализм, вынуждены были от прежней тактики вышучивания и высмеивания перейти к тактике замалчивания,—доходившей до того, что некоторые марксистские исторические произведения

не отмечались даже в библиографических обзорах «Вестника Европы» и в «Русской Мысли». Только громкий процесс, разыгравшийся около одного из таких произведений и созданный теми опасениями департамента полиции, о которых упоминалось выше, удостоил его этой чести.

Но если количество было безусловно на нашей стороне, то никак нельзя сказать того же о качестве. Издаваться в массовом масштабе имели возможность, прежде всего, меньшевики, — роль которых, как буржуазной агентуры среди пролетариата, со всею отчетливостью выяснилась уже к 1907 году. У них были литераторы, у них были и издатели—у большевиков и по той, и по другой линии была значительная нехватка. Вдобавок, что разрешалось меньшевику и кадету, то было под строгим запретом для большевика. «Русская история с древнейших времен» должна была почтительно остановиться на пороге XX столетия, ограничиваясь глухими и невнятными намеками на то, что произошло по ту сторону этого порога. Для истории первой русской революции имелись только меньшевистские руководства, где так блестяще оправдавшая себя в 1917 году формула «диктатуры пролетариата и крестьянства» об'являлась совершенно не марксистской глупостью. Разборчивость цензуры доходила до того, что кадет мог беспрепятственно цитировать документы, за выдержки из которых сажали на скамью подсудимых и автора, и издателя, если то был социал-демократ,—большевику же даже именование (в цитате!) Желябова «Андреем Ивановичем» вменялось, как доказательство явного сочувствия террору.

Между тем требования, какие пред'являл к историку послереволюционный период, были не те, что до 1905 г. Кто оставался на позициях даже «революционного» марксизма перед революцией, тот был безнадежно отсталым человеком и обыкновенно и политически быстро скатывался вправо, уходя к меньшевикам. Оставшиеся верными «неурезанным лозунгам» должны были сильно пересмотреть свой исторический багаж. Собрание простит мне пример слишком личного характера, но другой сейчас не приходит на память: получив от «Мира» заказ на составление большого курса русской истории, я надеялся, попросту, издать свои лекции, несколько обработав их с чисто академической стороны; на деле получилась совершенно новая книжка, ставившая многие вопросы так, как до 1905 года мне и в голову не пришло бы их поставить. Самое главное, что нам дал этот памятный год, это было превращение диалектики исторического процесса из отвлеченного литературного термина в живой, осязаемый и конкретный факт, факт, не только наблюдавшийся нами воочию, но факт, нами пережитый. Мы,—я имею в виду оставшихся верными «неурезанным лозунгам»—просто не могли смотреть на прошлое глазами не пережившего революции человека. Это был новый этап в развитии исторического материализма в России, точно соответствовавший новому историческому этапу, в который вступила историческая жизнь нашей страны.

Была ли это окончательная форма нашего исторического миросозерцания? Опять и опять диалектика истории не знает ничего окончательного. Двух вещей нехватало нам для того, чтобы наш исторический материализм не только отражал на себе пламенное дыхание революции, но и стоял на высоте требований этой последней. Во-первых, продолжала по старинке недооцениваться творческая роль масс. «Заветам рабства страшно верен», русский историк дореволюционных времен привык рассматривать массу, как об'ект действия сверху,—никогда, как суб'ект. В целом ряде глав «Русской истории с древнейших времен»—Смутное время, Пугачевщина, Декабристы—эта застарелая привычка определенно чувствуется: сегодняшнее заседание как раз посвящено разрушению одного из устоев этого исторического миража [1]. Революция 1905 года, к сожалению, мало способна была его разрушить. Выступление масс тогда было, во-первых, неудачным («всегда побитый виноват»), а во-вторых, в своих подробностях оно осталось нам, собственно, неизвестным, в том, что касается деревни. Материал, собранный вольным экономическим обществом от своих корреспондентов насчет аграрного движения 1905—6 годов, дал явно искаженную картину. Понадобилось опубликование жандармских донесений,—жандармы люди практические и тенденциозной публицистикой в своей секретной переписке не занимались,—чтобы мы увидали истинный лик русской деревенской революции и убедились, что она была неизмеримо более сознательной, неизмеримо более политической, и вовсе не так уже далекой от революции рабочей, как нам казалось. Исправить этот грех старой русской историографии—первейшая задача историков-марксистов входящего в жизнь поколения. Наш рабочий и наш крестьянин должны, наконец, иметь в руках книгу, которая изображала бы их прошлое не как дело хозяев и чиновников, а как их собственное дело, дело рабочих и крестьян.

Другую историческую извилину исправлять труднее—ибо нам не малых усилий стоило этот вывих получить, так как то была профессиональная уродливость, в известной стадии развития нашего ремесла очень для нас полезная. Я говорю об экономическом материализме. Для того, чтобы обосновать об'яснение политических перемен экономическими, для того, чтобы вышибить раз навсегда сладенькую легенду «суб'ективной социологии», делившей всех исторических деятелей на добрых и злых, на симпатичных и антипатичных,—для того, чтобы проложить дорогу хотя бы элементарно-научному пониманию истории, нам пришлось собрать грандиозный экономический, в частности историко-статистический, материал. Мы им гордились, он делал чрезвычайно наглядной и математически неопровержимой нашу аргументацию,—и теперь еще идущий от идеалистического понимания истории к материалистическому неизбежно пройдет через

[1]) На первом собрании Общества историков-марксистов стояли доклады о Пугачевщине и о Крестьянской войне в Германии.

эти ворота. Но если нехорошо останавливаться в позе барана перед новыми воротами, то и задерживаться долго в воротах тоже не годится. Историческая статистика сама по себе нужна и необходима, но заменять ею историю совсем не годится. Никогда не надо забывать слов Маркса и Энгельса—они оба неоднократно на этом настаивают—что, хотя история и делается в определенной экономической обстановке, на определенной экономической базе, без понимания которой и сама история останется нам непонятной,—но делают историю всетаки живые люди, которые непосредственно могут руководиться и не экономическими мотивами. Анализ этих мотивов, даже совсем индивидуальных (Маркс это нарочито подчеркивает), вовсе не сводит нас с почвы метода историко-материалистического и не превращает нас в «психологистов».

Со всею ясностью этот наш дефект, пережитки «экономического материализма», сказался после империалистической войны и Октябрьской революции. Никакой цифровой анализ, никакие колонны цифр в об'яснении этих событий не поведут нас дальше понимания той социологической базы на которой события разыгрались. А мы должны понять, и понять по-марксистски, т.-е. понять историко-материалистически, диалектически, и самые события. Возможная вещь, что в 90-х годах показалось бы гениальным откровением—об'яснить момент начала войны 1914 года колебанием цен на пшеницу (как это сделано в одном близком мне и не очень давно, всего 7 лет назад, опубликованном произведении)—но теперь, когда мы в мельчайших подробностях знаем о таких вещах, как русско-французская военная и англо-русская морская конвенции, когда нам со всей точностью известна сложная махинация убийства Франца Фердинанда, мы понимаем, что цены на пшеницу тут не при чем. Политика империалистской войны опиралась на экономику империалистского хозяйства, без этой последней, попросту говоря, не было бы и этой политики: но, однажды родившись из недр финансового капитализма, эта политика, как всякий новорожденный, отделившийся от материнского организма, зажила собственной жизнью, и нельзя же всю будущую жизнь ребенка рассматривать с точки зрения утробного периода его существования.

Можно опасаться, что исправление этого вывиха больше всего пострадает от «закона инерции»; еще Энгельс отмечал большие практические удобства экономико-материалистического об'яснения истории, предостерегая против увлечения этими удобствами. Я должен себя подкрепить поэтому каким-нибудь большим авторитетом и думаю, что мне не так трудно его найти. Кто подходил к нашей октябрьской революции с точки зрения экономического материализма? Прежде всего, конечно, наши добрые меньшевики. По «уровню развития производительных сил» Россия 1917 года была совершенно неподходящей страной для начала социалистической революции: статистика тут была решительно против нас—цифры окончательно не хо-

тели «сходиться». Взять хотя бы тогдашнюю русскую и заграничную производительность труда, соотношение мелкого и крупного хозяйств и т. п. Стало быть, рассуждали меньшевики, попытка низвергнуть в России власть буржуазии заранее осуждена на неудачу. Буржуазия немедленно же (первоначально, как известно, определялся срок в 3 недели) вернется, и ничего, кроме дискредитирования социализма, изо всей затеи не получится. Прошло не 3 недели, а немножко побольше, около 6 лет, и Ленин писал о предсказателях: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли, именно, его революционной диалектики». И закончил свою статью словами: «Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы об'явить просто дураками».

Это сказано жестко, но это сказано по-ленински: в самый глаз. А так как общество, несомненно, пойдет по ленинскому пути,—иначе ему незачем было бы и возникать,—то, несомненно, в числе другого ему придется изживать и «экономический материализм» 90-х годов, крепко еще сидящий во многих из нас. Жесткая ленинская формула подтолкнет нас быстрее итти по этому пути и этим поможет нам стать не только историками-марксистами, но и историками-ленинцами. Этим пожеланием позвольте закончить мое вступительное слово.

О. Л. Вайнштейн

Парижская коммуна и Французский Банк

Как известно, Французский Банк, «цитадель богатой буржуазии», не только вышел невредимым из гражданской войны, не только сохранил в неприкосновенности свои миллиарды и свой кредит, но еще оказался, через короткое время после этого, в состоянии выплатить обширный дивиденд своим акционерам. Политика Коммуны, не попытавшейся даже наложить руку на это учреждение, чтобы использовать его огромные ресурсы в целях нападения или, по крайней мере, своей защиты от реакционной «деревенщины» Версаля, всегда казалась необ'яснимой и друзьям, и злейшим противникам пролетарской революции. Последние часто представляли себе дело так, что Коммуна стремилась овладеть Банком, но ловкость администрации и «честность старика Белэ» помешали осуществлению этого проекта [1]). Маркиз де-Плек присоединял еще к этому, в своем показании парламентской следственной комиссии мужество служащих, готовых грудью отстаивать святыню французского капитала, намекнул даже на толстые стены с бойницами, защищавшие подступы к Банку. [2]). Но даже такой реакционный историк, как Добан, не принял всерьез этих об'яснений: «Двух пушек, замечает он, было бы достаточно, чтобы разбить сопротивление Банка, а четыре нац. гвардейца, во главе с капралом, могли бы одни завладеть всеми финансовыми учреждениями Парижа» [3]). По его мнению, Банк был обязан своим спасением тому, что «Коммуна отнеслась с уважением к частной собственности». «Не будем же бранить ее за это», спешит он прибавить...

Совершенно верно, Коммуна на частную собственность не посягала. Но был ли Французский Банк частной собственностью? И в принципе ли неприкосновенности частной собственности, который проводила — правильно или ошибочно — пролетарская Коммуна, заключается все дело?

В вопрос о политике Коммуны по отношению к Банку, пожалуй, и доныне не внесено достаточно ясности. В этом повинны прежде всего сами участники революции 1871 г., когда они, вскоре после своего поражения, стали слишком страстно критиковать деятельность Коммуны и особенно

---

[1]) См. Enquête sur la Commune de Paris... par Felix Valloton, 2-e édit., p. 16. Ср. Illustration, t. LVIII. p. 299 (1871 г.) Martial Delpit. Rapport fait au nom de la Comission d'Enquête, p. 27.

[2]) Enquête Parlementaire sur l'Insurrection du 18 Mars 1871. Edition contenant in extenso les trois volumes distr. à l'Assemblée Nat., p. 390 ss.

[3]) C. A. Dauban. Le fond de la Société sous la Commune, p. 404.

некоторых из ее членов. Уже в декабре 1871 г., на одном из собраний революционной французской эмиграции в Лондоне, Ландек выступил с заявлением, что Коммуна поступила неправильно, оставив неприкосновенными миллиарды, хранившиеся в Банке[1]). Позже участники Коммуны, хотя и принадлежавшие к самым различным политическим группировкам, высказывались в том же смысле. Малон и Паскаль Груссе[2]), Клюзере[3]) и Дакоста[4]), Ранк[5]) и Безинье[6]) проявляют здесь удивительное единодушие. «Как могла Коммуна, возмущается Клюзере, взять под свое покровительство Французский Банк, снабжавший версальцев деньгами, плативший их солдатам, словом, убивавший народ в то время, когда он стоял на часах для его защиты»[7]). «Если бы, рассуждает Ранк, Коммуна обладала духом революционной инициативы, то она... захватила бы фонды Французского Банка, и тогда Тьеру, несомненно, пришлось бы вступить с нею в переговоры»[8]). Но особенно резко формулирует обвинение против Коммуны один из ее наиболее талантливых историков, Лиссагарэ. «Члены Совета (т.-е. Коммуны), пишет он, в своем ребяческом волнении истинных заложников, находившихся перед самым их носом, не заметили; а это были: Банк, регистратура и домены, касса податных сборов и депозитная касса. Вот с какой стороны можно было захватить в свои руки жизненный нерв буржуазии, и тогда только можно было бы посмеяться над ее изворотливостью и над ее пушками... Но трусливые депутаты от 26 марта не созданы были для того, чтобы сметь. Центральный Комитет сделал большую ошибку, давши версальской армии возможность убраться из Парижа; совет же умудрился сделать еще во сто раз большую ошибку. Все повстанцы, серьезно относившиеся к делу, начинали с того, что забирали в свои руки кассу, нерв противника; один только совет Коммуны отказывался сделать это. Он отменил бюджет на содержание духовенства, которое находилось в Версали, и оставался в восторге от бюджета буржуазии, который он держал в своих руках»[9]).

Это обвинение, в основе своей, было почти всеми историками (я не имею, конечно, в виду фальсификаторов истории из реакционного лагеря) признано справедливым. Только в одном пункте новейшие исследователи, начиная с Дюбрейля, внесли поправку в критику Лиссагарэ. Последний, на ряду со многими другими бывшими участниками Коммуны, склонен всю вину или большую долю вины за поведение в вопросе о Банке приписывать членам финансовой Комиссии, Журду, Варлэну и особенно Белэ, делегату при Банке, давая вместе с тем понять, что ответственность за ошибку падает на всех вообще прудонистов, которые забыли, что «их учитель ста-

[1]) J. Claretie. Histoire de la Révolution de 1870—71. t. I. p. 742.
[2]) См. Лукин. Пар. Ком., стр. 300.
[3]) Memoires du général Cluseret. Le second siège. P. 1887. T. II, passim.
[4]) La Commune vecue, t. III, 25 ss.
[5]) V. Dubreuil, Commune de 1871. Cp. Enquête sur la Com., p. 94.
[6]) Enquête sur la Commune, p. 98.
[7]) Cluseret, II, p. 9 ss.
[8]) Enquête, I. c.
[9]) История Пар. Коммуны. Спб. 1906 г., стр. 195.

вил захват банков во главе своей революционной программы“ (!). Позднейшая же критика выяснила, что если говорить об ответственности, то ее должна делить, вместе с финансовой комиссией или прудонистами, вся Коммуна в целом, как ее якобински-бланкистское «большинство», так и прудонистское «меньшинство» [1]).

Эта поправка основана на соображениях, которые были выдвинуты еще Белэ, когда ему пришлось защищаться от многочисленных нападок на его деятельность в качестве делегата при Банке. «Никогда, писал он, в совете Коммуны, ни со стороны меньшинства, ни со стороны большинства, не было внесено ни одного предложения, которое имело бы в виду захватить Банк. Даже в конце борьбы, когда большинство Коммуны сочло необходимым поручить всю власть Комитету Общественного Спасения, и я лично неоднократно беседовал с членами этого Комитета, никогда при об‘яснениях не высказывалось ни малейшей мысли о занятии или захвате Банка...» [2]).

Действительно, как это было уже отмечено Дюбрейлем, ни в протоколах Коммуны, ни—добавлю от себя—в каких бы то ни было известных нам документах, совершенно не имеется прямых указаний на то, чтобы политика Белэ или же финансовой Комиссии встретила с чьей-либо стороны неодобрение. Мало того, даже на бирже, которая, как это видно из донесений агентов Комитета общей безопасности, чутко реагировала на все социально-экономические мероприятия революционной власти, никогда не возникало сомнений насчет полной безопасности Банка. Биржевикам до такой степени была чужда мысль о возможности захвата Банка коммуной, что для указания источника сумм, израсходованных, согласно отчету Журда, к концу апреля, там была придумана следующая сказка: пять миллионов финансовая комиссия получила от налогов, а двадцать миллионов от Империи и пруссаков [3]).

Так. образом не приходится сомневаться в том, что моральная ответственность за упущенную возможность нанести противнику удар в самое чувствительное для него место—его кассу—падает на всех без исключения деятелей Коммуны. Но на этом утверждении обычно и останавливаются. Между тем следовало бы еще об‘яснить причину указанной ошибки, следовало бы, иными словами, выяснить те об‘ективные предпосылки, которые для представителей революционной власти сделали суб’ективно невозможным завладеть Банком или хотя бы поставить этот вопрос на обсуждение.

В исторической литературе, к сожалению, мало разработан вопрос о причинах той или иной ошибки Коммуны. И в данном случае точно так же

---

[1]) Лукин, l. c.; Дюбрейль l. c.; Степанов, П. К. 1871, стр. 152, сл. П. Браславский. Ист. П. К. (М. 1925), стр. 112 сл. Талес. Ком. 1871 (Х. 1925), стр. 96 сл. и др. В виде исключения, можно указать только на итальянского автора, Arturo Labriola, который в своих лекциях о коммуне (La Commune di Parigi, Turino, 1907, стр. 213 сл.) стоит целиком на точке зрения Лиссагарэ. „Le buon uomo Beslay, пишет он, non ostante il suo socialismo, ...si lasció mettere nel mazzo del suo amico de Ploeuc“.

[2]) Ch. Beslay. La vérité sur la Commune, p. 77 сл.

[3]) Dauban, o. c., p. 214.

не идут далее нескольких общих замечаний. Чаще всего встречается указание на слабую подготовленность парижского пролетариата, находившегося в плену у мелко-буржуазной прудонистской идеологии. Но при этом упускают из виду, что речь здесь идет о революционной тактике, которая с идеологией может и не иметь ничего общего. Ведь были же революционеры 1793 года идеологами мелкой буржуазии, и это однако не мешало им при случае прекрасно расправляться с буржуазной собственностью и кормить санкюлотов за счет «аристократов» из богатой буржуазии. Это было результатом тактических, а не программных соображений: но ведь и захват Банка мог быть чисто тактическим мероприятием, а вовсе не первым шагом к уничтожению капитализма или к «социальной ликвидации», как тогда выражались. Поэтому нельзя согласиться с Дюбрейлем, когда он считает «странной» критику позиции Коммуны в вопросе о Банке в устах таких умеренных прудонистов, какими были Малон и особенно Ранк.

Итак, указание на прудонистскую идеологию так же мало может нас удовлетворить, как несправедливые замечания Лиссагарэ о «ребяческом волнении» или трусости «депутатов от 26 марта».

В одной из работ, именно И. Степанова, мы находим иную попытку выяснить причину роковой ошибки Коммуны: «Возможно, говорит он, что Коммуна воздержалась от энергичных мер (по отношению к Банку) из боязни лишиться поддержки буржуазных элементов в самом Париже» [1]), но только Степанов не счел нужным обосновать это мимоходом оброненное предположение.

Наконец, следует еще отметить своеобразную точку зрения, выдвинутую в этом вопросе одним из новейших историков Коммуны, Лепелетье [2]). По его мнению, если можно здесь говорить об ошибке, то она была совершена не Коммуной, а Центральным Комитетом. «Коммуна, говорит он, правительство, установленное всеобщим голосованием и имевшее все внешние признаки регулярной, даже (!) законной власти, должна была функционировать в легальных рамках предшествовавших режимов, вышедших, как и она, из победоносного восстания. Могла ли она отдать на разграбление Национальный Банк, цитадель французской платежеспособности? Революции 1830 и 1848 г.г., декабрьский переворот 1851 г. отнеслись с уважением к этим соблазнительным сундукам и выиграли от того, что не зарезали курицу, несущую золотые яйца, не задушили доверия к кредиту Банка и правительства. Подобная щепетильность могла бы не остановить Центрального Комитета, который был лишь властью временной (provisoire), порожденной восстанием и длившей восстание, имевшей поэтому возможность производить произвольные реквизиции, пример которых был дан инсургентами всех времен и народов. Коммуна же, напротив, могла и должна была проявить здесь колебание. Следует делать различие между двумя правительствами и двумя эпохами».

Здесь есть одна верная мысль: рассматривая политику революции по отношению к Банку, необходимо различать период власти Центрального

1) И. Степанов, ук. соч., стр. 156.

2) Edmond Lepelletier, Histoire de la Commune de 1871, T. II, p. 222 сл.

Комитета и период Коммуны. Но в остальном вся аргументация французского историка является образчиком невообразимой путаницы. Во-первых, нелепо ставить вопрос о том, должна или не должна была Коммуна «отдать на разграбление» (mettre au pillage) Французский Банк: речь идет всего только о его захвате, точнее правительственной реквизиции находившихся в нем богатств. Во-вторых, совершенно не выдерживает критики сравнение с революционными правительствами 1830 и 1848 г.г. Лепелетье забывает, что между рабочим 30-х и даже 48 г. и рабочим 1871 г. существовало некоторое различие, и что последний, создавая свою Коммуну, прекрасно понимал, в чем она должна и будет отличаться от предшествовавших революционных правительств. Наконец, весьма неубедительно звучат соображения о нелегальности Центр. Комитета и легальности Коммуны. Для Версальского правительства обе власти были нелегальными, но только со второй оно находилось в состоянии открытой войны, а с первой нет; следовательно, казалось бы, что именно вторая должна была нанести ему сокрушительный удар путем конфискации банковских ценностей. Для парижского же пролетариата и нац. гвардии обе власти были одинаково законно возникшими в результате произведенной им революции. Но для радикальной буржуазии, ненавидевшей версальскую «деревенщину» и опасавшейся в то же время Центр. Комитета, различие, проводимое Лепелетье, имело бы реальное значение. И в этом не без труда найденный секрет его мысли.

Вопрос о причинах «ошибки» Коммуны так и остается нерешенным. Мы продвинемся вперед в решении поставленной задачи, только когда выясним, что собою представлял Французский Банк, и проследим шаг за шагом его взаимоотношения с обеими революционными властями.

2.

Маркиз де-Плек в своем показании парламентской комиссии дает следующий отчет о состоянии Банка на 20 марта.

	Кассовая наличность:	
Звонкой монетой	77.000.000	
Банковыми билетами	166.000.000	
Всего	243.000.000	243.000.000
Портфель (т.-е. гос. бумаги и векселя)		899.000.000
Ценности в обеспечение ссуды		120.000.000
Слитки (золото и серебро)		11.000.000
Драгоценности, сданные на хранение		7.000.000
Ценные бумаги, сданные на хранение		900.000.000
Итого		2.180.000.000

Помимо того, в Банке имелось на 800 миллионов банкнот, которым недоставало только подписи кассира. Добыть эту подпись, по словам

де-Плека, не составляло бы никакого труда. Таким образом, к моменту революции Банк заключал ценностей на сумму около трех миллиардов франков.

Отчего Версальское правительство не вывезло их своевременно? Де-Плек ссылается, между прочим, на то, что в Версале не верили в существование таких ценностей в Банке, хотя там с 23 марта находился Рулан, имевший возможность просветить правительство на этот счет. Во всяком случае, Версалю было, очевидно, выгодно распространять слух о пустых кладовых Банка, и это лучше всего обнаруживает царившее там беспокойство за судьбу его капиталов. Признаки этого беспокойства появляются уже в первые дни революции, так как в № «Коммуны» от 20 марта мы находим следующее сообщение: «Версальские газеты бешено лгут, когда сообщают о том, что во Французском Банке нет ни сантима, что вся звонкая монета переведена в Версаль, а банкноты уничтожены».

Итак, и в Версале, и в Париже ни для кого не могло быть секретом, что в Банке хранились огромные суммы. Версаль их не вывез не по незнанию, а в силу физической невозможности [1]). Но почему же не завладел ими Центральный Комитет? Для того, чтобы понять это, необходимо обрисовать роль и значение Банка в императорской Франции и во Франции, пережившей неслыханный военный разгром 1870—71 г.

Французский Банк [2]), основанный еще в 1800 г., был крупнейшим кредитным учреждением Франции. Наделенный многочисленными привилегиями, он занимал исключительное положение. Ему одному принадлежало право выпуска банкнот, и через него государство производило почти все свои финансовые операции. Тесная связь Банка с государством обнаруживалась в том, что директор и два его помощника, обладавшие фактически всей полнотой власти, назначались правительством. Тем не менее, Банк был не государственным, а частным учреждением. Его основной капитал, разделенный на 180 с лишним тысяч акций, по 1000 фр. каждая, принадлежал полностью частным лицам. Но этот капитал мог быть помещен исключительно в государственные бумаги (3% или 5% ренту), и в этом снова проявлялась тесная связь между Банком и государством.

Те пятнадцать тысяч лиц, которые были держателями всех акций, принадлежали почти без исключения к крупной финансовой и промышленной буржуазии. Это вполне естественно, если принять во внимание, что курсовая цена одной акции достигала шести тысяч франков, превосходя, таким образом, номинальную цену в 6 раз. При том акции были распределены настолько неравномерно, что двести парижских акционеров были держателями большей их половины. Не лишено интереса то обстоятельство, что 70%

---

[1]) Для этого понадобились бы, по уверению де-Плека, 60—80 повозок и целый корпус армии См. Enquête parlementaire, l. c.

[2]) О Ф. Б. см. Say, Dictionnaire d'économie politique, I, p. 127-ss; Banque de France. Assemblée générale des Actionnaires de la B. de Fr. du 30 janvier 1873. Compte rendu. Paris 1873 и за след. годы; Journal des Economistes français за 1869, 70 и 71 г.г., где помещены статьи с отчетом о Банке, Semaine financière и др. органы, публиковавшие его отчеты. Ср. также статьи Bailleux de Marisy, Moeurs financières de la France, печатавшиеся в Revue des deux Mondes за 1872 г.

всех акций находились в руках парижской буржуазии (125.219), которая, следовательно, была максимально заинтересована в благополучии Банка. О степени этой заинтересованности можно судить еще по тому, что дивиденд, выплачиваемый акционерам, достигал 360 фр. на акцию, т.-е. 36% ее номинальной цены.

Благодаря исключительной финансовой мощи Французского Банка, от него зависела судьба многих тысяч крупных и мелких предприятий, особенно торговых. К концу Империи он имел уже 60 отделений в департаментах и при их помощи успел стянуть в свою центральную кассу огромный золотой фонд, достигший в 1869 г. 1.247 миллионов фр.,—сумма, представлявшая собою 56% денежных металлических запасов всех остальных банков Европы, вместе взятых [1]). Опираясь на этот золотой базис, а также на свои монопольные эмиссионные права, он мог диктовать свою волю на финансовом рынке Франции, на Парижской бирже, которая в 60 г.г. превращается, по выражению современников, в «подлинный космополитический рынок капиталов» [2]). От него зависели — прямо или косвенно — все важнейшие кредитные учреждения [3]), и устанавливаемый им учетный процент был для них законом.

Для деятельности Французского Банка характерно то, что он обслуживал как самые крупные, так и самые ничтожные предприятия. Ежегодно он учитывал сотни тысяч векселей, валюта коих не превосходила ста франков [4]). Насколько можно судить из отчетов, представленных общим собраниям акционеров, главная масса таких мелких финансовых операций падала на парижскую клиентуру Банка. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что для мелкого парижского лавочника Банк был необходим и казался ему «своим» не в меньшей степени, чем какому-нибудь крупному финансисту.

Военный разгром Франции в 1870 г. вначале повлек за собой не столько напряжение платежеспособных сил страны, сколько напряжение кредита Франц. Банка. В январе 1871 г. Банк учитывает обязательства казначейства на сумму в 119.404.052 фр.; в феврале—на 125.710.863 фр.; в марте—на 261.870.000 фр.; в июне—на 1.193.640.000 фр. [5]).

Эти растущие потребности казны Банк удовлетворял путем непрерывного расширения своей эмиссии. С 600 миллионов бумажных франков, находившихся в обращении к началу войны, их масса повысилась ко времени Коммуны почти до двух миллиардов, и необходимость выполнить ряд денежных обязательств перед победителями требовала дальнейшего расширения эмиссии. И однако массовый выпуск банкнот, при полной депрессии рынка, не повлек за собой падения их курса. Кредит Банка во Франции

[1]) Journal des Economistes Français XVII, p. 131.

[2]) Ibid.

[3]) В результате революции 1848 г. почти все кредитные учреждения Парижа принуждены были ликвидироваться; в 1871 же году их тесная связь с Французским Банком позволила им легко перенести революционный кризис. См. Bailleux de Marisy, Revue des deux Mondes, № 102, p. 410.

[4]) Compte-rendu, 1873, p. 6.

[5]) Ibid., p. 37.

и за границей был настолько велик, что даже исчезновение большей части металлического обеспечения не вызвало сколько-нибудь значительного нарушения золотого паритета банкноты.

Для французских рантье, этой могущественной группы мелкой и средней буржуазии, такое явление было настоящим чудом: они еще имели перед глазами живой пример С.-А. Штатов, переживших крах своего бумажно-денежного обращения в результате «освободительной» войны 1861—65 г.г. Они готовы были молиться на Франц. Банк, сохранявший в неприкосновенности их доходы, и еще более гордились «национальной твердыней французского капитализма». И точно так же на Банк возлагали все свои надежды торговцы и промышленники Парижа, рассчитывавшие при его помощи поправить свои пошатнувшиеся дела.

В атмосфере угнетения и подавленности, вызванной военным позором, лишениями долгой осады, экономической разрухой, банк казался единственной силой, уцелевшей в катастрофе, и залогом возрождения страны.

Таково было настроение самых широких кругов французской, особенно парижской буржуазии, и можно легко догадаться, что деятели Коммуны не только принуждены были с этим настроением считаться, но и поголовно были им заражены.

Здесь лежит источник той аргументации, при помощи которой Белэ, как мы увидим ниже, защищал перед Коммуной миллиарды Франц. Банка. Но когда упрекают Белэ в ошибочности его доводов, то забывают, что даже более сильный ум рабочего-социалиста Мильера не мог освободиться от всеобщего фетишистского преклонения перед банком [1]). И вот в результате уважения к «главному агенту торговли и промышленности Франции» [2]) революционеры забыли, что Банк был в то же время, по признанию самих же буржуазных экономистов, «настоящим орудием правительства и государственным учреждением» [3]).

После этих замечаний нам станут более понятны те своеобразные формы, в которые выливались взаимоотношения между революционной властью и Банком, а также позиция Коммуны в этом вопросе, взятая в целом.

3

К вечеру 18 марта важнейшие стратегические пункты внутри Парижа были по распоряжению Центрального Комитета заняты отрядами революционной национальной гвардии [4]). Как в этот, так и в последующие дни

[1]) См. речь Мильера в заседании Версальского Нац. Собрания от 23 марта.

[2]) Jb., Journal Officiel de la Rép. Français, p. 200.

[3]) Bailleux de Marisy. Moeurs financières de la France. Revue des deux Mondes № 102 (1872), p. 410.

[4]) Я считаю неправильной точку зрения, согласно которой движение 18 марта разворачивалось стихийно, без всякого руководства и участия со стороны Центрального Комитета, который будто бы появился на сцену лишь к концу дня. Не говоря уже о наличии некоторых положительных данных (см. новейшую работу Буржена, опубликованную в октябрьской книжке Revue Historique за 1925 г.), противоречащих такому взгляду, трудно допустить, чтобы Ц. К. мог пользоваться таким необычайным авторитетом в рядах нац. гвардии, если бы он не принимал деятельного участия в захвате вооруженным пролетариатом покинутой правительством столицы.—К этому вопросу я, впрочем, надеюсь вернуться в особой статье.

ЦК, очевидно, не имел в виду занять все здания государственного и общественного характера, а стремился лишь к тому, чтобы обеспечить себе военный перевес в самом Париже на случай борьбы с национальной гвардией «порядка», т.-е. с частью вооруженной буржуазии, которая после вывода из Парижа правительственных войск была, казалось, еще единственной силой, угрожавшей торжеству революции. Вполне естественно поэтому, что Ц. К., оставивший в руках версальских чиновников здания нескольких министерств [1]), не подумал также и о занятии Банка, который охранялся ничтожным отрядом солдат и не мог бы оказать нац. гвардии серьезного сопротивления [2]).

Но если 18 Ц. К. не занял Банка, то он мог это сделать в один из ближайших дней. Поэтому директору Банка, Рулану, пришлось 20 марта принять финансовых делегатов Ц. К. (Варлэна, Журда и Бильорэ) с самой любезной улыбкой и выдать им, даже не дожидаясь повторных требований с их стороны, один миллион.

Реакционные круги Парижа сразу оценили всю серьезность положения: нельзя было допустить, чтобы Французский Банк «питал» своими средствами революцию. Поэтому, организуя вооруженное сопротивление Ц. К-ту, они переносят центр его во второй округ, округ Банка. «Если бы удалось начать и выдерживать некоторое время борьбу, — писал впоследствии один из реакционных представителей парижского муниципалитета, Анри Мартэн,— то мы получили бы решительное преимущество, так как мы закрыли бы доступ в Банк нашим противникам и в то же время получали бы у него средства для себя» [3]).

Мысль была правильная: лишить противника средств значило создать Ц. К-ту колоссальные затруднения с нац. гвардией, которая жила исключительно на ежедневное жалованье в 30 су, значило задержать планомерное развитие революции, значило дезорганизовать эту революцию. О том, что дезорганизация революции может повлечь за собою полную анархию, от которой в первую очередь пострадала бы богатая буржуазия, реакционные мэры не думали. Им казалось, что если они лишат Ц. К. возможности платить 30 су нац. гвардейцам и возьмут эту обязанность на себя, то они предупредят волнения на продовольственной почве и умалят в то же время авторитет Ц. К. «Мы стремились,—заявил в следственной комиссии Дюбайль, мэр 10 округа,—дезорганизовать восстание другим путем, а именно, восстановив аппарат по выплате жалованья нац. гвардейцам в здании Биржи» [4]). Еще откровеннее пишет помощник мэра 5 округа, Коллэн: «Я занялся поисками средств, необходимых для выплаты жалованья национальным гвардейцам, чтобы отвлечь (détacher) нуждающихся от службы Коммуне» [5]).

[1]) Ряд зданий, как, напр., морское министерство, Дворец Мира, управление Обществ. Призрения и мн. др., были заняты только 30 марта, по распоряжению Коммуны. См. протоколы в изд. Буржена и Анрио, стр. 69.

[2]) Enquête Parlementaire, p. 391.

[3]) Ibid., p. 554.

[4]) Ibid., p. 334.

[5]) Frédéric Damé. La résistance, les maires, les deputés de Paris et le Comité Central du 18 au 26 Mars. Paris. 1871, p. 343.

Эти средства должен был дать, конечно, тот же Французский Банк. 23 и 24 марта представители мэров, банкир Годшо и Момп, получили оттуда 550 тысяч, а вечером 23 по городу уже расклеивалась афиша следующего содержания:

Жалование Национальной Гвардии.

УВЕДОМЛЕНИЕ.

Государственные средства, необходимые для уплаты жалованья, находятся исключительно в распоряжении мэров... Временно выплата будет производиться в здании Биржи.

За парижских мэров и их помощников

Тирар, Дюбайль, Элагон[1]).

Вся эта затея была тесно связана с деятельностью адмирала Сессэ, присланного из Версаля специально с целью «об'единить вокруг себя силы защитников порядка» и начать гражданскую войну в самом Париже. Во втором округе были с этой целью сосредоточены пятнадцать тысяч буржуазных нац. гвардейцев; ими были заняты все здания, примыкавшие к Банку; стены последнего были тщательно укреплены и снабжены орудиями; наконец, из служащих Банка был организован особый батальон, который начал усердно заниматься военными упражнениями во дворе Банка.

Эти грозные приготовления не могли остаться незамеченными делегатами Ц. К. Варлэном и Журдом, которые 24-го[2]) явились в Банк за получением очередной суммы (350 т.) на выплату суточного содержания нац. гвардии. Заместитель директора, де-Плек, их даже не принял, батальон Банка встретил их враждебными возгласами, а находившийся тут же Моми весьма недвусмысленно дал им понять, что о жаловании позаботились уже мэры, так что денег им получать незачем[3]).

Делегаты ЦК удалились, но через короткое время де-Плек получил от них письмо ультимативного характера[4]): «Уморить голодом парижское население,—писали Варлэн и Журд,—таково оружие партии, называющей себя «честной». Голод никого не обезоруживает, он в состоянии лишь побудить массу к убийствам и опустошениям. Мы желали избегнуть всех этих бедствий; Банк мог бы помочь нам в этом. Но он предпочел стать на сторону людей, которые желают какою угодно ценою восторжествовать над Республикой. Мы поднимаем брошенную нам перчатку, предоставляя тем, кто из личных соображений не колеблются вызвать народную ярость, нести всю страшную ответственность за свое поведение.

---

1) Ibid., p. 174.

2) Согласно де-Плеку—23-го, но он, повидимому, ошибается, в чем можно легко убедиться, сопоставляя его показания с рассказом Моми.

3) Damé, o. c., p. 309.

4) Одновременно Ц. К. отдал распоряжение арестовать Дюбайля, Моми и др. муниципальных чиновников, замешанных в этом деле. Но они были либо немедленно выпущены на свободу, либо оказались вне пределов досягаемости для Ц. К-та.

Что касается нас, мы свой долг исполнили, и мы докажем, что ошибаются те, которые истолковали наше примирительное поведение, как вызванное испугом. Пусть же Банк откажется от рокового решения, которое он, повидимому, принял.

Мы больше сюда не вернемся. Если Банк расположен выплатить оставшуюся часть предоставленного нам миллиона, т.-е. 700 тысяч франков, пусть он пошлет их в министерство финансов до 12 час. дня. С этого же часа будут приняты все необходимые и притом самые энергичные меры! Да здравствует республика!»

Самые размеры письма свели к минимуму действие заключавшейся в нем угрозы. Людям, которые чувствуют за собой силу, нет необходимости расходовать много слов для убеждения противника. Ультиматум должен быть прежде всего коротким.

Поэтому де-Плек выполнил требование делегатов Ц. К. лишь частично. Выяснив предварительно, что на «батальоны порядка» рассчитывать нечего и что сам адмирал Сессэ относится скептически к мысли о вооруженной защите Банка, он послал сказать, что Ц. К. будет выдано не семьсот, а только 350 миллионов (согласно условию, заключенному с Ц. К. Руланом), и предложил, чтобы за деньгами делегаты явились в Банк сами.

Правда, они явились туда в сопровождении вооруженной силы, но тем не менее Ц. К. вышел из этого конфликта морально побежденным. Ультиматум привел только к компромиссу, и единственный случай ввести в Банк нац. гвардию и поставить его, таким образом, в полную от себя зависимость был Центральным Комитетом упущен. А между тем момент был исключительно благоприятный, потому что Банк, открыв свою кассу реакционным мэрам и преградив к ней доступ Ц. К., терял даже в глазах мелкобуржуазной массы парижского населения свой иммунитет нейтрального учреждения.

Но эта ошибка с Банком была лишь логическим звеном в длинной цепи допущенных Ц. К. промахов, вытекавших из неясности его представлений о характере и границах власти, врученной ему революцией.

В этом легко можно убедиться, читая протоколы заседаний Ц.К., относящиеся как раз к периоду 19—24 марта[1]).

[1]) Подлинные протоколы Ц. К. хранятся, повидимому, в архиве м-ва военных дел, но они и поныне недоступны. Поэтому приходится пользоваться отчетами о заседаниях, точность которых проверить невозможно. Эти отчеты имеются: в книге J. d'Arsac, Les conciliabules de l'Hôtel de ville, 1871; в приложениях к „Парламентской анкете", а также в реакционном произведении анонимного автора Livre noir de la Commune de Paris. Bruxelles, 1871 (есть русск. перевод). Хотя для двух заседаний—21 и 27 марта—отчеты приводят все эти источники, однако, между ними нет ничего общего; даже председатели упоминаются различные. Но это еще с полбеды, т. к. Центр. Комитет имел в день два заседания, и можно предположить, что „Черная книга" и d'Arsac дают отчеты об утренних заседаниях, тогда как в Enquête parlementaire напечатаны протоколы вечерних. Главная же беда в том, что в последнем издании, хотя и высоко „официозном", протоколы вызывают местами большие сомнения, если не в отношении содержания, то в отношении их датировки. Так, напр., в протоколе от 27/III неоднократно упоминается Коммуна и ее военный Комитет, как давно уже действующие учреждения, между тем как известно, что первое заседание коммуны состоялось 28, а организация Комитетов, в том числе и военного, лишь 29 марта. Ср. также грубую опечатку (повидимому) на стр. 482, кол. 3.

Для парижского рабочего 1871 года регулярная выплата суточного довольствия в 30 су была вопросом не менее важным, чем для рабочего 1848 г. — вопрос о сохранении национальных мастерских. Введенная еще правительством национальной обороны, эта ничтожная плата давала ему возможность кое-как существовать в период почти полной приостановки производства, вызванной войной и осадой Парижа. Выплата этого содержания производилась ежедневно через распределительный аппарат мэрий 20 округов, и прекращение ее хотя бы на один день явилось бы настоящей катастрофой для парижского пролетариата[1]). Между тем, когда для мэров стало ясно, что революция 18 марта одержала победу, большая часть из них немедленно покинула свои округа, вследствие чего распределение денежной помощи сделалось затруднительным, а кое-где и вовсе невозможным. Перед Центральным Комитетом этот вопрос уже 20 марта встал во всей своей остроте. Я приведу отрывок из отчета, где резюмируются возникшие по этому вопросу прения.

«Делегат Гроллар берет слово. Возникло, говорит он, следующее затруднение: выплата жалованья нац. гвардии происходит с перебоями Нужно немедленно устранить это затруднение; нужно, прежде всего, чтобы граждане имели средства существования для себя и своих семей».

«Гражданин Асси развивает ту мысль, что, хотя правительство должно было знать положение, оно ничего не оставило Комитету из денежных средств».

√ «Он прибавляет: Комитет, во избежание упреков в сибаритизме (sic!), которые делались правительству 1848 г., должен уничтожить затруднение; средства, необходимые для нац. гвардии, нужно во что бы то ни стало найти. Ввести немедленно налог и взыскать его было бы трудно и, возможно, незаконно. Комитет пошлет делегатов в Банк и в крупные кредитные учреждения. Эти учреждения предоставят фонды в пределах строгой необходимости. Предложение единогласно принимается». (Livre noir, p. 110 ss.).

✓ Итак, Асси, один из самых авторитетных членов Ц. К., рабочий-революционер, возглавлявший знаменитую стачку в Крезо, изумлялся тому, что правительство (Тьер оставался еще для него правительством!) не оставило средств для той самой нац. гвардии, которая выбросила его из Парижа. Асси, и вместе с ним Ц. К., отказывается от введения налога на имущих, потому что это было бы «незаконным». Наконец, средства Комитету понадобились только «в пределах строгой необходимости», т.-е., как видно из контекста, только для выплаты 30 су[2]).

√ Не знаешь, чему здесь больше удивляться: наивности, неосведомленности или полной неясности представлений у членов Центрального Комитета! Они не знали о том, что в Банке, на текущем счету г. Парижа, оставалось около девяти с половиной миллионов франков для нужд нац.

---

[1]) Вооружение, экипировка, распределение обеденных карточек среди нац. гвардейцев и членов их семейств также производились через мэрии. (См. Показание Вашеро в Enquête parl., p. 68 сл.

[2]) Жены нац. гвардейцев получали, сверх того, по 75 сантимов.

гвардии[1]); они забыли о том, что их функции заключаются не только в обеспечении нац. гвардии средствами существования, но что им придется удовлетворять ряд настоятельных нужд, возникающих перед всяким революционным правительством; наконец, они даже не захотели считать себя правительством! Не заявил ли разве Бильорэ, при обсуждении проекта о продлении вексельного моратория, что «Центральный Комитет, не будучи правительством, не может декретировать отсрочку по вексельным платежам»? А ведь именно эта точка зрения, несмотря на возражения Мортье и Варлэна, собрала большинство голосов[2]). И она же господствует не только на заседании 20 марта, но красной нитью проходит через всю деятельность Ц. К., который в своем заключительном воззвании (от 29 марта) сам вынужден был признать, что она связывала его по рукам и ногам[3]).

Последствия этого взгляда сказались тотчас же и на финансовых затруднениях, с которыми Ц. К. до конца своей жизни не мог справиться, и на его позиции по отношению к Банку, и на слабости его политики в целом. Эти три момента в его деятельности были настолько тесно между собою связаны, что ошибка в одном пункте роковым образом приводила к ошибкам в остальных. Вот несколько характерных примеров, которые позволяют хорошо нащупать эту взаимообусловленность различных моментов политики Комитета.

26 марта Варлэн и Журд раздобыли один миллион в банке и 500 тысяч у Ротшильда, при чем последний впоследствии искренно изумлялся умеренности их требований[4]). Но ведь Ц. К. решил ограничиться в изыскании средств «пределами строгой необходимости»! Однако ему пришлось уже через два дня убедиться в том, что денег нехватает для удовлетворения самых насущных нужд. Нужно было взять на свое попечение множество солдат, отставших от правительственной армии и бродивших без дела по улицам Парижа; нужно было выпускать газету, печатать прокламации, вести агитацию, связаться с провинцией, отправить своих представителей в крупные центры и своих тайных агентов в Версаль[5]). Но когда Мальжурналь внес предложение потребовать у Банка дополнительных средств, Ц. К. не в силах был на это решиться. Ведь Банк дает деньги только на помощь нуждающемуся населению и нац. гвардии

---

[1]) Du Camp (Convulsions, III. 183) утверждает, что Журду, а следов. и Ц. К-ту было известно не только о существовании этого фонда, но даже его точные размеры. 20 марта, когда делегация Ц. К. явилась в Банк, Журд будто бы заявил Рулану: „мы знаем, что Париж имеет на текущем счету 8.826.860 фр. (?), и в счет этой суммы мы требуем выдачи одного миллиона". Однако нет никаких оснований доверять реакционному фантазеру, который здесь в такой же степени, как в других местах своего „исторического" труда, меньше всего был заинтересован в том, чтобы говорить правду, так как он поставил своей задачей обелить Рулана от обвинений в слишком поспешном согласии на выдачу денег Ц. К-ту. Ср. Lepelletier, T. II, l. c. Ср. также прим. 1, стр. 16.

[2]) Livre noir, p. 111.

[3]) Journ. Offic. от 30/III: „Entravés dans notre marche par la loyauté qui nous interdisait de faire acte de gouvernement..."

[4]) Lepelletier, o. c. 220.

[5]) Livre noir, 112 ss.

Парижа[1]). Зато было принято постановление разослать делегатов по вокзалам для взыскания законного (ибо установленного не Ц. К.) сбора с железнодорожных билетов[2]) — мера, которая не могла дать никаких реальных результатов.

И вот, 22-го новые затруднения: нац. гвардейцам, оказалось, нужна была еще обувь, одежда, пища, и Ц. К., «чтобы не отягощать своих финансов» (дословно), распоряжается прибегнуть к реквизициям, которые должна была оплатить Коммуна.

Еще пример. Комитет прекрасно понимал, насколько важно привлечь симпатии больших городов на сторону революции, развить в них агитацию, поддержать оппозиционно-настроенную мелкую буржуазию в ее борьбе за радикальную республику, ознакомить ее с истинным характером событий 18 марта. И вот, в хронологическом перечне распоряжений Ц. К.[3]) мы под 25 марта находим следующую заметку:

«Гражданину Муро даны полномочия разослать делегатов в Лион, Марсель, Тулузу и Лимож».

Сколько же было предоставлено Муро для этого важного предприятия?—Три тысячи франков! Три тысячи франков, не больше и не меньше, в состоянии был выделить из своих скудных средств Центральный Комитет для агитации во Франции в период, когда эта агитация была возможна, когда Лион поднимался, а в других городах со дня на день грозила вспыхнуть революция.

√ Так обнаруживалось несоответствие между важными задачами, стоявшими перед Комитетом, и его финансовыми ресурсами. Бедность революции давала себя чувствовать на каждом шагу, и вопрос о средствах ставился и не разрешался почти ежедневно. 25-го финансовый делегат Варлэн требует денег «для самых настоятельных нужд». Выносится решение обратиться к Банку. Но 26-го ему приходится снова напомнить, что «затруднения с финансами со дня на день становятся все серьезнее[4])». А под самым носом этой вечно нуждающейся революции Версальское правительство широко расходовало на ее удушение миллионы, беспрепятственно получаемые от Банка[5]). И, самое замечательное, Ц. К. прекрасно

---

1) 27 марта Ц. К. потребовал еще 500 т. фр., де-Плек послал немедленно в Ц. К. главного кассира, который заявил, что если речь идет о расходах государственного характера, то деньги не могут быть выданы, и только в том случае, если заявление сделано от имени г. Парижа, оно будет рассмотрено правлением Банка). „Ответ был, как и всегда, один и тот же: что речь идет о национальной гвардии, о женщинах и детях". См. Enquête parl., p. 392.

2) Известный процент с налогов, которые жел.-дорожные компании платили государству, шел в пользу г. Парижа.

3) Enquête parlementaire, p. 520 (Comité Central. Ordres, donnés du 24 au 31 mars) Cf. p. 521.

4) Livre noir, p. 114.

5) От 20 до 30 марта Версальское правительство получило только от Центрального Франц. Банка в Париже свыше 15 миллионов. См. Du Camp, les Convulsions de Paris, T. III, стр. 192; отделения Франц. Банка в провинции были также широко использованы Тьером.

знал об этом. Среди многочисленного банковского персонала нашлись у него тайные доброжелатели, которые своевременно сообщили ему о размерах сумм, выплаченных по распоряжениям из Версаля. Но Ц. К. ограничился только угрозой применить к Банку репрессии в случае повторения подобных действий. И мне неизвестно, чтобы эта угроза была когда-либо приведена в исполнение, несмотря на то, что до начала апреля версальские чиновники были ежедневными посетителями Банка [1]).

На этом эпизоде особенно ясно видно, насколько отношение Ц. К. к Банку было тесно связано с его общей политикой. Стремясь добиться во что бы то ни стало выборов в Коммуну, и притом выборов путем всеобщего голосования, заключив для этого соглашение с мэрами и депутатами от Парижа, Ц. К. окончательно утерял столь необходимую в критические периоды свободу действий, сознательно лишил себя революционной инициативы. И вполне естественно, что накануне или в день выборов Ц. К. не только отказывался думать о репрессиях, но и вообще не хотел брать на себя ответственность за какие-угодно радикальные мероприятия, уклоняясь от них при помощи такого рода резолюций:

«Пока муниципальный совет не будет избран, Комитет не может и не желает принимать никаких решений. Решать будет Совет Коммуны». (Conseil de la Commune avisera) [2]).

Совет Коммуны будет решать и вопрос о том, чем уплатить за 30.000 пар обуви, реквизированной для нужд нац. гвардии, и о том, где найти средства для более серьезной связи с провинцией, и о том, как поступать с Французским Банком, который явно враждебно относится к революции и не перестает снабжать деньгами версальское правительство. Полновластный и всемогущий (ибо избранный всеобщим голосованием) Совет Коммуны все решит, обо всем подумает; задача же Центрального Комитета—довести благополучно до конца выборы в этот всеспасающий совет, избегая конфликтов, пренебрегая провокационными вызовами реакции.

Так представлял себе свою задачу Комитет, и потому его политика не могла не быть политикой соглашений и компромиссов. Только в одном вопросе его позиция была тверда: выборы в Коммуну должны быть произведены в кратчайший срок, и здесь он никаких уступок не допускал. Но как раз этот вопрос для успеха революции имел далеко не первостепенное значение, гораздо меньшее, чем захват Французского Банка.

Членам Ц. К. оказалась совсем не под силу громадная ответственность, выпавшая на их долю, и они поторопились переложить ее на другие плечи [3]).

---

[1]) Déposition de M. de Ploeuc. Enquête, p. 391. Только с началом открытых военных действий между Коммуной и Версалем, де-Плек, опасаясь того, что новая власть будет действовать энергичнее, распорядился воспретить агентам казначейства доступ в Банк. Что явных агентов после этого сменили тайные, он считает излишним указывать.

[2]) Livre noir, l. c.

[3]) Клюзере в своих мемуарах делает о членах Ц. К. любопытное замечание, которое дает лишний штрих для характеристики их неподготовленности к практической революционной работе в столь решительный момент: „Все они были без копейки. Если бы им пришлось

Если при Центральном Комитете, который рассматривал себя как власть временную и строго ограниченную определенными функциями, положение Французского Банка оставалось в высшей степени неопределенным, то от Коммуны, избранной «легально» и наделенной всей полнотой власти, можно было ожидать самых энергичных мер по отношению к Банку, вплоть до занятия его вооруженной силой. Де-Плек настолько предвидел эту возможность, что 27 марта, накануне провозглашения революционного правительства, он поторопился вывезти из Парижа все клише для печатания банкнот, «чтобы воспрепятствовать их изготовлению Коммуной» [1],—мера предосторожности, которая впоследствии оказалась совершенно излишней, так как Коммуна не воспользовалась даже уже готовыми банкнотами. Но первые шаги новой власти как будто оправдывали эти опасения. Хотя на первом утреннем заседании 29 марта вопрос о Банке не был прямо поставлен, однако на него должно было распространиться постановление, имевшее в виду все без исключения общественные и государственные учреждения. Это постановление, опубликованное в Journal Officiel 30 марта, гласило следующее:

Граждане!

Коммуна, будучи в настоящее время единственной властью, декретирует:

Статья первая. Чиновники различных общественных учреждений будут отныне считать ничтожными и не имеющими никакой силы распоряжения и указания, исходящие от версальского правительства или от его приверженцев.

Статья вторая. Чиновник или служащий, который не подчинится этому декрету, будет немедленно смещен с должности [2].

Этот декрет не был пустой угрозой: уже в тот день, когда он был опубликован, в утреннем заседании 30 марта, Коммуна постановляет сместить директора почты, Рампона, который «собирается дезорганизовать свое учреждение», и назначает на его место в качестве «временного директора» Тейса. Такая же точно мера была принята и по отношению и Национальной типографии, директор которой, Ж. Б. Горео (J. B. Hauréau), был заменен Дебоком и Вальяном (Vaillant). Естественно, что и Банк, который возглавлялся чиновником, зависевшим от версальского правительства, и представлял собою учреждение еще более важное по своей роли в общественной и госу-

бежать, в случае возвращения версальцев, вряд ли десятеро из них могли бы покинуть Париж. Однажды в Ц. К. был поднят вопрос о предоставлении каждому из членов по 150 фр. для их личных нужд. Это предложение показалось им первоначально чудовищным: „150 франков! А наши товарищи, разве у них не такие же потребности, что у нас? И что подумает об этом народ?“ Предложение в конце концов было принято, но им воспользовались только 5—6 человек (Мемуары, т. I, стр. 29).

[1]) Enquête parlem., p. 392.

[2]) Принятие декрета прошло не гладко. Ведь он означал провозглашение Коммуной своих суверенных прав. Против этого высказывались В. Клеман (будущий член финанс. комиссии), который потребовал, чтобы „Коммуна не навязывала себя как политическая власть“, и Тейс, заявивший, что она не должна „выходить за пределы своих коммунальных (т.-е. муниципальных) полномочий“. (См. протоколы, стр. 490).

дарственной жизни, не мог избежать участи почты, типографии, а несколько позже—и телеграфа, монетного двора, национальной библиотеки, музея Лувра и др. Действительно, одновременно с назначением Тейса и, повидимому, в тесной связи с этим назначением[1]), член финансовой комиссии Белэ, был командирован в банк в качестве делегата Коммуны. Отчего делегата, а не директора? Казалось бы, для этого имелись все основания, так как администрация Банка была представлена в этот момент только одним лицом (де-Плеком), вместо законных трех. Мы убедимся ниже, что инициатива названия должности, равно как и назначения на нее исходила от самого Белэ. Но ведь суть дела не в титулатуре. Делегаты Коммуны по финансам, военным делам, юстиции и т. п. были настоящими министрами революционного правительства, несмотря но свое скромное звание. Точно так же, посылая Белэ своим делегатом в Банк, Коммуна вовсе не имела в виду учредить какую-то новую должность контролера этого учреждения. Она посылала туда директора [2]), полномочного комиссара, если угодно, словом, полновластного распорядителя, как об этом свидетельствует мандат, выданный Белэ:

Французская Республика

Свобода—Равенство—Братство

Парижская Коммуна

Парижская коммуна назначает гражданина Белэ в качестве своего делегата при французском банке.

Делегаты исполнительной комиссии:

Лефрансэ. Тридон. Феликс-Пиа

Здесь нет обращения к Банку, к его директору: Коммуна этого директора не признает, не знает даже о его существовании. Она помещает в Банке своего человека таким же точно образом, как она поместила своих министров-делегатов в министерства внутренних дел, финансов, юстиции и т. п. Правда, вступление Белэ в должность произошло без помощи батальона нац. гвардии, как это имело место во всех других случаях назначения делегатов. Но предусмотрительный делегат при Банке отвратил эту опасность. Ему удалось убедить исполнит. комитет, что по отношению к Банку эта мера явилась бы и вредной и излишней. Вот как сам Белэ сообщает об этом:

«У меня были твердо установленные взгляды на роль Банка после войны. Занятие Банка военной силой подорвало бы доверие к банкнотам.

---

1) В этом можно убедиться, если вчитаться в текст протокола. Достаточно прочесть хотя бы следующее место: „Коммуна постановляет в порядке спешности, что почтамт и морское министерство будут оккупированы, делегирует гр. Тейса в качестве временного директора почты и гражданина Белэ во Французский Банк". Крайняя сжатость протоколов первых заседаний не позволяет выяснить, как обсуждались эти два назначения, но внутренняя связь их бросается в глаза.

2) В одной анонимной работе о Коммуне, изданной в Цюрихе в 1872 г., Белэ так прямо и называется директором Банка (Histoire de la Commune de Paris, Zurich, 1872, p. 243: „Beslay, nommé gouverneur de la Banque...").

А именно этого надо было бояться, так как Коммуна имела обыкновение проводить свои распоряжения (ordres) путем посылки своих батальонов... Я об'яснил все это исполнительному комитету Коммуны, который без возражений признал справедливость моих замечаний, и было условлено, что я явлюсь один и без сопровождения военной силы (а министерства так и занимались военными силами) и осуществлю функции делегата при Банке» [1]).

Таким образом, Белэ удалось добиться уступки, всего значения которой члены исполн. комиссии даже не подозревали. Но для нас важно здесь установить, что в решении этого вопроса Коммуна в целом никакого участия не принимала, и что никому, при избрании Белэ в делегаты, не приходила в голову мысль выделить Банк из ряда других учреждений, которые занимались с помощью вооруженной силы. Никому также, за исключением Белэ и инспирировавшего его де-Плека, не могла притти в голову мысль, что для власти Коммуны над Банком введенный туда отряд нац. гвардии может иметь большее значение, чем какие угодно делегаты. И это вполне понятно: ведь Коммуна наделила своего делегата самыми широкими полномочиями. В день его избрания она приняла следующее постановление:

«Принимая во внимание, что чрезвычайно важно обеспечить функционирование всех общественных учреждений, и что, с другой стороны, необходимо приступить к немедленному преобразованию различных учреждений, подчиненных министерствам, Коммуна дает своим комиссиям самые широкие полномочия для осуществления всех мероприятий, которые они должны будут принимать в интересах Коммуны» [2]).

Следовательно, Белэ мог в любой момент потребовать себе вооруженной помощи, но он получал также право прогнать ее, если бы она явилась—и она позже действительно явилась!—против его воли.

Здесь нам нужно коснуться более общего вопроса, в свете которого станет понятно все значение приведенных выше деталей. Я имею в виду организацию правительственного механизма Коммуны.

Если присмотреться к деятельности комиссий, организованных 29 марта, то мы увидим, во-первых, что между ними не было никакой действительной связи и что, во-вторых, в сфере своей компетенции каждая комиссия была не только всесильной, но-фактически—и бесконтрольной. Отмеченные особенности комиссий представляли собою и достоинство, и недостаток: достоинство—потому, что они гарантировали работоспособность комиссий, что было весьма существенно, так как сама Коммуна была по многим причинам органом нерабочим; недостаток — потому, что комиссии оторвались от Коммуны и стали вести несколько независимое от нее существование. И когда Андрие выступил в одном из заседаний [3]) с заявлением, что «ко-

[1]) La vérité sur la Commune, p. 83 s.

[2]) Procès-Verbaux de la Commune, p. 61.—Инициатива постановления исходила от Журда, который имел в виду исключительно фин. комиссию. Это обстоятельство не лишено интереса для последующих выводов.

[3]) Протоколы, стр. 311.

миссии считают себя настоящими диктатурами», то он формулировал лишь опасения, которые возникали у большинства членов Коммуны. Действительно, им можно было сделать тот упрек, что они не отчитывались перед Коммуной, либо отчитывались, когда хотели; что они проводили свою политику, не считаясь с общей линией политики Коммуны; что они редко координировали свою деятельность друг с другом и не подчиняли ее единому руководящему плану. Если к этому еще присоединить, что в комиссии, состоявшей из пяти человек, фактически работал один или два, то станет ясно, в какой степени решение весьма важных вопросов зависело от взглядов и убеждений отдельных лиц [1]).

Этими недостатками правительственного механизма обусловливался ряд промахов и несообразностей, из которых каждый в отдельности не имел, может быть, серьезного значения, но которые в своей совокупности приводили к тяжелым последствиям.

Вот каким образом и могло случиться, что деятельность Белэ или же финансовой комиссии в целом, которая, как мы убедимся, шла вразрез с жизненными интересами Коммуны, не встречала никакой оппозиции, не подвергалась почти ни разу серьезной критике. А между тем Белэ совершил ряд поступков, которые нельзя рассматривать иначе, как измену революционной власти, выдвинувшей его на ответственный пост.

29 марта, не будучи никем на то уполномочен, он является к де-Плеку и намекает ему на возможность назначения Коммуной директора Банка. Де-Плек приходит в ужас и заявляет, что уступит только силе, но никогда не согласится добровольно признать нового директора, хотя он прекрасно понимал, что представитель революционного правительства вовсе не будет нуждаться в его признании. Зато он великодушно соглашается принять комиссара, «наподобие тех, какие существовали при анонимных обществах», и то, если этим комиссаром будет назначен сам Белэ. Предложение, шедшее навстречу желаниям Белэ, было охотно принято. Таким образом, член Коммуны, за ее спиною, заключил соглашение с представителем и верным слугою версальского правительства [2]).

Добившись без труда своего назначения в Банк, Белэ стал действовать в полном согласии с де-Плеком, который поселил его рядом с своим кабинетом, чтобы в любой момент иметь его под руками. Роль, которую должен был играть делегат Коммуны в этом учреждении, была им для себя намечена вполне ясно. «В Банк,—писал он впоследствии,—я вошел с одной целью: *с намерением защитить его от всякого насилия со стороны крайней партии (parti exagéré) Коммуны»* [3]). Это единственная роль, признается он сам, которая была ему по душе и ради которой он решил остаться членом Коммуны. Для того, чтобы насчет мотивов его по-

---

[1]) „Во всех комиссиях,—заявил Верморель 20 апреля,—имеются лишь один—два человека, которые работают“, при таких условиях дела вовсе не обсуждаются. (Procès-Verbaux, p. 317). Коммуна в связи с этим постановила сделать одно лицо, наделенное необходимыми полномочиями, ответственным за работу каждой комиссии.

[2]) Enquête parl., p. 391—395.

[3]) La vérité sur la Commune. p. 97.

ведения не могло больше оставаться никаких сомнений, он спешит прибавить: «Я доказал, что сделал все, чтобы не быть ее членом, что я не одобрял ее политического поведения и что я не верил в успех ее борьбы с Национальным Собранием и правительством. Я остался на посту ради Банка, падение которого представлялось мне непоправимым бедствием» [1]).

Каким же образом человек, по его собственному признанию враждебный революции, мог очутиться в числе ее вождей, мог не только занять, но и удержать до конца один из самых ответственных постов?

По своему происхождению и имущественному положению Белэ принадлежал к высшим кругам бретонской буржуазии. Он вышел из семьи, которая даже в реакционной Бретани славилась своим консерватизмом. Отец—депутат крайней правой в парламенте первой Империи, реставрации и июльской монархии, сын — главный редактор ультра-монархической и клерикальной газеты Le Français, — таковы родственные связи члена Коммуны. Политические связи не менее характерны: генерал Кавеньяк, герой июньских дней 1848 г., был его другом; в законодательной палате он заседал рядом с умеренными республиканцами.

Но эти умеренные политические симпатии Белэ умудрялся совмещать с социализмом, правда, особого толка. Он определяет социализм, как «совокупность идей, выдвинутых для восстановления труда на новой основе и в условиях справедливости и истины, диктуемых нашей совестью» [2]). Отсюда вытекает и «система» его деятельности, как социалиста,—система, «которая выражается одним священным словом: почтение к собственности» [3]). Это и есть «либеральный социализм», противополагаемый им «социализму коммунистическому», с которым он «не желал иметь ничего общего». Ближе он определяет свою систему, как умеренный прудонизм, и причисляет себя к «правому крылу Интернационала» [3]). Ибо этот удивительный социалист был еще членом Интернационала и гордился тем, что был «первым буржуа, вошедшим в его состав» [4]), и что он «вот уже 30 лет, как порвал с буржуазией, чтобы защищать рабочих и помогать им» [5]). Но хотя он значительную часть своего состояния истратил на организацию мютюалистского рабочего банка и оказывал материальную поддержку французской секции Интернационала, в Коммуну послали его не рабочие, а буржуазные избиратели 6 округа, вместе с Гупилем, Леруа и Робинэ, которые, конечно, сложили с себя полномочия. Из каких соображений Белэ не последовал их примеру, нам уже известно.

Положение Белэ в Коммуне было исключительно благоприятно. После ухода всех ее наиболее умеренных элементов он оставался единственным представителем буржуазии, и притом представителем с именем и, казалось, с большим политическим весом. Для Коммуны, которая прилагала все усилия к тому, чтобы перетянуть на свою сторону радикальную буржуазию

---

1) Ibid., p. 87 ss. Ср. p. 111.
2) Ibid., p. 109.
3) Ibid., p. 107; Ср. Procès-Verbaux, p. 205.
4) Ibid. Ср. p. 172.
5) Ibid., p. 197.

Парижа и провинции, такой человек представлялся особенно ценным: он мог быть связующим звеном между революционным пролетариатом и широкими массами мелкой и средней буржуазии, к симпатиям которых Коммуна была далеко неравнодушна. А так как он был еще известным «другом рабочих», «социалистом» и членом Интернационала, то к нему можно было отнестись с полным доверием. Повидимому, то, что писал о Белэ в своей газете Феликс Пиа, было не только личным его мнением: «К счастью для Коммуны, гражданин Белэ не удержал своей отставки» [1]).

К счастью для Коммуны! Это выражение, несмотря на все уважение, которое мог внушать членам Коммуны 76-летний «социалист», покажется неожиданным, если не принять во внимание, что за день перед тем Белэ сделал в Коммуне доклад о результатах своих переговоров с Банком и что выводы этого доклада могли дать Жюлю Валлесу повод к следующей заметке:

> «В Банк делегировали Белэ, и этот 76-летний старец добился один, влиянием своего возраста, своей речи и своего характера, того, чего, быть может, не могли бы добиться все батальоны Парижа и все пушки Коммуны».
>
> (Cri du peuple, № 31. 1/IV).

Чего же добился Белэ? К сожалению, протокол, помимо простого упоминания о докладе, здесь ничего не дает. А между тем, крайне любопытно было бы знать, как он изобразил свои достижения в Банке и чем он мог вызвать такой восторг у Валлеса? По всей вероятности, он сообщил о своем соглашении с правлением Банка, сведения о котором проникли в печать не ранее 8 апреля. К этому соглашению мы теперь и перейдем.

9 апреля в газете «Коммуна» появилась заметка следующего содержания:

> «По сведениям Avenir National, между Банком и Коммуной заключено соглашение. Правительство Ратуши было при этом представлено гражданином Белэ, делегированным финансовой комиссией.
>
> В силу этого соглашения за Банком признается характер частного учреждения, и он сможет охранять свои права путем организации батальона национальной гвардии из служащих учреждения, присоединяя к этому батальону, в случае необходимости, другие отряды, подчиненные Коммуне.
>
> С своей стороны, Банк обязуется предоставлять Коммуне, под расписку г. Белэ, фонды, принадлежащие городу Парижу; в случае же истощения этих фондов, он должен авансировать Коммуне суммы, гарантированные выпуском закладных под городское имущество».

Такой же точно текст соглашения приводится в «Черной Книге Парижской Коммуны», где оно именуется «договором, заключенным Банком с гр. Белэ». Уже один тот факт, что соглашение появилось впервые на страницах буржуазной прессы и что оно совершенно не упоминается

[1]) Le Combat № 3. 1 апреля.

в официальном органе Коммуны, указывает на правление Банка, как на источник этой информации. А так как Journal Officiel не счел необходимым опровергнуть заметку, обошедшую почти все газеты, то следует думать, что она соответствует действительности. Однако, несомненно, что при заключении соглашения Коммуна была не при чем, что оно было установлено, как modus vivendi, между делегатом Коммуны и правлением Банка в порядке внутренних взаимоотношений и что Коммуна не желала или не считала нужным придавать ему официальный характер. Это тем более вероятно, что соглашение было выгодно только одному Банку, для которого оно создавало привилегированное положение [1]).

[1]) Любопытно, что соглашение излагается всюду в совершенно тождественных выражениях, хотя оно не приводится в виде документа, а дается в виде пересказа, стилистически слитого с остальной частью текста. Здесь дело, повидимому, не только в общем источнике, лежащем в основе всех сообщений, но и в его формальном, быть может, юридическом характере. На это же указывает и нарочитая законченность и закругленность фраз, некоторая, если угодно, торжественность выражений, необычайная для простой газетной заметки. Приводя параллельно выдержки из трех мест, где упоминается соглашение, я предоставляю читателю проверить правильность сделанных наблюдений.

„La Commune“

D'aprés l'Avenir National une entente aurait été conclue entre la Banque et la Commune. C'est citoyen Beslay, délégué par la comission des finances, qui réprésentait le gouvernement de l'Hotel de Ville.

Au termes de cet accord, le caractère d'établissement privé est réconnu à la Banque et elle pourra le faire respecter en organisant un bataillon de gardes nationaux, composé des employés d'etablissement, soit en adjoignant à ce bataillon, en cas d'urgence, d'autres détachements, comandés par la Commune.

Par contre la Banque devait fournir à la Commune, sur un reçu du M. Beslay, les fonds appartenants à la ville de Paris èt déposés à la Banque; et dans le cas, oú ces fonds seraient épuises, celle-ci devait faire à la Commune des avances, garanties par la remise de titres sur les biens de la ville.

„Livre noir de la Commune de Paris“

... La Banque... conclut un traité avec le citoyen Beslay:

Aux termes de cet accord le caractère d'établissement privé est reconnu à la Banque, et elle pourra le faire respecter en organisant un bataillon de gardes nationaux, composé des employés de l'établissement, soit en adjoignant à ce bataillon, en cas d'urgence, d'autres détachements commandés par la Commune.

Par Contre la Banque doit fournir à la Commune les fonds appartenants à la ville de Paris; et dans le cas, où ces fonds seraient épuisés, celle-ci doit faire à la Commune des avances, garanties par la remise de titres sur les biens de la ville de Paris.

Lanjolley et Carrier. „Histoire de la rév. du 18 mars“ (p. 246 ss.).

Reconnaissant à la Banque son caractère d'indispensable établissement privé, le citoyen Beslay s'engagea, au nom de la Commune, à la mettre á l'abrie de toute atteinte, à la faire respecter, soit par l'organisation d'un bataillon de gardes nationaux, spécialement composé des employé's de l'etablissement, soit en adjoignant, s'il était besoin, d'autres detachements

Действительно де-Плек был, очевидно, заинтересован в том, чтобы отношения между Коммуной и Банком определялись специальным договором, на который он мог бы опереться в случае, если бы личная политика Белэ подверглась нападкам со стороны крайних элементов Коммуны. А эта возможность не была исключена в случае нападения Версаля на Коммуну, нападения, о подготовке которого ему было известно уже в то время, когда в Париже об этом даже не подозревали. «Эмиссары, которых я отправил в Версаль,—сообщает он,—принесли мне известие, что военные действия должны начаться в один из ближайших дней» [1]). А так как де-Плек опасался, что «первый пушечный выстрел (со стороны Версаля) будет сигналом к нападению на Банк» [2]), то ему необходимо было выяснить вполне определенно, каких жертв потребуют от Банка, чтобы он мог обеспечить свою неприкосновенность и свой кажущийся нейтралитет в предстоящей борьбе и одновременно добиться санкционирования этих жертв со стороны Версаля. Вот почему 2 апреля, как раз за несколько часов до «первого пушечного выстрела» версальской артиллерии, он отправляется к Тьеру. Естественно, что Белэ, который, несомненно, был причастен ко всей этой комбинации, добился для де-Плека пропуска в Версаль [3]).

Версальское правительство принуждено было, скрепя сердце, согласиться на финансирование Банком ненавистной ему революции. Это согласие было необходимо де-Плеку не только потому, что он был чиновником, зависевшим от версальского министра финансов, но и потому, что иначе невозможно было бы добиться от государства возмещения «жертв», которые Банку предстояло понести [4]). Обеспечив таким образом интересы банковских акционеров, с которыми он принужден был считаться не менее, чем с своим начальством, де-Плек возвратился в Париж с мудрой решимостью свести к минимуму неизбежный «расход на Коммуну». В этом ему должен был помочь не только Белэ, но, как мы увидим ниже, и министр финансов самой Коммуны.

Те странные на первый взгляд привилегии, которыми пользовался Банк за все время осады Парижа версальцами, могут быть до мельчайших деталей об'яснены из факта существования соглашения. Так, напр., известно, что на всех государственных и общественных зданиях Парижа развевалось

---

commandés par la Commune. A ces conditions une entente fut conclue. La Banque devait, fournir à la Commune, sur un récipissé de M. Beslay, les fonds de la ville qu' elle possédait en dépôt, et dans le cas oú ces fonds seraint épuisés, elle devait faire des avances garanties, par la remise de titres sur les biens de la ville de Paris.

[1]) Enquête parl., p. 392.

[2]) Ibid.

[3]) Вот текст пропуска, приведенный Дю-Каном:

Permis au citoyen Ploeuc gouverneur de la Banque, aller et revenir de Versailles. Paris, le 1-er avril 1871. Le délégué civil à l'ex-préfecture de Police: Raoul Rigault.—Риго подписал пропуск, очевидно, даже не прочитав его (текст написан не рукой Риго), ибо в противном случае, он не позволил бы титуловать де-Плека „директором Банка".

[4]) Ср. Hanotaux, Hist. de la France contemp, I. p. 187: „La Banque de France pay... sa rançon, en avançant (avec l'autorisation du gouvernement de Versailles) l'argent nécessaire à la solde des „30 sous".

красное знамя, знамя революционной Коммуны [1]). Только Банк, который был, конечно, принужден спустить свой трехцветный флаг, не поднял взамен его никакого другого: ведь он, согласно договору, рассматривался, как учреждение нейтральное.

Или другой пример. 3 апреля был опубликован декрет Коммуны о частных формированиях. «Принимая во внимание, говорилось в декрете, что различные государственные и частные учреждения в Париже сформировали из своих служащих всех категорий особые отряды нац. гвардии; что эти отряды до сих пор уклонялись от несения регулярной службы; что в этом заключается злоупотребление, опасное для общей безопасности, и нарушение принципа равенства,—Коммуна постановляет: эти специальные отряды будут немедленно влиты в батальоны национальной гвардии; они приступят тотчас же к перевыборам своих офицеров» [2]).

Этот декрет, повидимому, был строго проведен в жизнь, хотя и не дал того эффекта, на который рассчитывала Коммуна. Отряды служащих разных учреждений не пополнили собою рядов нац. гвардии, но были просто расформированы и частично выдали имевшееся у них оружие. Такая участь постигла, например, батальоны, организованные крупнейшими магазинами Парижа—«Лувром» и «La Belle Jardinière» [3]).

Но Французский Банк и здесь был исключен из общего правила. Он не только сохранил неприкосновенным свой отряд из 430 человек, но не выдал ни одного из ружей новейшей системы, в которых защитники Коммуны испытывали большую нужду.

Де-Плек пытался впоследствии об'яснить этот факт самым неправдоподобным образом: он будто бы разыскал в архивах Банка закон 1792 г., в силу которого служащие крупных учреждений в моменты опасности для родины остаются на своих постах, и будто бы почтенная дата этого закона заставила представителей Коммуны отказаться от применения к. Банку декрета 3 апреля [4]). Но непонятно, какое отношение закон 1792 года имел к отряду банковских служащих и почему его действие было распространено только на Банк. Если бы де-Плек решился посвятить парламентскую комиссию в свое соглашение с Коммуной, то ему не пришлось бы прибегать к подобным натяжкам. Но ни ему, ни подавно правительству Тьера не было удобно оглашать факт, который об'яснил бы самым естественным способом «чудо» спасения Банка, свел бы на-нет все «мужество» его защитников и самого де-Плека и сделал бы невозможным обвинение Коммуны в попытках отдать на разграбление «национальные богатства».

Вот еще один любопытный эпизод, который, думается мне, косвенно подтверждает существование договора между Коммуной и Банком.

2 мая, на следующий день после избрания Комитета Общественного Спасения, Журд заявил, что он слагает с себя полномочия финансового

---

[1]) См., напр., Ed. Moriac, Paris sous la Commune, p. 183 и d'Arsac, La guerre civile et la Commune, p. 149.

[2]) J. O. 3/IV, ср. Procès-Verbaux, p. 108.

[3]) Ludovic Hans, Second siège de Paris, стр. 58.

[4]) Эту сказку повторяет и M. du Camp, o. c., III, стр. 258 сл.

делегата. Он мотивировал свою отставку тем, что—с точки зрения кредита и средств, которые он из него извлекал,—положение финансового делегата меняется после избрания Комитета Общественного Спасения. «Возможно, заметил он, что мои опасения в связи с избранием Комитета и вытекающими отсюда последствиями так же мало обоснованы, как и страхи финансовых кругов по этому же поводу. Но с моей точки зрения мне невозможно продолжать нести обязанности, которые вы мне доверили». Когда Бильорэ,—заметим, член финансовой комиссии—возразил на это, что опасения Журда неосновательны, так как «19 марта был день ужасный для кредита, и однако Банк дал нам один миллион», то он получил следующий ответ: «Французский Банк не обязан (n'est pas tenue) еще раз сделать то, что он сделал 19 марта; для Коммуны представляет максимальный интерес щадить это учреждение и даже помогать ему» [1]).

Эти слова, таинственный смысл которых можно понять, только исходя из соглашения, показались настолько убедительными, что никто не сделал попытки их парировать. Журд был прав: финансовая комиссия, точнее—ее делегат мог поддерживать «легальные» связи с Банком и пользоваться там кредитом, поскольку в своих неограниченных полномочиях он видел гарантию сохранения в силе договора с де-Плеком, который он заключил или санкционировал. Но Комитет О. С. никаким договором не был связан и мог поэтому изменить всю политику Белэ и Журда, мог перевернуть все налаженные отношения. Конечно, Журд был прав только с точки зрения своих неправильно понятых обязанностей главного кассира Коммуны, который должен обеспечить для нее регулярный приток денежных средств и в котором интересы революционера были поглощены заботами добросовестного и методического счетчика. Но Коммуна имела очень смутное представление о роли и об источниках «кредита» в эпохи революции и, главное, вовсе не хотела ссориться с теми «финансовыми кругами», которые разделяли опасения Журда. Поэтому она сохранила своего фин. делегата и тем самым молчаливо признала, что ее Комитет Общественного Спасения не в праве менять финансовую политику Журда.

А между тем эта политика, которая, по словам Андрие, выродилась в настоящую финансовую диктатуру [2]), приводила к самым печальным последствиям.

Журд как-то заметил, что успех всякой революции обусловлен хорошим состоянием ее финансов [3]). И он наивно верил, что равновесие бюджета, какой бы ценой оно ни было достигнуто, свидетельствует об их хорошем состоянии. Построить бюджет на регулярных налоговых поступлениях во время осады и бомбардировки Парижа, во время гражданской войны у самых стен революционной столицы, было уже само по себе чистейшим безумием.

[1]) J. O. № 124.

[2]) ... „les délégations et particulièrement celle des Finances, se croient des dictatures". Procès-Verbaux, p. 311.

[3]) Cp. J. O., № 124: „C'est dans nos finances, selon moi, qu'est le salut de la Commune et de la République".

Но построить его на обложении тех масс населения, на которые опиралась революция, уже граничило с преступлением. Между тем Журд именно так и поступил, сохранив в неприкосновенности налог на ввозимые в Париж продукты питания, т. н. octrois. Еще будучи финансовым делегатом Центрального Комитета, Журд подписал распоряжение о том, что этот налог, крайне непопулярный среди парижских рабочих, будет взиматься попрежнему comme par le passé [1]). Но тогда это могло быть оправдано нежеланием Ц. К. предвосхитить реформу, которую должна была в этой области произвести Коммуна. Но постановление финансовой комиссии от 1 апреля, касавшееся **только** реорганизации службы в octrois, как бы давало понять, что Коммуна, нуждаясь в средствах, не собирается даже уничтожить эту несправедливую систему обложения [2]). Нельзя сказать, чтобы Журд не понимал всей важности этого вопроса. 2 мая он заявил в собрании Коммуны, что намеревается представить проект о снижении наполовину косвенного налога [3]). Повидимому, это должно было стать лишь первым шагом на пути к задуманной им полной реорганизации финансов и распределения налоговых тягот. По крайней мере, имеются сведения о том, что после поражения Коммуны в министерстве финансов были найдены рукописи, доказывающие наличие широко разработанного проекта в этом направлении [4]). Но дальше проектов дело так и не пошло, ибо реформа сразу нарушила бы с трудом установленное бюджетное равновесие Коммуны.

Расстаться с octrois было для финансистов Коммуны трудно еще потому, что этот налог всегда составлял важнейший источник доходов **города**, и, так. обр., взимая его, Коммуна не вторгалась в государственные финансы, что для политических убеждений большинства финансовой комиссии было большим облегчением [5]). И точно таким же стремлением не выходить за пределы узко-муниципальных доходов характеризуются замечаемые с конца апреля лихорадочные поиски новых источников средств для сохранения бюджетного равновесия.

Я сказал: лихорадочные поиски. И действительно, иначе нельзя определить ту деятельность, которую Журд развивает в это время. Вот несколько сюда относящихся фактов.

21 апреля он обращается в Банк с просьбой авансировать Коммуне 2 миллиона под залог обязательств государственного казначейства, но получает только 750.000 [6]).

---

[1]) J. O. № 83.

[2]) J. O. № 92 (2/IV) cf. Livre noir, p. 264.

[3]) J. O. № 124.

[4]) L'Agonie de la Commune. Paris en feu. Bruxelles, s. d., p. 25. „Un employé du ministère a pu recueillir sur le bureau un copie-de-lettres, très curieux, dit-on, et qui prouve que la Commune se preoccupait fort du remaniement de nos finances et de l'impôt“.

[5]) В фин. комиссию, помимо Журда, входили: Варлэн, Белэ, Виктор Клеман и Бильорэ (а до него Режер). Из них Клеман был столь умеренных взглядов, что его даже в следственной комиссии кто-то назвал „человеком почтенным“; революционные убеждения Белэ нам уже известны. В оппозиции мог быть только „крайний“ Бильорэ, которого Журду навязало „большинство“ Коммуны вместо выжитого им—тоже „крайнего“—Режера.

[6]) Colmont, Historique de l'incendie etc., p. 230.

26 апреля он публикует принятый Коммуной декрет о том, что все письма, хотя бы оплаченные почтовым сбором вне Парижа, должны вновь оплачиваться при получении их адресатами (J. O. № 116). 28-го он требует от железнодорожных компаний уплаты причитающегося с них за истекшие месяцы налога, но лишь в той части, которая по прежним правилам шла в пользу Парижа (J. O. № 118). 2-го мая это требование распространяется на круговую железную дорогу, проходящую в черте города (J. O. 122). 6-го мая он делает попытку заложить в Банке ценные бумаги, найденные в кассе м-ва финансов. (Enquête, p. 394). 16-го мая он особым декретом надеется заставить страховые общества, чтобы они уплатили за несколько месяцев узаконенный штемпельный (гербовый) сбор. (J. O. № 136). 18-го он лишает ряд компаний, взявших в аренду парижские рынки и сдававших их от себя торговцам, предоставленных им концессий за неуплату ими арендной платы и постановляет, что впредь все доходы от рынков будут поступать непосредственно в кассу финансовой комиссии. (J. O. № 138).

И подумать только, что вся эта деятельность была в значительной степени вызвана тем, что фонды текущего счета г. Парижа—9.400.000 фр.— во Французском Банке истощились, и Журд не решался более прямым и действительным путем получить нужные средства, так как этот прямой путь означал нарушение «нейтралитета» Банка.

√ Правда, в середине мая, Банку пришлось, как это было, впрочем, обусловлено договором о его нейтралитете, согласиться на выдачу ежедневных авансов в 400 тыс. фр.—сумма, как раз достаточная для выплаты «30 су», но эта подачка, конечно, не могла спасти Коммуну от постоянных финансовых затруднений.

Что подобная система финансирования революции значительно парализовала ее оборонительные силы, особого доказательства не требует. Однако несколько деталей, которые можно привести в связи с этим, дают любопытную иллюстрацию финансовой беспомощности Парижской Коммуны.

При недостатке средств можно было, по мнению Журда, спасти бюджетное равновесие только одним путем: применением самой жесткой экономии во всех расходах. «Когда у меня требуют, откровенно заявил он в заседании 24 апреля, 200.000 фр., осведомляюсь об их употреблении и стараюсь дать только 50.000, если хватит и этого»[1]. Но откуда Журд мог знать, что для военных операций хватит 50 тысяч, когда у него требуют 200,— это уже его секрет, в который он не захотел посвятить Коммуну.

√ В связи с этим заявлением Биар принужден был напомнить финансовому делегату, что экономия хороша лишь тогда, когда она не вредит интересам защиты, и Журд, который сразу понял, на что намекает его оппонент, подчеркнул еще более в своей реплике, что он считает себя верховным судьею в вопросах о целесообразности тех или иных расходов. «Мне предложили, об'яснил он, купить дешево тысячу прусских лошадей за 400.000 фр. Я ответил, что их можно реквизировать, но я подобной

[1]) Procès-Verbaux, p. 443.

сделки никогда не совершу». Таким образом, финансовая мудрость Журда решила, что организация конницы, которая могла бы хоть отчасти парализовать деятельность версальских раз'ездов, является для Коммуны слишком большой роскошью.

Такою же роскошью было, очевидно, снабжение маршевых батальонов нац. гвардии скорострельными ружьями. В Париже имелось 15.000 таких ружей, но они принадлежали иностранному подданному; поэтому их нельзя было реквизировать. Но чтобы приобрести их, нужны были средства, которыми Журд не располагал [1]).

Недостаток в средствах, конечно, не мог не действовать разлагающим образом на многих рядовых защитников Коммуны. 16 мая военная делегация получает тревожное письмо: в Военной школе, главной базе артиллеристов, имеется всего 30.000 фр. Этой суммы нехватает для самых настоятельных расходов. Артиллеристы не получают жалованья и отказываются служить [2]). «Батарее des Enfants perdus, сообщается там же, за два срока не уплачено жалованья; обслуживающий персонал не имеет ни вооружения, ни одежды». 22-го апреля Анри Фортюнэ делает в Коммуне доклад об ужасном состоянии защитников форта Исси: люди без одеял, без панталон, спят на голой земле и мокнут под дождем; вдобавок у них нет обуви, и Фортюнэ никак не мог добиться выдачи им сапог [3]).

Можно было бы подумать, что все эти факты—а число их легко умножить—следует отнести за счет беспорядка, царившего в интендантстве или в военном командовании. Но имеется ряд других фактов—я приведу лишь самые характерные,—которые делают неудовлетворительным т о л ь к о такое об'яснение.

3-го мая Лефрансэ поднял вопрос о том, почему Коммуна допускает, чтобы увечные и раненые нац. гвардейцы или их семьи жили за счет частной благотворительности. Он видел на улицах Парижа оркестр, составленный из нац. гвардейцев различных батальонов, которые производили сборы в пользу семейств убитых и раненых. Оркестр имел соответствующее разрешение от членов Коммуны. Лефрансэ навел справки: оказалось, что это было не единичное явление. «Я считаю, заключил он свое сообщение, что подобные процессии унизительны и недостойны Коммуны, недостойны и тех, во имя которых производились и самые сборы» [4]).

Выступление Лефрансэ вызвало всеобщее одобрение. Тогда один из подписавших разрешение на сбор пожертвований, Дерер, об'яснил, что эта идея возникла впервые в совете легиона XVIII округа, и он добавил: «Но эти сборы приносят свою пользу. Они дали 4.000 фр. Когда в округе име-

[1]) Procès-Verbaux, p. 385. Впоследствии Журд не постеснялся указать на этот факт версальским судьям, как на смягчающее его „вину" обстоятельство. „Я не выбрасывал на ветер денег, воскликнул он на суде, я платил только нац. гвардии, а не отрядам волонтеров (corps francs). Я о т с р о ч и л т а к ж е п о к у п к у п я т и т ы с я ч ш а с п о, п о 72 ф р а н к а з а ш т у к у"... См. показания Журда перед военным судом в Gazette des Tribunaux, 7 au 31 août 1871, цит. у Colmont, ук. соч. стр. 220.

[2]) Dauban, le fond de la société sous la Commune, стр. 318.

[3]) Procès-Verbaux, p. 385.

[4]) J. O. № 125.

ются раненые или убитые, я имею возможность выдавать по 100 франков вдовам и по 25—50 франков раненым. И поэтому я мог не требовать для этого денег у финансовой комиссии. Я сожалею о факте нищенства, который имел место, но ведь это позволило нам сделать доброе дело».

Коммуна перешла после этого к очередным делам. Об'яснения Дерера ни в ком не встретили отпора. Очевидно, его аргументы показались довольно убедительными: ведь сборы несколько облегчили положение финансов! И как бы ни возмущались члены Коммуны фактами, которые сообщил Лефрансэ, они чувствовали себя бессильными перед финансовыми затруднениями. Не Коммуна управляла своими финансами, а финансы ею. И это должно было оставаться так, пока оставался неприкосновенным Французский Банк, пока сохранилась система жесткой экономии, поддерживаемая Белэ и Журдом. То, что эта экономия дискредитировала революционную власть, их, очевидно, не смущало. Виар возмущался тем, что какая-то женщина, которой, согласно декрету Коммуны, полагалось пенсионное обеспечение, обивала пороги разных учреждений и ничего не добилась [1]). На этой почве, как нам известно, разыгрывались иногда сцены траги-комического характера, когда кому-либо из жен нац. гвардейцев приходила в голову мысль просить помощи в Центр. Комитете. Последний имел в своей кассе несколько десятков франков, и ему приходилось уделять иногда значительную часть своего времени решению вопроса о том, выдать ли вспомоществование в размере пяти или же десяти франков [2]). Но зато Белэ имел возможность с торжеством заявить, указывая на финансовый отчет Журда: «Легко видеть всем занимающимся финансами, что финансовое положение Коммуны очень благоприятно» [3]).

Однако парижские рабочие, которые финансами не занимались, повидимому, не склонны были разделять оптимизм Белэ и далеко не были в восхищении от бюджетной эквилибристики Журда. Конечно, те несколько тысяч нац. гвардейцев, которые стойко держались под уничтожающим огнем версальской артиллерии и сознательно шли на смерть за идею социальной революции, могли не придавать существенного значения тому, делает ли Коммуна в настоящий момент все, что необходимо для облегчения их службы, для обеспечения их жен и детей. Они верили в Коммуну, верили в светлое будущее, которое она им обещала. Но для массы парижского пролетариата вопросы материального характера, немедленное улучшение их положения, достижение непосредственных и осязательных результатов революции было делом далеко не второстепенным. А между тем финансовая политика Коммуны, скудость ее бюджета (1.000 фр. на народное образование!), жесткая экономия, обрекавшая защитников Коммуны на ненужные лишения, а их семьи на зависимость от общественной благотворительности,—все это не могло не действовать самым расхолаживающим образом на массу. На деятельность Журдов и Белэ значительная часть рабочих ответила уклонением от действительной военной службы.

[1]) Ibid.

[2]) Enquête parlementaire, p. 484 и 492.

[3]) J. O. № 125.

Помимо этого пассивного, так сказать, неодобрения финансовой политики Коммуны, имеются явные следы попыток оказать на нее или ее представителей известное давление в этом отношении. Об этом свидетельствуют, прежде всего, некоторые письма, опубликованные Добаном, к сожалению, в очень урезанном виде. Так, некий Буйо пишет 3-го мая Росселю: «...Платите гражданину, который идет на передовые позиции, по крайней мере, два франка в день, издайте декрет, в силу которого ему будет предоставлено после окончания войны пять франков за каждый день пребывания на службе—за счет имущества дезертиров... Как! Вы платите солдатам 30 су! Америка платила им свыше доллара ...Право же, чего вам опасаться; у Коммуны нет долгов: она не признает долгов Империи; вы можете задолжать миллиард, но Париж будет спасен» [1]). Аналогичную, по-видимому, мысль развивает Жюль Андрие в своем письме от 15-го мая [2]). Еще в одном письме (неизвестного автора) Коммуне посылается резкий упрек в том, что она слишком бережно относится к «старым экономическим предрассудкам», что она не провела «ни одной революционной меры, как это понимает народ» [3]). Кольмон, чиновник версальского правительства, собравший в своей книге любопытные материалы по истории финансов Коммуны, точно так же сообщает факты, подтверждающие наличие давления на финансовую комиссию со стороны парижского революционного общественного мнения [4]). В связи с этим Кольмон делает следующее характерное замечание: «Нужно быть благодарными некоторым из них (т.-е. членов Коммуны) за те неслыханные усилия, которые они должны были делать, чтобы не декретировать плачевных мероприятий, каковые требовались от них ежедневно» [5]).

Гораздо красноречивее, чем все эти довольно случайные указания, те факты из истории взаимоотношений между Коммуной и Банком, в которых особенно ясно чувствуется настойчивое стремление революционного пролетариата побудить Коммуну к решительным действиям.

13 апреля Исполнительная Комиссия узнала, что т. н. «бриллианты короны» были сданы на хранение Французскому Банку. Комиссия немедленно потребовала их выдачи. Но де-Плек, не знавший, что бриллианты еще перед осадой Парижа были из Банка вывезены, упорно отрицал самый факт сдачи их на хранение. Конечно, для него не составило большого труда убедить в этом Белэ и заставить его повторить эту ложь в Исполн. Комиссии. Это был очень рискованный шаг, который мог легко дискредитировать не только правление Банка, но и делегата Коммуны, так как комиссия имела в своих руках документальное подтверждение передачи бриллиантов Банку. Легко понять, какая участь могла бы постигнуть это учре-

[1]) Dauban, o. c., p. 182.

[2]) Ibid., l. c.

[3]) Ibid., p. 187.

[4]) Historique de l'incendie du ministère des finances par M. A. de Colmont, ancien chef de bureau au Ministère des Finances, Paris. 1882, p. 275 ss.

[5]) O. c., p. 288. „On doit savoir gré à quelques uns d'entre eux des efforts inouis qu'ils ont, du faire pour ne pas décréter les mesures déplorables qui leurs étaient journellement démandés“.

ждение, если бы Коммуна пожелала действовать сколько-нибудь решительно и если бы не выяснилось, что бриллианты были вывезены из Парижа еще до осады. В словах Амуру, выступившего в комиссии по делу о бриллиантах, содержится прямая угроза по адресу Банка. «Необходимо, сказал он, занять Банк вооруженными силами, ибо он стал на явно враждебную нам и реакционную позицию; он весь заражен монархизмом; это вызывает неудовольствие республиканской части населения. Банк не имеет права уклоняться, под пустым предлогом, от подчинения законам. Так как он не желает подчиниться, то мы его займем и будем управлять им» [1]).

Недаром де-Плек говорил впоследствии, что 13 апреля был для него „днем очень большой опасности“ [2]). Вражда „республиканской“,—правильней было бы сказать — пролетарской, части населения Парижа по отношению к Франц. Банку в заявлении Амуру прорвалась, наконец, наружу. Но Коммуна пока еще не поддавалась подобным настроениям, как это видно из письма Делеклюза от 13 апреля с директивами финансовой делегации, письма, в котором влияние Белэ чувствуется еще очень сильно:

Исполнительная комиссия

13 апреля

Граждане финансовые делегаты!

«Исполнительная Комиссия, заслушав доклад гр. Белэ, считает, что прежде чем применить по отношению к Банку какие-нибудь репрессивные меры, было бы удобнее, чтобы упомянутый гражданин Белэ предпринял шаги, с целью добиться мирным путем выдачи бриллиантов короны, и только в случае неуспеха применить силу...

Комиссия просит вас видеть в этих указаниях только желание сохранить неприкосновенными связи между Коммуной и финансовым учреждением, которое нам было и будет еще полезно».

Таким образом, если сопоставить это письмо с речью Амуру, то противоположность двух точек зрения—одной, разделяемой революционным пролетариатом, и другой, господствующей в Коммуне,— выступает особенно сильно. Не менее резко эта противоположность сказалась позже в инциденте с парижской газовой компанией. 21 апреля батальон нац. гвардии (208-й, из Менильмонтана, рабочего предместья Парижа) произвел обыск оружия в конторах газовой компании и конфисковал ее кассу—183,210 фр., которые были немедленно переданы Коммуне. Последняя, однако, отнеслась отрицательно к этому покушению на „частную“ собственность и вернула деньги по принадлежности [3]). Если верить Видье [4]), Коммуна отказалась от этих денег только потому, что они должны были будто бы пойти на уплату жалованья рабочим газового завода; но об‘яснение реакционного

---

1) Du Camp, o. c., III, p. 267.

2) Enquête parl., p. 393: „Le 13 avril fut un jour de très grand péril“.

3) Du Camp, o. c., III, p. 278.

4) Vidieu, Histoire de la Commune, Paris 1871, p. 309.

автора, прибегающего на каждом шагу к грубейшим передержкам, не заслуживает и здесь ни малейшего доверия. Поступок Коммуны находится в полном соответствии со всей ее политикой по отношению к собственности учреждений, не принадлежащих государству. Конфискация кассы газовой компании требовала a fortiori конфискации кассы Французского Банка. Отказываясь сделать и то и другое — притом из принципиальных соображений, а не по причине нецелесообразности конфискации, — Коммуна оказывалась ниже революционного сознания выдвинувшей ее массы.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим попытку захвата Франц. Банка, которая была сделана 12 мая по инициативе, вероятно, Комиссии Общ. Безопасности. В этот день тот же 208-й батальон, но подкрепленный отрядами «Мстителей Флуранса» и «Гарибальдийцев», окружил здание Банка, занял все его выходы и прекратил движение на прилегающих улицах. Эта операция, повидимому, имевшая целью изолировать Банк и воспрепятствовать его обращению за помощью к Коммуне, производит впечатление подготовки к осуществлению тщательно и во всех деталях задуманного плана. Руководивший ею комиссар Общ. Безопасности Лемусси заявил встревоженной администрации Банка, что он имеет полномочие произвести обыск во всех помещениях, и потребовал, чтобы сопровождавшим его отрядам был открыт в них доступ. Что речь здесь шла не об одном только обыске, нетрудно было догадаться: Лемусси не мог удовлетворительно об'яснить, зачем ему нужно было стянуть к Банку столь значительные вооруженные силы для выполнения этого поручения. Когда ему было затем предложено осмотреть все помещения в сопровождении одного Белэ, он решительно отказался. Очевидно, его задача заключалась в том, чтобы ввести, под предлогом обыска, нац. гвардейцев внутрь Банка, после чего их нетрудно было бы там и оставить. Коммуна, поставленная перед совершившимся фактом, вряд ли нашла бы после этого возможным удалить оттуда свои отряды, так как ее большинство обнаруживало в это время склонность к самым решительным действиям, а Комитет Общественного Спасения, от имени которого была сделана эта попытка захватить Банк, и подавно не отказался бы ее санкционировать. Когда выяснилась неудача предприятия 12 мая, Комитет, правда, заявил, что он к этому делу не имел никакого отношения; но это был, несомненно, чисто дипломатический шаг, ничего не говорящий о том, как отнесся бы Комитет к захвату Банка, если бы таковой произошел. Письмо Груссэ от 11 мая, которое небезынтересно здесь привести, свидетельствует скорее о том, что среди «крайних» членов Коммуны тенденция к репрессиям против Банка сказывается уже очень сильно:

Комиссия внешних сношений военному министерству

Париж, 11 мая 1871 г.

«Французский Банк, внутренняя первоклассная стратегическая позиция, все время, начиная с 18 марта, продолжает быть занятым 12-м батальоном (составленным из служащих); он заключает в себе тайный

склад скорострельного оружия, полученного в обмен на пистонные ружья от дезертиров, которым угрожал обыск. Можно утверждать, что Банк представляет собою настоящий генеральный штаб внутренней реакции и сборный пункт для бесчисленных версальских агентов, которыми кишит Париж» [1]).

Таким образом, накануне 12 мая военное командование получает— в слегка скрытой форме—предложение занять Банк. Если принять во внимание, что в деле 12 мая участвовало по крайней мере четыре батальона [2]), которые вряд ли могли находиться в распоряжении Комитета О. С., а тем более Комиссии Общ. Безопасности, то можно думать, что в военном министерстве сделали из письма соответствующие выводы. Во всяком случае мы в праве утверждать, что удар по Банку, а вместе с тем и по защищавшему его умеренному «меньшинству» предполагалось нанести после известной подготовки, в которой принимали участие ответственные деятели Коммуны. Но именно потому, что сторонники захвата Банка предпочли действовать путем своего рода заговора против «меньшинства» и не рискнули выступить с открытым предложением в самой Коммуне, вся эта затея провалилась. Странный характер всего этого предприятия, которое представляется в виде заговора или сговора отдельных лиц и даже комиссии против умеренной финансовой делегации, об'ясняется сложной обстановкой внутренних раздоров в самой Коммуне, борьбой между двумя ее важнейшими группировками, протекавшей крайне болезненно и бурно, потому что господствующее «большинство» сознавало необходимость сохранения, перед надвигающейся военной катастрофой, внешнего единства революционной власти.

С этой точки зрения становятся понятными и некоторые частности изложенного здесь события. Прежде всего, не случайно, что для обыска в Банке был выбран день, когда Белэ, перенесший накануне тяжелую операцию, лежал больной в постели. Вызванный срочной запиской де-Плека он тем не менее явился и, после бурных об'яснений с Лемусси и с командирами батальонов, настоял на их удалении из округа Банка. Ему удалось этого добиться потому, что он действовал, как официальный представитель власти, авторитету которого Лемусси не мог противопоставить каких-либо определенных и более широких полномочий. В ответ на заявление комиссара О. Б., что он должен произвести обыск по поручению Коммуны, Белэ имел формальное право воскликнуть: «Здесь я представляю Коммуну»! После этого Лемусси, который не получил никаких дальнейших указаний от своего начальства, принужден был увести свои отряды, но и Белэ сделал вполне логический вывод из создавшегося положения, когда немедленно послал Коммуне свою отставку.

Приняв отставку своего делегата, Коммуна подтвердила бы решение завладеть Банком; сохранив полномочия Белэ, она должна была бы вынести

---

[1]) Цит. Дю-Каном, ук. соч., т. III, стр. 315 сл. Дю-Кан утверждает, что держал это письмо в своих руках; у нас здесь нет оснований заподозрить его в сочинительстве.

[2]) Там же, стр. 323 сл.; ср. Enquête parlem, l. c.; Lanjolley et Carrier, Histoire de la révolution du 18 mars, стр. 460 сл; Lucien le Chevalier, La Commune de 1871, стр. 135 сл.

порицание или даже наказать людей, виновных в действиях против Банка помимо ведома полномочного делегата при этом учреждении. Коммуна сохранила Белэ; но не дала ему ни малейшего удовлетворения, не распорядилась даже произвести расследование о событиях 12 мая [1]. Вся нелогичность такого поведения целиком вытекает из упомянутой выше сложной политической обстановки и нежелания дать новую пищу внутренним разногласиям. Впрочем, как раз в это время борьба между «большинством» и «меньшинством» достигла максимального напряжения, и пленум Коммуны между 12 и 18 мая фактически не созывался. А в лихорадочной атмосфере последних дней такие эпизоды, как неудавшийся захват Банка, быстро стирались и исчезали под давлением все новых неудач, приближавших трагическую развязку.

В заключение заслуживает быть отмеченным еще один факт, отчасти раз'ясняющий, как мне кажется, причины выступления 12 мая. Через два часа после того, как удалились батальоны, окружавшие Банк, туда явился Журд и потребовал у де-Плека, чтобы он согласился предоставить нац. гвардии по крайней мере несение внешней караульной службы в Банке. Нужно знать Журда, его преклонение перед «важнейшим кредитным учреждением Франции», чтобы понять, что он решился на этот шаг, да еще без предварительного соглашения с Белэ, под влиянием чьего-то постороннего давления. Ему нужно было, во что бы то ни стало, добиться от де-Плека хотя бы минимальной, чисто внешней уступки, которая помогла бы ему хоть немного разрядить атмосферу вражды и ненависти революционных кругов по отношению к Банку и, может быть, спасти престиж органов власти, замешанных в деле 12 мая. Ему не удалось это посредничество, т. к. он не разделял настроения революционных масс и упорно стоял на точке зрения необходимости охранять нейтралитет Банка. Он отступил перед доводами де-Плека, как ранее Коммуна и К. О. С. отступили перед доводами Белэ: у них не было той твердой уверенности в целесообразности захвата Банка, которая—в неоформленном виде—имелась у борющегося парижского пролетариата.

Нам нужно теперь выяснить, каковы же были эти доводы и почему они производили столь сильное влияние на представителей революционной власти, мало искушенных в вопросах финансовой политики. Вот как приблизительно формулировал Белэ свои доводы в пользу сохранения неприкосновенности Французского Банка.

«Захват Банка не может повысить шансы Коммуны на успех; наоборот, этот поступок может сильно ей повредить. В первый момент овладение Банком нанесет страшный удар версальскому правительству, Коммуне, всей стране, кредиту Франции и деловому миру, связывающему в настоящее время все народы в одно неразрывное целое. Но немедленно вслед за этим первым потрясением против кого обратится акт насилия и сполиации?... Только против Коммуны и Парижа. Ибо при известии о

[1] Белэ, несмотря на это, не настоял на своей отставке, так как де-Плёк и ряд других заинтересованных лиц из финансовой буржуазии убедили его остаться на посту защитника Банка.

захвате Банка Версаль аннулирует банкноты и выпустит другие, с другим рисунком; об этом будут немедленно оповещены Франция и весь мир; кредит и положение Банка не поколеблются, так как его наличность находится вне Парижа. А что выиграет от всего этого Коммуна? Получит на 50 миллионов обесцененных бумажек, на которые нельзя будет купить и фунта хлеба» [1].

И наконец, как ultima ratio, соображения морального характера:

«Недопустима борьба с реакцией при помощи средств, которые могли бы дискредитировать дело пролетариата в глазах всего человечества. Как? В тот момент, когда четвертое сословие впервые в истории делает решительный шаг вперед, в тот момент, когда пролетариат организует правительство и заставляет услышать свой голос, он начнет с того, что скажет врагу:» «В ознаменование моего возвышения я ограблю тебя на 3 или 4 миллиарда». Как! Реакционеры вот уже полвека обвиняют социалистов в том, что они воры и грабители, и Коммуна подтвердит это обвинение, начав свою деятельность экспроприацией государственного и частного капитала на сумму в три миллиарда!» [2].

Нам теперь нетрудно доказать всю недобросовестность этой казуистической аргументации. Начав с того, что захват Банка подорвал бы его кредит, вместе с ним и благосостояние Франции, которая погибла бы под двойным бременем военного поражения и финансового банкротства, он затем, не смущаясь, заявляет, что кредит Банка поколебать невозможно, т. к. его главные ценности находятся вне Парижа. Указав, что Коммуна нашла бы в кладовых Банка только 50 миллионов банкнотами, он говорит далее о трех или четырех миллиардах. Ссылаясь на свои глубокие финансовые познания, он с уверенностью заявляет, что Версаль может аннулировать одни банкноты и выпустить другие, забывая: 1) что банкноты Нац. Собрания ничем не были бы обеспечены, ибо почти все обеспечение в векселях и ценных бумагах находилось в Париже, и что 2) физически невозможно из'ять из обращения во Франции и за границей несколько десятков миллионов билетов и заменить их новыми [3].

Один пункт в этой аргументации должен был однако оказать решающее действие на членов Коммуны: вопрос об отношениях с буржуазией был здесь поставлен ребром. Либо захват Банка—и тогда разрыв со всеми ее, даже левыми, радикальными элементами и со всем «миром деловых отношений», либо нейтралитет, даже поддержка этих элементов,—но тогда неприкосновенность Банка и других кредитных учреждений [4].

---

[1]) Beslay, La vérité sur la Commune, p. 80 ss.

[2]) Ibid., p. 109.

[3]) Compte-rendu de la Banque de France, p. 12, дает для декабря 1871 г. следующие цифры: 68.031.360 банкнот на сумму в 2.858.619.270 фр.; в апреле—мае того же года бумажная масса была в полтора раза меньше.

[4]) Журд несколько погрешает против истины, когда приписывает одному себе заслугу спасения кредитных учреждений Парижа. „Я не хотел, заявил он пред военным судом, чтобы производили реквизиции или потревожили хотя бы один банкирский дом, хотя бы одно кредитное общество, одно учреждение частного характера"... См. Кольмон, ук. соч., стр. 209.

Коммуна стала на второй путь. Как здесь было уже неоднократно отмечено, она не хотела разрыва с широкими слоями мелкой и средней буржуазии, а, наоборот, стремилась привлечь их на свою сторону, демонстрируя на каждом шагу свою заботливость об их интересах [1]). И этой политики—мы не будем здесь входить в ее оценку с точки зрения ее правильности или ошибочности—Коммуна придерживалась до конца своих дней. Поэтому и охранительная позиция Белэ была так сильна, несмотря на спорные или ошибочные моменты в его аргументации, несмотря на затруднительное финансовое положение Коммуны, несмотря на возраставшее неудовольствие рабочей массы, несмотря, наконец, на плохо скрытую враждебность Французского Банка по отношению к революционной власти.

Подытоживая результаты проделанной нами работы и сводя в одно целое все моменты, определявшие политику Коммуны по отношению к Французскому Банку, мы можем выставить следующие положения:

Коммуна имела возможность использовать Фр. Банк в двух отношениях: во-первых, как заложника против версальского правительства; во-вторых, как неисчерпаемый источник средств для субсидирования революции и гражданской войны. Первая цель могла быть достигнута вооруженным захватом Банка и прекращением всех его операций. Это означало бы полный разрыв с буржуазией, со всеми ее группировками. Пойти этим путем Коммуна не желала. Изолированная в Париже, отрезанная блокадой от всей Франции и остального мира, она не хотела расстаться с иллюзией, что благожелательный нейтралитет радикальной буржуазии в состоянии сказать решающее влияние на исход революционной борьбы. У нее не было—и по об'ективным причинам не могло быть—твердого убеждения в том, что парижский пролетариат сумеет добиться один, без всякого союзника, в атмосфере всеобщей вражды, хотя бы минимального успеха. Наконец, ей приходилось считаться с присутствием у самых ворот Парижа прусских штыков, которые в любой момент могли выйти из роли наблюдателей и реагировать самым неожиданным образом на захват Банка.

Но существовала другая возможность, которая, можно сказать, сама давалась Коммуне в руки. Она могла добиться от Банка самой широкой финансовой поддержки, которая позволила бы увеличить в десятки раз бюджет Журда, лучше организовать военные силы, развить агитационную работу, принудить к молчанию продажную прессу и к бездействию версальских шпионов... Производя энергичное и непрерывное давление на Банк, поставив под строжайший контроль своих финансовых органов все его операции, оборвав всякую связь его с Версалем, обезоружив батальон его служащих, арестовав его директора, как ставленника еще императорского правительства,—Коммуна добилась бы своей цели, не посягая на непри-

---

[1]) См., напр., Протоколы Коммуны: 1 заседание 1/III; зас. 4/IV, 6/IV, 9/IV; 2 заседание 12/IV; заседан. 13/IV, 14/IV; 1 заседание 15/IV, 17/IV и т. д. (в издании Буржена и Анрио).

косновенность этого «заповедного» учреждения и не вступая в конфликт с парижской буржуазией.

Казалось, что именно на этот путь Коммуна готова была ступить. Она не признала де-Плека, поставила во главе Банка своего делегата, наделила его самыми широкими полномочиями, ее Комиссия Общ. Безопасности пыталась неоднократно арестовать де-Плека. Если эти действия не достигли своей цели и если Банк успел, несмотря на свой «нейтралитет», выдать правительству Тьера за два месяца 257.790.000 фр. [1] для борьбы с Коммуной, в то время как последняя получила только 16 миллионов, то ближайшие причины этого следует искать в неудачной структуре правительственного механизма Коммуны, в независимости и бесконтрольности ее прудонистской финансовой комиссии и в предательской роли ее делегата при Банке [2]).

---

1) Du Camp. III, p. 296... „Pendant que la Commune harcelait la Banque de Paris pour lui soutirer quelques billets de mille francs, la Banque de France donnait des millions au gouvernement de la légalité... 257.630.000 francs furent versés par la Banque au trésor, qui les employa a l'oeuvre de la délivrance“.

2) Само собою разумеется, что, придавая значение личности Белэ, мы не должны затушевывать ту обстановку, в которой была возможна его деятельность, подобно тому, как указание на порочную структуру революционной власти не избавляет от необходимости искать „последних“ причин в социально-экономических предпосылках, обусловивших как эту структуру, так и ряд других обстоятельств, приведших к поражению парижского пролетариата.

К. П. Добролюбский

Термидорианская реакция

(Общественное настроение в Париже во время Термидорианской реакции по наблюдениям немцев-очевидцев) [1])

I.

9-е термидора II года французской республики (27-го июля 1794 г.), день падения Робеспьера, было поворотным пунктом в развитии французской революции: движение по линии восходящей сменилось движением по линии нисходящей. Парижские секции не поддержали Коммуну и Робеспьера против Конвента и тем способствовали победе коалиции части монтаньяров с умеренными[2]). Режим крайнего террора, сделавшийся угрожающим и для сторонников нового порядка вещей и ненужным после блестящих побед французских армий летом 1794 г., теперь, под влиянием общественного мнения, прекратился [3]); на политическую сцену снова выступили те слои населения, которые самоустранились или были устранены после падения монархии и при господстве якобинцев, т.-е. средняя и крупная буржуазия. Об'ективным результатом 9-го термидора была общественная и правительственная реакция; господствовавшие в Конвенте термидорианцы об'явили борьбу как террористам, так и роялистам, и подготовили торжество цензовой. буржуазной республики. Это время термидорианской реакции изучено значительно хуже, чем предшествующие этапы французской революции. Оно дает яркий пример теснейшей связи между реакцией и общественным настроением данного периода, и в этом отношении представляет большой интерес для изучения такой редкий и неиспользованный историками источник, как письма немцев-очевидцев из Парижа в 1795 г.

Передовые слои западно-европейского общества, противники старой аристократии и выразители интересов торгово-промышленной и мелкой буржуазии со вниманием следили за развитием французской революции и радовались ее успехам. В этом отношении особенно характерны приветственные адреса представителям революционной Франции от ряда реформистских обществ самой передовой по своему экономическому развитию

---

[1]) Frankreich im Jahr 1795. Aus den Briefen Deutscher Männer in Paris—Altona, 1795. I—III B, №№ 3—10.

[2]) G. Deville. Thermidor et Directoire. Histoire socialiste sous le dir. de J. Jaurès, t. V, pp. 1—7; о 9-ом термидора см. A. Savine et Fr. Bournard, Le 9. Thermidor, Paris 1907; Н. Кареев, Неизданные протоколы парижских секций 9-го термидора. П. 1914; он же. Роль парижских секций в перевороте 9-го термидора. П. 1914.

[3]) А. Олар. Политическая история французской революции, 2 изд. стр. 546—47. А. Сорель, Европа и французская революция, т. IV, П. 1892, стр. 91—92.

страны—Англии. Эти адреса, выражавшие сочувствие французской революции, радость по поводу «торжества свободы и разума над деспотизмом» и горячие пожелания успеха, посылались в 1790—93 гг. не только радикальными английскими обществами, как-то: «Лондонским обществом сношений» (London Corresponding Society) и «Обществом конституционных знаний» (Society for Constitutional Information), но и многими либеральными обществами, как, напр., «Лондонским революционным обществом» (London Revolution Society), некоторыми обществами вигов и «друзей народа» (Friends of the People)[4]). Такое же сочувственное отношение к французской революции наблюдается и в Германии; интерес к ней не исчез и в 1795 г. Там появляются журналы, специально посвященные французской революции. Так, напр., немецкий историк И. В. Архенгольц издал в 1795 г. в Гамбурге 2 тома: «Miscellen zur Geschichte des Tages», которые посвящены, главным образом, французской революции и являются преимущественно сборником материалов[5]). В единственной имеющейся там статье о характерных чертах французской революции[6]) последняя изображается, как непредвиденная, удивительная, невиданная и беспримерная в истории[7]). Автор статьи придает, как идеалист, преувеличенное значение идеям Руссо в качестве одной из причин революции[8]) и, развивая мысли Руссо, приходит к выводу, что нельзя ставить главной целью общества свободное пользование частной собственностью; наивысшее развитие способностей человека является конечной целью общества; может ли наличность частной собственности служить средством для этой возвышенной цели,—это другой вопрос; во всяком случае средство не должно превращаться в цель[9]). Считая человеческую природу способной к бесконечному усовершенствованию, он полагает, что опыта истории недостаточно для того, чтобы судить о возможностях будущего[10]). До сих пор не было свободного общества, которое поставило бы своей задачей провести в жизнь права человека, а теперь в принципах французской революции мы видим «зарю свободы»[11]).

---

4) См. тексты некоторых адресов—G. Veitch, The Genesis of Parliamentary Reform, London, 1913, pp. 352—65. Ж. Жорес, История Великой Французской Революции, Т. III, Конвент, в. 1., М. 1923, стр. 153—60: ср. в. II. Социально-политические идеи Европы и революция, М. 1923; G. Gouch. Europe and French Revolution, Cambridge, Modern History, v. VIII, 1904, pp. 755, 760 и др.; К. Добролюбский, Английский радикализм и борьба за парламентскую реформу, Сб. „Посев", Одесса, 1921, стр. 168—72.

5) В частности там помещены — переписка Камилля Демулена с генералом Артуром Диллоном (Miscellen zur Geschichte des Tages, hrgb. v. J. W. Archenholz, Hamburg, 1795,1 в., стр. 77—141), речь Сен-Жюста в Конвенте 9-го термидора (ibid, S. 290 — 323; ср. Bouchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, t. 34, pp. 6—20: в Moniteur'e ее нет), „Бегство жирондистов" Луве (ibid, 11 в. S. 1—384) и последняя речь Робеспьера в Конвенте 8-го Термидора по манускрипту, найденному в его бумагах (ibid, 11 в. 2 Th., S. 1—102; ср. Bouchez et Roux, t. 33, pp. 406—449; в Moniteur'e также нет).

6) Ibid., II B., S. 254—90.

7) Ibid., S. 258.

8) Ibid., S. 258—61 и др.

9) Ibid., II B. S. 278—79.

10) Ibid., S. 255.

11) Ibid., S. 265.

Создание первичных собраний конституцией 1793 г. разрешило, по мнению автора, вопрос о введении демократии в большом по своей территории государстве [12]). На жестокостях, совершенных во время революции, он не останавливается, упомянув лишь, что они «свойственны всем революциям» [13]).

Для историка более интересен другой журнал: «Frankreich im Jahr 1795. Aus den Briefen Deutscher Männer in Paris», появившийся в Альтоне в 1795 г. в 3 томах и 12 выпусках. Он содержит в себе регулярные письма из Парижа нескольких корреспондентов об общественном настроении; выдержки из дневников немцев, бывавших тогда во Франции; ряд сообщений о мнениях и произведениях отдельных французских политических деятелей; иногда сокращенные протоколы заседаний Конвента, напр., от 1-го прериаля 1795 г.[14]); отрывки из некоторых мемуаров, напр., m-me Ролан: «Обращение к беспристрастному потомству» (Appel à l'impartiale postérité [15]); иногда отдельные статьи из газет [16]); наконец, небольшие сообщения о театральных пьесах и представлениях, о новых книгах с краткой характеристикой их [17]) и о новых песнях, иной раз с приложением музыки [18]).

Весь этот материал корреспонденты журнала собирали в Париже и посылали его издателю. Так, один из корреспондентов в письме к издателю от 20 февраля 1795 г. сообщает ему, что он собрал для него 143 небольших произведения, касающихся падения Робеспьера и «ужасных» якобинцев, 14 вещиц относительно «хвоста» Робеспьера, а послал ему последнюю речь, произнесенную Робеспьером накануне своего падения, т.-е. 8-го термидора 1794 г. [19]).

Для нас наибольший интерес в журнале представляют письма и сообщения самих корреспондентов об общественном настроении в Париже в последний год существования Конвента, особенно с весны 1795 г. Это было время кризиса господства термидорианцев. В течение полугода произошло три движения, направленные против термидорианского Конвента: народных масс предместий 12 жерминаля (1/IV) и в начале прериаля (в 20 числах мая) и большинства парижских секций, ставших антидемократическими, 13-го вандемьера (5/X).

---

[12]) Ibid., S. 281—287.

[13]) Ibid., S. 289.

[14]) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5. S. 38—62, ср. Moniteur, 1795, №№ 244—46 от 23—25/V или Bouchez et Roux, t. 36, pp. 314—66.

[15]) Ibid., II B. № 5, S. 71—82; № 6, S. 159—70; № 7, S. 246—61.

[16]) Напр., статья Trouvé из Moniteur'a от 5/IX 1795 (№ 349) относительно провозглашения Людовика XVIII себя королем (Ibid., II B., № 7, S. 262—65).

[17]) Напр., P. F. Réal, Essai sur les journées des treize et quatorze Vendemiaire; произведение названо „превосходным" (Ibid., III B., № 10, S. 179).

[18]) Напр., гимн 9-го термидора. М.-Ж. Шенье (Ibid., II B., № 6. S. 191—92 и музыка) и гимн Высшему Существу De Th. Desorgues (ibid., III B. № 10, S. 191—92 и музыка). Ср. J. Tiersot, Les fêtes et les chants de la Révolution française, Paris, 1908, pp. 144—50, 222, 286—305 и др.

[19]) Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3, S. 195—96. Помещаемые в журнале вещицы сопровождаются иногда небольшими примечаниями корреспондентов или издателя. Названная речь Робеспьера напечатана в II т. „Miscellen zur Geschichte des Tages", hrsgb. v. J. Archenholz, Hamburg, 1795.

Для изучения общественных настроений в Париже во время термидорианской реакции основным источником являются полицейские донесения и отчасти газетный материал, изданные А. Оларом[20]). Важность, сравнительно большая об'ективность и точность этих донесений агентов наблюдения высоко оцениваются как А. Оларом[21]), так и теми немногими историками, которые частично использовали этот материал: Г. Девиллем в его работе о Термидоре и Директории[22]), Е. Тарле, описавшим настроение рабочих в конце Конвента и при Директории, главным образом, на основании этого источника[23]), и Н. Кареевым, затронувшим полицейские донесения при рассмотрении вопроса о роялистических настроениях и агитации роялистов перед 13-м вандемьера 1795 г.[24]).

Представляет теперь особый интерес сопоставить наблюдения живших тогда в Париже немцев, не ослепленных предубеждением и ненавистью к революции и к французской республике, с донесениями специальных правительственных агентов наблюдения. Что же касается мемуаров, то они, помимо чрезмерной суб'ективности и пристрастия, часто содержат, будучи написаны позднее, массу ошибок памяти. Их можно лишь отчасти принимать во внимание при сопоставлении или недостаточности других более об'ективных и точных показаний.

Все корреспонденты дружественно расположены к Франции, к революции и к Конвенту и симпатизируют более умеренным республиканцам, стремившимся к утверждению во Франции буржуазной республики. Один из них (подписывается Г.) прямо причисляет себя «к горячим друзьям и защитникам парижского народа»[25]). Он же полагает, что «Французская Революция не является делом умышленного произвола, что она была неизбежна (unvermeidlich) и что она с самого начала стремилась к возвышенной цели»[26]). Этот корреспондент впечатлителен, как парижанин. Начиная свое письмо от 27/V 1795 г. о прериальском восстании, он пишет издателю: «Наконец, я имею достаточно покоя в себе и вокруг себя, чтобы собраться с мыслями и сказать тебе, в каком потоке событий я кружился последние дни. Никогда я не чувствовал более живо, как сильно личное участие в крупных событиях поднимает внутреннее чувство бытия, как крупные внешние движения сообщаются внутреннему человеку, возбуждают его способности и поднимают его над своим маленьким я, которое в обыкновенной жизни так

---

[20]) A. Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire, I—V. Paris, 1898—1902.

[21]) Ibid., t. I, Introduction, pp. I, VIII—IX; А. Олар, „Термидорская реакция в Париже". Очерки и лекции по истории Французской Революции. П. 1908, стр. 321—23.

[22]) G. Deville, Thermidor et le Directoire, Histoire socialiste, v. V, p. 32 и др.

[23]) Е. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. II, П. 1911, стр. 39, 464—67, 473, 477—82 и др.

[24]) Н. Кареев, Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула, Харьков, 1914, стр. 238—41); он же, Борьба парижских секций против декретов 5-го и 13-го фруктидора III г. (Ж. М. Н. Пр., 1915 г. март, стр. 222—23).

[25]) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5, S. 25

[26]) Ibid., I B., № 4, S. 331.

легко становится предметом нашей исключительной заботы. Еще бушует горячая жизнь во всех моих членах, и мне кажется, что я удалился от мира, усевшись тут спокойно, чтобы рассказать, что только-что произошло здесь в моем новом отечестве» [27]). Накануне 1-го прериаля корреспондент замешался в шумную толпу женщин, а 1-го прериаля «хитростью и обманом» постарался попасть на заседание Конвента [28]).

Он сознает различие между большим, бурным и революционным Парижем и небольшими, спокойными немецкими городками, для жителей которых предназначены его корреспонденции: «Из этого вы, почтенные, спокойные немецкие бюргеры, узнающие на одном конце города через два часа после родов неизвестной вам женщины на другом конце города, родился ли мальчик или девочка, и определенно знающие при каждом башенном звоне, о каком незнакомом умершем идет дело,—вы можете из этого видеть, как мало вы в состоянии судить о французских и особенно парижских происшествиях среди ваших спокойных четырех стен... Только не забывайте также, что всякий хорошо обоснованный надлежащий покой в мире покупается ценой многократных волнений и что совершенно бездеятельный покой ведет к тлению» [29]).

Другой корреспондент (подписывается L.) считает, что умеренная республика удержится во Франции, что ее будет защищать большинство собственников и что энтузиазм свободы у молодежи не ослабел [30]). «Я знаю,—говорит он еще в другом письме от 11/IX 1795 г.,—что действие первой революции, бывшей неопровержимо делом общественного мнения, должно остаться и что настоящая контр-революция в интересах дворянства и духовной иерархии является настоящей бессмыслицей (ein wahres Unding)» [31]). Этому же корреспонденту принадлежит едкая характеристика «хорошего общества» Парижа [32]).

Третий корреспондент с презрением относится к сторонникам старого правительства с его «мерзкими злоупотреблениями». Считая роялистов не опасными для республиканцев в серьезной борьбе, он говорит, что «одна эта мысль может утешить тех, кто на алтаре гражданской свободы поклялся в вечной ненависти к королевскому деспотизму и аристократии». Свои надежды он возлагает на мужественных республиканцев: «Их дело победит,—восклицает он,—должно победить, или Франция и вся культурная Европа погибнут» [33]). Он возмущается ложью, которую приверженцы старого режима распространяют в Европе о французской революции и республике [34]).

Четвертый корреспондент настроен республикански и антироялистически, ищет знакомства с знаменитым английским радикалом и членом

---

[27]) Ibid., II B., № 5, S. 19..
[28]) Ibid., II B., № 5, S. 21.
[29]) Ibid., II B., № 5, S. 33.
[30]) Ibid., II B., № 5, S. 93.
[31]) Ibid., II B., № 7, S. 378.
[32]) Ibid., II B., № 7, S. 268—71; № 8, S. 258—59 и д.
[33]) Ibid., III B., № 9, S. 7—19.
[34]) Ibid., III B., № 9, S. 19.

французского Конвента Т. Пэном и знаком с известными умеренными республиканцами—Мерсье и Луве [35]).

При изображении термидорианской реакции немецкие корреспонденты останавливаются главным образом на общей характеристике реакции, на настроениях отдельных общественных слоев и партий, особенно «хорошего общества» и роялистов, и на последних трех движениях против Конвента в 1795 году.

II

Тон общественной реакции против террора после 9-го термидора задавало «хорошее общество». Один из корреспондентов дает следующую резкую характеристику действий этого общества за период времени после 9-го термидора — II г. (27/VII—1794) и кончая 13-м вандемьера IV г. (5/X—1795):

«Оно запятнало себя своими интригами, своим корыстолюбием, своим презрением ко всему, что не является деньгами или не имеет ценности денег, и вообще всем своим поведением во время первых годов революции. При господстве террора, неистовство которого оно, главным образом, возбудило, оно больше всего подвергалось его преследованиям; следовательно, больше всего в его пользу должна была быть также и реакция, явившаяся следствием неожиданного падения тирана». Вместо того, чтобы «давать остальным гражданам пример умеренности, уважения к закону и власти», представители «хорошего общества» «предпринимали смешные походы против террористов, устраивали шумные выступления в театрах, нарушали общественное спокойствие глупыми воинственными песнями, отличали себя по цвету отворотов (платья) и по форме своих косичек, возбуждали умы постоянными криками об убийствах и мести, делали сами или через посредство наемных писателей самые грубые выпады против правительства, которое дружественно протянуло им руку, взяли под свою защиту массу опозоренных плутов, которые, после того как продавались всем партиям, теперь были оплачены дороже за то, что надели на себя маску роялизма; одним словом, они действовали так, как будто они задались специальною целью сделать себя ненавистными для одной части граждан и презренными для большей части» [36]).

Эта характеристика соответствует тому, что рисуют нам полицейские донесения и газеты, которые пестрят сообщениями о выступлениях этих анти-якобинцев [37]). Подвиги тогдашней «золотой молодежи» (la jeunesse dorée) неоднократно описывались и историками [38]). Молодые люди (les

---

[35]) Ibid, III B., № 9, S. 87, 89—91; № 10. S. 135, 146—47.

[36]) Ibid, II B., № 8, S. 358—59.

[37]) Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, v. I., pp. 90, 92, 95, 106—7, 157, 168—69, 181, 183, 248 и др., 413—15, 421—22, 476, 542, 560, 587—88, 591—92, 593—95, 596, 687, 704 и др. Bouchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. 36, pp. 78—82, 213—17, 220—22.

[38]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française, t. 11. Paris, 1869. pp. 271, 274—76; t. 12., pp. 43—44, 172—73; Barante, Histoire de la Convention Nationale, v. V, P. 1853, pp. 156—61, 229—33 и др. J. Claretie, Les derniers montagnars. P. 1867, pp. 13—15,

jeunes gens), уклонившиеся от воинской повиннности, мюскадены (les muscadins) и щеголи (incroyables), как их называли, в зеленых и черных колетах и с завернутыми кверху косичками, нападали на революционно настроенных рабочих, палками разгоняли собиравшихся в садах, врывались в кафэ, где собирались якобинцы, и избивали последних, сжигали якобинские газеты, вызвали своими насилиями закрытие клуба якобинцев, устраивали балы жертв гильотины и распевали «Пробуждение народа», эту марсельезу реакции. Песня направлена против «террористов, кровопийц. убийц и душителей»; распевалась она во всех общественных местах: в театрах, в садах и даже на трибунах в самом Конвенте перед открытием заседаний [39]).

«Эту молодежь,—пишет о подвигах ее роялист Лакретель младший в своих воспоминаниях о революции,—называли золотой, потому что она носила сюртук вместо карманьолы, шляпу вместо красного колпака; ее оружие не имело ничего благородного, но по крайней мере ничего смертоносного: это была трость. Но мы маршировали под звуки одной песни, слишком способной возбудить ужас: это было «Пробуждение народа»... Толпа почти уже не увеличивала ряды тех, которых мы называли террористами, но не следовало дать ей время притти поддержать их своей армией пик. Как только вечером образовывалась группа, слышно было, как ревели «Пробуждение народа»...; потом следовала атака палочными ударами, которые почти всегда оканчивались скорым рассеянием наших врагов. Вышло так, что в течение двух - или трехмесячной кампании мы не оставили Национальному Конвенту никакой свиты, кроме нашей; мы сделались в свою очередь народом трибун, т.-е. тем, что называли суверенным народом; публичным диктатором во всех театрах, оракулами всех кафэ, ораторами всех секций и странными магистратами общественного мнения; мы без стеснения давали самим себе этот столь пышный титул; наконец, мы выгнали из того клуба, который вызывал лихорадочную дрожь у всех королей, якобинцев, и притом не без некоторых насилий и оскорблений, и мы же вынесли бога Марата из Пантеона, чтобы бросить его в сточную канаву» [40]).

Республиканские обычаи стали выходить из моды. Поднимались споры о новом календаре; стало исчезать обращение на «ты»... [41]) «Ты исчезло

65—69; P. Lacroix, Directoire. Consulat et Empire. Moeurs et usages, 2 éd. P. 1885. pp. 48, 68—78, А. Олар. Термидорская реакция в Париже. Очерки и лекции, П. 1908, стр. 347—51; Е. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. II. П. 1911, стр. 493—94.

[39]) См. текст „Le Réveil du peuple"—Peltier. Paris pendant l'année 1795, Londres 1795, pp. 43—44; C. A. Dauban. Paris en 1794 et en 1795, P. 1859, pp. 559—60: Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. I., pp, 410—11. ср. ibid, pp. 637; t. II, pp. 32, 78, 80 82—85, 87—90. 92—94, 105, 110, 115, 124, 130, 133, 152, 197, 230, 238, 273—74, 279, 317; Barante, Histoire da la Convention Nationale, v. V. P. 1853, p.p. 234—36; J. Tiersot. Les fêtes et les chants de la Révolution française, P. 1908, pp. 197—99; Fr. Pages, Histoire secrète de la Révolution française, Paris, 1797, t. II, pp. 255—56.

[40]) M. Ch. Lacretelle, Dix années d'épreuves pendant la Révolution. Paris, 1842, pp. 199—200, ср. 203; S. Mercier, Paris pendant la Révolution, P. 1862, t. II, pp. 50, 206; Mémoires de R. Levasseur, Br. 1832, t. IV, p. 53—56.

[41]) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5, S. 92; . II B., ср. № 7, S. 207—13 (статья Лагарпа об обращении на „ты").

из разговора, пишет Vedette ou Gazette du jour от 31/XII 1794, и можно заметить, что оно не так часто встречается даже в эпистолярном стиле» [42]).

Можно еще добавить, что слова: «гражданин» и «гражданка» стали заменяться в обращении словами: «господин» и «госпожа» [43]). Бывали также случаи, когда дамы в общественных местах и артисты в театрах демонстративно отказывались носить кокарды [44]).

Нападки роялистического писателя Рише де-Серизи на просветительную философию XVIII в. встречали благосклонный прием: «Ведь также и философия вышла из моды, и сам Вольтер был бы дурно принят из-за своих философских взглядов у своих прежних парижских учеников, если бы не восстановил уважения к себе, благодаря многочисленным острым словечкам (bon-mots), которые во Франции никогда не могут выйти из моды» [45]).

Большинство газет и писателей от умеренно-демократических (Мерсье, Реаль и др.) до анти-демократических, анти-якобинских (Фрерон, Лакретель младший, Лагарп) и открыто-роялистических (Рише де-Серизи) защищали свободу прессы, которая фактически и установилась [46]). «Стремились прежде всего, читаем мы в одном письме от 10/IV 1795 г., безраздельно овладеть общественным мнением, снова дать ему надлежащее направление путем введения неограниченной свободы прессы, и все более подорвать значение якобинцев» [47]). Руководство общественным мнением исходило, по мнению одного из корреспондентов, от самого Конвента, который со времени 9-го термидора стремился «освободиться от всех чуждых влияний», «от господства парижских предместий», «всегда поддерживаемый общественным мнением, в то время, как кажется, что он следует за ним» [48]).

Масса становилась все более индифферентной в политическом отношении: «Вредное влияние трибун исчезло, и большинство граждан, которых теперь стремятся лишь вовлечь в движенье, решительно желает покоя и порядка» [49]). Полицейские донесения также подтверждают, что среди рабочих царили апатия и покорность. Заседания секций стали малочисленными [50]). «Между народом утра (le peuple du matin) и народном вечера (le peuple du soir) одна и та же политическая индифферентность», отмечает «Французский Курьер» (Courrier français) от 21-го августа 1795 г. [51]).

---

42) Aulard. Paris pendant la réaction thermidor, t. I. pp. 354—55; А. Олар, Обращение на „ты“ во время революции. Очерки и лекции по ист. франц. революции, II. 1908, стр. 318—19.

43) Aulard, Paris p. la réaction therm.. t. I, p. 371.

44) Ibid, t. I, pp. 364. 366 и др. 312. 491.

45) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 7, S. 270.

46) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 6, S. 102—21; ср. I B., № 3, S. 199; Bouchez et Roux. Histoire parlementaire, t. 36. pp. 46—47; Lacretelle, Dix années d'epreuves pendant la Révolution, P. 1842. p. 196.

47) Frankreich im Jahre 1795, I B.. № 3. S. 259.

48) Ibid, I B., № 3, S. 258, 260.

49) Ibid, I B., № 3, S. 266, ср. III B. № 9, S. 3—4. 5.

50) Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. I. pp. 313, 366; А. Олар, Термидорская реакция, Очерки и лекции, стр. 324—25; Е. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. II. II. 1911, стр. 492—93.

51) Aulard, Paris p. la réaction thermidorienne. t. II, 183.

О равнодушии народа к политике говорит и Ф. Буонаротти: «что же касается народа, обманувшегося в своих надеждах и введенного в заблуждение клеветой и глухими происками роялистов и иностранцев, то он покинул демократов и прозябал в глубоком безразличии, а часть народа даже обвиняла революцию в бесчисленных бедствиях, тяготевших над ним» [52]).

III

К весне 1795 г. положение Конвента стало особенно тяжелым, благодаря чрезвычайной нужде, царившей в Париже. Суровая зима 1795 г. была для парижан ужаснее предшествующей: они нестерпимо страдали от холода и голода. Все разговоры и помыслы их сосредоточивались на добывании с'естных припасов и топлива.

Полицейские донесения отмечают это изо дня в день. После отмены 24-го декабря 1794 г. закона о maximum'е с'естные припасы появились на рынке, но по своей дороговизне, при стремительном падении ценности ассигнаций, были недоступны для большинства. Конвент, отказавшись от насильственных мер, был бессилен помочь злу. Надежды, возлагавшиеся на него в этом отношении массами предместий, не оправдались. Начинался ропот против Конвента [53]).

26-го декабря 1794 г., через 2 дня после отмены закона о maximum'е, полиция доносит о задержании памфлета, который должен был выйти под заглавием: «Мы умрем от голода, мы умрем от холода» (nous mourrons de faim, nous mourrous de froid) [54]). В донесении полиции от 1-го января 1795 г. говорится, что жалобы на чрезвычайную дороговизну с'естных продуктов достигли до крайних пределов и могут вызвать волнения [55]). 3-го января 1795 г. «Сен-Реми сообщает, что он встретил в Сент-Антуанском предместье нескольких женщин, которые плакали, говоря о своей нужде. Везде он замечает чувство глубокого уныния; если настоящее ужасно, то еще более страшатся будущего» [56]). На следующий день снова доносят, что «чрезвычайная дороговизна с'естных припасов и недостаток топлива являются предметом почти всех разговоров» [57]).

Ропот на дороговизну усиливается особенно с марта. Нет почти дня, чтобы донесения полиции не отмечали его, как нечто обычное. Женщины,

[52]) Ф. Буонаротти, Гракх Бабеф и заговор равных, Л.-М. 1923, стр. 45.

[53]) Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3. S. 261; Aulard, Paris pend. la réaction thermidorienne, t. I, pp. 137, 148, 156, 212, 418, 482, 483, 490, 492, 495, 500, 505. 508, 514, 517 и др.

А. Олар, Термидорская реакция, Очерки и лекции, стр. 326—34; ср. G. Deville, Thermidor et Directoire, pp. 76—84; Chl. Gomel, Histoire financière de la Legislative et de la Convention v. II. Paris 1908, pp. 405—7 и др.; L. Blanc, Histoire de la Révolution française, t. XII, P. 1869, pp. 206—21; J. Claretie, Les derniers montagnards, P. 1867, pp. 11—13; Taine, La Révolution, v. II, 24 éd. 1904, pp. 301—312; Е. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции ч. II. Л. 1911. стр. 495—98.

[54]) Aulard. Paris pendant la réaction thermidorienne, t. I, p. 340.

[55]) Ibid I, p. 360.

[56]) Ibid, I, p. 363.

[57]) Ibid, I, p. 365.

доведенные до отчаяния, были в особенности возбуждены [58]). 21-го марта секции Сент-Антуанского предместья требуют от Конвента введения конституции 1793 г. и мер против голода [59]). Началась и агитация против Конвента. «Группы перед булочными, — говорится в письме от 10-го апреля 1795 г.,—давали подстрекателям возможность действовать на всю массу народа, без препятствия со стороны полиции. Их жалобы находили отклик даже у многих, которые до тех пор не имели ничего общего с якобинцами, но теперь, когда они должны были тратить целые часы, чтобы за большое количество денег купить себе ежедневный хлеб, они заразились неблагоприятным предубеждением по отношению к правительству» [60]).

О выступлении 12-го жерминаля (1/IV—1795 г.), бывшем только прелюдией к восстанию в начале прериаля, мы не находим в письмах особо интересных подробностей. Толпа из предместий, среди которой было очень много женщин, вторглась в Конвент с криками «хлеба»! Партия Горы в Конвенте надеялась, по мнению корреспондента, повторить выступление 31-го мая 1793 г., направленное против жирондистов, но скоро Конвент был очищен от толпы национальной гвардией при помощи некоторых зрителей в толпе [61]). Победа Конвента была достигнута почти без борьбы. Автор письма о 12-м жерминаля полагает, что Конвент допустил выступление, чтобы отделаться от остатков якобинцев в собственной среде [62]).

Больший интерес представляют суждения автора письма об ослеплении роялистов, надеявшихся использовать в своих интересах это движение, вызванное словом.

«Ослепленные роялисты, под которыми я разумею приверженцев старого порядка вещей, партию первых эмигрантов, проявили себя здесь деятельными, как они делали с начала революции при каждом народном восстании, и, быть может, никогда с большей надеждой на успех, как в этот раз». Раньше они стремились вызвать ненависть к крайностям революции, «но им еще не удавалось возбудить у простого народа желание, которое согласовалось бы с их намерениями. Теперь настроение казалось более благоприятным. В некоторых группах можно было слышать мнения, которые совсем не обнаруживали приверженности к республике. Об'единяющим пунктом или лозунгом не были более та или иная партия, а только ненависть и проклятия против Конвента. Если бы его уничтожить, то можно было бы надеяться, что голодная толпа охотно будет повторять:

---

58) Ibid, I, pp. 531, 533, 543, 552, 556—57, 560, 572, 576, 600, 602, 605—6, 610 615—16, 619, 622—23 и др.

59) Bouchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française. t. 36, pp. 238—40 и Moniteur от 24/III 1795.

60) Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3, S. 262.

61) Роялист Лакретель сообщает, что батальон золотой молодежи помог Конвенту освободиться от толпы (Lacretelle, Dix années d'epreuves pendant la Révolution, pp. 216—17, ср. Souvenirs de Ponticoulant, P. 1861, t. I, p. 350; Mémoires de R. Levasseur, Br. 1832; t. IV, p. 249; о заседании Конвента 12-го жерминаля см. Moniteur от 3—5 апреля 1795 г., или Bouchez et Roux, t. 36, pp. 262—300.

62) Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3, S. 258, 263—65; ср. C. Deville, Thermidor et Directoire, pp. 87—88.

«да здравствует король! он накормит свой народ» (vive le Roi! il nourrira son peuple).

Как будто судьба этой партии—до конца ослепляться относительно истинного положения вещей во Франции, всегда надеяться там, где они должны отчаиваться, и всякий раз поражаться вполне естественным результатом ее безрассудных и постоянно возобновляемых попыток. Как могла она разумным образом рассчитывать на то, чтобы при настоящих обстоятельствах какая-либо значительная масса народа об'явила себя за короля?». Голодную толпу, проклинающую Конвент, не успокоишь именем короля; скорее она бросится грабить богатых. Для более состоятельных классов народа об'единяющим центром может быть только Конвент, единственный существующий высший авторитет во Франции. Никто не знает, слыша крик: «да здравствует король!», идет ли речь о конституционном, более или менее ограниченном монархе, или нужно искать регента во Франции или вне ее, кто его назначит, как будет составлен Совет и т. д. «Вся Франция могла бы утонуть в крови и быть опустошенной от одного конца до другого многолетней гражданской войной, прежде чем вожди роялистов сговорились бы между собой относительно этих вопросов» [63])

Нужда не прекращалась и вызвала последнее народное восстание в Париже во время Французской Революции в первых числах прериаля III г. (20—24 мая 1795 г.). Что голод был причиной прериальского восстания, руководимого монтаньярами, это признается как полицейскими донесениями, газетами и современниками, не исключая и роялистов [64]), так и историками [65]). «Большинство (восставших) состояло очевидно из страдающих от голода, доведенных до ярости, благодаря все увеличивающейся нужде в хлебе и подстрекательствам второй партии (якобинцев)»,—пишет один из корреспондентов, очевидец восстания. Последнее не было неожиданным и подготовлялось на глазах: «Что большое восстание будет, было, конечно, задолго наперед известно» [66]). Об этом неоднократно доносили агенты полиции и писали газеты [67]).

Движение началось уже накануне 1-го прериаля. Вот как описывает корреспондент канун и утро этого народного восстания:—«Сильное движе-

---

[63]) Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3, S. 256—7; ср. Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne. t. I, pp. 357—58, 370. 407, 557. 560, 626. 631; Correspondanse inédite de Mallet pu Pan. Paris. 1884, I, pp. 157. 158—59, 171—72. 205—6, 221.

[64]) Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne. см. донесения между 12 жерминаля и 1 прериаля III г. I, pp. 647, 649, 650, 653—54, 656—57, 661, 666, 671, 672, 674. 679, 680, 681, 698, 703, 705, 723, 730 и др., mémoires de Barras, P. 1895, I, p. 227; M. Peltier, Paris pendant l'année 1795, Londres 1795, p. 233; ср. Ф. Буонаротти, Гракх Бабеф и заговор равных II.-М. 1923, стр. 33.

[65]) G. Deville, Thermidor et Directoire, pp. 90—94; А. Олар, Термидорская реакция. Очерки и лекции, стр. 328—30; L. Blanc, Histoire de la Révolution française, t. 12, 1869, pp. 222 и далее; J. Michlet, Histoire du XIX-e Siècle, P. 1875, p. 214; J. Claretie, Les derniers montagnards, P. 1867, pp. 137 и д.

[66]) Frankreich im Jahre, 1795, II B., № 5. S. 26.

[67]) Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. I, особ. pp. 650—51, 661, 679—80. 705 и примеч. 64, 54—58.

ние на улицах и площадях вечером 30 флореаля (19-го мая) уже ясно указывало на важные события следующего дня. Последний день декады был установлен, как день подачи петиций, и был избран для восстания против Конвента. Сильный дождь с грозой и молнией удерживал однако утром большинство по домам, но после полудня, когда он стих, толпа высыпала на улицы. Бесчисленные группы громко кричащих женщин совещались, как напасть на Конвент и добиться доставки хлеба. На улицах громко выкрикивали, что в шествии к Конвенту все женщины толпою пойдут впереди вооруженных мужчин и расчистят последним дорогу, потому что, конечно, ни один французский солдат или гражданин не станет стрелять в женщин.

«Крики о голоде, жалобы и проклятия барышникам, торговцам и менялам, которые попрежнему на улицах, на глазах голодной толпы, окруженные мешочками золота и серебра, занимались позорной спекуляцией, были раздирающими. Обезображенные голодом и бешенством, бледные, как трупы, женщины поднимали вверх своих плачущих детей и показывали их еще спокойно настроенным окружающим и прохожим, чтобы воспламенить у них подобную же ярость».

«Одна женщина, которая дрожала и кипела от ярости, держа одного ребенка на руках, а другого высоко за левую руку, крикнула мне прямо в лицо: «Эти дети, их отец и дед уже 3 дня не имели ни куска хлеба; на что мне рис? Я целый день бегала и нигде не нашла угля или дров, чтобы его сварить!» Младший ребенок, действительно, жевал в одной пригоршне невареный рис; другой кричал из-за своей руки, которую мать в бешенстве сжимала и трясла»... Один из агитаторов кричал при бурном одобрении толпы, что кто завтра утром не будет носить на шляпе надписи: «хлеба и демократической конституции 1793 г.» (du pain et la constitution démocratique de 1793), тот будет считаться врагом народа и одним из тех, которые морят его голодом».

Шум на улицах продолжался всю ночь. С утра был слышен набат в предместьях Антуанском и Марсо. В 8 часов забили сбор во всех секциях. Все устремились к оружию [68]).

Самое заседание Конвента 1-го прериаля, на которое корреспонденту удалось попасть с большим трудом, при помощи хитрости и обмана, он не описывает, отсылая к обстоятельному отчету Moniteur'а [69]) и останавливаясь сам главным образом на убийстве депутата Феро [70]).

---

68) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5, S. 19—21.

69) Корреспондент сообщает, что такие газеты, как Moniteur, имеют 6—8 человек в ложе журналистов, которые стремятся отметить имена, речи и действия членов Конвента, поведение трибун и все происшествия в заседании: редактор же из этих отдельных записей составляет общую сводку (ibid, II B., S. 21—22). См. о заседании 1-го прериаля Moniteur от 23—25 мая 1795 г. или Bouchez et Roux, t. 36, pp. 314—66.

70) Корреспондент, возмущаясь позорным убийством Férraud, указывает, с одной стороны, на мужественное поведение этого депутата, защитившего своим телом председателя собрания Буасси д'Англа, а с другой, склонен приписать убийство кому-либо из продажного сброда иностранцев, об'ясняя попустительство народа тем, что он веками жил под игом деспотизма (Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5, S. 23—25, 28). Не имея возможности, за недостатком места, останавливаться здесь на деталях этого убийства, отмечу лишь, что

По мнению корреспондента, у восстания не было ни плана, ни определенной цели. Подавлено было оно благодаря линейным войскам, принудившим предместья сдаться угрозой бомбардировки. Во время борьбы бульвары были полны хорошо одетыми мужчинами и дамами, которые справлялись у прохожих о новостях, как мы расспрашиваем путешественника о Турции и Китае [71]). Корреспондент считает «вероятным мнение тех сведущих людей, которые полагают, что руководящие члены Конвента, если и не способствовали восстанию, то, по крайней мере, допустили его развиться до известного предела с тем, чтобы остающиеся еще в Конвенте террористы могли проявить себя во всем свете и Конвент получил нужный предлог совершенно освободиться от них; также, чтобы воспользоваться случаем отнять у секций их пушки и лишить их этим их силы» [72]).

IV

Письма немцев из Парижа после прериальского восстания и кончая восстанием 13-го вандемьера наполнены преимущественно рассуждениями об интригах «хорошего общества» против Конвента и о снисходительном отношении его к роялизму. В № 5 журнала помещено специальное письмо об общественном мнении в Париже, где корреспондент (L) делает возражения и вносит поправки к рассказу одного путешественника во Францию, имевшего возможность в течение немногих недель только видеть и слышать, но не спрашивать и наблюдать, а потому пришедшего к ошибочным выводам. По мнению корреспондента, о проявлениях общественного мнения нужно судить конкретно, принимая во внимание время и обстоятельства: как якобинец первого года свободы (1789 г.) не похож на якобинца третьего года республики (1795), так и роялист после 9-го термидора (27/VII—1795)—на роялиста до 14 июля (1789). Путешественник утверждает, что «везде с величайшим уважением говорят о конституции 1791 г.».

в данном случае мы не находим особой точности не только у корреспондента, но и в отчете Moniteur'a (Bouchez et Roux, t. 36, p. 339), в донесениях полиции (Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. I, pp. 735, 738, 745), в воспоминаниях современников (Mémoires de Larevellière-Lepeaux. P. 1895, t. I. pp. 206, 219). (Mémoires de Barras, P. 1895, t. I, p. 230 и др.) и у прежних историков революции (Barante, Histoire de la Convention Nationale. P. 1853, t. V, pp. 391—92; L. Blanc, Histoire de la Révolution française, P. 1869, t. 12, pp. 231—32, 245; Michelet, Histoire du XIX-e Siècle. P. 1875, t. I, p. 218).

Распространенным среди современников мнением было то, что Феро (Férraud) был убит по ошибке, по созвучию фамилии, вместо Фрерона (Fréron), ненавистного в предместьях руководителя „золотой молодежи“ (Memoires de R. Levasseur (de la Sarthe), Bruxelles, 1832, t. V, p. 20; A. C. Thibaudeau, Memoires sur la Convention et le Directoire. 2 éd., P. 1828, t. I, p. 166; Peltier, Paris pendant l'année 1795, Londres, 1795, p. 238). По мнению J. Claretie, автора специальной работы о прериальском восстании, Феро был убит сумасшедшей Aspasie Curte Migelle, торговкой туалетными принадлежностями, которая приняла его за Фрерона; толпа также считала убитого за труп Фрерона (Les derniers montagnards, P. 1867, pp. 151—54, 192—93, 356—61). К этому мнению примыкает G. Deville (Thermidor et Directoire, pp. 92—93, 95, 97).

[71]) Frankreich im Jahre 1795, II B. № 5, S. 28—32.

[72]) Ibid., II B., № 5, S. 26; cp. III B., № 10, S. 145.

«Да, замечает корреспондент, потому что чувствуют отвращение к конституции 1793 г., как и к ее создателям; потому что не знают еще никакой другой и однако все чувствуют настоятельную необходимость иметь таковую». «Республиканец едва осмеливается, по словам путешественника, обнаружить в светском обществе свои убеждения, в то время, как, наоборот, открытые приверженцы старого режима, с их колкими сарказмами против свободы и равенства, находят благосклонный прием, если не явное одобрение».

«Открытых приверженцев старого режима здесь в последнее время я не встречал; но людей, которые не могут без гнева и ужаса думать о последних годах революции, можно найти везде. Отвращение к одной крайности делает снисходительными к другой. Тонкие определения и нюансы понятий бесполезны для большой толпы. Каждый оратор стремится во всем, что он говорит, избежать показаться террористом, и это отрицательное качество является непременным условием (conditio sine qua non) одобрения слушателей... Однако все, кто имеет горячее сердце и мужественную душу, расположены к республике, и против них коалиция болтунов и остряков всегда останется совершенно бессильной».

«Журналисты, очевидный интерес которых заключается в том, чтобы писать, сообразуясь с общественным мнением, все проповедуют роялизм».

Автор письма, оспаривая это утверждение и не находя среди журналистов роялистов, ссылается на статью одного монархически-настроенного писателя Husson'а, который говорит, что при господствующих страстях и предрассудках монархия невозможна [73]).

Не считает он роялистом и Фрерона, прошлое которого не обещает ему чего-либо хорошего при монархии: «Тальен, Фрерон и прочие из их партии могут быть интриганами и в высшей степени ненадежными людьми, но они, по моему убеждению, не могут хотеть короля. Их безопасность и их авторитет явно зависят от продолжения республики, и если бы они имели достаточно силы, чтобы дать Франции короля, они имели бы также достаточно силы — создать себе больше преимуществ, чем им мог бы предложить какой-либо король» [74]).

Общий результат наблюдений путешественника, что «предстоит вскоре падение республики», корреспондент считает ошибочным [75]).

Позднее, в сентябре, когда уже началась со стороны «хорошего общества» агитация против декретов о переизбрании в будущий Законодательный Корпус $^{2}/_{3}$ Конвента, тот же корреспондент пишет: «Здесь несколько дней тому назад опасались чего-то очень удивительного: восстания роялистов во имя суверенитета народа. Я не разделяю, правда, ни опасений слабых, ни надежд слепых... Но у меня были, однако, опасения на счет последствий настоящего брожения».

---

[73]) Эта статья из Courrier Universel от 10/VI 1795 г. приведена в Frankreich im Jahre 1795, II B., № 6, S. 99—101; Ср. А. Олар, Термидорская реакция. Очерки и лекции, стр. 335—36.

[74]) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 5, S. 88—90.

[75]) Ibid., II B., № 5, S. 93.

Конвент как раз отдался в руки хорошего общества; он рассчитывал на его благодарность; но он не подумал о том, что большая часть его членов не принадлежит к хорошему обществу.

В этом хорошем обществе французское легкомыслие находит свое настоящее место. В начале 1789 г., когда монархия находилась еще в полной силе, среди него было хорошим тоном проповедывать республиканизм, равно как теперь, когда основана республика, хорошим тоном является проявлять некоторую слабость к роялизму. Между тем оно также мало серьезно думает о монархии, как тогда о республике, и, содействуя, всеми силами контр-революции и гражданской войне, оно собственно не хочет ни контр-революции, ни гражданской войны.

Оно не любит террористов, и его нельзя обвинить за это, так как эти господа «слишком плохо обошлись с ним». Оно плохо разбирается в различиях между языком республиканцев и жаргоном санкюлотов и благосклонно выслушивает насмешки над республикой бывших дворян и неприсяжных священников, возвратившихся «при господстве милосердия».

«Оно покровительствует всем без различия писателям, принадлежащим к оппозиции». «Вечерний Вестник» (Messager du Soir), орган парижской молодежи, помещающий злые эпиграммы на республиканцев, «лежит на туалетном столе всех знатных дам» [76])... «Даже и Общественный Обвинитель» (Accusateur Public), предполагаемым составителем которого является недалекий Рише Серизи (Richer-Serisy), пользуется у него (хорошего общества) благоволением. Ради доброго намерения прощают ему фанатический стиль и слепоту, с которой он в своей анти-террористической ярости нападает на всех, кто способствовал революции, начиная с ее первых виновников. Охотно даже видят, что он не щадит и философов» [77]).

«Эти люди, продолжает корреспондент, если бы дело, действительно дошло до борьбы, были бы сами по себе неопасны». Но скверно то, что они способны своими мнениями, производящими шум, вводить в заблуждение общественное мнение.

Опорой республики корреспондент считает ремесленников, крестьян и особенно армию: «Средний класс, ремесленники и крестьяне, конечно, ничего не понимает в этом светском тоне, он искренно ненавидит старый порядок вещей, послушен Конвенту, потому что он является единственным признанным авторитетом, но не любит его, так как он связал свое имя

---

76) Ср. Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. II, pp. 238, 274, 282 и др.

77) Статьи этого роялистического писателя с похвалой перепечатывал, напр., эмигрантский журнал, издававшийся Peltier в Лондоне: „Paris pendant l'année 1795" (Londres, 1795, см. t. I, pp. 129—56; t. II, pp. 420—30; t. III, pp. 50—55). О Рише Серизи он отзывался так: „Это свидетель-очевидец, мужественный человек и пылкий писатель, описывающий то, что он чувствует" (ibid., p. 128). Лакретель в своих воспоминаниях о революции приводит свой разговор с этим Рише Серизи перед восстанием 13-го вандемьера, в котором тот проявляет себя противником программы конституционной монархии, защищаемой Лакретелем, находя в ней „фельянтский вздор". В случае восстановления монархии, он хочет потребовать для себя „выдающегося поста и голубой ленты" (Lacretelle, Dix années d'epreuves pendant la Révolution, P. 1842, pp. 254—56, ср. pp. 23—24). Ср. А. Олар, Политическая история французской революции, 2 изд., 585, прим. 3.

со всеми мерами угнетения, которые в течение двух лет причинили так много зла Франции.

Чернь в городах постоянно принадлежит тому, кто захочет воспользоваться ею против состоятельных граждан, и таким образом элементы террора всегда к услугам правительства. Но последнее из опыта знает, как опасно пользоваться толпой, и большинство Конвента навлекло на себя в прериале такой сильный гнев с ее стороны, что должно опасаться стать в конце-концов самому ее жертвой.

Самыми верными и надежными друзьями Конвента являются бесспорно армии, которые одержали победы под его руководством, которые знают, что он состоит из ревностных республиканцев, и которые могут ожидать награды за свои дела только от республики»[78]).

Другой корреспондент еще после 12-го жерминаля писал о том же: «Наконец, чтобы почувствовать всю невероятность такого предположения (восстановления монархии), нужно знать дух французского юношества, особенно в армиях, у которого любовь к республике является не только мимолетным энтузиазмом, но глубоким чувством, как бы отожествленным со всеми его страстями, и которое видит в этой республике и только в ней награду за все свои жертвы и последнюю цель его столь славных побед. Нет, нет! Время может много изменить, обстоятельства могут подготовить и с годами мирно ввести то, что нам теперь кажется невозможным, но если мне когда-либо что было вполне очевидно, то это положение: Франция не может путем неожиданной революции получить опять короля»[79]).

Социальные слои населения, склонные к роялизму, так изображает корреспондент, описывающий прериальское восстание (Т.): «Роялисты, хотя, к сожалению, еще довольно многочисленные в Париже, и на этот раз, как с начала революции, проявили свою храбрость в ругани и улепетывании. В Париже они состоят из финансистов, купцов и мелких лавочников, которые все предпочитают тайно барышничать, чем вступать в открытую борьбу; из ученых и артистов, которые предпочитают теперь в «хороших домах» Парижа «заниматься старческой болтовней при закрытых дверях об исчезнувшем великолепии двора, чем открыто выступать и действовать в пользу своего в тиши почитаемого маленького короля. Так в большой суматохе лишь немногие голоса решились требовать конституции 1791 г. и, таким образом, лишь косвенно почтить своего кумира»[80]).

Роялистически настроенные журналисты, находившиеся тогда во Франции, не считали момента благоприятным для восстановления монархии. Лакретель признавал, что партия роялистов вызывала отвращение у большинства, но отмечал вместе с тем, что в Париже «состоятельные классы наследовали власть толпы, у которой они научились господствовать или обуздывать, и назвали себя в свою очередь народом»[81]). Воблан считал

---

78) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 7, S. 268—72.

79) Ibid., I B., № 3, S. 257.

80) Ibid., II B., № 5, S. 27.

81) Lacretelle, Dix années d'epreuves pendant la Révolution. P. 1842, pp. 235—36, 247.

предложение о восстановлении монархии во Франции при тогдашних обстоятельствах «поступком безумца»[82]).

Эмигрант Малле-дю-Пан, бывший в 1790—92 г.г. редактором аристократически-конституционного журнала «Французский Меркурий» (Mercure Français)[83]), полагал в начале 1795 г., что $^1/_3$ Франции настроена монархически, но позднее в своих письмах к Венскому двору в 1795 г. он неоднократно указывал на отвращение большинства французов к партии эмигрантов и к старому режиму; низшие же классы народа в Париже он считал настроенными решительно анти-роялистически[84]). И только слепые и обозленные эмигранты, сторонники старого порядка и принцев, старались оспаривать мнение, что Франция ненавидит роялистов и эмигрантов[85]).

V

Реакция после прериальского восстания захватила и большинство парижских секций, где уже после 9-го термидора стали преобладать «зажиточные и умеренные элементы». Секции теперь арестовывают и расправляются с теми, кого тогда называли «кровопийцами, анархистами и террористами»[86]). Декреты Конвента 5 и 13-го фрюктидора III года (22 и 30-го августа 1795 г.) о переизбрании $^2/_3$ его членов в будущий Законодательный Корпус вызвали сильную агитацию против них со стороны секций. В то время, как конституция III-го года (1795 г.) была принята 1.057.390 голосами против 49.978, декреты только 205.498 голосами против 108.784, причем они были отвергнуты в Париже всеми секциями, за исключением одной в Сент-Антуанском предместье (Quinz-Vingts)[87]). Борьба секций против названных декретов Конвента привела их к восстанию 13 вандемьера IV г. (5-го октября 1795 г.), которое было подавлено будущим диктатором Франции — Наполеоном Бонапартом. 25—30-тысячная армия секций, но без артиллерии, не устояла против 5 тысяч линейных войск и отряда «патриотов 1789 г.», рассеявших восставших, главным образом, при помощи пушек.

---

82) De-Vaublanc, Mémoires sur la Révolution de France, P. 1833, t. II, pp. 365-66.

83) См. Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой Французской Революции, 3 изд., М—П. 1923, стр. 260—71.

84) Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la Cour Vienne, P. 1884, t. I, pp. 42—43, 219, 221, 226—27; ср. Barante, Histoire de la Convention. P. 1853, t. VI, pp. 286—89, 400.—О роялистическом настроении во Франции и ненависти к Конвенту говорит еще в своих письмах одна англичанка, жившая во Франции в 1792—95 г.г. и арестованная во время террора (Un sejour en France de 1792 à 1795. Lettres d'un témoin de la Révolution française, traduite par H. Taine, P. 1872, pp. 299—300).

85) См., напр., Peltier, Paris pendant l'année 1795, Londres 1795, pp. 10—14, 37 и др.

86) Н. Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III года (Ж. М. Н. Пр., 1915 г., март, стр. 125—26); он же, Было ли восстание 13 вандемьера IV г. роялистическим? (Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула, Харьков, 1914 г., стр. 233—34); ср. он же, Реакция в парижских секциях после 1-го прериаля III года. (Исторические Известия, 1916 г., № 3—4, стр. 75—88).

87) А. Олар. Политическая история французской революции, 2 изд., стр. 633—35; ср. Moniteur от 23/IX 1795 г.

Большинство историков, как-то: Тьер [88]), Минье [89]), Буше и Ру [90]), Луи Блан [91]), Мишле [92]), Кинэ [93]), Олар [94]), Дэвилль [95]) и Зиви [96]), написавшие специальное исследование о 13 вандемьера,—все приписывают роялистам значительную роль в этом восстании; Н. Кареев, предприняв попытку пересмотра этого вопроса на основании исследования сохранившихся протоколов секций (7 и 48), старается «умалить», по собственному его выражению, роялистический характер движения и доказать, что «большинство участников движения, приведшего к восстанию 13 вандемьера, вовсе не было настроено роялистически» и «что специально роялистического характера 13 вандемьера не имело» [97]). В то же время он, вместе с Тьером, Дэвиллем, Барантом [98]), Сорелем [99]), Тэном

---

[88]) По мнению Тьера, на активное выступление толкнули парижскую буржуазию честолюбцы и особенно роялисты, скрывавшие свои истинные намерения (A. Thiers, Histoire de la Révolution française, 13 éd., 1865, t. VII, pp. 324—75, особ. pp. 324, 339—41, 348—50, 361 373—74).

[89]) „13 вандемьера было 10 августа роялистов против республики, с тем различием, что Конвент значительно лучше сопротивлялся буржуазии, чем трон предместьям“ (Mignet, Histoire de la Révolution française, II éd., 1875. II, pp. 169—70; ср. pp. 160—70).

[90]) Bouchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, P. 1838, t. 37, pp. 26, 31—32 и др.

[91]) L. Blanc, Histoire de la Révolution française, éd. 1869; см. t. XIII, главы II и III кн. 16-й, озаглавленные: „*Борьба между термидорианцами и роялистами*“ (pp. 218—47) и „Победа термидорианцев над роялистами“ (pp. 247—89), особ. pp. 250, 252, 255, 263.

[92]) Мишле, следуя, подобно Л. Блану, показаниям Реаля, главную роль в движении приписывает роялистам (J. Michelet, Histoire du XIX Siècle, P. 1875, t. I, pp. 295—330, особ. pp. 301, 308, 313—14). Н. Кареев, характеризуя взгляды французских историков на 13 вандемьера, не останавливается на Мишле, говоря, что он довел свой труд лишь до 9 термидора (Н. Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г., Ж. М. Н. Пр. 1915, март, стр. 112). В последней своей работе „Историки французской революции“ (Л. 1924) он упоминает об „Истории XIX в.“ Мишле, являющейся продолжением его труда о революции, но также не останавливается на ней, считая ее более слабой (см. т. I, стр. 155, 187; т. III, стр. 279).

[93]) Кинэ называет 13 вандемьера „роялистическим 10 августа“ (E. Quinet. La Révolution. 4 éd. П. 1866, t. II, pp. 400—401, ср. p. 405).

[94]) По мнению Олара, в восстании 13 вандемьера деятельное участие принимали замаскированные роялисты (А. Олар, Политическая история французской революции, 2 изд., стр. 584—85; он же, Термидорская реакция в Париже. Очерки и лекции. П. 1908, стр. 136—37).

[95]) Дэвилль считает, что движением буржуазных секций против Конвента руководили роялисты (G. Deville, Thermidor et Directoire, pp. 128—47, особ. pp. 137—38, 143, 145).

[96]) Зиви приходит к выводу, что движением руководили роялисты, не выступавшие, однако, открыто со своими взглядами, и что победа секций привела бы к восстановлению королевской власти (H. Zivy, La journeé de 13 vendemiaire, La Bibliothéque de la Faculté de Lettres de l'Université de Paris, P. 1898, pp. 109, 111—112 и пр.).

[97]) Н. Кареев. Было ли восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула, Х. 1914, стр. 246); ср. он же, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г. (Ж. М. Н. Пр. 1915, март, стр. 108—22); он же, Политические выступления парижских секций во время великой революции („Русское Богатство“, 1912 г., кн. 12, стр. 56 и дал. 65). Н. Кареев и теперь продолжает держаться взгляда, что восстание 13 вандемьера нельзя считать роялистическим (Историки французской революции. Л. 1924, т. II, стр. 203).

[98]) Barante, Histoire de la Convention Nationale. P. 1853, t. VI, pp. 342, 389, 401.

[99]) Сорель, приписывая движение в секциях умеренным конституционалистам, опиравшимся на парижскую буржуазию, полагает, что победой секций могли воспользоваться роя-

и Ссиу [100]), признает, что в вандемьерском движении «главную роль играла буржуазия», что в нем «участие принимали, главным образом, центральные секции, где сильны были в населении именно буржуазные элементы» [101]), и «что события входят в число явлений реакции» [102]); не отрицает он также, что «роялисты приняли участие в восстании» [103]) и «думали им воспользоваться» [104]), что они «ловили рыбу в мутной воде» [105]). Относительно приведенного мнения Н. Кареева о 13 вандемьера нужно предварительно отметить, что оно основано на немногих протоколах самих секций и что для определения характера движения важны не столько суб'ективные заявления самих участников движения, сколько об'ективное значение восстания, которое другие источники изображают, как антидемократическое и контрреволюционное, расчищающее дорогу роялистам. Что же касается роялизма, то Н. Кареев понимает его, повидимому, в данном случае в узком смысле реставрации Бурбонов и прежних сословных привилегий [106]), чего парижская буржуазия, действительно, тогда не желала.

Немецкие корреспонденты считают движение секций «аристократическим», направленным против республики, а 13 вандемьера называют «ударом для хорошего общества и роялизма», «восстанием роялистов во имя суверенитета народа» и «борьбою слишком рано возмутившегося роялизма» [107]).

В письме одного корреспондента, покинувшего Париж 6-го сентября 1795 г., при открытии первичных собраний, через неделю после издания декрета от 13-го фрюктидора и за месяц до вандемьерского восстания, так описывается начало движения: «Мы покинули Париж 20-го фрюктидора, вечером в 7 часов, покинули его среди приготовлений роялизма», дерзко поднимающего теперь голову, которую он раньше «с беспримерной трусостью склонял под иго демагогов».

На первичных собраниях мстительность, честолюбие и роялизм взаимно помогают друг другу. «Настоящие республиканцы стоят уже давно одни,

листы, содействовавшие восстанию (Европа и французская революция. П. 1892. т. IV, стр. 334—37).

100). Консервативные историки: Тэн, Ссиу, сочувствующие восстанию 13 вандемьера против Конвента, считающие его движением парижской буржуазии (Taine. La Révolution— 24 éd., P. 1904, t. II., p. 346; L. Sciout. Le Directoire. P. 1895, t. I, p. 352—353, 355, 365—367).

101) Н. Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г., (Ж. М. Н. Пр., 1915 г., март, стр. 125).

102) Н. Кареев. Политические выступления парижских секций („Рус. Богатство", 1912 г., кн. 12, стр. 58).

103) Н. Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора, стр. 166, ср. стр. 165.

104) Н. Кареев. Политические выступления парижских секций („Рус. Богатство", 1912 г., кн. 12, стр. 56—58).

105) Н. Кареев. Было ли восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сб. статей в честь проф. Белоскула, Х., 1914, стр. 241).

106) Н. Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора (Ж. М. Н. Пр., 1915 март, стр. 161).

107) Frankreich im Jahre 1795. II B., № 7, S. 268; № 8, S. 358; III B., № 9, S. 3—4, № 10, S. 110.

непризнанные и оклеветанные, в то время как большая часть народа под давлением умножившихся страданий воздерживается от живого участия, которое она прежде принимала в общественных делах отечества, и с необузданностью, с какой раньше придерживалась якобинства, отдается страсти ажиотажа»...

В поход против республики собралась армия аристократии: «Вся банда агентов и шпионов враждебной заграницы, священников и возвратившихся эмигрантов, толпа бывших дворян (ci devants), все спекулянты, справляющиеся в Пале-Рояле о меняющемся курсе, чтобы определить на сегодня цену своих подозрительных товаров; большинство банкиров, которые большей частью стоят во главе ажиотажа; толпа лавочников, конторских служащих, портных, парикмахеров, которые... неожиданно превратились в гренадеров и стрелков; наконец, шайка продажного сброда, которого не видно было во время самого неистового якобинства».

Исход столкновения остается «сомнительным». Опасным является равнодушие народа, мужество которого ослаблено продолжающимся падением ассигнаций. «Аристократия, уверенная в победе, сбрасывает маску», а секции лишились множества почтенных граждан, занятых заботою о семье и добывании хлеба.

«Декрет 5-го фрюктидора дает повод к первой борьбе; роялисты не могут его принять, потому что отвержение декрета открывает для них множество вакантных мест и только состав новой легислатуры из их приверженцев может дать им в руки тот пункт, откуда они без шума и незаметно могут похоронить новую конституцию и нанести ей непоправимый смертельный удар» [108]).

Другой корреспондент (L) в письме от 11 сентября 1795 г. так характеризует агитацию против декретов Конвента о переизбрании двух третей его членов: «Декрет о двух третях должен был не понравиться хорошему обществу. Честолюбцы, имеющие тем менее вероятия попасть в правительство, чем более останется там старых членов, и роялисты стоят во главе его. Средний класс в крупных общинах одобрят их и так как ревностные республиканцы из низших классов изгнаны из секций, как террористы, то не следует удивляться, что декрет так единогласно был отвергнут в Париже, что, вероятно, произойдет также в большинстве других больших городов Франции.

В небольших общинах, где нет хорошего общества, где нет массы интриганов, которые становятся во главе оппозиции, там все, за малыми исключениями, голосуют за Конвент, и большинство департаментов, вероятно, одобрит декрет».

Можно опасаться, что $^1/_3$ представителей будет состоять из врагов Конвента [109]), и роялисты надеются перетянуть это меньшинство на свою сторону и совершить переворот в свою пользу. Но в этом они, вероятно,

---

108) Ibid., t. III B., № 9. S. 3—6; ср. Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. II, pp. 252—256.

109) Ср. L. Sciout. Le Directoire. P. 1895, t. I, pp. 402, 419—420; А. Олар. Политическая история французской революции, 2 изд., стр. 636.

ошибутся; вне собрания они не могут рассчитывать на большую помощь. Во Франции есть, быть может, много таких, которые считают желательным для спокойствия Франции наследственного президента Совета, но у них нет энтузиазма к монархии и в решительный момент они не будут сражаться с республиканцами.

«Таков мой взгляд на вещи. И на этой энергии республиканцев и на всеобщей ненависти к первой эмиграции покоится моя вера в дальнейшее существование республики» [110]).

Тот же корреспондент в письме от 9-го октября, когда восстание было уже подавлено, полагает, что эмиссары эмигрантов постарались увлечь «хорошее общество» на ложный путь и вовлечь его в настоящий бунт. Раздача оружия демократам, сочтенная за вооружение террористов, окончательно воспламенила головы и толкнула «на безрассудное нападение, легко предвидимые следствия которого в несколько часов положили конец долго лелеемым надеждам роялистов».

«Хорошо вооруженная гвардия секций могла иметь около 30 тысяч человек; но большинство молодых людей, из которых она состояла, не знало, что они собственно должны были делать, и являлось лишь попутчиками (mitgegangen). Нет, следовательно, ничего удивительного, что они образумились, коль скоро дело стало серьезным, и не боролись с неизменным мужеством республиканцев, одушевленных величайшим энтузиазмом. Только ложный стыд мешал им положить оружие при первом выстреле и предоставить кучке заговорщиков сражаться за свое собственное дело [111]).

Если бы 5-го победили секции, то никто не знает, что 6-го стало бы с республикой. Новые партии среди победителей и бесконечная гражданская война в Париже и в департаментах были неизбежны. Собрание избирателей, которое всем руководило, само состояло из самых разнородных элементов, из чистых, менее чистых и конституционных роялистов, из фанатиков, честолюбивых и недовольных республиканцев и, наконец, из людей, которых толкнул к отчаянному шагу чрезмерный страх при несовсем чистой совести.

Париж представлял в этот ужасный день удивительный контраст. В самых отдаленных частях города никто не подозревал о гражданской войне, каждый спокойно шел по своему делу, а к вечеру кабачки были полны людьми, занимавшимися танцами, питьем и своими обычными удовольствиями. Наоборот, внутри, возле Тюльери, Пале-Рояля и окружающих секций, все представляло боевой вид: лавки, рестораны и театры были закрыты, все проходы улиц, все мосты были заняты пушками и на всех больших площадях были поставлены грозные батареи. В этом тесном пространстве вступили в ожесточенную борьбу друг с другом две значительные армии; стреляли из ружей и пушек, сражались саблями и штыками и конница дико врубалась в ряды той и другой стороны...

---

[110]) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 7. S. 272—273.

[111]) Ср. A. C. Thibaudeau, Mémoires sur la Convention et le Directoire, 2 éd. P. 1827, t. I, pp. 213—14.

Триумф войск является собственно триумфом средних классов народа, к которым они большею частью принадлежат и которые также везде проявляют живейшую радость относительно счастливого исхода этого события. Они и крестьяне являются собственно подлинным зерном патриотов».

Автор оканчивает письмо замечанием, что республика избегла «последнего подводного камня» — террора реакции, «единственного вредного следствия, которого нужно опасаться для свободы в этом случае» [112]).

То же отмечает и третий корреспондент в письме от 7 ноября 1795 г.: «Первые выстрелы раздались со стороны секций; партия роялистов решилась довести дело до пролития крови; но именно благодаря такому способу нападения она должна была восстановить против себя войска. Результат показал, что для меня давно было ясно, что опасность возвращения к террору была призрачной». Корреспондент надеется, что республика удержится [113]).

Таким образом, разбираемый источник, отмечая буржуазно-классовый характер движения и считая его направленным против республики, подтверждает мнение большинства историков, особенно демократических и социалистических, и говорит против стремления Н. Кареева «умалить» роялистический характер восстания 13-го вандемьера и выставить движение секций, как борьбу «за основные принципы Французской Революции», борьбу, «шедшую под знаменем свободы» [114]). Но монархист Воблан, председатель секции Poissonière в разгар движения против Конвента и позднейший министр Людовика XVIII, также пишет в своих мемуарах, что «этот день, известный под именем 12-го вандемьера, был роковым для свободы» [115]). Фиксируя свое внимание больше на формальной стороне дела, Н. Кареев без оговорок принимает демократическую аргументацию секций, бывших, по его же словам, «непоследовательными» и выгонявших демократов из своих собраний [116]). Как раз более демократические секции, разгромленные Конвентом после прериальского восстания, оказались, однако, теперь на его стороне, а одна из них (Quinze-Vingt) даже активно поддерживала его [117]). Для них дело шло не о формальном праве и не о Конвенте, как таковом, а о республике, которой грозила роялистическая опасность. Н. Кареев не полагается на суб'ективные суждения современников и мемуары и сомневается в правильности официальной версии, представляющей дело, как заговор, руко-

---

112) Frankreich im Jahre 1795, II B., № 8, S. 359—61.

113) Ibid., III B., № 10, S. 110.

114) Н. Кареев. Политические выступления парижских секций (Рус. Богатство, 1912 г. кн. 12, стр. 65).

115) De-Vaublanc. Mémoires sur la Révolution de France. P. 1833, t. II, p. 368.

116) Н. Кареев. Политические выступления парижских секций (Рус. Богатство, 1912 г., кн. 12, стр. 59).

117) Эти секции следующие: Quinze-Vingt, Montreuil, Popincourt. Gardes Françaises, Thermes et Faubourg-Montmartre (См. Moniteur от 8, 15, 17 и 12-го вандемьера IV г.).

водимый роялистами, эмигрантами и шуанами [118]). Нельзя, однако, в данном случае говорить о «роялистическом заговоре», как о «выдумке» Конвента, когда не только искренние республиканцы опасались роялистического переворота, но возможности его не отрицали и роялисты.

Один из официальных докладчиков в Конвенте о восстании Мерлен де-Дуэ называет день 13-го вандемьера «победой республики над роялизмом и анархией» [119]) и говорит о «контр-революционерах секции Лепеллетье, стоявшей во главе движения» [120]). Баррас, главнокомандующий армией Конвента, изображает в своем отчете восстание роялистическим [121]), а в своих мемуарах пишет, что секция Лепеллетье «была населена наиболее богатыми классом Парижа» [122]) и что большинство убитых и раненых из восставших оказались вандейцами и эмигрантами, одетыми в черные и зеленые воротнички и с прическами à la victime [123]).

Роялистическим считали восстание и активные республиканцы из членов Конвента. Ларевельер-Лепо, член Директории и умеренный республиканец, рассматривает в своих мемуарах движение против Конвента, как роялистическое [124]). По словам Тибодо, противниками декретов были «роялисты и некоторые честолюбцы из всех партий» [125]), а «сила секций, числом приблизительно в 20 тысяч, состояла из отрядов гренадер и стрелков национальной гвардии, которые образовались из собственников, купцов, одним словом, из людей, бывших в состоянии одеться и экипироваться» [126]). Карно оценивал движение против декретов, как роялистическое и контр-революционное [127]). Мерсье считает восстание 13 вандемьера делом роялистов, отмечая также участие в движении и честолюбцев [128]).

Некоторые современники прямо утверждают, что восстанием руководили роялисты [129]) и что даже организовано оно было агентами роялизма [130]). Более точное определение роли роялистов в восстании 13 вандемьера мы находим в мемуарах де-Невилля: «Не роялизм создал 13 вандемьера, но он ему содействовал и, вероятно, воспользовался бы успехом, если бы его имела инсуррекция» [131]).

[118]) Н. Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фруктидора III г. (Ж. М. Н. Пр., 1915 г. март, стр. 122, 160—61); ср. Moniteur от 17 и 18 вандемьера IV г. или Buchez et Roux, t. 37, pp. 32—61.

[119]) Buchez et Roux, t. 37, p. 32.

[120]) Ibid., t. 37, p. 45.

[121]) Ibid., t. 37, p. 54 и далее.

[122]) Mémoires de Barras, P. 1895. t. I. p. 247.

[123]) Ibid., t. 1, p. 258.

[124]) Mémoires de Lareveillere-Lépeaux, P. 1895, t. 1, pp. 255—56.

[125]) Thibaudeau, Mémoires sur la Convention et le Directoire, 2 éd., P. 1827, t. 1, p. 188, ср. p. 199.

[126]) Ibid. t. 1, pp. 209—210.

[127]) Mémoires sur Carnot par son fils, P. 1861, t. 1, p. 587.

[128]) S. Mercier. Paris pendant la Révolution, P. éd. 1862. t. II, pp. 71, 215, 218, 251.

[129]) Fr. Pagès, Histoire secrète de la Révolution française, P. 1797, t. II, pp. 342—43. 347, 361.

[130]) Touchard-Lafosse, Souvenirs d'un demi-siècle. 1789—1836; P. 1836, t. V, pp. 289, 293.

[131]) Hyde De-Neuville, Mémoires et souvenirs, P. 1888, t. 1, p. 130.

Роялистический писатель Лакретель Младший, участник событий и один из агитаторов секций, не отрицает в своих мемуарах роялистических замыслов некоторых руководителей движения, напр., Рише Серизи, при чем самого себя он выставляет в то время сторонником конституционной монархии [132]), а про секцию Лепеллетье говорит, что «это был денежный и, однако, храбрый квартал» [133]). Задним числом он признает справедливость слов m-me де-Сталь, которая предупреждала его, что восстание не будет иметь успеха, что не только армия, но и предместья и якобинцы будут за Конвент, хотя недавно и пострадали от него; мало того, она боялась самой победы над Конвентом, могущей вызвать гражданскую войну и белый террор, так как умеренные могут оказаться бессильными противостоять роялистам, которые теперь в меньшинстве [134]).

Тот же Лакретель в 1803 г. в своем «Историческом очерке Французской Революции» склонен был считать восстание 13-го вандемьера ошибкой. Он признавал при этом участие в движении роялистов и агентов заграницы или принцев; правда, «толчок происходил не от них; но они уже громко приписывали себе эту жалкую честь: их влияние не было еще господствующим, но могло сделаться таковым». Относительно же демократической аргументации, которой придает такое большое значение Н. Кареев, он говорит: «В прокламациях, враждебных Конвенту, употребляли со строгостью, а иной раз, быть может, и с насмешкой, самый демократический язык» [135]). «Никогда суверенитет народа не защищался с таким жаром»,—иронически замечает по этому поводу один из современников-республиканцев [136]).

Наконец, эмигрант и конституционный монархист Малле дю-Пан полагал тогда, что роялисты, «более пылкие, чем способные», и заграничные эмиссары преждевременно увлекли секции Лепеллетье и Французского Театра к нападению [137]). Он же в письмах до восстания не скрывал тех надежд, которые монархисты разных направлений возлагали на движение секций против Конвента и на будущий Законодательный Корпус [138]).

Мнение немецких корреспондентов относительно движения секций и вандемьерского восстания подтверждается и полицейскими донесениями, источником более об'ективным, чем письма современников и мемуары. Уже с 19-го фрюктидора III года (5 сентября 1795 г.) полицейские донесения начинают отмечать агитацию роялистов в связи с декретами о двух третях [139]); потом они приводят мнения, высказываемые рабочими и сторон-

---

[132]) Lacretelle, Dix années d'épreuves pendant la Révolution; P. 1842. pp. 255—56.

[133]) C'était le quartier de l'argent et pourtant du courage (ibid., p. 258).

[134]) Ibid., pp. 249—53; ср. Madame de Staël, Considérations sur les principaux événements de la révol. fr.; II éd. 1843. pp. 309—310.

[135]) Lacretelle. Précis historique de la Révolution française. Convention Nationale, t. II. Paris, 1803, pp. 462—63.

[136]) Fr. Pagès. Histoire secrète de la Révolution française, P. 1797. t. II, p. 343.

[137]) Correspondance inédite de Mallet du Pan; P. 1884, t. I. p. 340.

[138]) Ibid., t. I, pp. 315—16, 318—19, 322, ср. Peltier, Paris pendant l'année 1795; Londres, 1795, t. I, pp. 444—45; t. III, p. 298.

[139]) Aulard, Paris pendant la réaction thermidorienne, t. II, pp. 221, 251—52. 273.

никами Конвента о роялистическом характере движения против декретов и Конвента [140]), и, наконец, самое восстание 13-го вандемьера характеризуют, как роялистическое [141]).

Группы рабочих начали приписывать руководство движением секций с самого его начала роялистам, но на собраниях секций их было мало [142]). Донесение от 10-го сентября 1795 г. отмечает, что «рабочие, соединившись в группы в разных кварталах, высказываются за Конвент и приписывают роялистам и вожакам секций все постановления против декретов 5-го и 13-го фрюктидора» [143]). Накануне восстания полиция доносит, что в нескольких частях города рабочие, страдающие от голода, готовы поддержать Конвент «вопреки роялистам, которые командуют секциями» [144]). Донесения от 17 и 19-го сентября приводят следующие разговоры некоторых граждан в защиту декретов Конвента от 5-го и 13-го фрюктидора: проведение в жизнь декретов «является единственным средством спасти общественное дело и погубить всякую надежду на сторонников монархии» [145]); противники декретов «хотят полного обновления Законодательного Корпуса, чтобы ввести новый порядок вещей, свергнуть республику и пролить кровь тех, кто ее поддерживал» [146]).

Накануне восстания 13-го вандемьера донесение полиции так характеризует отношение парижан к конфликту между Конвентом и секциями: «Молодые люди и некоторые женщины аплодируют комедии избирателей, рассудительные люди и хорошие граждане порицают это поведение и со скорбью видят, что большое число граждан еще обмануто негодяями и интриганами, которые ввели секции в заблуждение. Поведение Конвента одобряется, и если, к несчастью, дело дойдет до решительного столкновения, партия избирателей, даже поддержанная шуанами, журналистами, красивыми дамами..., не одержит верх. Таков результат мнений, собранных в различных группах... Группы у ворот Martin и Denis, составленные частью из ремесленников, все стоят на стороне Конвента, и их мнение было бы высказано более определенно, если бы дороговизна продуктов, дров, угля не озабочивала их» [147]). Через день после восстания донесение полиции отмечает «ропот против людей, которые под маской патриотизма стремятся только к восстановлению королевской власти и ради осуществления своих замыслов ввели в заблуждение своих сограждан и повели их на бойню» [148]). «Людям зрелым летами и опытом, — говорится

140) Ibid., t. II, pp. 230, 242, 252. 255, 256, 261, 269.

141) Ibid., t. II, pp. 286. 299—300, 305, 314 и др.

142) Ibid., t. II, pp. 227, 228, 235.

143) Ibid., t. II, p. 232.

144) Ibid., t. II. p. 296; ср. pp. 306, 311.

145) Ibid., t. II. p. 252.

146) Ibid., t. II. p. 256.

147) Ibid., t. II, p. 290; ср. pp. 306, 312—Courrier français от 17/IX 1795 г. противополагает „народ секций“ „народу ежедневного труда“ (ibid., t, II, p. 249), и Censeur des journaux, от 24/IX 1795 г., пишет, что на собраниях секций играют роль „порядочные люди“ (les gens comme il faut), ibid., t. II, p. 271.

148) Ibid., t. II. p. 305; ср. p. 314.

в донесении от 10-го октября 1795 г.,—рассудок показывает, что возвращение к монархии было бы могилой для Франции, или, по крайней мере, залило бы ее собственной кровью»[149]).

Н. Кареев, следуя за Оларом, доверяет об'ективности полицейских донесений, но в данном случае он как раз стремится уменьшить значение тех сообщений о роли роялизма в восстании 13-го вандемьера, которые там имеются[150]). Вполне можно, однако, согласиться с ним в том, что открытое выступление за монархию было невозможно и что в массе господствовало антироялистическое настроение[151]).

Письма из Парижа немцев-очевидцев в 1795 г., являясь по своему характеру одним из источников исторической традиции, т.-е. имеющим все отрицательные черты суб'ективного освещения исторических фактов, стоят, однако, значительно выше мемуаров как потому, что написаны под непосредственным впечатлением событий, так и потому, что не исходят от деятелей, заинтересованных в своей апологии или реабилитации, а от зрителей со стороны. Конечно, эти зрители имеют свои взгляды, свои симпатии и антипатии и судят со своей суб'ективной точки зрения. Как сторонники умеренной республики, выражающей интересы средних слоев населения, они—противники якобинцев и последовательных демократов, но еще более им ненавистны плутократия, аристократия и роялизм. Тон их писем, их выпады против «террористов» и особенно против роялистов проникнуты страстностью, но выводы трезвы и реалистичны. У них нет той личной заинтересованности, которую мы находим в суждениях деятелей той эпохи. Они правильно поняли, что в 1795 г., особенно после прериальского восстания, опасность Конвенту и республике начала грозить со стороны «хорошего общества» и роялистов. Корреспонденты видят слабости Конвента и недостатки термидорианцев, разбираются в классовом составе партий, довольно проницательны относительно будущих попыток роялистов произвести государственный переворот и умеют подметить общественное настроение различных слоев населения.

Сообщения немецких корреспондентов об общественных настроениях в Париже в 1795 г. при начавшемся отливе революционных волн могут служить дополнительным источником к имеющимся относительно этого полицейским донесениям и в свою очередь подтверждают наблюдения агентов полиции. Источник их сведений один и тот же—это непосредственное наблюдение, восполняемое у них разговорами с политическими деятелями[152])

---

[149]) Ibid., t. II, p. 312.

[150]) Н. Кареев, Было ли восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? (Сб. статей в честь проф. В. Бузескула, X, 1914, стр. 238—41); он же, Политические выступления парижских секций („Рус. Богатство“, 1912 г., кн. 12, стр. 56). В противоположность Н. Карееву, Е. Тарле, на основании этого же источника, называет восстание 13 вандемьера „роялистическим“ (Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. II, П. 1911, стр. 499).

[151]) Н. Кареев, Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора III г. (Ж. М. Н. Пр., 1915 г., март, стр. 163); ср. А. Олар, Термидорская реакция, Очерки и лекции. П. 1908, стр. 334—37 и др.

[152]) Frankreich im Jahre 1795, I B., № 3, S. 256; II B., № 5, S. 26, 88; III B., № 9, S. 89—91; № 10, S. 135.

и чтением газет и публицистической литературы по злободневным вопросам [153]). В их описаниях нет однако той обстоятельности и точности которую мы находим в полицейских донесениях; в мелочах они могут следовать иногда и непроверенным слухам, но они дают общую, довольно верную и живую картину общественного настроения в Париже во время термидорианской реакции. Письма немцев-очевидцев интересны и с точки зрения отношения западно-европейского общества к французской революции. Наконец, для нас они важны тем, что являются редким и неиспользованным историками источником.

1925 г.

153) Ibid., II B., № 8. S. 358; III B., № 10. S. 145.

Файзулла-Ходжаев

О младо-бухарцах

Уже со времени русско-японской войны стало заметно оживление в некоторых наиболее развитых и образованных кругах мусульманского населения Бухары и Туркестана.

Однако эти отдельные прогрессивные элементы, недовольные средневековым деспотизмом эмиров и той ужасной беспросветной культурно-политической обстановкой, какая имела место в Бухаре, не имели никакого твердого организационно-партийного оформления и, в значительной мере, представляли из себя не политическую партию, а просто кучку фрондирующих затронутых европейской культурой мелких буржуа. Все же именно эта кучка явилась тем зародышем, из которого развилось впоследствии сильное национально-прогрессивное движение, известное под именем джадитизма.

Джадитское движение приобрело организованный и мощный характер только с 1910 года, когда под влиянием итало-турецкой войны, турецкой и персидской революций весь мусульманский восток был охвачен ярким национально-революционным возбуждением.

Каковы же были цели, состав и средства джадитской, впоследствии младо-бухарской, организации?

В какой обстановке приходилось ей действовать? Вот с этой-то обстановки, с тех экономических, культурных и политических предпосылок, на фоне которых и благодаря которым развился джадитизм, мы и начнем свое изложение.

Эта работа, конечно, не ученое исследование, мы не претендуем на исчерпывающий анализ эмирской Бухары, но набросать хотя бы легкий силуэт классовых взаимоотношений и противоречий, нам думается, совершенно необходимо, ибо вне взаимодействия этих классовых сил, вне классовой борьбы, как она развертывалась в дореволюционной Бухаре, непонятным и случайным явится само джадитское движение.

В XX веке Бухара представляла из себя, даже при сопоставлении с отставшей политически и хозяйственно от Запада на десятки лет царской Россией, странный и уродливый анахронизм.

Географическое положение в самой глубине Средней Азии, вдали от столбовых дорог современной культуры, но в самом центре мировых путей древности, забитое, безграмотное население и в то же время на каждом шагу следы высокой арабско-персидской культуры, ставшей для нашего времени тоже, конечно, анахронизмом, тяжкий деспотизм эмира и весь строй древней деспотии, искусственно консервируемый и охраняемый из политических видов русскими штыками,—такова была эмирская Бухара.

Никакого законодательного органа, кроме воли эмира, никаких законов, кроме религиозных законов шариата, никаких гарантий личной и имущественной неприкосновенности не было у населения Бухары.

В каждый данный момент любой подданный мог быть схвачен по приказанию эмира и имущество его конфисковано. Никаких выборных

органов не знала Бухара. Управление осуществлялось неконтролируемыми населением чиновниками, директивы которым давались в тиши дворцовых канцелярий. Естественно, при такой системе пышным цветом расцветали взяточничество и произвол. Население, с которого эмирские чиновники собирали тяжелые налоги, лишено было даже утешительного права знать, куда идут собранные с него деньги.

Бюджет и его опубликование не принадлежали к числу эмирских добродетелей. Управление огромной страной велось как управление домашним хозяйством эмира. Оно именно так и было: эмиры и рассматривали Бухару, как свою вотчину, как свое домашнее имущество. Все это совершенно обычно для ранних феодальных эпох, так это было и в европейском средневековьи, когда государственно-правовая и частно-правовая области еще не разграничивались ни в сознании управляемых, ни в сознании правителей.

В кишлаках господствовало полунатуральное хозяйство, местами (Восточная Бухара) носившее даже чисто натуральный характер. Все же было бы грубой, хотя и часто встречающейся, ошибкой считать хозяйство Бухары в целом натуральным.

Под влиянием растущих экономических связей с Россией все большую и большую роль в хозяйстве Бухары стали играть так называемые технические культуры, главным образом, хлопок, что, конечно, несовместимо с натуральным хозяйством и указывает на ярко выраженную товарность декханского хозяйства.

Вот на этой-то растущей товарности мы должны остановиться подробнее.

Русский капитализм, занявшись вплотную Средней Азией, покрыв ее целой сетью своих банков, торговых контор, скупая усиленно декханское сырье и поставляя в Среднюю Азию свою мануфактуру и другие фабрикаты, этот русский капитализм в своем поступательном шествии вносил глубокие изменения в экономику и, следовательно. и социальную структуру Туркестана и Бухары.

Европейская капиталистическая цивилизация со всеми сопутствующими ей отрицательными и положительными явлениями, как-то: товаризацией декханского хозяйства, растущим расслоением декханства, выделением на обоих его полюсах бедноты и кулачества, ростом торгового капитала и разложением старых феодальных и родовых связей и т. д., совершенно преобразила за последние десятилетия лицо Туркестана.

В Бухаре существовали те же явления, то же внедрение русского капитализма в патриархальную, средневековую жизнь, но там они были гораздо слабее.

Основным тормозом для капиталистического развития служили эмирская власть и все вытекающие из существования этой власти следствия.

Отсутствие правовых гарантий не давало местному капитализму возможности нормально развиваться; старые, докапиталистические порядки, с «кормлением» чиновников, со ставкой на родовых феодальных вождей на окраинах и на духовенство по всей стране, усиленно поддерживаемые эмирским правительством, также являлись солидным препятствием на пути европеизации Бухары.

Я уже сказал, что старая арабско-персидская культура свила себе прочное гнездо в Бухаре.

Бесчисленное количество школ-медрессе, философы, писатели и отдельные выдающиеся ученые превратили Бухару в светоч арабско-персидской культуры.

Духовное влияние Бухары во всей Средней Азии, вообще среди всех мусульман суннитского толка, огромно.

Бухарские эмиры считались вторыми после турецких халифов государями в мусульманском мире.

Десятки тысяч мусульман Туркестана и России до самой революции учились в духовных школах Бухары.

Вот это особое положение Бухары, как духовного центра ислама в Средней Азии, делает всякие реформы в ней одновременно и очень важными и очень трудными.

Старая духовная культура и верные ее служители муллы—духовенство—в течение сотен лет создали великолепно сколоченный аппарат уловления душ и руководства ими. Эмир бухарский был окружен могущественнейшей теократией.

Духовенство Бухары обращает на себя внимание, прежде всего, своею численностью: 3% всего населения Бухары—духовные лица.

Это—вышколенная, грамотная (а грамотность большое преимущество в безграмотной стране) армия, хорошо организованная, дисциплинированная и обладающая, кроме того, большими материальными ресурсами, так называемыми вакуфными землями, пожертвованными в пользу медрессе, доходами которых распоряжается духовенство.

Духовенство являлось также основным кадром поставщиков чиновничества. В руках мулл находился суд: каждый мулла маленькой мечети был одновременно казием, из духовенства же состоял политический центр из 12 муфтиев и одного главного казия.

Единение этих двух сил: эмира и духовенства образовывало нерушимую, казалось, силу бухарского правительства, сановную верхушку Бухары.

Эта сановная верхушка монополизировала в своих руках все дело управления, суда и образования.

Давать населению возможность светского образования, это значило—готовить своих противников, вбивать клин в единую и окостенелую систему средневековой традиции, на основании которой управлялась Бухара, и, конечно, правительство на это не шло. Всемерно поощряя старометодные школы, медрессе, духовное образование, заключающееся в изучении священных книг и поэтов, правительство Бухары, как огня, боялось европейских методов образования. Оно инстинктивно чувствовало, что арифметика и естествознание—верные слуги надвигавшейся капиталистической цивилизации—уничтожат живой анахронизм—эмирскую Бухару. С другой стороны, идеологи демократии и торгового капитала, джадиты, выставляли первоначально на своем знамени именно требование новометодных школ, европейского образования и хотя бы ограниченной свободы печати. Они правильно полагали, что лишь при наличии этих необходимых культурных предпосылок возможна освободительная борьба.

Из каких классов состояло население Бухары? Какова была социальная и политическая физиономия отдельных групп бухарского населения?

Начнем с верхнего конца социальной пирамиды.

Наверху были высшие сановники и духовенство. Как уже указывалось, они были тесно связаны между собою, настолько тесно, что одни и те же лица занимали и высшие светские и высшие духовные должности, например, Главный Казий. В их руках в результате систематического грабежа народных масс скопилось значительное богатство, что позволяло этой группе населения выступать в качестве представителей ростовщического капитала. Ссуды сановников торговцам, финансирование ими торговли, которая, таким образом, становилась зависимой от заимодавцев, были обычным явлением.

Чиновничество, духовенство, финансовая аристократия не были дифференцированы и представляли из себя, как это обычно бывает в ранние

эпохи торгового капитализма, одну сплоченную компанию, золоченую верхушку эмирской Бухары.

Конечно, на какое бы то ни было развитие прогрессивных идей среди этой части населения трудно было рассчитывать. Она была, безусловно, предана эмиру и являлась самым надежным оплотом всяческого мракобесия.

Дальше идет слой бухарского купечества. Многие европейцы считают, что именно бухарское купечество служило главной опорой и резервуаром младо-бухарского движения.

Это совершенно неверно.

Дело в том, что крупного независимого купечества в Бухаре имелись единицы, вся же остальная масса состояла из посредников и маклеров русских торговых фирм и банков. Они служили приводными ремнями, проводниками русской капиталистической эксплоатации. Роль их сводилась к услужению русскому капитализму. Это была не самостоятельная торговая деятельность, а зависимая работа на хозяина.

Все они находились в постоянном и тягостном долгу у банков. Общее вознаграждение банков за предоставляемый ими местному купечеству капитал, амбар, страховые и прочее достигало до 20%, так что львиная доля уходила из рук национального купечества в руки русских капиталистов.

Зависимость бухарского купечества от русского капитала увеличивалась еще его финансовой неустойчивостью, слабой платежеспособностью, вызываемой и поощряемой действовавшими тогда законами о долгах.

Не было почти ни одного бухарского купца, который не банкротился бы. А такие банкротства тяжело отражались на всем местном купечестве, так как взыскания, распространенные на имущество банкрота, в первую очередь удовлетворяли иски банков, и только остатки шли на удовлетворение купечества.

Купеческая масса была в значительной своей части аморфно-реакционной.

Она очень мало отличалась от прочего населения. Так же была темна и малограмотна, а финансовая зависимость от русского капитала и собственной ростовщическо-чиновной верхушки связывала эту массу с существовавшим строем, делала из нее верных холопов эмирата. Падкость купечества на медали и халаты только увеличивала эту зависимость.

Очевидно, не здесь, не в этой текучей и неустойчивой торговой толпе должны мы искать истоки джадитизма.

Конечно, джадитизм выражал интересы торгового капитала и демократии, но непосредственно он строился не руками торгового класса.

Следующим за торговцами по экономической мощности классом являлись в Бухаре сельские кулаки.

Гораздо более независимы и самостоятельны, строя свое благосостояние в значительной мере на натуральном хозяйстве, они сравнительно слабо подвержены сторонним влияниям и обладают, благодаря своим родовым связям и экономической силе, значительным авторитетом среди окружающего декханства.

Именно они вместе с духовенством являлись наиболее опасными и упорными врагами революции, наиболее верными защитниками старого порядка.

Почему? Сейчас скажем.

Их земельные владения не очень значительны — 20—30 десятин в среднем, так что помещиками назвать их трудно, но они все же не простые кулаки в нашем современном смысле слова, т.-е. не просто богатые крестьяне.

Дело в том, что их земли—самые лучшие по качеству, так называемые Танхо и Амляка. Это пожалованные эмиром земли, своего рода восточные бенефиции, с какими хорошо была знакома средневековая Европа.

Глава государства дарит такие земли своим чиновникам за службу, но фактически они службу не несут, а живут у себя на своих земельных участках, как настоящие маленькие феодалы. Сами они землю не возделывают; за них ее возделывают чайрикоры, которые берут за свою работу $^1/_4$ урожая. Особенно много таких «кулаков» в Восточной Бухаре; там они владеют участками до 100 десятин.

С этих земель 40% урожая, обычно идущие в пользу государству, передаются в пользование чиновнику, которому эти земли подарены; эта уступка государственных 40% и называется «Танхо».

Эмиры знали, что делали. Они через эти подарки создавали на окраинах из вождей племен и родов верных вассалов и через них управляли беспокойным населением окраин.

Их влияние среди населения было так велико, что нам уже после революции неоднократно пришлось использовать этот аппарат родовой патриархальной власти, обращаться за помощью к влиятельным вождям родов и племен.

Дальше шла основная масса мелких товаропроизводителей—декханства. Именно декханство выносило на своей спине роскошь и разврат эмирского двора и духовенства, именно оно своим тяжким трудом создавало местные капиталы и прибыли русских капиталистов, именно за счет декханства, за счет взяток и поборов с него существовало многочисленное жадное чиновничество.

Однако, несмотря на все свое бесправие, несмотря на все падающие на него экономические тяготы,—декханство в целом не было революционно.

Оно было слишком темно, забито и безграмотно, слишком явно находилось в цепких лапах духовных лиц, чтобы создать или поддерживать какую бы то ни было революционную организацию. Конечно, с другой стороны, нельзя считать декханство и оплотом реакции.

Это—нейтральная и пассивная масса.

Пролетариата, в точном смысле этого слова, т.-е. фабрично-заводских рабочих, в Бухаре почти не было.

Политика русского царского правительства всячески препятствовала созданию в колониальных окраинах местной национальной промышленности. Окраины должны были быть резервуаром сырья для центра,—не больше.

Несколько хлопкоочистительных заводов, конечно, не могли создать в Бухаре пролетариата.

Это отсутствие местного национального пролетариата отражалось крайне невыгодно на революционном движении: оно ослабляло и извращало это движение.

Не чувствуя за собой железной пролетарской когорты, бухарские революционеры, которые, как мы видели, не имели надежной опоры и в других слоях населения, естественно, должны были действовать осторожно.

Кроме того, отсутствие пролетариата и необходимость искать других союзников, хотя бы в лице торгового класса, выпячивали вперед националистические лозунги движения и сознательно или бессознательно затушевывали социальные противоречия.

Все же полу-пролетарские элементы в Бухаре имелись; это были возчики, водоносы, сапожники, мастеровые и вообще кустари разных специальностей,—все вместе насчитывали до 10.000 человек. Эти люди, не связанные общими экономическими интересами с господствующими кругами, сановниками эмира и духовенством, но выносящие на своей шкуре

тяжелые налоги и эмирский деспотизм, достаточно развитые и подвижные, благодаря городской жизни, могли бы служить хорошим революционным материалом, будь у них какой-либо организационный руководящий центр. Но такого центра, к сожалению, не было, хотя попытки организации этих полу-пролетарских элементов со стороны младо-бухарцев делались; назовем хотя бы попытку Ата-Ходжаева, который в 1914 году деятельно работал среди ремесленников.

Есть еще одна группа населения, которая могла бы явиться действенным революционным фактором; это — сельские рабочие и безземельные декхане.

Сельских рабочих имелось в Бухаре всего несколько тысяч. Поставляли их преимущественно Восточная Бухара, район Гарм и Куляб, еще Чарджуй (туркмен) и Каракуль (узбеков).

Тысяч двадцать декхан, обрабатывающих за часть урожая земли беков, эмира и вакуфные, тоже не являлись сколько-нибудь значительной классовой силой.

Неорганизованность, темнота и забитость тех и других—и сельскохозяйственных рабочих и «половинщиков»,—а также их распыленность сбрасывали эти две группы со счетов социальной борьбы.

Как мы только что видели, в Бухаре не было ни одного класса населения, на который уверенно могла бы опереться революционная партия.

Кто же все-таки были джадиты? Из кого состояла младо-бухарская партия?

В основном младо-бухарская партия была партия городская: в деревне почти не было элементов, которые могли бы ее поддержать. Из городского населения наиболее прогрессивно была настроена его служилая часть (конечно, это не относится к служилым верхам—сановникам).

Большинство младо-бухарцев принадлежало к материально средне и плохо обеспеченной городской наиболее просвещенной мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники; были и крупные купцы, но, во-первых, их было мало, они составляли исключение, а во-вторых, они не столько сами работали в партии, сколько поддерживали ее материально; назовем хотя бы Мансурова и Якубова. Были даже крупные духовные лица, например, Мулла Икрам, но в целом партия была партией городского «середняка».

Приведу здесь имена и социальное положение некоторых первых ее организаторов. Вот несколько из них: Аини Садрутдин — студент духовной школы, декханин, Абдул Вахит Бурханов — писарь, впоследствии мелкий чиновник канцелярии, Фитрат — студент, поэт, сын небольшого городского торговца, и Усман Ходжаев — сын муллы и средней руки торговца и пр.

Социальных низов первое время в партии почти не было. Потом, после февральской и особенно после Октябрьской Революции дело изменилось: партия значительно расширилась за счет декхан и солдат.

Об агитации в армии поговорим после, пока же, выяснив состав партии в дореволюционное время, постараемся вкратце наметить ее требования, ее платформу (настоящей программы не было) и ее тактику, чтобы иметь перед собою ясный облик джадитской партии, какой она сложилась в предвоенные и военные годы.

Этому средне-городскому наиболее культурному составу вполне соответствовали и платформа и тактика младо-бухарской (джадитской) партии.

Основными требованиями и задачами джадитов были: борьба с религиозным фанатизмом путем распространения новейшей религиозно-светской литературы турко-татарского издания, введения светских новометодных

европейского образца школ, взамен старых, чисто религиозных, схоластических, и общая перемена всей средневековой схоластической системы народного образования на светскую, отвечающую требованиям современности, ослабление цензурного гнета, хотя бы частичная свобода печати,— это в области идеологии; в области же экономики и администрации — джадиты требовали снижения налогов, а главное, их упорядочения и точной фиксации, изгнания из этой области произвола беков, которые разными путями доводили налоговое обложение до 50% выработки декханина, что приводило к полному народному обнищанию.

В области законодательной — введения хотя бы каких-нибудь правовых гарантий, необходимых для правильного функционирования современной, уже попавшей в зависимость от капиталистической цивилизации народно-хозяйственной жизни Бухары.

Венцом всех джадитских требований, сладкой мечтой джадитизма, его программой-максимум было введение в Бухаре конституции по младотурецкому образцу.

Таким образом, мы видим, что пропаганда джадитизма черпала свои требования из программ более передовых стран по западным образцам.

Уничтожить средневековую деспотию, заменив ее буржуазно-демократическим строем,— таков был идеал бухарских прогрессистов.

Здесь мы присутствуем при очень частом в истории революции явлении, когда учащаяся молодежь и чиновничество являются застрельщиком и проводником революционных идей еще спящей буржуазии.

Тактика джадитизма вполне логично и в соответствии с обстановкой сводилась в дореволюционное время в значительной степени к культурничеству. Для революционного действия и прямой агитации в массах не было тогда об'ективных данных.

Однако даже легальная проповедь джадитов наталкивалась на преследование со стороны эмиров и жестокое сопротивление темной фанатичной массы, всецело находящейся под влиянием духовенства. В виду этого уже с 1915 года джадитам пришлось перейти на полулегальное положение, и, как часто бывает, полулегальные кружки стали работать еще активнее легальных.

Таких пропагандистских тайных организаций насчитывалось в Бухаре во время мировой войны до 10; самыми сильными и активными были: Бухарская, Керкинская и Шаршаузская.

Литературная пропаганда за эти годы значительно усилилась. Очень сильно помогли делу джадитизма записанные с 1909—15 г. произведения революционного поэта Фитрата в прозе и стихах, как-то, «Саиха», «Мулла-Франги», «Саиях-Хинды», «Рахбари-Нэжот», «Аила» и несколько пьес, например: «Беки Чан», а также издававшаяся в 1912 и 1913 годах газета «Туран-Бухара и Шариф».

Основной работой джадитов являлась в это время организация новометодных школ, подробное описание которых мы находим у Аини.

Однако Аини совершенно умалчивает о значении этих школ в деле подготовки политической борьбы с эмиром, в деле организации антиправительственных оппозиционных элементов и прямой агитации втянутых в работу школ родителей. Это, возможно, происходит оттого, что Аини принадлежал к группе старых джадитов, не сочувствовавшей активной борьбе с эмиратом и сводившей тактику партии исключительно к культурничеству.

Я лично весьма хорошо помню, как в школах Усман Ходжаева неоднократно собирались наши товарищи, собирали родителей, детей и начинали под тем или иным соусом, сначала весьма робко, а затем открыто агитацию против эмира лично и его правительства. Главными аргументами

конечно, являлись порабощение Бухары царской Россией, отсталость, некультурность, невежество духовенства, разврат и роскошь эмирского двора, произвол властей, тяжесть налогового бремени и многое другое.

Когда в 1913 году и в начале 1914 года эмир закрыл новометодные школы, Фитрат, Ата-Ходжаев и многие другие покинули Бухару и в весьма короткое время сумели организовать сеть таких же школ по разным городам. Население встречало их с большим сочувствием. Несмотря на приказания эмирского правительства, местные власти не могли закрыть новометодные школы в таких городах, как Керки и Шахризябс, так велика была поддержка этих школ со стороны населения. Вокруг них об'единялось все, что было живого в эмирской Бухаре. Они служили той кузницей, в которой выковывались будущие работники революции. Возьмем хотя бы керкинскую группу, давшую нам теперь таких хороших, умных и деятельных работников, — разве она не создалась вокруг таких школ? Не подлежит ни малейшему сомнению огромное значение джадитских школ в деле подготовки революции.

Это совершенно неоспоримо.

Так вокруг новометодных школ и тайных кружков медленно накапливались и организовывались силы прогрессивной оппозиции. Эти силы еще были невелики: подлинные широкие массы почти еще не были затронуты джадитской пропагандой, но штаб джадитизма, его головка складывалась и оформлялась в этой работе

Медленно, с большим трудом, благодаря своеобразию окружающих условий, но все же рос и креп партийный аппарат младо-бухарцев.

Это была кропотливая, тягостная, малозаметная работа и борьба.

Жестокие преследовании власти, отсутствие мощной поддержки со стороны какого-либо класса, сильнейший гнет организации духовенства, давивший, как стопудовая гиря,—все это препятствовало младо-бухарскому движению извне.

Некультурность, зараженность религиозными предрассудками, феодально-патриархальный уклад семейной жизни, деловые заботы службы и торговли, вообще заботы о личном благосостоянии у самих младо-бухарцев ослабляли и разлагали движение изнутри.

Партия, как организационное целое, как управляющий аппарат, была слишком слаба, чтобы дисциплинировать своих членов.

Особенно бросается это в глаза теперь, когда сравниваешь неустойчивую младо-бухарскую организацию с монолитною фалангою В.К.П.

И все же за все это время (1910 — 1917 г.г.) в однообразной повседневной работе складывалась в Бухаре партия, могущая возглавить национальную революцию.

Февральская революция окрылила младо-бухарское движение, открыв перед ним широчайшие перспективы народовластия. Когда младо-бухарцы увидели во главе своего могучего северного соседа — России — не царскую камарилью, а казавшееся тогда очень либеральным временное правительство, они решили начать действовать активно и добиться у эмира при помощи новой русской власти так давно и страстно ожидаемой и желаемой конституции и европейской системы образования.

Однако партия была еще не готова к массовой революционной работе: февральская революция в России застала ее врасплох.

Удалось лишь наладить тесную связь с некоторыми весьма важными провинциальными центрами: Керками, Чарджуем и Шахризябсом.

С 1917 года партия усиленно вербует новых членов и расширяется за счет трудящихся и культурного слоя горожан.

Для руководства этой новой более активной работой партии переизбирается и расширяется Центральный Комитет.

В новый Центральный Комитет вошли: Абдул-Вахит Бурханов (председатель), Фитрат (секретарь), Усман-Ходжаев (казначей) и члены: Мухитдин Рафат, Муса Саиджанов, Ата-Ходжаев.

Центральный Комитет, чтобы иметь возможность быстро и тайно расширять организацию, предохраняя ее от провокаторов эмира, создал систему «дюжин». Каждый член Центрального Комитета имел под своим руководством 12 человек, каждый из этой «дюжины» организовывал новую «дюжину» и т. д. Этой мерой достигалась столь важная при нелегальной работе тайная крепкая спаянность.

Этим путем партия значительно расширилась. Подобных организаций в одной Бухаре создалось до 50.

Вместе с тем перед партией появились новые задачи.

Революция в России, замена царского правительства правительством либеральной буржуазии совершенно изменили обстановку, в которой действовала младо-бухарская партия: появилась возможность требовать реформ, опираясь на русское правительство.

Можно было бы ожидать, что Россия, уничтожившая у себя самодержавие, реформирует и деспотический строй эмирской Бухары—своего вассала.

Однако верное своей классовой природе новое русское правительство, слишком занятое своими внутренними делами и бессильное коренным образом реформировать аппарат управления, первое время не обратило внимания на эмирскую Бухару. Оно не только не обратилось к эмиру с призывом реформировать его средневековый режим, но даже оставило в неприкосновенности в Бухаре прежний царский дипломатический аппарат.

Русский царский резидент Миллер и его ответственные сотрудники, всей душою преданные старому режиму, остались на своих местах.

Как мы увидим дальше, это обстоятельство сильно затруднило развитие младо-бухарского движения, так как русское резидентство на деле занимало чрезвычайно двусмысленную, если не сказать больше, позицию.

Как бы там ни было, февральская революция открыла перед младобухарской партией новые перспективы и новые пути работы, в надежде на сотрудничество со сбросившей цепи деспотизма Россией.

Эти пути младо-бухарская партия, конечно, постаралась использовать.

На специальном совещании активных младо-бухарцев (я на этом совещании не присутствовал) был выработан текст телеграфного обращения к временному правительству и Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, в котором младо-бухарцы поздравляли освобожденный русский народ в лице его правительства, указывали на историческую связь русского и бухарского народов и просили временное правительство оказать давление на эмира в смысле побуждения его к реформам.

Ответ не замедлил притти: русский резидент Миллер и эмир получили из Петербурга телеграмму с пожеланием скорейших реформ и с указанием, что при новом строе в России не может и не должно существовать близкого и соседнего бесправного народа.

Но реформ не последовало.

После долгих ожиданий центральный комитет младо-бухарской партии отправил в Петербург новую телеграмму с просьбой воздействовать на эмира.

Эту телеграмму составил я, и за подписями Фитрата и Сайджанова она была отправлена в Самарканд для передачи оттуда по телеграфу в Петербург.

Эта подача телеграммы через Самарканд была нужна потому, что телеграммы, отправляемые из Бухары, прочитывались русским резидентством, а так как дружеские отношения с эмиром русского резидента Мил-

лера, старого реакционера, были слишком хорошо известны, то существовала уверенность, что эмир будет тотчас же осведомлен о тексте телеграммы.

Не довольствуясь только письменными сношениями с Петербургом, младо-бухарская партия решила отправить туда делегацию с целью информировать временное правительство о положении Бухары, а также всюду, где возможно, агитировать за дело джадитизма среди российских мусульман.

Делегация в составе Фитрата и Усман Ходжаева выехала в Петербург, но доехала только до Оренбурга, так как там получила известие о выезде в Бухару для урегулирования спора между прогрессистами и эмиром русской комиссии. Младо-бухарская делегация предпочла быть на месте.

Из всего сказанного ясно, какое огромное значение придавала младо-бухарская партия помощи извне, из революционной России.

Без этой помощи, при самостоятельной работе, нужны были бы долгие и долгие годы напряженной ежедневной подготовки, чтобы провести в Бухаре хотя бы частичные административно-правовые реформы и реформировать дело народного просвещения, не говоря уже о свержении эмира, что и тогда ставилось, как очередная задача.

В это время Миллер, несмотря на все свое нежелание, все же принужден был делать вид, что осуществляет директивы, данные ему из Петербурга; он стал ежедневно бывать у эмира, иногда по целым дням оставался в Бухаре, где вел переговоры с различными слоями населения, стараясь узнать отношение народа к джадитизму и подсчитать силы прогрессивной и реакционной партий.

Наконец, он пригласил на частное совещание некоторых видных старых джадитов: Усман-Ходжаева, Абдул-Вахит-Бурханова и других. Их все хорошо знали, как джадитов.

Миллер на аудиенции спросил их, каковы требования джадитов? Чем бы они могли быть удовлетворены?

Абдул-Вахит и другие, очень осторожно и каждый персонально, избегая из конспиративных соображений говорить от имени партии, изложили точку зрения джадитов.

Требования младо-бухарцев, поскольку они остались у меня в памяти, сводились к следующему:

1) народное представительство, центральное при эмире и местное при беках, улучшение администрации и контроль народных представителей над нею;

2) отмена налогов, кроме установленных законами шариата;

3) свобода преподавания и печати и, наконец,

4) смена некоторых наиболее фанатичных и реакционных сановников эмира.

Миллер ответил, что требования джадитов он считает слишком большими и утопическими, ибо реальной силы у джадитов нет, они малочисленны и принудить эмира к уступкам все равно не сумеют. Между прочим, Миллер показал собравшимся большую книжку, в которой была записана масса имен членов партии.

Откровенность реакционера сразу открыла нам глаза: Миллер не мог иметь этих сведений без измены внутри партии.

Несмотря на все наше старание, эта измена обнаружена не была.

Все же наши усилия и директивы русского правительства не остались совсем безрезультатны.

17-го марта был об'явлен эмиром долгожданный манифест. Он оказался, однако, до смешного ничтожным по существу и не смог удовлетво-

рить младо-бухарскую партию; с другой стороны, и реакционеры были им раздражены и повели усиленную агитацию через духовенство против манифеста и отступников ислама, джадитов.

Несмотря на реакционную свою сущность, манифест этот—все же весьма ценный в истории освободительного движения Бухары документ.

Опубликование манифеста сопровождалось известным церемониалом, принятым в эмирской Бухаре. Я, благодаря моему сановному дяде — Латиф-Ходжаеву, попал на эту церемонию. Не лишнее будет здесь коротко описать ее. Во дворец к эмиру были приглашены все видные духовные лица вплоть до муфтиев и Шейх-уль-Ислама, все придворные, сановники и выборные от купечества до 15 человек. Всего набралось до 200 человек. Тут же присутствовали: русский резидент Миллер, сочинитель манифеста, его помощник Шульга и чиновник резидентства — Введенский, некоторые члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов русского городка Кагана, представители Самаркандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и из прогрессистов: Махмуд-Ходжа и Исахаров — крупный коммерсант-еврей, и еще одно духовное лицо.

Эмир сидел посредине комнаты; сзади него находились главный судья Кази-Калян и администратор Шариф-Джан-Максум (назначенный вновь, как сторонник реформ, вместо реакционера Бурханитдина).

Шариф-Джан-Максум, по поручению эмира, прочел манифест, который присутствовавшие встретили одобрением.

Махмуд-Ходжа поздравил всех и эмира с реформой. Тут же были розданы присутствующим копии манифеста, после чего все разошлись.

На ряду с назначением Шариф-Джана-Максума были назначены также новые раисы [1]) из сторонников прогрессистов.

В тот же день, часа в три, младо-бухарцы устроили в доме Ахмед-Наима собрание, чтобы обсудить создавшееся после манифеста новое положение. На этом собрании, кроме видных членов партии, присутствовала делегация от Самаркандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все были рады событиям и рассматривали манифест эмира, как крупную победу, как первый шаг на пути к полному освобождению бухарского народа от векового бесправия.

Перед партией стал вопрос, чем ознаменовать эти исторические дни. Этот вопрос, в свою очередь, распадался на две части: как организовать торжество для придания ему народного характера и можно ли и нужно ли устраивать специальную революционную манифестацию в ознаменование эмирского манифеста.

По первому вопросу разногласий не было: все отмечали необходимость митингов, агитации, широкого распространения манифеста, с об'яснением его значения.

По второму вопросу — нужна ли манифестация, мнения разошлись. В основе спора лежало глубокое и серьезное расхождение, которое все время скрыто существовало в младо-бухарской партии и сейчас только обнаружилось.

Еще за две недели до манифеста, когда в Бухаре были Фитрат и Усман-Ходжаев, ставился этот вопрос, и тогда он вызвал те же самые разногласия, которые проявились в данный момент в доме Ахмед-Наима.

В партии, несомненно, существовало два течения. Одно было за постепенный, медленный реформизм, без всяких революционных, тем более кровавых, потрясений.

---

[1]) Раисы—особые представители правительства в главных городах по линии духовной и торговой жизни населения.

Назовем сторонников этого течения русским дореволюционным термином: «мирнообновленцами», который им очень подходит. Именно к этой группе «мирнообновленцев» относились большинство старых джадитов и сам председатель Центрального Комитета — Абдул-Вахит-Бурханов.

В вопросе о манифестации они были противниками ее устройства. Они указывали, что революционная манифестация раздражит реакционеров, сплотит их вокруг эмира и может вызвать даже кровопролитие, поскольку мы выставим на ней действительные требования партии без прикрытия. Надо заниматься не манифестациями, а укреплением себя, своей партии. Само время заставит эмира сохранить силу манифеста и поможет даже расширить его. Такого мнения держались Абдул-Вахит-Бурханов, Мухитдин-Рафаат и Муса-Сейджанов в Центральном Комитете и вне его — Аини и Ахмеджан-Максум.

Другое течение, активное и революционное, не боящееся даже вооруженного восстания, было за манифестацию. Необходимость и желательность манифестации доказывалась следующим образом. Ссоры с эмиром нам все равно не избежать, какими бы овечками мы ни прикидывались: эмир знает и помнит своих врагов. Под предлогом борьбы с разрушением религии джадитами он натравит на нас при помощи духовенства темные и фанатичные массы. К услугам эмира многотысячная организация духовенства, армия, деньги и государственный аппарат. Стоит ему захотеть, — а он, вероятно, захочет, — и он переловит нас всех поодиночке. Таким образом, нам выбирать не приходится: столкновение с эмиром неизбежно. Своею же пассивностью мы охладим собственных сторонников, вызвав среди них безразличное отношение к делу джадитизма.

Если же мы устроим манифестацию, то даже в случае неудачного исхода мы добьемся следующих, весьма ценных результатов: мы испытаем и подсчитаем свои силы, проведем широкую агитацию в массах, впервые открыто выбросив им свои лозунги; в случае контр-манифестации и побоища, от нас само собой отпадут все провокаторские и вообще ненадежные элементы партии, и партия очистится и укрепится.

Манифестация, говорили ее сторонники, вызовет к жизни энергию членов партии. Каждый должен будет выступить, как революционер, в открытой борьбе.

Это не то, что вести между делом, службой или торговлей повседневную агитационную работу. В открытой революционной борьбе придется рискнуть благосостоянием и пренебречь семейными традициями.

Все левое крыло младо-бухарцев было за манифестацию. Особенно горячими ее сторонниками были Фитрат, Усман-Ходжаев и я.

В виду того, что мнения по поводу манифестации в доме Ахмед-Наима разделились почти поровну и ни одно решительно не возоблад ало, решено было посоветоваться по этому вопросу с русским резидентом Миллером, запросив его мнение. К Миллеру была направлена делегация в составе Махмуд-Ходжа, Бах-Мулла-Ханова и Мирза-Гулям а (переводчик русского резидентства).

Миллер кратко ответил делегатам, что он не советует манифестировать.

Мне стоило большого труда уговорить товарищей известить по районам членов партии о месте сбора и порядке шествия. Все дело было сделано: сбор назначен к восьми часам утра около магазина Шаркат-Баракат, под куполом пассажа. Утром следующего дня, явившись в назначенное время в магазин Шаркат-Баракат, обычное место явки главарей и активных работников младо-бухарской партии, я застал там около 150 человек и среди них покойного Физмитдина Максума и Абдул-Вахит-Бурханова.

Эти двое, противники манифестации, под клятвою спросили меня, правда ли, что Миллер согласился на манифестацию. Я дал уклончивый ответ. Они оставили меня в покое.

Тем временем все прибывающие и прибывающие члены партии стали требовать начать шествие. Главарям ничего не оставалось делать, как согласиться.

Шествие началось между 8 и 9 часами утра.

В нем принимали деятельное участие национальные меньшинства: персы, евреи, лезгины, которым манифест эмира даровал равноправие.

Вот это-то присутствие национальных меньшинств в манифестации особенно раздражало правоверных — фанатичных сторонников ислама. Они никак не могли примириться с мыслью, что какой-нибудь еврей равен правоверному мусульманину.

Вначале в шествии принимало участие около 1.000 человек, но по дороге к нам примыкали все новые и новые толпы сочувствующих, и скоро количество манифестантов дошло до 5 тысяч человек.

Над толпою реяли красные знамена с надписями на узбекском и еврейском языках. Обычный лозунг был такой: «Да здравствует свобода, конституция, свобода печати и независимая школа». Был даже, не помню какой группой, выставлен и такой лозунг: «Да здравствует эмир-освободитель».

Манифестанты прошли по главному ситцевому базару через Коммерческую улицу, дошли до Гаукушана, и тут несколько человек младо-бухарцев и толпа кинулись к дому Кази-Каляна, прося его приветствовать манифестацию, а манифестация все увеличивалась и увеличивалась и шла дальше по направлению Хиябана.

На самом Хиябане манифестацию встретили представители шиитов (персы) с цветами и сладостями.

Здесь был большой митинг.

Затем манифестация двинулась к Регистану. Тут к нам подошло несколько товарищей, которые сообщили, что организована контр-манифестация черносотенцев: на Регистане собралась крайне возбужденная черносотенная толпа в 7—8 тысяч человек, организованная муллами. Кроме того, там находятся пешие и конные отряды эмирской армии (пеший в 200 человек, а конный в 300), цель прибытия которых неизвестна. Есть опасность, что войска будут двинуты против нас.

Наша манифестация остановилась, и видные представители партии, обсудив создавшееся положение, решили добровольно разойтись по домам, ибо никто, конечно, не думал о вооруженной схватке.

Решение разойтись об'явил толпе Абдул-Вахит, и манифестанты с некоторой тревогой разошлись.

Во избежание неприятностей, для того, чтобы предупредить министерство Кушбеги о мирном характере манифестации, были посланы к Кушбеги Ата-Ходжаев Мирбаба и Юсуф-Заде (Абдураим-Мударис).

Однако мирные намерения младо-бухарцев не помогли им. Эмир решил жестоко расправиться со своими неугомонными врагами. Вынужденный благодаря давлению русского правительства издать манифест, он знать не хотел ни о каких других уступках, ни даже о проведении в жизнь самого манифеста.

Наступившее тотчас же вслед за манифестацией торжество реакции и жестокие преследования младо-бухарцев открыли всем, кто еще сомневался, истинное лицо «эмира-освободителя».

В тот же день, день манифестации, пробравшиеся сквозь толпу к Кушбеги наши посланцы: Ата-Ходжеев, Мирбаба и Юсуф-Заде, были арестованы в арке.

Пошли дальнейшие аресты. Эмирская полиция ловила видных джадитов — участников манифестации.

Всего было арестовано до 30 человек, в том числе Аини, Мирза-Насрулла, Мирза Сахбабей и другие. Арестованных эмир, по восточному обычаю, приказал бить палками. Мирбаба и Аини дали по 75 палок, а Мирза-Насрулла—150 по голой спине. Необходимо было в этот ответственный момент предупредить об опасности остальных членов партии и собрать где-либо ее распыленные силы. Сделать это в Старой Бухаре не было никакой возможности, ибо многочисленные фанатики все равно помогли бы эмиру переловить джадитов. Оставалась Каган — Новая Бухара — городок с русским населением—местопребывание русского резидента. Абдул-Вахит послал своих людей в Каган, чтобы узнать, можем ли мы рассчитывать там на приют и безопасность. Мне лично пришлось выехать в Новую Бухару, не дожидаясь ответа.

Дело было так: когда манифестация разошлась по домам, я тоже пошел домой, туда же пришли делегация от евреев и Мирахмед-Мирнигматов.

Делегацию я успокоил, посоветовал евреям, на худой конец, отправить своих видных деятелей в Новую Бухару.

Сам я хотел остаться в Старой Бухаре, чтобы быть поближе к событиям и информировать о них товарищей.

Но мне это не удалось.

Час спустя ко мне пришел Зевин, управляющий бухарским отделением Русско-Азиатского банка, один из самых прогрессивных людей тогдашнего русского буржуазного общества в Бухаре. Он просил меня немедленно скрыться, говоря, что эмирское правительство придает мне большое значение и намерено арестовать меня.

Я не считал это важным и уехать отказался.

Зевин ушел, обещая держать со мной связь по телефону. Я же тем временем послал двух своих людей в Регистан, чтобы выяснить настроение. Через полчаса последовал звонок от Зевина. Он сказал мне, что пробраться ко мне во второй раз не решается, но очень просит тотчас же притти к нему.

Переулками я пробрался в банк. Там были только Зевин и его помощник. Зевин об'яснил мне, что им получены сведения о том, что на мой дом готовится нападение толпы и даже войск, т. к. толпа требует этого. Он настойчиво уговаривал меня скрыться. Я долго отказывался, но, наконец, все же согласился поехать в Новую Бухару.

Но легче было согласиться, чем выполнить: вокруг банка уже собралась толпа, узнав, что я здесь.

Все же я вышел из банка в сопровождении одного знакомого лезгина, Обида, оба вооруженные маузерами, и через еврейский квартал прошел к себе. Посланные мною в Регистан люди возвратились и сообщили то же, что и Зевин.

Я решил скрыться. Вызвал знакомого биржевого извозчика, Ахмеда, человека безусловно мне преданного: он воспитывался у нас, моей матерью, с детства, а затем служил у меня.

Я пробрался по существующему до сих пор подземному ходу, который ведет из моего дома к еврейскому кварталу, где ждал меня Ахмед.

В сопровождении трех вооруженных моих всадников я через еврейский квартал и ворота Силлахона выехал из Старой Бухары. На вокзале нас хотели задержать, но мы успели убежать. Я добрался до квартиры Зевина, и вместе с ним и его помощником мы благополучно прибыли в Новую Бухару.

Туда же пробрались и другие младо-бухарцы.

Нужно было где-нибудь собраться, чтобы решить, что делать. Единственным подходящим местом для этого был клуб российских мусульман.

Многие из членов этого клуба, рабочие и ремесленники, состояли в русских революционных партиях: социал-революционеров и социал-демократов, и мы всегда могли рассчитывать на их сочувствие и поддержку.

Мы не ошиблись в своих расчетах: благодаря активной помощи русского пролетариата, в лице левой социалистической части Каганского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, нам удалось собрать наши разбитые реакцией силы и начать новую борьбу за освобождение бухарского народа.

Все, кто боролись в наших рядах с деспотической властью тирана, никогда не забудут этого.

Лишь только нам удалось собраться, перед нами встал вопрос, как помочь арестованным товарищам.

Мы решили вести работу в двух направлениях:

1) повести агитацию в самой Старой Бухаре и организовать там, по возможности, демонстрацию протеста;

2) агитировать среди русских рабочих и вообще русского населения и призвать на помощь туркестанские краевые революционные организации и солдат.

Работа закипела.

Много сделали, в осуществление вышеприведенных постановлений партии, Бурханов и я—в Бухаре, Фитрат, Усман-Ходжаев и Абдусаидов — в Ташкенте.

Громадную помощь принесло нам выступление Керкинской организации во главе с Кары-Юлдаш-Пулатовым [1]).

К этому времени присоединился к нам один из вождей младо-бухарской правой—Мирза-Мухитдин-Мансуров, еще ранее бежавший из Бухары.

У него были особые мотивы бегства—личная его конкуренция, известная всему населению, с главой старо-бухарского купечества, очень близким к эмиру человеком, Караванбаши-Азизовым.

Эта коммерческая конкуренция превратилась в политическую борьбу, и Мухитдин-Мансурову пришлось бежать, ибо он опасался мести своего конкурента-реакционера.

Таким образом, к Каганским беглецам младо-бухарцам присоединился еще Мухитдин-Мансуров с тремя сыновьями.

Наш призыв к русским революционерам, к русским революционным рабочим в Ташкенте не остался без ответа.

Из Самарканда, по распоряжению Ташкентского Краевого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, прибыл в Бухару эшелон войск во главе с членами Совета Рабочих и Солдатских Депутатов: с.-р. Черновым и еще одним солдатом, прекрасным оратором, кажется с.-д., фамилию которого, к сожалению, не помню.

В Новой Бухаре при большом стечении рабочих и солдат открылось заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов совместно с вождями младо-бухарской партии. На этом собрании из младо-бухарцев выступил я, а из сочувствующих нашему делу мусульман, не - членов младо-бухарской партии.—Бекбердиев и Ариф-Каримов.

На этом же собрании было опубликовано перехваченное младо-бухарцами письмо первого секретаря русского резидентства Шульги к бухарскому Кази-Каляну.

Шульга в этом письме предупреждал эмирское правительство, что движение младо-бухарцев распространяется, охватывая все более широкие слои населения; Шульга советовал эмиру беспощадно расправиться с младо-бухарцами, обещая энергично содействовать Кази-Каляну, верным помощником которого будет он—Шульга.

---

[1]) Кары-Юлдаш-Пулатов —один из создателей Керкинского младо-бухарского движения.

Письмо вызвало огромное впечатление: революционные рабочие и солдаты вместе с младо-бухарцами громко требовали ареста Шульги. В русском резидентстве увидали они тайных изменников и предателей революции.

Буржуазия, в лице кадетов Гальперина и Рабиновича, защищала Шульгу.

Наконец, первая победа была одержана: Шульге об'явили домашний арест.

Эмирское правительство, видя, что нашлась управа и на русских черносотенцев, почувствовало силу русских революционных организаций, поняло, каких могучих союзников приобрели младо-бухарцы в русских революционерах, и, поняв это, повело политику уступок.

Немедленно были освобождены Атта Ходжаев, Юсуф-Заде и многие другие, и в сопровождении русской делегации и бухарских чиновников были отправлены до станции Старая Бухара, где их встретили товарищи и много народу. Вместе с Атта Ходжаевым и Юсуф-Заде также выдали избитых: Аини, Мирбаба и Мирза-Насрулла. Последний был очень тяжело болен—у него начинался гнойный процесс легких. У избитого Аини также были повреждены легкие. Всех освобожденных из под ареста доставили в Новую Бухару, а больных поместили в больницу.

На следующий день Мирза-Насрулла умер. Перед смертью он сделал политическое завещание.

Он писал, что любит народ и, умирая, надеется, что народ освободится от гнета и рабства. Страшная смерть от руки палача не страшна ему; наоборот, он рад ей, ибо уверен, что своею смертью он помогает освобождению и приближает его час.

Похороны Мирза-Насрулла были грандиозными. Несмотря на все угрозы и запрещения, прибыла масса народу. В похоронах приняли участие все революционные организации: младо-бухарцы, русские рабочие и воинские части—все, что было живого в Новой и Старой Бухаре.

Когда все дела, связанные с похоронами и освобождением арестованных товарищей, были кончены, группа правых членов младо-бухарской партии созвала общее собрание с целью реорганизации партийных верхов.

Инициаторами этой реорганизации были Бурханов, Фазмитдин Максум и Мухитдин Рафаат. Воспользовавшись печальными событиями, последовавшими за манифестацией, они—наши «мирнообновленцы»—повели решительное наступление против левого крыла партии, обвиняя нас во всех случившихся бедах.

На собрание пригласили семейство Мухитдиновых. Сыновья пришли, но сам Мухитдин Мансур и его сын Абдул-Кадыр притти отказались.

Собрание открылось вступительным словом Бурханова.

После краткого доклада о последних событиях он заявил, что перед партией стоят большие задачи: надо вести переговоры с эмирским правительством и резидентом России, и поэтому надо создать авторитетный, способный выполнить эти задачи центральный комитет партии, тем более, что видные члены старого центрального комитета, как Фитрат и Усман Ходжаев, отсутствуют.

На роль руководителя партии Бурханов предложил Мухитдина Мансурова, указав, что Мухитдин Мансуров—умный, достойный человек и пользуется большим авторитетом среди русских. Действительно, Мансуров имел большие личные связи с русской буржуазией и был вхож в русское резидентство.

Момент для атаки на старый центральный комитет был избран удачно, и Бурханову удалось провести реорганизацию.

В новый центральный комитет вошли: Мухитдин Мансур—председатель и лидер, Абдул-Кадыр Мухитдинов, Мухитдин Рафаат,

Абдул-Вахит Бурханов, Усман Ходжаев, Ариф Каримов, Мирза Исам Бухитдинов, Муса Саиджанов, я и еще два—три человека, фамилии которых не помню и которые после первых заседаний не работали и были исключены. Позднее в центральный комитет вошли еще двое: Фитрат и Ата Ходжаев, члены старого центрального комитета, но суть реорганизации заключалась, конечно, в выборе Мухитдина Мансурова председателем и лидером и во включении его сыновей в состав центрального комитета.

Таким образом, наши правые «мирнообновленцы» и постепеновцы, революционеры, боящиеся революции, победили.

Можно было бы, конечно, протестовать, так как формально эти выборы были незаконны: в избирательном собрании участвовали далеко не все младо-бухарские партийные организации и, кроме того, многие наличные члены были против нового состава центрального комитета, но ни мне, ни другим вождям левого крыла не хотелось начинать внутрипартийную борьбу. Положение было очень запутанным: партии в целом грозили преследования эмира, я сам все еще жил нелегально в Новой Бухаре, то в одном доме, то в другом (долго я скрывался на заводе Левина и в квартире агента Российского страхового о-ва Мухамедова)—и, конечно, в такой момент вызвать раскол в партии значило бы губить все наше дело.

Пришлось временно уступить руководство партией ее правому крылу.

Первое заседание нового центрального комитета состоялось в номере у Мансурова. Вслед затем мы почти ежедневно собирались у него и обсуждали волнующие партию вопросы.

На этих заседаниях предлагались два пути дальнейшей работы:

1) добиваться у эмира через русское правительство амнистии, прекращения преследований и спокойной легальной работы;

2) на ряду с использованием легальных давлений на эмирское правительство подготовлять вооруженное восстание через тайное вооружение партии и организацию партизанских выступлений в вилайетах.

Второе предложение исходило от меня и выражало мнение левого крыла партии. Что касается Мансурова, то он с самого начала заявил себя противником каких бы то ни было вооруженных выступлений и насильственных мер. Он соглашался только на первый путь — путь легальности, уговоров эмира и сановников при помощи русского резидентства.

Большинство нового центрального комитета, отнюдь не страдая избытком революционной энергии, с удовольствием поддержало Мансурова.

Вооруженные выступления были отвергнуты, путь уговоров принят, и в подкрепление уговариванию властей решено было отправить в провинцию агитаторские тройки, которые организовывали бы митинги, раз'ясняли бы населению причины последних событий, знакомили бы население с платформой партии, требовали бы немедленного проведения в жизнь начал, об'явленных в эмирском манифесте. Из этой затеи ничего не вышло: агитаторских групп не создалось, кроме одной, состоявшей из Фаткулы-Ходжа и Юсуф-Заде, отправившихся в Чарджуй.

Вся работа партии сосредоточилась на переговорах с эмиром и русским правительством. Во главе всех мероприятий по переговорам стоял сам Мансуров.

После долгих единоличных совещаний с Миллером Мансуров совершенно неожиданно об'явил нам о необходимости начать переговоры с эмиром при посредничестве Миллера.

Я высказал по этому поводу некоторые свои опасения, но их никто не хотел слушать, и на этом же заседании была выбрана комиссия для ведения переговоров. В нее вошли: Мухитдин Мансуров, Абдул Кадыр, Мухитдинов, Исам Мухитдинов, Муса Саиджанов, Абдул Вахит Бурханов, Ата Ходжаев, Ходжа Абдул Сатария.

Словесная директива центрального комитета была следующая: «добиться соглашения с эмиром на основе неприкосновенности легальной работы партии в духе манифеста эмира». При помощи такой умеренности многие надеялись обеспечить за партией возможность хотя какой-нибудь легальной работы. Предварительно Мансурову, Бурханову и мне предложили переговорить с Миллером.

Мы поехали. Миллер нас принял, переговоры вел Мансуров. Миллер сказал, что он не ручается за успех, но постарается помочь нам, и что, конечно, переговоры с эмиром единственный путь, так как других средств воздействия нет.

Итак, согласовав этот вопрос с Миллером, на другой день мы отправились к эмиру. К нам присоединились Миллер, Введенский и несколько членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. От прибывших из Самарканда воинских частей никого не было. Они остались на вокзале Ст. Бухары, и не нашлось никого, кто бы позаботился договориться с ними. Утром в пятницу мы сели на пассажирский поезд и отправились на вокзал Ст. Бухары. Там нас встретило несколько чиновников с экипажами эмира. Нас всех посадили попарно, дав каждой паре в сопровождение чиновника. Я очутился рядом с Мансуровым. Нас всех повезли по базару как раз тогда, когда правоверные выходили из многочисленных мечетей, а в самом Регистане нас ждало до 5.000 человек реакционеров.

Во время проезда из толпы нас осыпали бранью и камнями. Все это не сулило впереди ничего доброго.

Наконец, нас привезли в посольский отдел Кушбеги, где обычно премьер-министр принимает гостей. Ждать нам пришлось недолго: часа через 2 нас всех пригласили в тронный зал эмира. Мы все попарно, в сопровождении русских властей, отправились туда, не спросив даже, зачем нас ведут.

В зале мы застали всю правящую Бухару: блестящие ряды сановников и главарей мулл.

При нашем появлении поднялся шум и крики — нас осыпали ругательствами. Поместили нас позади эмира, вместе с русскими. Первое слово было предоставлено Мансурову.

Он начал примерно так: «Мы — любящие родину и существующий строй граждане Бухары, и хотя мы критиковали некоторые недостатки манифеста его высочества, не совпадавшие с нашими целями, но сейчас мы протягиваем к вам руки, высокие люди государства. Да осуществится воля эмира».

Едва Мансуров начал говорить, как все повскакали в мест, начали махать палками, ругать нас изменниками, предателями, неверными, а коекого и бить.

В это время эмир поднялся с места, обратился к Мансурову и сановникам и сказал: «И вы, и вы — мои подданные, между вами недоразумение, все это пройдет, успокойтесь. Как было, так и будет». С этими словами он быстро вышел. Мы услыхали рев и гул многотысячной толпы у самых стен дворца, требовавшей выдачи делегации на суд и растерзание народа. Только тогда делегация поняла цель эмира и Миллера, этих двух друзей; однако мы не были выданы толпе: нас продержали некоторое время в коридоре, а затем, под шум и крики оттесненной толпы, провели на прежнее место.

Там мы сидели весь день, слушая крики возбужденной толпы, требовавшей нашей выдачи.

Тут предательская роль представителей русского временного правительства обнаружилась вполне. Миллер и Введенский изо всех сил старались казаться честными маклерами в затеянной ими совместно с эмиром

нечестной игре. Они то приходили к нам, то уходили к эмиру, выходили и к толпе, якобы затем, чтобы ее успокоить, а на деле вожделенно ждали нашей крови, крови революционеров, ибо их аппетиты еще не были удовлетворены резней революционеров в Персии.

И вот тут-то отчетливо наметился тот союз, который впоследствии освободил Бухару и вывел ее на широкую дорогу советского строительства,—союз национально-революционных элементов Востока с русскими рабочими и крестьянами, сбросившими иго царизма.

Буржуазные болтуны и предатели, Миллер и Введенский, скрывавшие под маской внешнего либерализма свою реакционную сущность, хотели нас выдать на растерзание толпе, но нашлась сила, которая этого не допустила.

Это были революционные русские войска и рабочие Новой Бухары. Они не дали осуществиться адскому плану эмира и его русских приспешников. Первыми явились к нам на помощь рабочие Новой Бухары, с которыми младо-бухарская партия держала теснейшую связь, а затем революционные войска, расположенные в Новой Бухаре и на вокзале Старой Бухары.

Мы, делегаты, за все время своего пребывания во дворце ничего не знали о том, что у нас нашлись защитники, и ждали смерти от руки палача или от готовой к самосуду толпы.

Вдруг случилось неожиданное: нас посетили Насрулла Кушбеги и Урганджи. Оба в один голос об'явили, что эмир сожалеет обо всем случившемся и негодует на фанатичность народа, который окружил дворец в количестве до 10.000 чел. и вот уже 12 часов требует казни делегации или выдачи ему. Однако этого не будет, так как эмир желает кончить все миром. Затем Урганджи добавил, что к утру нас можно будет отпустить.

Очевидно, посещение рабочих и революционных солдат возымело свое действие на высокую особу эмира и его сановников. Урганджи сказал еще, что члены совета Новой Бухары очень устали и должны уехать. Мы энергично запротестовали против от'езда единственных наших надежных защитников, и они, конечно, согласились остаться с нами.

Миллер, увидя энергичную защиту делегации со стороны членов совета и просто рабочих, струсил, стал хлопотать о нашем освобождении и пытался вести безуспешные переговоры по телефону с войсками.

М. П. Павлович

Революция 1905 г. и Восток

Революция 1905 г. Русско-японская война и Восток. Ленин о последствиях русско-японской войны

В пророческой статье «Падение Порт-Артура», напечатанной во «Вперед» за несколько дней до 9 января, — именно 1 января 1905 года, т. Ленин так об'яснял роль неудачной войны с Японией, как могучего агитационного средства, как крупнейшего революционного фактора:

«Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он все более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозиции. Гроб повапленный, — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности.

«Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

«Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа (с Россией во главе) обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и об'единилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное, исконное право на эксплоатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией европейских газет прославила неприступной. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот, маленькая, всеми до тех пор презираемая Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней после того, как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя».

И мы знаем, что события оправдали прогноз (предсказание) Ленина. Тот факт, что маленькая Япония могла победить гигантскую Россию, этого страшного дотоле врага всех азиатских народов, произвел сильнейшее впечатление на население всей Азии. Маленькие японцы побеждают сильнейшую военную державу в Европе. Каким образом достигают они этого? Они брали уроки у самой Европы и заимствовали европейские учреждения.

Еще большее впечатление на народы Востока произвела русская революция 1905 г. В жизни азиатских народов русская революция сыграла

такую же громадную роль, какую некогда в жизни европейцев сыграла Великая Французская Революция.

После русско-японской войны и русской революции 1905 года мы видим под'ем освободительного движения в Персии, всеобщую забастовку в августе 1906 г. в Тегеране, созыв первого меджилиса (парламента) в октябре того же года, затем усиление младо-турецкого движения в Турции, закончившееся революцией 1908 г., разбившей в щепы устои деспотической власти кровавого султана Абдул-Гамида, далее революционное движение в Китае, завершившееся свержением династии манчжуров и провозглашением республики в 1911 году.

После русско-японской войны и русской революции 1905 г. национально-освободительное движение на всем Востоке начинает развиваться усиленным темпом под знаком борьбы как против внутренней реакции и деспотического режима в собственной стране, так и против гнета со стороны империалистических европейских государств, превративших весь Восток в колонию мирового капитализма.

В течение многих столетий азиат с трепетом смотрел на европейца, считая последнего злым и коварным, но в то же время непобедимым врагом, бичом божьим, борьба с которым заранее обречена на неудачу и связана с жестокой карой. Ляойян и Мукден, отступление, казалось, бесчисленных армий белого царя, могущественнейшего из владык Европы перед желтолицыми солдатами маленькой Японии открыли глаза азиатам и показали им, что борьба с Европой возможна и при надлежащей организации и упорном натиске желтых масс должна привести к победе. В тот момент, когда страшный дотоле двуглавый орел оказался неожиданно побежденным и «на забаву желтым детям даны» были, по выражению Вл. Соловьева, «клочки от его знамен», сонная дотоле Азия сразу пробудилась к новой жизни.

Политические и экономические предпосылки национально-освободительного движения на Востоке в XX веке

Десятилетие, предшествовавшее русско-японской войне и русской революции 1905 г., было эпохой особенно усиленного натиска капиталистических держав на черный и желтый континенты. Так, по отношению к Срединной Империи период, начиная с японо-китайской войны 1894 г., оторвавшей от Китая ряд его территорий, может быть охарактеризован, как период усиленного расчленения Китая мировыми хищниками. Германия захватывает провинцию Киао-Чоу с портом Циндао, Россия—Порт-Артур и Дайрен, Англия отрывает от Китая Вейхавей и территорию, лежащую на материке против острова Гонконга, Франция присоединяет к своим владениям Гуань-Чжоу-Вань и округляет свои территории на счет Китая. Чтобы не быть опереженной в борьбе за раздел Китая другими хищниками, С. Штаты в 1898 году об'являют войну Испании и захватывают не только Кубу, ключ к Панамскому каналу, кратчайшему пути от берегов восточной Америки к китайскому побережью Тихого океана, но и Филиппины, базу на подступах к Китаю. Это наступление мирового капитала на Китай вызывает со стороны народных масс Китая отпор в форме боксерского восстания 1900—1901 г. г.

Вслед за испано-американской войной 1898 г. начинается англо-бурская война 1899—1901 г., война за гегемонию Англии не только в южной Африке и во всей восточной половине черного континента, но и на Индийском океане и на морском пути вдоль Западного побережья черного континента в Азию. После того, как Англия утверждает свою гегемонию в южной части Африки, империалистическая Франция в интересах сохранения «равно-

весия сил» в Африке начинает свое наступление в северо-западной части Африки. Подписав тайные договоры с Испанией, Италией, Англией, Франция обеспечивает себе свободу действий в Марокко и приступает к завоеванию этой области. В то время как разыгрываются эти события в Китае, в южной и северной Африке, Германия, «утверждая свое влияние» в западной и восточной Африке, принимая участие в грабеже Китая, усиленно проводит в Малой Азии свою багдадскую рельсовую колею, долженствующую приковать Турцию с ее громадными естественными ресурсами к победной колеснице Германской империи, и вопрос о Багдадской дороге становится одним из главнейших стержней, вокруг которого начинает вращаться вся международная политика. Одновременно идет натиск на Персию с севера со стороны царской России, с юга—со стороны Англии и по турецкой границе—со стороны Германии, которая создает план проведением ветви от багдадской магистрали (Багдад-Ханикин-Керманшах-Хамадан) подчинить своему экономическому и политическому влиянию Персию.

Само собой разумеется, что на ряду с захватом африканских и азиатских территорий, созданием здесь военных баз, сооружением рельсовых путей идет усиленное проникновение европейского и американского капиталов в колониальные и полуколониальные страны. Усиленно строятся рельсовые пути, шоссейные дороги, воздвигаются порты, набережные, европейские товары все в большем количестве проникают в самые отдаленные пункты Персии, Турции, Индии и т. д., разрушая местную кустарную промышленность, и страны Востока с каждым днем все более и более превращаются в сырьевые и продовольственные базы, в так называемую «хозяйственную территорию», в «хинтерланд», на который опираются индустриальные страны. За период с 1901 г. по 1906 г. внешняя торговля Британской Индии возрастает с 3.081 миллионов марок до 3.928, Китая—с 1.376 миллионов марок до 2.294, Персии—с 149 млн. марок до 251. Таким образом, только за первое пятилетие нынешнего столетия торговля трех азиатских стран возрастает почти на 2 миллиарда марок. Одновременно под влиянием финансового капитала, который создает в Индии, Китае, Турции фабрики и заводы, эксплоатирует угольные копи и т. д., в странах Востока начинает создаваться вначале очень немногочисленный, но затем все более растущий численно железнодорожный и фабричный пролетариат [1]). Этот пролетариат естественно подпадает в Индии, Китае, Турции под влиянием оппозиционно настроенной туземной торговой буржуазии, недовольной засилием иностранного капитала и опасающейся в Турции, Персии, Китае окончательного уничтожения последних остатков независимости своих стран.

Так создается база для национально-освободительного движения на всем Востоке. Этому движению дает первый могучий толчок русско-японская война и революция 1905 г.

Персия

Из всех стран Востока особенно близко была связана с царской Россией в экономическом отношении Персия. Во внешней торговле последней Россия по импорту и экспорту занимала первое место среди других держав. Русский экспорт в Персию составлял в 1886 г. 6,1 млн. руб., в 1896 г.—14,5 млн. рублей в 1907 г.—28,3 млн. руб. Русский импорт из

[1]) В Индии мы имеем в 1905 г. служащих и рабочих на железных дорогах и в железнодорожных постройках около 350.000, в хлопчатобумажной и в джутовой промышленности около 300.000, в каменноугольных копях около 70.000, а в общем в крупных предприятиях, имеющих более 50 рабочих, около 800.000 человек, включая и железнодорожный персонал.

Персии выражался в следующих цифрах: в 1886 г.—10,3 млн. рублей, в 1896 г.—17,7 млн. руб., в 1907 г.—20,3 млн. руб. Но связь Персии с Россией выражалась не только в возраставших из года в год торговых связях. В течение пятнадцати лет, предшествовавших 1905 г., из Персии ежегодно отправлялись десятки тысяч бедняков на Кавказ, где они работали на нефтяных промыслах в Баку, в Грозном, где на каждой фабрике, в каждом промышленном учреждении в Тифлисе, в Эривани, во Владикавказе, в Новороссийске, в Дербенте, в Темир-Хан-Шуре были представителями персидских трудовых масс. И в общении с русскими и кавказскими пролетариями, в работе под общим фабричным сводом или в четырех стенах одной общей душной мастерской, персидский труженик в лице его наиболее сознательных элементов приобщался к великому революционному движению, волны которого бушевали по всей Российской империи.

События русской революции—9 января, всеобщая забастовка, московское вооруженное восстание — произвели потрясающее впечатление на население Персии. Нелегальная персидская литература проникла во все города, повсюду происходили демонстрации против шаха и его сатрапов, клич «да здравствует конституция» разносился по всей стране. Наконец, в августе 1906 года началась знаменитая всеобщая забастовка в Тегеране, в которой приняло участие все духовенство столицы, закрывшее все мечети, все купечество, закрывшее все лавки и базары, далее ремесленники, рабочие, одним словом, все классы населения. Результатом этой всеобщей забастовки и явилось провозглашение конституции в августе 1906 г. и созыв первого меджилиса (парламента) в октябре того же года.

Недолго просуществовал первый персидский меджилис. Но и за короткое время своего существования он успел многое сделать. Были вотированы новые законы, наносившие страшный удар экономическому господству мюлькадаров (крупных помещиков), было приступлено к коренной реформе податной и административной системы Персии. Новая эра как будто открывалась перед измученной страной. Но перспектива возрождения Персии не могла не пугать русских черносотенцев и английскую буржуазию.

Первоначально Англия поддерживала персидское национальное политическое движение.

Так как русское политическое, экономическое и военное влияние в Тегеране было очень сильно, благодаря тяготению реакционного шаха к царскому правительству, поддерживавшему старый персидский режим силой казачьей бригады, обученной и руководимой русскими офицерами, Англия, чтобы подорвать влияние России в Персии, вступает как бы в тайный союз с персидским народом, пользуется пробуждающимся в стране конституционным движением и, оказывая энергичную поддержку населению, борющемуся за свободу, в необычайной мере подымает свой престиж в Северной Персии и этим самым создает себе в 10 - миллионном персидском народе верного союзника в борьбе против агрессивной политики России в Средней Азии. Но дружба английской дипломатии с персидским освободительным движением длится недолго. Англия поддерживала конституционное движение в северных областях Персии, пока нужно было противодействие русскому влиянию при дворе шаха, но в то же время Англия всеми силами подавляла освободительное движение в южных провинциях, прилегающих к индийской границе, оказывала в этих областях всяческую поддержку персидским сатрапам, боровшимся против освободительных идей. Рост революционного движения среди 300-миллионного населения Индии не в меньшей мере, чем страх перед Германией, толкнул Англию к сближению с Россией. Именно, опасение, что торжество революции во всей Персии даст сильный толчок революционному движению в Индии, заставило английскую дипломатию круто изменить свой курс по отношению к осво-

бодительному движению в Персии. Таковы основные мотивы пресловутого англо-русского соглашения 1907 г. по персидским делам.

Опубликование англо-русской конвенции, означавшее фактическое уничтожение персидской независимости и учреждение англо-русского протектората над Персией, сильно встревожило сознательные слои персидского общества и внесло большое смятение во внутреннюю жизнь страны, обострив чувство неуверенности в завтрашнем дне. Повсюду усиливается анархия, реакция подымает голову, и шах с особой энергией начинает готовиться к решительному выступлению, ведя в то же время систематическую подпольную войну против новых учреждений.

11 (24) июня 1908 г. начальник персидской казачьей бригады полковник Ляхов, действуя по плану, выработанному им совместно с русским посланником в Тегеране Гартвигом, главой персидских реакционеров, эмиром Богадуром Джанком, и с одобрения командующего войсками Кавказского военного округа, подверг бомбардировке персидский меджилис. Многие народные представители были убиты или казнены (мирза Ибрагим, мирза Хан, Мутакалимин и проч.), другие подверглись пыткам и брошены в тюрьмы, третьи изгнаны или бежали сами.

Так русским полковником было временно подавлено движение, которому такой сильный толчок дали русская революция и русско-японская война.

Персидское революционное движение было тесно связано с рабочим движением в России, наоборот персидская контр-революция черпала свои силы у подножия царского трона. Весьма любопытно, что основателем персидской социал-демократической партии (Ичмаюн Амиюн) был покойный товарищ Н. Нариманов; наоборот, главным вдохновителем персидской контр-революции был русский подданный С. М. Шапшал, возбудивший против себя всеобщую ненависть в Персии. Шапшал кончил восточный факультет Петербургского Университета и был по рекомендации царского правительства назначен воспитателем шаха Мехамеда Али, когда тот был наследником престола. Шапшал и Ляхов были главными вдохновителями и руководителями государственного переворота 23 июня 1908 г., бомбардировки и разгрома персидского меджилиса. В этот исторический момент решительной борьбы с персидским революционным движением «при шахе», как писал корреспондент одного русского военного журнала Н. П. Мамонтов, остались только два верных ему честных человека—по злой для него иронии судьбы—оба русские подданные: Сергей Маркович Шапшал и командир казачьей его величества шаха бригады—полковник Ляхов. С другой стороны, персидская революция нашла вернейших союзников в России. Одна только Бакинская социал-демократическая организация послала в Тавриз 22 дружинника, которые привезли с собой 40 винтовок Бердана и 50 бомб. Одной из этих бомб был убит губернатор Маранда. Кавказский Областной Комитет послал одного своего члена в качестве руководителя кавказскими революционерами в Персии для борьбы против реакции [1]).

Тов. Гурко-Кряжин в очень интересной статье «Нариманов и Восток» [см. «Новый Восток» 1925, № 1 (7)], подчеркивая тот факт, что Нариманов был основателем персидской социал-демократической партии, ставит вопрос: «Как это случилось? Почему закавказский революционер стал основателем персидской политической партии»? На этот вопрос т. Гурко-Кряжин дает следующий ответ:

---

[1]) См. подробнее М. Павлович и С. Иранский „Персия в борьбе за независимость“. Изд. Научн. Ассоц. Востоковедения. 1925 г. См. стр. 90—91, см. там же о роли русских революционеров в персидском освободительном движении.

«Для того, чтобы понять этот факт, необходимо иметь в виду, что Закавказье в годы под'ема русского революционного движения жило общей жизнью с соседними странами: Персией и Турцией. Если генерал Алиханов-Аварский громил селения гурийцев в Западной Грузии, а полковник Мартынов расстреливал тифлисских рабочих, то другой царский полковник Ляхов разгонял и вешал персидских демократов в Тегеране. Этот нажим царизма рождал солидарность интересов, вызывал потребность в общем революционном действии. В особенности это чувствовалось после разгрома революционного движения 1905—1906 года: закавказские революционеры и в том числе товарищ Нариманов пришли к совершенно правильному выводу, что все равно, где делать революцию, лишь бы это была революция. И вот мы видим, как кучка кавказцев-«фидаев» под предводительством армянина Ефрема ниспровергает шаха Мемет-Али. Другая горсть героев-кавказцев выдерживает в течение 9 месяцев историческую осаду в Тавризе[1]). Любопытно отметить, что их чрезвычайно воодушевляет известие о младотурецком перевороте. Неудивительно, что русские реакционные круги устами «Нового Времени» требуют «беспощадного искоренения преступников-фидаев», мотивируя это тем, что «и истинная гуманность требует жестокости». Угрозы «Нового Времени», конечно, не напугали кавказских революционеров. Отряды их один за другим проникали в Персию и принимали самое деятельное участие в борьбе с персидской контр-революцией, руководимой царскими агентами.

Турция

Русско-японская война и русская революция дали толчок национально-освободительному движению и в Турции. Как вынужден был признать в свое время Милюков, *турецкие революционеры с большим вниманием следили еще в Париже за развитием революции* и сделали отсюда некоторые выводы (*П. Милюков — «Балканский кризис и политика А. П. Извольского». С.-Петербург. 1910*). Но значение русской революции заключалось, конечно, не столько в ее влиянии на эмигрантские круги, сколько *в ее глубоком воздействии на широкие народные массы Турции, на турецкую армию.* До 1906 г. турецкое оппозиционное движение как будто сосредоточивалось исключительно за границей, в турецкой эмигрантской среде, в Женеве, в Париже и некоторых других городах Европы. Наибольшее влияние среди турецких эмигрантов в Европе имела младотурецкая партия иттихадистов («Единение и Прогресс»). Начиная с 1905 г. влияние младотурок в самой Турции быстро растет, и скоро партия иттихадистов создает целую сеть подпольных организаций во всей стране, в особенности же среди армии. В 1906 г. *младотурецкое движение принимает столь внушительный характер, что Центральный Комитет партии покидает Париж и переносится в Салоники,* где образуется главный штаб движения против султанского правительства. В 1907 г. в Париже, по инициативе партии Дашнакцутюн, происходит конгресс всех революционных партий и организаций Турции. На этом конгрессе решено было начать общее наступление против султанского правительства в тридцатую годовщину восшествия на престол Абдул-Гамида с целью свержения власти кровавого султана.

Англо-русский проект македонских реформ, последовавший за историческим свиданием английского и русского государей в Ревеле, 9 июня

---

[1]) При обороне Тавриза погибли 22 кавказских социал-демократа (Владимир Думбадзе, Валико Бокрадзе, Пахвиладзе, Георгий Эмушвари, Чита и др.). При взятии Решта в январе 1909 г. кавказские с.-д. потеряли несколько товарищей, в том числе двух с.-д. бомбометателей.

1908 г., ускорил взрыв. Младотурецкая партия решила не откладывать дела в долгий ящик и немедленно поднять знамя восстания против султана.

Роль турецкой армии в освободительном движении была велика, однако не следует умалять роль остальных элементов турецкого населения в конституционном движении, как это делали многие. Можно считать уже вполне установленным тот факт, что турецкое освободительное движение отнюдь не явилось движением, захватившим, прежде всего и главным образом, армию, как изображали переворот 1908 г. буржуазные писатели Европы и царской России.

Турецкая революция явилась движением общенациональным, в котором самое энергичное участие принимали все слои турецкого населения. И если справедливо, что из двух первых турецких батальонов, поднявших знамя восстания против султана, батальон под командой лейтенанта Энвер-бея состоял в значительной степени из солдат, зато 2-ой более многочисленный отряд, двинувшийся под начальством майора Ниязи-бея, коменданта крепости Реня, состоял почти исключительно из невоенных. Все значение этого факта сразу бросается в глаза. Итак, в первых двух батальонах, начавших совместно восстание, было больше невоенных, чем военных. Таким образом уже этот первоначальный эпизод турецкой революции, представляющий собой один из тех фактов, к которым применим афоризм: «золотник фактов дороже пуда рассуждений», уничтожает представление о турецкой революции 1908 г., как о специфически военном пронунциаменто (восстание, бунт).

Крошечная армия Ниязи-бея и Энвер-бея оказалась непобедимой в войне с Абдул-Гамидом прежде всего потому, что на ее сторону сразу же стало все мусульманское население Македонии, все мусульманское крестьянство европейской Турции.

Во всех турецких деревнях крестьяне безвозмездно снабжали фидаев (волонтеров) провизией, сообщали о передвижениях правительственных отрядов, давали приют фидаям и скрывали их. За голову Энвер-бея была обещана громадная сумма, но последняя никого не соблазнила. Многие деревни открыто отказывались повиноваться правительству и платить подати. После турецких деревень на сторону Ниязи-бея стали переходить и болгарские деревни. Лишь после того, как крестьянская масса решительно из'явила свое сочувствие и готовность оказать поддержку революционным планам Ниязи-бея, последний начал свое победное шествие от одного города к другому. Вообще июньская революция 1908 г. в ее первоначальной стадии может быть с большим основанием охарактеризована, как восстание мусульманского крестьянства европейской Турции против старого Абдул-Гамидова режима, чем как военное пронунциаменто.

Индия

В опубликованной в 1919 г. английской «Синей книге» о революционном движении в Индии в период с 1897 по 1918 г.г мы находим часто указания на то влияние, какое **русская революция 1905 года и русско-японская война имели на под'ем революционного движения в Индии**. Именно после 1905 г. в Индии с особой силой развивается террористическое движение, в различных частях Индии все чаще и чаще происходят противоправительственные демонстрации, все чаще вспыхивают волнения среди племен, туземная печать приобретает все более оппозиционный характер, и англо-индусская бюрократия, напуганная ростом революционного движения в стране, принимает самые жестокие репрессивные меры, чтобы подавить движение, которому дала такой могучий толчок русская революция и русско-японская война. Прежде всего англий-

ская бюрократия обрушивается на печать и бросает в тюрьму журналистов, осмелившихся возвысить свой голос в защиту угнетенной страны. Так, в 1908 г. известный индусский публицист Тилак был приговорен к шести годам тюремного заключения за свои статьи о режиме террора, господствующего в угнетаемой английским правительством стране. Одновременно с ним были арестованы и сосланы без суда административным порядком в более или менее отдаленные места 8 вождей национального движения. С той поры, как явствует из английских же официальных документов, много индусских журналистов и владельцев типографий разделили участь Тилака и были присуждены к каторжным работам за напечатание революционных статей. Закон 11 декабря 1905 года восстанавливает исключительное положение 1818 г., введенное в стране разбойничьей индо-британской компанией и дает возможность правительству Индии бросить в тюрьмы 130 журналистов. Этот закон уничтожает свободу печати и дает право местным административным властям конфисковать все подозрительные произведения печати.

Но все эти репрессивные меры не останавливают движения: 2 ноября 1908 г. в различных частях Индии происходят антиправительственные демонстрации в связи с сожжением трупа индуса Каная, убийцы одного полицейского; 7 ноября—покушение на жизнь Андре Фразера, генерал-губернатора Бенгалии; 9 ноября—убийство комиссара полиции; 25 ноября—покушение на убийство Омма, прокурора в Агарпаре; 22 декабря—вторичное покушение на жизнь того же прокурора; 7 мая 1909 г.—окончание громкого процесса 35 индусов, обвиняемых, в связи с обнаружением бомб в предместьи Калькутты, в заговоре против правительства, при чем двое обвиняемых приговариваются к смерти, а шесть—к вечной каторге; 1 июня—оправдание высшим судом трех индусов по делу о бомбистском заговоре в Миднапуре, сильное волнение, вызванное оправдательным вердиктом в рядах англо-индусской бюрократии, в консервативной прессе метрополии и среди многих депутатов палаты общин; 5 июня—убийство в Дакке индуса Гоббеша, в связи с выдачей членов революционного общества; 1 июля 1909 г.—убийство в самом Лондоне полковника сэра Керзона Уилли молодым индусом Мадар-Лал Дингрой; 14 ноября 1909 г.—покушение в Амерабаде на жизнь вице-короля Индии лорда Минто и его супруги, при чем под карету наместника брошена была бомба; 17 декабря—в Лагоре покушение, тоже посредством бомбы, на жизнь правительственного комиссара; 22 декабря—убийство Жексона, высшего английского чиновника в Назике, при чем в связи с этим убийством арестовано тридцать браминов, обвиняемых в заговоре.

И террористические акты не прекращались в Индии, а повторялись то там, то здесь. Чуть ли не каждый день англо-индусские газеты публиковали сведения о волнениях среди тех или других племен, о казнях, о многочисленных арестах, принимающих порой массовый характер. Так, по сообщениям «Таймса» от 16 сентября 1909 года, в одной только провинции Патиала было арестовано 160 человек в один день. И такие массовые аресты представляли далеко не редкость в Индии. Начались также аресты и в войсках. Так, в Январе 1909 года было арестовано 10 солдат туземного калькуттского полка. По официальному сообщению, арестованные вступили в полк специально с целью агитации.

Китай

Русско-японская война и русская революция дали сильный толчок реформаторскому и революционному движению в Китае.

Русско-японская война 1904—1905 г. г. с ее неожиданными результатами—разгромом гигантской, но отсталой России и блестящими победами конституционной Японии—произвела сильное впечатление в правящих кругах Срединной империи. На верхах бюрократии, вокруг трона, тогда определились три правительственные партии: манчжурская реакционная партия, во главе которой стоял принц Цин, самый старший по летам представитель царствующей династии; сюда вошли все мракобесы, бывшие тайными вождями пресловутого боксерского восстания, все влиятельные китайские черносотенцы и т. д.; манчжурская прогрессивная партия, куда вошли принц Су, вице-король Дуаньфан, герцог Цзай-цзе и многие другие влиятельные манчжуры. Эта группа защищала идею уничтожения всяких перегородок между манчжурами и китайцами, настаивала на неотложном проведении других реформ, но указывала на необходимость известной постепенности в этом вопросе, предлагая начать дело реформ, прежде всего, с преобразования одной провинции, именно Манчжурии. Наконец, правительственная партия китайских реформистов как бы продолжила дело Кан-Ю-вея, так трагически прерванное в 1898 г. Главными представителями этой группы были вице-король двух «Х» (Ху-бей и Ху-нань), Чжан-Чжи-дун, вице-король двух Гуанов, Цэнь-Чунь-сюян и многие другие бюрократы чистой китайской крови. Оставаясь верными династии, эти чиновники указывали на необходимость введения реформ во всей империи, главным образом, в области образования, защищали идею всеобщей грамотности, введения воинской повинности и т. д.

Стремление к образованию явилось основной чертой китайского общества в период после русско-японской войны.

В 1904 г. китайских студентов в Японии было 2.406, в 1906—8.620, а в 1907 г. их уже насчитывалось более 10.000. Стремление к образованию получило в период после 1905 г. прямо стихийный характер, и частная инициатива в этом отношении шла далеко впереди правительственной. Во время «чумной конференции» немецкие врачи говорили: «Китай за какие-нибудь три—четыре года сделал в интеллектуальном отношении такой шаг вперед, какой другие нации сделали бы в несколько десятков лет».

Движение в сторону реформ, все усиливавшееся после русско-японской войны в рядах китайского купечества, передового чиновничества, профессуры и т. д., заставило и манчжурскую династию пойти на уступки «духу времени».

После японских побед 1904—1905 г.г., когда сознание необходимости реформ с особой силой стало развиваться даже в правящих кругах Срединной империи, бюрократия устремила свои взоры на Юань-Ши-Кая, как на единственного государственного человека, который мог бы осуществить великое дело преобразования империи, не посягая на привилегии мандаринов и всей господствующей клики. Юань-Ши-Кай был не только вице-королем важнейшей провинции—ему было поручено командование шестью дивизиями преобразованной северной армии и управление министерством финансов и путей сообщения. Именно в 1905 г. Юань-Ши-Кай руководил первыми большими маневрами в Китае, на которые были приглашены иностранные военные атташе и о которых было напечатано много статей и даже отдельных брошюр в Европе и Америке. Эти маневры произвели большое впечатление в Китае, так боявшемся внешних врагов, и немало содействовали под'ему престижа Юань-Ши-Кая даже в тех кругах, которые ненавидели его за участие в перевороте 1898 г. После этих маневров и блестящих отзывов о них европейских атташе, влияние Юань-Ши-Кая при дворе подымается до необычайной степени. Вместе с тем начинается кратковременная эпоха ре-

форм сверху. Прежде всего правительство отправляет в Европу и С. Штаты две чрезвычайные комиссии для ознакомления с государственным строем различных государств, конституционными законами, организацией народного образования, армии и т. д. Об'является указ об отмене пыток при судебном следствии. Далее об'явлен указ о реформе военных училищ, о введении европейской формы в войсках, открыты в различных частях империи новые школы. Приняты меры для борьбы с употреблением опиума. Впервые слово «конституция» стало открыто упоминаться в китайской прессе в 1905 г., а первый императорский декрет, говоривший о скором введении конституции, был об'явлен в сентябре 1906 г. Между тем народное недовольство в стране обострялось, повсюду вспыхивали более или менее серьезные волнения. Различные классы населения не желали удовлетворяться правительственными полумерами и требовали немедленного провозглашения конституции. Наконец, весной 1907 г. в шести южных провинциях вспыхнуло грандиозное восстание. В одной только провинции Гуандун образовалась громадная 60-тысячная армия, которая дала целый ряд сражений императорским войскам. Восстание было подавлено; однако революционерам удалось, несмотря на поражение, спрятать оружие и амуницию в надежных местах. Это восстание вызвало сильное смятение в правительственных кругах и обострило борьбу между придворной партией реакционеров и группой чиновников-«прогрессистов». Террористический акт 6 ноября 1907 года, убийство одного генерал-губернатора директором школы полицейских, китайцем Си-Лином, вооруженное сопротивление будущих полицейских военной силе, признание директора школы, что он принадлежал к революционной партии и занял пост в полиции именно для того, чтобы скорее и легче осуществить свои революционные планы,—все это произвело необычайное впечатление на все китайское общество и вызвало беспримерную панику в высших кругах. Императрица в страхе немедленно призвала во дворец Юань-Ши-Кая. Снова началась комедия реформ. Было об'явлено особым декретом об образовании нового бюрократического учреждения—«Высшей Палаты», «Административного и Конституционного контроля», которое должно было выработать конституционные законы; была отправлена новая большая миссия за границу для изучения иностранных конституций; наконец, во всех губерниях были организованы «Провинциальные сеймы». Но при подкупе, взяточничестве, свирепствующих среди китайских мандаринов, всякая новая реформа лишь служила для чиновников средством новых вымогательств.

В начале 1908 г. революционное движение, во главе которого стоял Сун-ят-Сен, вспыхнуло с удвоенной силой, и после долгой борьбы, тянувшейся с переменным успехом, манчжурская династия была свергнута, и китайская республика провозглашена 16/29 дек. 1911 г. в Нанкине. Временным президентом республики, вплоть до окончательного ее утверждения во всей империи, был выбран идейный вождь китайской революции, знаменитый агитатор д-р Сун-ят-Сен.

Мировой империализм в борьбе с пробуждением Востока. 1905 г. и Октябрьская революция в истории Востока

Итак, русская революция 1905 г. явилась отправным пунктом великого освободительного движения на всем Востоке. Это движение народов Востока было задушено теми же силами, которые временно восторжествовали над русской революцией: союзом царизма с мировым империализмом. Если международная буржуазия дала царизму возможность после 1905 г. справиться как с рабочим движением, так и с оппозицией Государственной Думы, снабдив царское правительство необходимыми финансовыми ре

сурсами путем допущения займа на парижской бирже, займа, в распределении которого приняли участие не только французские, но также английские, бельгийские, голландские и др. банки, то та же международная буржуазия оказала впоследствии поддержку в его борьбе с республикой будущему диктатору Китая, претенденту на престол императора—Юань-Ши-Каю, путем предоставления вождю китайской контр-революции иностранного займа в 25 миллионов фунтов стерлингов.

Поставив пошатнувшийся было в результате русско-японской войны и русской революции царизм на ноги, мировой империализм приобрел в гигантской империи союзника для борьбы с народами Востока. Страх перед революционным движением в Индии в гораздо большей степени, чем страх перед Германией, заставил Англию пойти на сближение с Россией.

Таким образом, это великое освободительное движение народов Востока, которому дала такой могучий толчок русская революция 1905 г., было задержано в своем развитии вместе с торжеством реакции в царской России. Атаковываемые с фланга империалистическими державами Европы и с тылу царской Россией, народы Востока в своей борьбе за освобождение вынуждены были отступить перед натиском внутренней и внешней реакции в своих странах. Так, скоро после торжества персидского конституционного движения, новая Персия подвергается атаке одновременно со стороны России и Англии, подписавших пресловутое соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии между обеими державами.

Не ограничиваясь борьбой против персидского конституционного движения, империалистическая Англия и царская Россия ведут борьбу и против новой Турции. Не желая допустить возрождения этой страны, Англия и Россия при содействии Франции вооружают с ног до головы балканские государства: Болгарию, Сербию, Черногорию, Грецию, и бросают их против новой Турции.

Торжество реакции в России, империалистические планы Англии, Франции, Америки, Японии ставят под угрозу и все завоевания китайской революции за период 1905—1912 г.г. Это революционное движение привело к свержению династии манчжуров и провозглашению республики в Китае в 1912 г., но скоро глава контр-революции Юань-Ши-Кай, энергично поддерживаемый и субсидируемый мировыми державами, в том числе Америкой, один из представителей которой в Китае профессор колумбийского университета Гудноу являлся главным советником Юань-Ши-Кая, разгоняет парламент, уничтожает все завоевания революции и ставит вопрос о восстановлении монархии в Китае.

Одной из основных причин, обусловившей как поражение русской революции 1905 г., так и временный разгром освободительного движения народов Востока, явилось отсутствие серьезной поддержки этим движениям со стороны рабочих масс Западной Европы, в то время как буржуазия капиталистических стран оказала самую энергичную помощь контр-революции в России и во всех восточных странах для победы над революционным движением.

Всеобщая забастовка, московское вооруженное восстание, вообще рабочее движение в России нашли на Востоке, среди угнетенных масс Турции, Персии, Индии, Китая, свой отклик. Эти два могучих потока революционного движения среди пролетарских масс России и крестьянских масс Востока явились, несомненно, теми фактами, которые легли в основу гениальной теории Ленина о необходимости создания единого фронта индустриального пролетариата передовых промышленных государств с угнетенными массами колониальных и полуколониальных стран для борьбы против капитализма.

К моменту Октябрьской революции положение главнейших стран Востока было глубоко трагическое. Турция после империалистической войны была уже накануне своей гибели. Персия, фактически разделенная на две зоны влияния между Россией и Англией, влачила жалкое существование. Афганистан стонал под гнетом английского капитала. Китаю грозила опасность окончательного расчленения между участниками победоносной Антанты.

Торжество Октябрьской революции явилось поворотным пунктом в истории Востока. Обращение Советского правительства к народам Востока с призывом к освобождению от цепей европейского капитализма, знаменитые тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам, принятые на 2-м конгрессе Коминтерна, с'езд народов Востока в Баку, последовавший за этим конгрессом,—все это сыграло роль набата, зовущего эти народы на новую борьбу с угнетателями. «Народы Востока, ваш тыл свободен. Вставайте на борьбу. Советская Россия обещает вам свою помощь»—вот что обозначал призыв советского правительства, и вот что влило новые силы в измученные народы. Имея отныне свой тыл обеспеченным, избавленные от роковой необходимости бороться на два фронта, встретив с момента Октябрьской революции в многомиллионной рабоче-крестьянской России не врага, а, наоборот, друга и союзника всего Востока в борьбе с мировым империализмом, угнетенные народы желтого и черного континента с удесятеренной энергией встали на борьбу с угнетателями. Ныне весь колониальный и полуколониальный мир от Аджира (крошечной столицы маленького государства риффов, борющегося успешно против двух сильных военных держав) до Кантона, Шанхая и Мукдена представляют единый фронт огромного восстания угнетенных народов против гнета мирового капитализма.

Великая Октябрьская революция довершила в истории Востока дело, начатое революцией 1905 г. Вот почему двадцатилетие революции 1905 г. является праздником не только русского и международного пролетариата, но в той же мере праздником всех угнетенных и эксплоатируемых народов Востока, именно после этой революции, под влиянием заразительного примера героической борьбы русского пролетариата, поднявших знамя борьбы против своих притеснителей.

М. В. Нечкина

Общество Соединенных Славян

Предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов [1]

(1825 г. — 1925 г.)

Декабристы не были спаяны единой революционной идеологией. Различны были и взгляды их на революционную тактику. Прежние историки декабристов не охватили всего движения в целом. Их интересовала более всего внушительная военная демонстрация на Сенатской площади и наиболее «правое» Северное Общество. Зачастую историка влекут к изучению темы классовые симпатии. Южное Общество оставалось в тени, восстание Черниговского полка совсем не освещено, даже настоящий текст «Русской Правды» Пестеля мы узнаем только теперь. Скромную «разночинную» струю в среде декабристов, демократическую и ярко-революционную по тактике — Общество Соединенных Славян — мы не знаем вовсе. Несколько строк в общих произведениях о декабристах, редко — несколько отдельных страниц отрывочных сведений об этой самостоятельной революционной единице, слившейся с Южным Обществом лишь за три месяца до начала революционного выступления, — вот и все, что сказала историческая литература о славянах [1]). Между тем, история русского революционного движения, завершенная Октябрем, предстает уже перед нами, как некий цельный подготовительный процесс. Мы намечаем в ней основные этапы, ясно видим ее эволюцию и схватываем основные типы движения, различаем отдельные струи. Ленин указал на три поколения, действовавшие в русской революции: «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями Народной Воли». Третье поколение, третий класс, действовавший в революции — пролетариат. М. Н. Покровский дает не менее четкую схему движения: «Первый период — с 20 до 80-х годов XIX века можно охарактеризовать так: интеллигенция в поисках массы... Она ищет массу и не находит ее. Второй период будет с 80-х годов и приблизительно до начала второго десятилетия XX века, когда интеллигенция нашла массу. Она нашла массу, но она еще не слилась и не спаялась с этой массой...» и «третий период—когда революция массовая...». Только сейчас встает перед нами истинная перспектива революционного движения, и это накладывает ряд обязательств на современного историка. Изучая «соединенных славян», мы изучаем корни второго периода русского революционного движения, ушедшие в первый. Среди революционеров-дворян, «страшно далеких от народа», видим мы своеобразную группу мятежников «с лица необщим выражением». Это — «соединенные славяне».

---

1) Настоящая статья представляет собою автореферат большой моей работы „Общество Соединенных Славян“, изд. Центрархива (находится в печати). Статья, не претендуя на полный анализ программы и тактики славян, дает общую картину деятельности этой группы декабристов.

Начнем анализ с первой характерной черты этого общества, особенно ярко бросающейся в глаза. Вся группа славян подобралась по удивительно определенному признаку малой состоятельности, бедности, дворянства только по имени. Основное ядро славян — армейские офицеры: поручики, подпоручики, прапорщики, юнкера, живущие «с одного жалованья». В эту армейскую голь впаяны были элементы не-дворянские — канцелярские чиновники «сомнительного» происхождения, даже крестьяне по происхождению, подделавшие документ о дворянстве. Интересно, что это тайное общество не было военной организацией, в противоположность Южному, принимавшему в свою среду лишь военных и, главное, в больших чинах. Провиантский чиновник, канцелярист, писец, отставной подпоручик, мелкий шляхтич на «приватной службе» были их желанными и равноправными членами. Конечно, принадлежность к тому или иному социальному слою еще не делает революционером, но если перед нами группа людей, самостоятельно выступившая на революционный путь и об'единенная общим признаком социального состава, то нельзя не спросить, какие исторические причины спаяли ее воедино. В самом деле, что заставило дворянина, представителя правящего класса скатиться в разряд дворян только по имени, утерявших все признаки своего экономического бытия, и об'единиться в одну революционную организацию? Каковы были те об'ективные условия, которые послужили фоном этого явления?

Известно, что дворянство первой четверти XIX века переживало глубокий кризис. Его натуральное по типу хозяйство вынуждено было приспособляться к новым хозяйственным условиям, капиталистическим по существу. Развитие хлебного вывоза и рост внутреннего рынка пред'явили к его хозяйству требование быстрого повышения производительности труда. Россия входила, как определенное звено, в систему европейского капитализма, и помещичье хозяйство становилось винтиком общей капиталистической машины, рыночным поставщиком внешним и внутренним. Этот перелом принес с собою и обычное требование расширенного воспроизводства. Помещичье хозяйство всеми силами приспособляет неуклюжий аппарат крепостного производства к новым требованиям. Но способы приспособления — усовершенствование техники, механизация производства, мелиорация, вольнонаемный труд, интенсификация барщины дают некоторый эффект лишь в экономически сильных хозяйствах, с достаточным наличием оборотного капитала. Если при таких условиях выживал крупный помещик, держался за жизнь средний, то мелкопоместному приходилось совсем плохо. Дифференциация дворянства углублялась, мелкое дворянство теряло свои поместья, переходило в разряд беспоместных, сохраняло, как воспоминание о былой обеспеченности, несколько душ дворовых, через некоторое время теряло и их — и от дворянства оставалось одно воспоминание. Единственной реальностью, за которую цепляется бывший дворянин, была возможность поступить на царскую службу да право отдать сына в кадетский корпус. Мизерное жалованье офицера или небольшого чиновника становилось единственным источником существования. Процесс хозяйственного перерождения России неминуемо углублял дворянскую дифференциацию и выбрасывал дворянскую мелкоту из обычного хозяйственного бытия дворянства, лишал ее существенных экономических признаков дворянина и в корне менял ее экономический уклад. В большей своей части этот отпадающий от дворянства слой попадал на службу в государственный аппарат или обслуживал развивающееся частное хозяйство. Он представлял собою зародыш русской технической интеллигенции, вызванной к жизни развитием новых хозяйственных форм. Характерно тяготение славян к типичному интеллигентскому труду: отец Борисовых — архитектор, Бечасный увлекается обязанностями следователя, Веденяпин и некоторые другие по доброй воле берут на себя педагогический труд, учат сол-

дат в школе, а родители большинства славян, не имея никаких средств к существованию, «пропитываются от своих трудов, приличных дворянскому званию», как доносят полицейские власти, — т.-е., очевидно, от трудов интеллигентского типа. Общество Соединенных Славян — одна из первых страниц истории русской интеллигенции эпохи промышленного капитализма.

Какого бы представителя Общества Соединенных Славян мы ни взяли, у всякого дворянство его — пустой звук. Вот перед нами основатели общества братья Борисовы, Андрей и Петр. Они — сыновья отставного майора 8 класса, обремененного семьей в пять человек, живущего на скудный казенный «пансион» в 200 р. в год в селе Боромле. Чтобы поддержать семью, отец прирабатывает на стороне, он «архитектор» провинциальной глуши, интеллигент по занятиям и умственному складу. Вот третий основатель общества — шляхтич Юлиан Люблинский, хилый и слабый, живет у матери в Новоград-Волынске; ее единственное имущество—деревянный домишко на окраине города. После ареста сына она живет на продажу вещей и имеет только «дневное пропитание». Семья надворного советника И. В. Горбачевского, из которой вышел еще один типичный славянин И. И. Горбачевский, хранила в своих семейных преданиях воспоминания о лучшей доле — мать его «была когда-то помещицей», но ко времени сознательных лет ее сына единственным источником существования семьи было жалованье отца, служившего в Витебской казенной палате. Когда арестовали В. А. Бечасного, одного из первых членов славянского общества, его мать, «дворянка» Бечасная, осталась без всяких средств; по полицейскому донесению единственным ее движимым имуществом было «необходимое одение»; ее, как нищую, из жалости приютило знакомое дворянское семейство. Типична картина разорения семьи А. Пестова: было у матери два имения, одно 125 душ, другое 200 душ, но «содержание многочисленного семейства и некоторые имущественные обстоятельства вовлекли фамилию сию в неоплатные долги». Продали за долги первое имение, но его стоимость всех долгов не окупила,— их осталось более 60 тысяч рублей, и к продаже назначили и второе имение. И. Иванов, провиантский чиновник 10 класса «из почталионских детей» родом, на жалованье свое содержал мать — унтер - офицерскую вдову (по второму браку), и после ареста его семья осталась «в самом бедном положении». Мелкий шляхтич Жебровский служил на приватной службе у сенатора Ильинского, своего имения у него не было, а национальность поставила много препятствий к получению «казенного места». П. Ф. Выгодовский—сын крестьянина, он подделал дворянское свидетельство и поступил на должность мелкого канцеляриста в канцелярию волынского губернатора. Каждый славянин с этой стороны характерен, исключения чрезвычайно редки. Можно наметить три основных типа славян: поручик или вообще военный мелкого чина, безземельный и «бескрестьянный», — одним словом, бывший дворянин; отставной военный в малом чине, служащий на частной службе или мелкий шляхтич, нашедший «приватное» занятие у богатого графа—тоже, конечно, без земли и без крестьян, и, наконец,—недворянин, служащий в канцелярии или на какой другой службе. Все живут на жалованье—это типично.

Еще одна характерная черта: почти все славяне — южане, а многие — «щирые» украинцы. Полтавская, Харьковская (Слободско-Украинская), Черниговская. Киевская губернии, Волынь, Херсонская губерния,—вот, обычно, откуда они родом. Они—уроженцы края особенно бурной ломки старых крепостнических отношений, более быстрой капитализации, более сильного расслоения дворянства. Кроме того, край этот был издавна революционен: мысль о самостоятельной Украине и свободной Польше жила и развивалась. Волынь кишела мелкой шляхтой, питавшей самую горячую ненависть к

русскому самодержавию. Генерал-адъютант Демидов, обследовавший по заданию правительства в 1826 г. «качество мыслей» жителей Житомира и его окрестностей, пришел к выводу, что они во всех отношениях неблагоприятствуют России». Эта обстановка оставила глубокий след на Обществе Соединенных Славян.

В списке декабристов, осужденных Верховным Уголовным судом, славян 23 человека. В донесении следственной комиссии без поименного перечисления указано, что славян—36, но на основании изучения дошедших до нас архивных материалов 51 член общества известен нам поименно, и есть точные указания на других членов, имена которых до нас не дошли.

Сложилось Общество Соединенных Славян постепенно. В 1818 году, 13 мая, братья Борисовы, Андрей и Петр, бывшие тогда юнкерами, основали общество Первого Согласия, целью которого были правила «Питагоровой секты»: уединенная жизнь, дружба и изучение природы. Несколько близких друзей были членами общества. Наивное и слабое, оно очень быстро перестало удовлетворять основателей, особенно старшего Андрея Борисова, с детства бывшего республиканцем. Политическая цель — республика — скоро была добавлена к обществу, и оно перешло в новую стадию своего существования — стало Обществом Друзей Природы. Его форма была масонский орден, его цель, по формулировке Петра,—«республика философа Платона», а по словам Андрея—просто республика. Членами этого «ордена» были юнкера Корсун, Волков и Лукьянович. В 1823 году полк, где были братья Борисовы, стоял в Новоград-Волынске. Борисовы, революционно настроенные, уже были, вероятно, центром офицерского кружка, много занимавшегося чтением серьезных книг, математикой, философией, естественными науками и политическими произведениями западно-европейских писателей. Одно происшествие провинциальной глуши сильно взбудоражило этот кружок. В том же году молодой шляхтич Юлиан Казимирович Люблинский был приведен из Варшавы в цепях за участие в тайном польском обществе в свой родной город Новоград-Волынск и отдан под надзор полиции. Он поселился в маленьком деревянном доме своей матери и усердно занимался чтением серьезных книг. Это был человек широкого философского образования и редкой убежденности и воли. Несмотря на поднадзорность, он не ходил к исповеди и причастию, чем навлек на себя гнев волынского губернатора. Борисовы познакомились с ним и предложили ему вступить в Общество Друзей Природы. Узнав, в чем оно состоит, Люблинский рассмеялся и назвал их «маленькими философами». Он предложил им в корне реорганизовать общество и ввести в него новую цель—об'единение всех славянских племен в одну федеративную республику. По замыслу его, Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация, Кроация об'единялись в этот союз; каждый народ должен был иметь соответствующие его особенностям законы. Должен был ежегодно собираться с'езд представителей этих республик в центральном городе союза. Союз будет оживленный, торговый, омываемый четырьмя морями—Черным, Белым, Балтийским и Адриатическим, в нем будут кипучие порты и четыре мощных флота. Замысел этот показался Борисовым блистательным. Так было основано в 1823 году Общество Соединенных Славян. Кое-какие идеологические формы уцелели в нем от прежних обществ: осталась масонская символика, клятва, очень похожая на карбонарскую. Вступающий в общество славян клялся на мече, что решается на это «для освобождения себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому», и что «самый ад со всеми своими ужасами не вынудит меня указать тиранам моих друзей и их намерения...». «Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу

благородных славян». Были сочинены «правила» или катехизис, в 17 пунктах с добавлением. «Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и твоего оружия...», начиналось первое правило, при чем понятие «оружие» изображено было условным знаком — изображением штыка. «Не желай иметь раба, когда сам быть рабом не хочешь...». «Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи...». «Будешь стараться разрушать все предрассудки, наиболее до разности состояний[1]) касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека»,—говорилось в других правилах. Идеал славянской федерации был польского происхождения. В то время он был популярен у польских революционеров, и Люблинский, вероятно, взял его из своей прошлой революционной практики.

Члены стали набираться быстро: в декабре 1823, сейчас же после основания общества, были приняты: И. И. Горбачевский и В. А. Бечасный, в 1824 были приняты и приглашены А. Д. Высочин, П. Г. Головинский, П. Ф. Громнитский, Н. Красницкий, А. С. Пестов, А. В. Усовский и Ф. А. Жебровский. Весной 1825 принято было много новых членов: А. В. Веденяпин I, И. И. Иванов, Костыра, Я. Я. Драгоманов, П. Д. Мозган, А. Ф. Фролов, П. Ф. Выгодовский, Н. Ф. Лисовский и А. И. Тютчев. Последний—единственный из всех славян был гвардейцем — состоял раньше в лейб-гвардии Семеновском полку, восставшем в 1820 и расформированном. Позже, осенью во время лагерей было принято много новых членов, среди которых выделяются: поручик Я. М. Андреевич 2, И. В. Киреев, И. И. Сухинов, юнкер В. И. Шеколла, поручик П. А. Зарецкий и М. А. Щепилло. Общество быстро росло. Как видим, и в начале своего существования члены общества не удовлетворялись его формами и все время их меняли. После основания Общества Соединенных Славян это недовольство не улеглось, а еще больше выросло. Настроение у всей этой молодежи было революционное, хотелось быстрых, решительных действий, ясной цели, подробного, конкретного плана поведения. Многие были решительными республиканцами, последовательными антицерковниками и резкими противниками крепостного права. Их единство оформлялось не клятвой и правилами, не идеалом славянского единства, имевшем польское происхождение. Он не удовлетворял их. Их единство было в революционном настроении, в единой тактике и в признании народной революции. Между тем они убеждались, что «время не сближает их с целью». Назревал новый кризис, новая реорганизация общества. Поиски форм и колебания в их выборе характерны для зарождающейся первой по типу «разночинной» организации. Работа в этом направлении началась со второй половины 1824 года, и до нас дошло упоминание о проявлении ее—о письме Пестова к Петру Борисову, с так называемым «мнением об учреждении собраний». 6 декабря того же года Петр Борисов (Борисов 2) долго совещался с Горбачевским, вырабатывая новый устав общества и общий проект его реорганизации. В марте 1925 года был с'езд славян в местечке Черняхове в 25 верстах от Житомира, где устав и проект этот были приняты, но предварительно, впредь до соединения всех частей в лагерь под м. Лещиным и утверждения его общим собранием всех славян. Борисов 2 был выбран председателем, Иванов, провиантский чиновник X класса, секретарем, и Громнитский заместителем председателя. Были установлены членские взносы. Все с нетерпением ждали летних лагерей, чтобы все окончательно оформить, но неожиданные события разрушили эти планы.

Борисов 2, неустанно заботившийся о пополнении общества членами, заметил, что бывшие офицеры лейб-гвардии Семеновского полка, очевидно, замышляют что-то против правительства, и он стал нащупывать пути сбли-

---

[1]) Т.-е. сословий. *М. Н.*

жения с ними. Капитан пехотного полка Тютчев, тоже бывший гвардеец, был поэтому принят Громнитским по указанию Борисова 2 в общество, и ему было поручено обследовать этот вопрос. Тютчев был знаком с бывшими офицерами Семеновского полка С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым, деятельными членами Южного Общества и руководителями Васильковской управы этого общества. Тютчев давно хотел с'ездить к своему старому отцу, но ему, как и всякому бывшему семеновцу, отказывали в отпуске. Когда войска собрались в лагеря, Тютчев отправился к своим бывшим знакомцам узнать, не слыхать ли чего нового об отставках, отпусках и переводах, запрещенных семеновцам. Ему ответили намеком: «Нам надо самим отыскивать свободу». Тютчев понял, завел разговор о тайном обществе, узнал о принадлежности своих знакомых к Южному Обществу и на радостях превысил свои полномочия, рассказав им о славянском обществе гораздо больше того, что было ему разрешено. Сейчас же возник вопрос, не могут ли оба общества об'единиться. На этом эпизоде мы остановились для того, чтобы подчеркнуть, что Тютчев «открыл» Южное Общество, а не Бестужев-Рюмин «открыл» славянское, как обычно об этом сообщается в популярной литературе.

М. П. Бестужев-Рюмин был главным представителем Южного Общества в вопросе об'единения. Очень юный, почти мальчик, красноречивый энтузиаст и прекрасный организатор, он был ближайшим другом С. Муравьева-Апостола и всецело подчинялся его влиянию. Он и руководил собраниями по об'единению, собиравшимися около четырех раз—первое на квартире Борисова 2 и Пестова в Лещине, последние в деревне Млынищах, в квартире Андреевича 2.

Но прежде чем рассказывать об этих собраниях и их результатах, надо остановиться на самом Южном Обществе.

Оно было старше и значительно сильнее славянского. Очень многое в корне отличало его от последнего. Прежде всего, имущий и знатный дворянин был типичен для члена Южного Общества. Многие из членов были богаты, владели большими имениями и сотнями крестьян. Большой чин был особенно обычен для Южного Общества,—среди его членов мелькают генералы, полковники, подполковники. Подбор их не случаен и тесно связан с тем пониманием революционной стратегии и тактики, которым отличалось Южное Общество. Оно хотело произвести в о е н н у ю р е в о л ю ц и ю без участия народа, при помощи одного войска. В этой тактике многое было от воспоминания о дворянских дворцовых заговорах, от испанской революции, которой так увлекался С. Муравьев, и от боязни волнений «черни». «Наша революция будет подобна революции испанской,—восклицает Бестужев-Рюмин,—она не будет стоить ни единой капли крови, ибо произведется одною армиею без участия народа». Привычка к военной дисциплине заставляла большинство членов Южного Общества быть уверенными, что солдатские массы и даже низшие офицерские чины двинутся на восстание, как на парад, по первому приказу своего высшего начальства: «Разумеется не следует творить ребячества,—писал Матвей Муравьев своему брату Сергею,— не следует принимать армейских офицеров, пока ни к чему не пригодных; вот, когда придет время пустить их в дело, тогда нужно повелительно двинуть их вперед не спрашивая, угодно это им или нет». Полковник Тизенгаузен считал, что агитация среди солдат излишняя,—достаточно выкатить несколько бочек вина, выдать денег и, вызвав песенников вперед, крикнуть: «ребята, за мной!»,—«чтобы полк двинулся и действовал в смысле его». Подполковник Фролов, бригадный командир 3-й конной бригады, и капитан Пыхачев прибавляли к этим средствам воздействия на массы еще «несколько кусков сала в кашицу», а подполковник Ентальцов думал обойтись и без

этого: «Я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погнал бы палкою». Славяне же были совершенно другого мнения о значении низших офицеров и, тем более, солдат: «Нельзя не убедиться, — пишет в своих записках Горбачевский [1], — как важно для всякого общества, которое хочет действовать военной силою, иметь в нем ротных командиров и субалтерн-офицеров и как важно заранее об'явить свое намерение солдатам. Спрашивается... кто бы осмелился приказывать ротам явиться с боевыми патронами туда, куда потребует ротный командир? Можно ли отдавать такие приказания таким солдатам, которые не знают намерений ротного командира? Вопросы сии сами собою решаются. Но мы еще прибавим, что одни офицеры в состоянии сие сделать и притом таким образом, что ни батальонный, ни полковой командир никогда о сем не могут знать».

Единственные члены Южного Общества, о которых положительно известно, что они вели пропаганду среди солдат, — это Сергей Муравьев-Апостол и его юный друг М. Бестужев-Рюмин. Но их пропаганда была своеобразной: они старались возбудить в солдатах сознательное недовольство своим положением, тяжестью солдатской жизни, привязать их к себе, подготовить, таким образом, общую почву восстания, но ни о самом факте восстания, ни о его политической общей цели ничего солдатам не говорили, хотя солдаты о многом догадывались.

Южное Общество было идеологически старше славянского: в его среде были члены Союза Спасения и Союза Благоденствия, был такой сильный теоретический ум, как Пестель, и была своя «конституция», хотя и незаконченная,—«Русская Правда». Южное Общество не было однородным, и полного согласия всех членов в области идеологии и революционной тактики не было. Но, несмотря на это, слабое и неоформленное еще Общество Соединенных Славян, столкнувшись с ним, не могло не почувствовать себя в положении младшего. Встреча эта застала славян во время их кризиса,— они мечтали об организационном оформлении, о четких революционных планах, о применении своих кипучих сил и решительности. А тут им сразу предлагалась и конституция, и определенные организационные формы, и восстание в 1826 году. К тому же, сила Южного Общества была невероятно преувеличена: оно было представлено славянам, как часть обширнейшего заговора, охватывающего всю империю, обладающего неизмеримыми революционными силами. Примкнуть к нему, как убеждал их Бестужев-Рюмин, заставляла самая мысль о личной безопасности, боязнь остаться по ту сторону баррикады во время боя, победа которому была, несомненно, обеспечена.

М. Бестужев-Рюмин подошел к славянам исключительно с точки зрения интересов Южного Общества. Последнему нужны были решительные люди, особенно готовые на цареубийство, а славяне вполне удовлетворяли этим требованиям. Бывший гвардеец, Бестужев-Рюмин отнесся к ним по-начальнически, как к людям, заранее обязанным повиноваться. Но славяне не оказались такими податливыми, как он предполагал. Четыре или пять заседаний пришлось потратить на оформление слияния обществ. Видимо, роль «об'единителя» и представителя сильного общества очень нравилась Бестужеву, организатору по природе. Пылкие речи о необходимости свободы, очевидно, захватили славян, но нежелание Бестужева открыть им подробности организации южан, назвать членов, их возмутило. Настойчивость славян заставила его в конце концов пойти на уступки: он дал им Пестелев «Государственный Завет», выдав его за конституцию, рассказал о Верховной Думе, начертил схему общества, назвал членов. Слиянию противилась группа старых членов во главе с Борисовым 2, не желавшая расстаться со славянской целью, не

---

[1]) Изд. 1925, стр. 102.

принимавшая и не понимавшая, как и прочие славяне, военной революции без участия народа и требовавшая гарантий того, что временное правление, которое, по проекту южан, 10 лет должно было управлять Россией, «не похитит самовластия». Но старых членов на собраниях было немного, преобладали новые, многие из них были приняты тем же летом. В конце концов, желание слиться с сильным обществом и начать действия возобладало. На последнем собрании. на квартире Андреевича 2, в дер. Млынищах, царил особый энтузиазм. Восторженная речь Бестужева-Рюмина еще более подняла настроение. Как описывает И. Горбачевский, чистосердечные, торжественные, страшные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!». Славяне на образе поклялись бороться против тирании и до конца остаться верными революции. Кризис, назревший в Славянском Обществе, был разрешен.

Вместо самостоятельного Славянского Общества была образована славянская управа Южного Общества. Сноситься с последним славяне должны были через М. Бестужева-Рюмина и С. Муравьева-Апостола. Но каждый славянин непосредственно к ним обращаться не мог: для этой цели были избраны два посредника, один от артиллерии — И. И. Горбачевский, другой от пехоты—М. М. Спиридов. Отныне не каждый член, как прежде, мог принимать новых членов, а лишь посредник. В общество не должны были теперь приниматься отставные военные и штатские. Поляки также не могли быть приняты, а должны были вступить в Польское Тайное Общество, которое отдельно вело переговоры с Южным и на известных условиях с ним сотрудничало. Славянская цель — об'единение славянских племен в одну федерацию — отпала. Последнее — характерно. Если за нее держалась крепко польская группа членов Общества Соединенных Славян, если с ней сжилось и свыклось ядро старых членов приема 1823—24 года, может быть, отчасти и начала 1825 года, то для нового ядра членов она была достаточно чужда; за это же говорит и польское происхождение идеи. Бестужев критиковал славянскую цель, указывая на то, что раньше, чем заботиться о других племенах, надо подумать о себе, и его мнение многими разделялось.

В последний день лагерей, 15 сентября, С. Муравьев и М. Бестужев вызвали к себе посредников и довершили дело об'единения обществ с точки зрения южан, — выбрали цареубийц. По воспоминаниям Горбачевского, в цареубийцы были зачислены оба брата Борисовы, Пестов, Спиридов, Тютчев, Громнитский, Лисовский, Горбачевский. Некоторых из них следствие в этом не уличило. Цареубийцы были выбраны по указанию посредников из числа особо решительных и особо преданных революции славян.

Итак, произошло слияние двух глубоко разнородных по социальному существу обществ. Южное Общество приобрело горячих и преданнейших сторонников, готовых на самопожертвование, славяне приобрели ожидание близости переворота и более четкую тактическую программу. Но в этом слиянии было много тяжелых отрицательных сторон для славян, сказавшихся в восстании. Прежде всего, старая, наиболее активная верхушка членов, в частности Борисов 2, оказались в рядах простых членов, никакой особой работы не несли. Посредники были выбраны (отчасти под прямым воздействием Бестужева) неудачно: И. Горбачевский оказался недостаточно деятельным и решительным, а М. Спиридов, избранный членом общества только летом, был еще всему обществу в целом достаточно чужд. Правило, по которому только посредник мог принимать новых членов, было для славян стеснительно: Горбачевский спрашивал Бестужева, как быть, если желательный кандидат живет далеко, — ведь денег на поездку у него, Горба-

чевского, нет. Бестужев беспечно ответил: «Вы должны всем жертвовать», но никаких практических указаний не дал. Новые правила приема выбросили из рядов общества многих старых и ценных членов. Прежде всего за бортом оказались оба основателя: Люблинский по той причине, что он—поляк, и Борисов Андрей по той причине, что он — отставной. Отпал П. Ф. Выгодовский, по происхождению крестьянин, близкий друг Петра Борисова и старый член: он был штатским, незначительным чиновником канцелярии волынского губернатора. Отпал и ценнейший член — отставной поручик Краснитский, который был по замыслу Борисова посредником между соединенными славянами и мелкой шляхтой Волыни, революционно настроенной. Он много раз приезжал к Горбачевскому после слияния обществ, усиленно прося его принять, но все было напрасно. Юнкер Шеколла, умелый агитатор, любимый солдатами, не был принят в новое общество по причине малого чина: он был представлен Бестужеву, но тот обошелся с ним очень холодно и дал понять Горбачевскому, что принимать его не надо. Заметим, что Борисов 1, не принятый в преобразованное общество, все же был намечен цареубийцей, — в этом факте обнажается основная точка зрения южан на славян: они хотели их использовать и более ничего. Мысль славян о революции народной, о привлечении «черни» к революции была принципиально отвергнута, и, формально, точка зрения на революцию, как на дело военное, возобладала. Но чрезвычайно важно отметить, что многие из новых правил славянами не исполнялись. Борисов 2 и Борисов 1 самостоятельно принимали членов и после об'единения. Славяне продолжали принимать поляков, поддерживать сношения с отставными и развивать мысли о революции народной. Но, конечно, все это делалось с некоторым сознанием нелегальности. Организационные неувязки были налицо. Эта обособленность славянского коллектива и его упорство в сохранении некоторых прежних черт, ему присущих, заставляет нас даже после слияния обществ говорить о славянском об'единении, как о некоей самостоятельной единице. Да и в понимании платформы слияния были славянские черточки: одну из них выразил Борисов 2 в письме к брату Андрею, жившему в то время в Слободско-Украинской губернии у отца. Письмо было написано вскоре после об'единения: «Целию сего общества, — писал Борисов 2 о «платформе» слияния, — есть чистая Демократия, уничтожающая не только сан монарха, но и все сословия и сливающая их в одно сословие гражданское».

Одной из специальных задач, порученной славянам Южным Обществом, была пропаганда среди солдат. С. Муравьев и М. Бестужев разумели, конечно, под этим тот тип пропаганды, которым они сами занимались. Но славяне поняли свою задачу иначе, тем более, что задача эта ничего особо нового для них не представляла: они были очень популярны в солдатской массе, держались с нею, как ровня («за панибрата»,—доносит ад'ютант Сотников, посланный после восстания исследовать «дух» полков), входили в нужды солдат, учили их грамоте (иногда даже геометрии) и сумели еще во время лагерей организовать восстание в 1-й Гренадерской роте Саратовского полка. Весь тип этого восстания в миниатюре воспроизводит некоторые черты известной «Семеновской истории» 1820 года. Этой ротой сначала командовал член славянского общества М. Спиридов и поселил там «дух своеволия». Незадолго до Лещинского лагеря рота была передана жестокому фронтовику поручику Березину, который стал применять в ней бесчеловечные наказания, желая восстановить «порядок». После одного из собраний в деревне Млынищах славяне узнали об этом, и решительному поручику А. Кузмину первому пришла мысль взбунтовать роту. Юнкер Шеколла и солдат Апойченко выполнили это решение. Рота после ученья направилась к палатке полкового командира Брычева и потребовала замены

Березина капитаном Клементьевым. Волнения в роте продолжались несколько дней, — в знак протеста она отказалась выходить из лагерей после их окончания. Трусливый Брычев, боясь неприятностей, обещал никого не наказывать и выполнить просьбу роты, лишь бы она прекратила волнения, и сдержал обещание. Этот случай показывает, во-первых, доверие солдат к славянам и влияние на них последних, а во-вторых, дает основания считать, что пропаганда среди солдат не была новым делом для славян, — она только получила новую тему после слияния с южанами.

Общей подготовкой революционного настроения у солдат славяне не удовольствовались. Они постепенно открыли солдатам самый факт переворота и цель его. Действовали они на солдат по определенному плану, — главным образом, через фейерверкеров, пользовавшихся среди солдат-артиллеристов большим уважением. Те, в свою очередь, действовали на нижние слои солдатской массы. Это был продуманный и целесообразный план. Большую роль в этой агитации играли бывшие семеновцы из солдат, особенно живо ее воспринимавшие.

Разошедшись на зимние квартиры с летних маневров, славяне естественно несколько обособились от Южного Общества: центром последнего оказался Васильков и близлежащие деревни (место квартирования Черниговского полка и С. Муравьева), славяне группировались около Новоград-Волынска и Житомира, Бестужев-Рюмин с Полтавским полком оказался в Бобруйске. Совершились и некоторые личные перемещения: Андреевич 2 был переведен в Киев в арсенал «по искусственной части»; И. Сухинов получил перевод в Александрийский полк из Черниговского, но упорно, несмотря на все меры начальства, задерживался при Черниговском полку, именно «ожидая восстания оного», как говорит И. Горбачевский. Андреевич 2 в середине декабря 1825 г. был в Новоград-Волынске и в дер. Смолдырево под предлогом свидания с братом и передал славянам письмо от Бестужева-Рюмина, в котором говорилось о близости восстания. Славяне сообщили, что они готовы, что дела агитации среди солдат идут успешно. Они выработали совместно продуманную программу подготовки восстания, замечательную по своей практической разработанности, столь характерной для славян. Главную роль в выработке этой программы играл Борисов 2.

«1) Артиллерия не может выступить в поход и действовать без прикрытия; посему необходимо снестись со Спиридовым, Арт. Муравьевым и требовать, чтобы они прислали в 8-ю артиллерийскую бригаду: первый — пехоту, а второй — гусар.

2) В батарейной роте состоит налицо один только офицер (прочие в командировке), принадлежащий к обществу, и рота находится в городе, где квартирует бригадный командир, который, в случае восстания, может получить содействие от внутренней стражи. Посему для надлежащего действия в сей роте нужна значительная часть пехоты и кавалерии, без коей фейерверкеры и рядовые, вооруженные только тесаками, несмотря на их готовность и рвение к делу, не могут одни обещать успех, тем более, что артиллерийские лошади стоят в 45 верстах от парка.

3) Во 2-й легкой роте не существует сих затруднений к восстанию: она совершенно готова и требует только прикрытия на походе.

4) Из 4 орудий, остающихся в каждой роте, за неимением лошадей (роты состояли на мирном положении), славяне намерены сформировать новую батарею; лошадей надеются найти под квитанцию одного из своих сочленов, а прислугу думают взять из 4-й парочной роты, полагаясь вполне на служащих в оной солдат.

5) Немедленно по восстании славяне полагают необходимым об'явить скорое освобождение крестьян.

6) Славяне хотят, посредством поляков, состоящих в их обществе, действовать на шляхту и склонить ее к участию в общем деле об'явлением всеобщего восстания (pospolite ruszenie).

7) Славяне требуют от Муравьева и Бестужева немедленного уведомления о сделанных ими распоряжениях, заблаговременного извещения о дне восстания с означением сборного пункта, где предполагается сосредоточить все силы, поднявшие оружие против правительства» [1]).

Эту же линию поведения славян характеризует особое письмо Борисова 2 к Бестужеву, в котором он беспокоился о состоянии артиллерийских снарядов: заряды к ним часто не переменялись и во время боя, как показала практика Борисова на Кавказе, оказывались негодны. Борисов просил Бестужева, чтобы управляющие обществами нашли «способы внушить начальству через кого-нибудь из близких к оному мысль об отдании приказа по корпусу насчет осмотра и переделки всех вообще зарядов и полагал необходимым привести сию меру в действие, по крайней мере, в тех ротах артиллерии, где находятся члены Общества» [2]).

Несмотря на напряженное ожидание восстания, оно пришло неожиданно. Первый сигнал к нему подало восстание на Сенатской площади 14 декабря. Это известие дошло до Житомира 25 декабря. Сергей Муравьев-Апостол и его брат Матвей узнали о нем при в'езде в Житомир от сенатского курьера, развозившего присяжные листы. Оба они выехали из Василькова 24 декабря в Житомир, по их словам, для того. чтобы С. Муравьев мог выхлопотать отпуск Бестужеву-Рюмину для свидания с отцом, жившим в Москве. Известие о восстании на Сенатской площади сильно их взволновало. Стало ясно, что медлить нельзя, что дело их погибло, и только восстание может решить все иначе. Но определенного решения восстать С. Муравьев еще не принял. Из Житомира братья поехали в Троянов, где стоял Александрийский полк, которым командовал брат Артамона Муравьева Александр Муравьев. От него братья проехали в Любар к Артамону Муравьеву, командовавшему Ахтырским гусарским полком. члену Южного Общества, обещавшему давно поднять свой полк в начале восстания.

В ночь на 26 декабря в Васильков к Гебелю прискакали жандармские офицеры с приказом об аресте и опечатании бумаг С. Муравьева. Бумаги его были немедленно забраны у него на квартире, где в то время находился Бестужев-Рюмин и разжалованный в рядовые б. офицер-семеновец Башмаков. Сейчас же после обыска на квартиру С. Муравьева прибежали офицеры Черниговского полка. члены Общества Соединенных Славян — И. И. Сухинов, А. Д. Кузмин, М. А. Щепилло и В. Н. Соловьев. Первым движением славян было собрать преданных солдат для немедленного ареста Гебеля, но по случаю праздника солдаты разбрелись по деревням, и было невозможно их собрать. Решено было, что Бестужев немедленно помчится по дороге в Житомир, приложит все усилия, чтобы обогнать поскакавших туда же жандармских офицеров с Гебелем и предупредить С. Муравьева об аресте и обыске. Славяне же в это время взялись подготовить восстание. Бестужев обогнал жандармов и настиг С. Муравьева в Любаре у Артамона Муравьева.

— Теперь хоть пулю в лоб, — воскликнул Матвей Муравьев, выслушав рассказ Бестужева об обыске и приказе арестовать. Сергей сначала молчал, а потом решил отдаться в руки жандармов: «Я останусь и отдамся, а ты, брат, уходи с Бестужевым» [3]). Перебирали и другие планы, говорили о восстании. Бестужев хотел отдельно от Муравьевых поехать в 8-ю артиллерий-

---

1) Записки и письма И. И. Горбачевского, из-во „Современные проблемы“ 1925, стр. 107—108.

2) Там же.

3) Дело Артамона Муравьева. № 403, л. 12 и 24.

скую дивизию для предупреждения славян, но Артамон отговаривал его, «в душе опасаясь, чтоб он там не взволновал», как говорит он на следствии. Он с большими колебаниями все же обещал Муравьевым поднять свой полк, когда начнется восстание, но обещал это только для их успокоения, внутренне решив, что не начнет. Обещал он также передать славянам записку Бестужева-Рюмина, чтобы отклонить его от поездки, но по от'езде братьев «истребил» ее.

Южане считали Артамона одним из самых решительных и преданных революционеров, но он был им лишь на языке: легкомысленный, любящий слушать себя самого, революционный декламатор, он, в сущности, задолго до событий восстания начал отходить от революции. «По возвращении с маневров, — рассказывает он следственной комиссии, — жена моя, узнав мои переговоры и сношения с С. Муравьевым, требовала от меня со слезами, окруженная детьми, оные прервать и пощадить мое семейство». Артамон обещал ей выполнить ее просьбу и этому обещанию остался верен. Об этом говорят все последующие факты, сейчас укажем из них один характернейший: 27 декабря у него были в Любаре бр. Муравьевы, и он, как мы видели, все же обещал действовать, а 29 или 30 числа, по его собственному признанию, он подает по начальству рапорт об увольнении его по болезни от командования полком на 28 дней [1]).

Братья Муравьевы с Бестужевым выехали 27 декабря из Любара на Паволочь. По дороге обсуждались всевозможные планы действий: мысль о восстании сменялась мыслью о самоубийстве, вместо последней приходила мысль о бегстве, — не скрыться ли в лесах и не переждать ли события. Определенного решения восстать еще не было принято. Сергей Муравьев хотел, по собственному признанию, доехать до своего полка и, «скрывшись там, узнать все обстоятельства изыскания нашего и по сим известиям решиться уже на что-нибудь». Действительно, доехав до деревни Трилесы, где находилась квартира командовавшего 5-й ротой Черниговского полка поручика А. Д. Кузмина (члена Общества Соединенных Славян), братья остановились, Бестужев-Рюмин направился в соседний (Александрийский) полк, на который большое влияние имел бывший командир его Повало-Швейковский, член Южного Общества, обещавший оказать решительную поддержку восстанию. К утру Бестужев обещал вернуться. Из Трилес в тот же вечер Сергей Муравьев послал записку в Васильков соединенным славянам Кузмину, Соловьеву и Щепилле с просьбой приехать немедленно в Трилесы и обсудить, что делать. *Сухинова он не звал*, — он подчеркивает это в показаниях следственной комиссии.

Мы имеем положительные доказательства того скрытого антагонизма, который существовал между этими четырьмя славянами и С. Муравьевым и М. Бестужевым. Первый пришел в негодование, узнав летом во время маневров, что офицеры его полка находятся в каком-то тайном обществе, а он об этом ничего не знает. Был случай во время Лещинско-Млыщенских собраний по об'единению обоих обществ, что черниговским офицерам Бестужев не передал, что переменено место собрания, и они на него не попали. Результатом этого была крупная ссора между офицерами-славянами и С. Муравьевым. Кузмин кричал ему в бешенстве: «Черниговский полк не ваш и не вам принадлежит! Я завтра взбунтую не только полк, но и целую дивизию... Не думайте же, господин полковник, что я и мои товарищи пришли просить у вас позволения быть патриотами...». И. Сухинов горячо поддерживал его, говоря, что они сами, без помощи Муравьева и Бестужева, сумеют найти дорогу в Москву и Петербург. Но если к зиме острота отношений не-

---

[1]) Дело Артамона Муравьева. № 403, л. 24.

сколько сгладилась, то корни столкновения изжиты не были: славяне были лишь на ролях помощников, а в центре революционного плана стоял попрежнему Муравьев. Наличие известного революционного соперничества, существовавшее заранее распределение ролей в восстании и даже споры за честь первого революционного выстрела в Южном Обществе — все это слишком известно, чтобы было нужно это лишний раз подтверждать примерами.

Гебель со своими жандармами, между тем, мчался по следам Муравьевых, не находя их ни в Житомире, ни в Любаре. По дороге он с'ехался с жандармским поручиком Лангом, имевшим приказ арестовать Бестужева-Рюмина. Остановившись в Трилесах, Гебель пошел на квартиру поручика Кузмина узнать, не проезжали ли тут Муравьевы, и... застал там обоих Муравьевых. Они были арестованы им. Уже наступало утро. Муравьевы с Гебелем сели пить чай.

Черниговские офицеры, еще до получения записки Муравьева, извещавшей их точно о том, что он в Трилесах, твердо и без всяких колебаний решили начать восстание. В их замыслах оно не ограничивалось только Черниговским полком, — они решили немедленно поднять и окрестные полки, которыми командовали члены Южного Общества. С этой целью они из Василькова посылают по окрестным полкам гонца восстания — Андреевича 2, члена Общества Соединенных Славян, приехавшего 26 декабря в Васильков из Киева, где он состоял при арсенале «по искусственной части». Но об этом подробнее будет сказано ниже. Получив записку С. Муравьева, все четыре славянина—Кузмин, Щепилло, Соловьев и Сухинов—бросились в Трилесы, освободили Муравьевых, изранили Гебеля, быстро подготовив солдат, стоявших в карауле, помочь им в этом деле. Только после этого С. Муравьев решился на восстание, — иного выхода не было.

Итак, 29 декабря, рано утром, в Трилесах началось восстание Черниговского полка[1]). Здесь, в короткой статье, невозможно подробно излагать ход этого события. Дадим только краткое об'яснение маршрута восставшего полка и бегло оттеним огромную роль славян в восстании. Вечером 29 декабря 5-я рота Черниговского полка, — первая восставшая, — пришла в Ковалевку. Утром 30 декабря — уже с двумя ротами, 5-й Мушкетерской и 2-й Гренадерской. Муравьев вступил в Васильков, где присоединились другие роты Черниговского полка. Из Василькова 31 декабря, после полудня, восставшие войска двинулись в Мотовиловку, куда пришли к вечеру. 1 января восставшему полку была об'явлена...дневка. Из Мотовиловки восстание двигается на Белую Церковь, но не доходит, останавливаясь в селении Пологи, откуда, еще раз резко меняя маршрут, начинает двигаться к Трилесам и, пройдя деревню Ковалевку, не дойдя до Трилес, встречает отряд генерала Гейсмара, который его разбивает. Если взглянуть на карту той местности, видно, что маршрут восстания — довольно правильная восьмерка. Этот странный зигзаг становится понятен, если попытаться вникнуть при помощи документов в мотивы движения. Этот маршрут состоит весь из осколков начатых и брошенных маршрутов. Движение из Трилес на Васильков целесообразно и неизбежно: там стояла основная масса полка. В Василькове же проявилась с большой яркостью борьба двух течений в руководящей «головке» восстания, в последующем все углублявшаяся,—борьба между славянами и группой С. Муравьева. Тактика славян — немедленное, быстрое, решительное действие, тактика С. Муравьева — ожидание, ожидание присоединения полков. руководимых членами Южного Общества. Подчеркнем, что тактика С. Муравьева в основном та же, что и у декабристов на Сенат-

---

[1]) Подробнее об этом изложено в моей статье „Восстание Черниговского полка“ „Каторга и Ссылка“, 1925, № 8 (21), стр. 87—112. Там же см. карту района восстания.

ской площади: по их об'яснениям, они тоже стояли, ничего не делая, потому что ожидали присоединения новых частей. В Василькове славяне умоляют Муравьева немедленно итти на Киев, — это решение созрело у них самостоятельно, еще до получения записки Муравьева из Трилес. В Киеве были сочувствующие офицеры и распропагандированные части войск (например, пропаганду там вел славянин Андреевич), так что план славян имел реальные основания. С. Муравьев не решился на это, сохранив выжидательное положение: уже всюду были посланы гонцы восстания, и он предпочел ждать. Осколок замысла славян итти на Киев в маленькой уступке Муравьева: он послал в Киев Мозалевского с записками к верным людям и экземплярами катехизиса. При выезде из Киева Мозалевский был арестован. Движение из Василькова на Мотовиловку своей непосредственной целью имело Брусилов (в том районе стоял Алексопольский полк) и, смотря по удаче, может быть, — Житомир, вокруг которого были расположены славяне. Тот факт, что в Мотовиловке никто[1]) не присоединился, заставил Муравьева вновь переменить маршрут и двинуться на Белую Церковь (в маршруте в этот момент линии «восьмерки» скрещиваются), где стоял 17-й Егерский полк, в котором был верный человек, член Южного Общества А. Ф. Вадковский, приезжавший к С. Муравьеву во время восстания в Васильков и обещавший поддержку. В Мотовиловке происходит резкий перелом настроения солдат, не понимающих смысла дневки во время восстания и тревожащихся за исход дела; бегство нескольких офицеров восставшего полка — Апостола-Кегича, Белелюбского, Сизиневского и других — особенно тяжело на них влияет. Славяне всецело разделяют их волнение и недовольство. Подойдя к дер. Пологи, И. Сухинов уговаривает Муравьева сделать рекогносцировку, пользуясь ночью, — здесь сказывается обычная практичная осторожность славянина. Рекогносцировка и расспросы крестьян убеждают, что 17 егерского полка в Белой Церкви уже нет, он двинулся по совсем иному маршруту — на Сквиру. Поэтому возобладала последняя, но уже явно несбыточная надежда — итти на соединение со славянами к Житомиру, несбыточная потому, что было значительно проиграно время, а путь был неблизкий. Поэтому в Пологах и меняется еще раз маршрут,—восставшие направляются через Ковалевку к Трилесам и, немного не дойдя до своего исходного пункта, разбиваются отрядом Гейсмара. Под давлением С. Муравьева, первым движением восставших при приближении Гейсмара была радость: С. Муравьев был уверен, что это — восставшие войска, идущие на подкрепление, тем более, что по внешнему виду можно было узнать роту капитана Пыхачева, члена Южного Общества. Первые залпы картечью разрушили эту иллюзию. Но как раз эта иллюзия и сделала то, что восстание Черниговского полка кончилось без единого выстрела. Не будь ее, — и жизнь, и замысел были бы проданы дороже. С. Муравьев картечью был ранен в голову. В этой обстановке понятно вспыхнувшее негодование солдат. «Обманщик!» — крикнул рядовой 1-й мушкет. роты, бросаясь на С. Муравьева со штыком и с лицом, искаженным отчаяньем. Соловьев закрыл собой Муравьева и, таким образом, спас его.

Кроме внутренней борьбы в восстании по вопросам о маршрутах, происходила борьба между теми же славянами и группой Муравьевых и по вопросам внутренней дисциплины, внутренней спайки восстания. Нет слов чтобы описать, какую огромную роль тут сыграли славяне и сколько неутомимой энергии положили они, чтобы удержать основное ядро. Тот факт, что все же восстание с 29 декабря по 3 января не разложилось, в большой степени надо приписать им. Романтик С. Муравьев полагал, что не надо

---

[1]) Кроме 2-ой мушкетерской роты Черниговского полка.

удерживать тех, кто желает уйти, — один из изменивших офицеров прямо показывает, что Муравьев офицерам «между прочим, приказал об'явить, что если они не пожелают следовать за ними, то могут остаться». Совершенно иначе, по-революционному, действовал оппозиционный «штаб» Муравьева — славяне, особенно И. Сухинов. Не дать восстанию распасться, связать его внутренней дисциплиной, — такова была их задача. Основной стержень этой внутренней дисциплины — И. Сухинов. Поражаешься чутью этого человека, — он чувствует моментально, где наметилось слабое место, и моментально, вооруженный до зубов, является туда, восстанавливает порядок, пресекает попытку к бегству. В показаниях всех офицеров, изменивших делу восстания, И. Сухинов — настоящее пугало. Кроме того, он выполняет ответственнейшие задачи: он командует авангардом в важнейший момент, при вступлении из Ковалевки в Васильков (напомним, кстати, что С. Муравьев его в Трилесы «не приглашал»), он срывает эполеты с защищающего Васильков от восставших майора Трухина, он захватывает знамена и полковой ящик на квартире полкового командира Гебеля, он с огромной энергией и храбростью восстанавливает дисциплину среди солдат, пытающихся грабить или бесчинствовать. Ответственнейшие распоряжения С. Муравьева об охране Василькова выполняются через Сухинова (охрана застав и пр.). Сухинов, вместе с остальными славянами, ведет допрос арестованных, Сухинов командует арьергардом при выступлении из Василькова в Мотовиловку, энергично поддерживая дисциплину среди солдат. Сухинов в Пологах настаивает на рекогносцировке. Наконец, он же, в последнем переходе восставших из Пологов в Трилесы, не разделяя иллюзий С. Муравьева, что к ним присоединятся дружественные части южан, а опасаясь встречи с правительственными войсками (его опасения сбылись), настаивает на том, чтобы из Ковалевки итти в Трилесы не полем, а деревнями (в этом месте пять деревень сходятся полукругом); боязнь разрушить деревни могла бы задержать стрельбу правительственных войск по восставшим, а последним деревня представила бы легкую возможность устроить засаду. Из всех, причастных активно к делу восстания, единственные И. Сухинов и А. Кузмин не захотели сдаться на милость победителя: первый бежал, а второй застрелился сейчас же после ареста. Прибавим к этому, что герой Щепилло был убит, и единственный В. Соловьев был захвачен и сохранен живым. Велика ирония истории: воздавать по заслугам славянам и, в частности, виднейшему члену их группы Сухинову, подчеркивать их такую неоспоримо-огромную роль в восстании приходится только через сто лет после восстания. Для всей историографии декабризма характерно замалчивание их роли: она рисует вождем и вдохновителем восстания С. Муравьева — и только. Далеко не всегда указываются имена четырех черниговцев-славян, просто упоминаются иногда «четыре офицера Черниговского полка» даже без указания, к какому обществу они принадлежали [1]).

Сергей Муравьев—безупречно чист, как личность, но плох, как революционер. Возвышенность и чистота его намерений вне подозрений, но деятельность его отнюдь не способствовала успеху восстания. Его брат Матвей влиял на восстание разлагающе, например, корил Сергея за то, что избили Гебеля, и довел его до того, что тот... хотел итти просить у Гебеля

---

[1]) К сожалению юбилейная литература не нарушила этого обычая, и в большинстве статей и брошюр (случайный пример — брошюра Клевенского о С. Муравьеве-Апостоле) сохранен тот же трафарет. Даже в работе очень осведомленных лиц, например, Н. К. Пиксанова, И. Сухинов именуется „третьестепенным декабристом“ (?) и ставится на одну доску с Сухачевым и Ринкевичем (см. рецензию на I т. Материалов о восстании декабристов, изд. Центроархивом, „Печать и Революция“, 1925 г., декабрь). Интересно, кто же тогда относится к первой категории и в какую попадает, например, Матвей Муравьев?

прощенья. Во время восстания, по свидетельству записок Горбачевского, Матвей прятался в обозе,—поэтому рассказ его о восстании Черниговского полка (см. его «Воспоминание») должен быть принят с большой осторожностью. В Пологах, в момент окончательного морального провала восстания, Матвей беседует с юным братом Ипполитом, приехавшим прямо в Васильков во время восстания,... о смысле жизни человека. Эти штрихи достаточно характеризуют Матвея. Ипполит мелькает в восстании метеором. Этот восторженный и преданный революции юноша психологически очень интересен и, как личность, неотразимо обаятелен. Он побратался с Кузминым и поклялся умереть за свободу. Во время встречи с Гейсмаром и гибели восстания он застрелился,—или как передает один тупоумный фронтовик по начальству, — «самовольно застрелился».

Так кончилось восстание Черниговского полка. Но для полноты роли соединенных славян необходимо рассказать об отчаянных попытках их помочь делу восстания. Всюду—в Житомире, Новоград-Волынске, деревне Барановке, всюду, где были славяне, они волновались, действовали, все силы стремились положить на то, чтобы восстание поднять. Стечение обстоятельств оказалось для них чрезвычайно неблагоприятно. Их попытки не дали реальных результатов, оставив только неоспоримые доказательства их личного героизма и самоотверженности. Главные действующие лица этих попыток—Андреевич 2, Андрей и Петр Борисовы и Бечасный.

Мы оставили Андреевича в тот момент, когда он выехал из Василькова на Белгородок, чтобы отправиться в Радомысль к Повало-Швейковскому, обещавшему поднять Алексопольский полк. Но он, по свидетельству «Записок» Горбачевского, спрятался от Андреевича. Последний долго и тщетно ждал возвращения полковника и, наконец, догадавшись, что его обманывают, и услышав за закрытой дверью шопот и тихий стук шагов, ударил в дверь, замок соскочил и его глазам представился сам Повало-Швейковский.— «Оставьте скорее мой дом,—отвечал перепуганный полковник на требование о поддержке восстания,—я ничего не могу для вас сделать». Он не дал Андреевичу решительно ничего, отказал даже в оружии. Из Радомысля Андреевич поскакал через Житомир в Любар, к тому же Артамону Муравьеву. В Житомире он виделся с секретарем общества славян, Ивановым, у которого был обычный центр свиданий славян. На его квартире было собрание славян, участвовали кроме названных лиц оба брата Веденяпины, Киреев. Андреевич сообщил о приказе арестовать Муравьева, о необходимости принять решительные меры и сообщил, что черниговские славяне решили немедленно начать восстание. В Любар Андреевич приехал, вероятно, 29 декабря. Артамон, конечно, вел себя так же, как и с братьями Муравьевыми, только значительно решительнее. «Поезжайте ради бога от меня, я своего полка не поведу. Делайте вы там, как хотите, меня же оставьте и не губите: у меня семейство». Слово, данное жене, Артамон сдержал. Отказал он Андреевичу и в лошади и, сначала, в деньгах. В конце концов, он дал ему 400 рублей на покупку лошади, которая заведомо стоила 800.

Андреевич в отчаянии решился на безрассудный, но героический шаг,—он сам бросился в Ахтырский гусарский полк поднимать восстание. Каково было его удивление, когда он узнал от офицеров полка, что они ничего не знают и совершенно не подготовлены Артамоном,—любопытная иллюстрация к теории военной революции Южного Общества. Несмотря на это, офицеры отнеслись ко всему очень сочувственно, достали лошадей Андреевичу, хотели помочь, но физически не могли: полк был совершенно неподготовлен к восстанию и стоял по окрестным деревням, разбросанный и разрозненный. Андреевич бросился на Фастов, в его украинском произношении «Хвастов», вероятно, торопясь оказаться в Киеве и попытаться

там помочь восстанию. Верст через 40 от Любара под селением Пятками он сбился с дороги. Была сильная мятель. Андреевич продрог до костей—на нем поверх мундира была одна шинель. Только случайность спасла ему жизнь: лошадь сама набрела на избу майданщиков (делающих селитру). Обогревшись и дав отдохнуть измученным лошадям, Андреевич, совершенно больной, поскакал дальше. Записки Горбачевского передают, что он заезжал в Васильков, сам же он об этом умалчивает. Но если он и был в Василькове, то, вероятно, числа 31 декабря после полудня, когда восставший полк уже вышел на Мотовиловку. В Киев, вероятно, Андреевич вернулся в тот же день, хотя надо отметить, что и по рапорту начальства, взволнованного его отлучкой, и по показаниям его денщика Никиты Бокова, Андреевич вернулся в Киев 30 декабря. Это не совпадает с датой записок Горбачевского. Но какой вариант ни будет правильным, изумительна та быстрота, с которой Андреевич проделал этот длинный путь.

Во время летних лагерей, как уже сказано, Борисов 1-й был в отставке и находился в Слободско-Украинской губернии у престарелого отца, которому помогал в его ремесле архитектора. По настойчивым просьбам Борисова 2 Бестужев-Рюмин не решился окончательно отказать его брату во вступлении в члены Южного Общества (вспомним, что отставных не принимали). Бестужев поставил условием приема вторичное поступление Борисова 1 на военную службу и хотел увидеться с ним перед приемом в члены. Узнав из письма брата о важных переменах, произошедших в обществе славян и о близости действий, Борисов 1 приехал в Новоград-Волынск для переговоров. Это произошло в знаменательный день 14 декабря. 26 декабря Новоград-Волынск узнал о происшествии на Сенатской площади и первым движением славян в ответ на это было решение восстать. Но та группа, которая жила в Новоград-Волынске (во главе с Петром Борисовым), состояла из простых членов. По решениям об'единительных собраний, бывших в лагерях, она должна была только ждать приказаний через «посредников» от Васильковской управы и повиноваться. Но никаких распоряжений от С. Муравьева или М. Бестужева не приходило. 26 декабря, сейчас же после получения известий о петербургских событиях, славяне созвали собрание, на котором вынесен был ряд практических постановлений об ожидаемом восстании: «образовать в народе временное правительство, об'явить освобождение крестьян, поддерживать строгую дисциплину. Был выработан и план восстания, о котором сказано ниже. Несколько дней прошло в томительном ожидании. 28 декабря Борисов 2 и Горбачевский, не выдержав, послали к Артамону Муравьеву Бечасного с поручением все разузнать и поднять его на восстание. Наконец, 30 декабря Андрей Борисов (отставной) решился выехать в Харьковскую губернию, где он принял новых членов в славянское общество, чтобы содействовать там восстанию, когда оно начнется. Очень важно отметить, что он имел письмо к Бестужеву-Рюмину. Проездом через Житомир он хотел сообщить оставшимся славянам о постановлениях собрания 26 декабря. В Житомире он направился в обычный центр—к Иванову. Вести, сообщенные последним Андрею Борисову, потрясли его и изменили все его планы. В Житомире перед этим, как мы знаем, был Андреевич и там знали о приказе арестовать Муравьева и о начале восстания. Было собрано совещание, на котором присутствовали Андреевич, Иванов, Веденяпины, Андреев, Киреев, поручик Нащокин и некоторые другие. Было постановлено «отнюдь не делать отдельного бунту», выступать сообща с Муравьевым, освободить последнего, если он арестован, и итти на Киев или Бобруйск для соединения со 2-й армией и полками 3-го и 4 пехотных корпусов, которые должны были по заверению членов Южного Общества примкнуть к восстанию. Мнения не вполне совпадали,—была группа колеблющихся—Ве-

деняпин и Нащокин, последний даже резко возражал. Все же возобладало решение восстать; в конце концов, по мнению революционной группы, «лучше умереть с оружием в руках, нежели жить целую жизнь в железах». Борисов 1 не удовлетворился этим постановлением и требовал от членов подписки в том, что они согласны восстать.

Ясно было также, что артиллеристы, стоящие в Новоград-Волынске, не смогут выступить одни без прикрытия пехоты и конницы,—об этом писалось еще раньше славянами в той записке к Бестужеву, которая выше приведена полностью. Пехотные части со славянами во главе стояли в районе С.-Константинова,—там находились Громнитский и Лисовский (Пензенский полк). Вестником восстания по общему решению должен был поехать туда Борисов 1. Штатский, не связанный с начальством и службой, он мог легче всех передвигаться с места на место. Но эта «штатскость» его и длительное отсутствие его, особенно во время летних лагерей, сыграли роковую роль в деле восстания. Его не знало новое ядро принятых за последнее время членов, в частности не знали его тот же Громнитский и Лисовский. Поэтому выбор его, как вестника восстания, был трагически неудачен. Иванов и Киреев написали письмо к Громнитскому и Лисовскому. Иванов приписал еще, что надо вовлечь в дело членов, принятых в Троицком полку, капитана Киселевича и поручика Ярошевича. Киреев написал еще письмо Борисову 2, где высказывал предположение, что восставший Муравьев, вероятно, двинется на Житомир и ему понадобится помощь артиллеристов Новоград-Волынска под прикрытием пензенцев. Немедленно после совещания на деньги Киреева наняты были лошади, и Борисов 1 поскакал обратно в Новоград-Волынск. У Петра Борисова в момент приезда Андрея был Горбачевский («посредник»!). Все сообщенное Андреем встретило решительную поддержку Петра, но Горбачевский испуганно колебался. Здесь был доработан сложный и интересный план славянского восстания, на котором нельзя не остановиться. О нем подробно рассказано в показаниях Борисова 2. Видя колебания посредника Горбачевского, Борисов собственноручно написал записку Тютчеву и Громнитскому в Пензенский полк, в сильных выражениях напомнив им об их клятве и призывая к немедленному восстанию. Они, по замыслу его, должны были итти в Новоград-Волынск и представить собой прикрытие для стоявших там артиллеристов. Далее должны были быть арестованы противные революции полковники и офицеры, и восставшие войска, захвативши лошадей и резерв, следовать к Житомиру. Там должна была присоединиться к ним конница, Ахтырские гусары и Алексопольский полк (вспомним, что 28-го к Артамону уже послан был Борисовым 2 гонец—Бечасный). В Житомире положено было завладеть корпусною квартирою и оттуда немедленно итти на Киев, из Киева же на Бобруйск, где должен был к восстанию присоединиться полковник Тизенгаузен, командовавший Полтавским пехотным полком. В Бобруйске Борисов 2 думал или укрепиться или «итти к Москве, ежели 5 и 4 корпуса последуют нашему примеру, поднимут оружие и сделают с нами коммуникацию и ежели вторая армия поступит таким образом». Кроме письма к Тютчеву и Громнитскому, Борисов 2 написал еще и Лисовскому, а Горбачевский по настоянию его написал письмо к Спиридову (другому «посреднику», как мы помним). Снабженный письмами, Андрей спешно выехал в С.-Константинов,—было, кстати, чрезвычайно трудно достать лошадей: по случаю восстания их никому не давали на почтовых станциях без особого дозволения местного начальства. Выехать поэтому удалось лишь поздно вечером 3 января, по показанию Петра Борисова.

Отправляя брата, Петр Борисов принял ряд важных мер, бросающих свет на жизнь славянского общества, как самостоятельной единицы и после слияния его с южным. Он стал сейчас же действовать, чтобы привлечь к вос-

станию поляков. На сцену вновь появляется отставной Красницкий; он приводит к Борисову 2 четырех польских шляхтичей-славян, служивших в имении графа Уварова «Новый Звягель», из которых до нас дошли имена Островского и Невенгловского. Они дали клятву действовать в восстании вместе со славянами. Двое из этих поляков должны были отвезти письмо к юнкеру Головинскому, служившему в 4-й парочной батарейной роте, «чтобы он сколь может бунтовал бы и возмутил бы солдат». Эта рота квартировала в Некорости Овручского повета. Дядя Головинского был там поветовым маршалом, и поэтому Головинскому поручалось узнать «мнение шляхты Овручского повета и, если можно, склонить их к участию в деле», а также убедить своего дядю помочь восстанию. Третий поляк поехал в Заслав, чтобы там поднять шляхту к всеобщему восстанию, а четвертый остался в Новоград-Волынске, чтобы поднимать шляхту его окрестностей.

3 января Борисов 1 приехал в С.-Константинов на квартиру к Лисовскому, где в это время был и Громнитский, вручил письма и рассказал все, что знал. Громнитский дал согласие действовать, Лисовский же очень испугался. Из С.-Константинова Андрей Борисов поехал в деревню Кузьмино, где квартировал Тютчев (в 10 верстах от С.-Константинова). Тютчев сразу согласился выступить и дал роте приказ приготовить боевые патроны. После этого Борисов 1 двинулся к Киеву, послав Петру в Новоград-Волынск письмо, полное отчаяния. Видимо, несмотря на обещания действовать, он чувствовал, что настоящего выступления не будет и дело безвозвратно проиграно. Он оказался прав. Когда он уехал, члены, давшие согласие, стали колебаться. В их рассуждениях, несмотря ни на что, надо признать большую долю истины, и вина организации южан несомненна: «С. Муравьев,—с жаром восклицал Лисовский, — требовал, чтобы мы действовали на солдат медленно. Бестужев-Рюмин говорил мне лично, равно как и всем, что восстание начнется не ранее августа 1826 года. Поэтому я действовал сообразно с принятыми на себя обязанностями. Клянусь всем, что для меня свято, что к назначенному времени вся рота пойдет за мною в огонь и в воду».—«Нам предлагает начать бунт простой член общества Борисов 2,—резонно говорил Громнитский,—приглашение сие привез его брат, но мы не имеем никакого уведомления ни от С. Муравьева, ни от Бестужева, которым мы дали слово действовать. Я не обязывался сломить себе шею для каждого. Пускай придет сам Муравьев, или пускай покажут мне приглашение к восстанию, написанное его рукою,—я тотчас взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовлением солдат». Борисов 1 через Житомир проехал в Киев, где остановился у Андреевича. Через 3 дня на его квартире он был вместе с ним арестован.

Бечасный ездил к Артамону Муравьеву по поручению Борисова 2-го 28 декабря. Много путей скрестилось у порога Артамона в Любаре в те памятные дни. 1 января Бечасный остановился в корчме у еврея Лейбы, расспрашивал, дома ли полковник и полковница. Много раз подходил Бечасный к дому Артамона,—в ту пору его уже не было дома. Того же 1 января начали описывать бумаги Артамона. Видимо, не зная об аресте его (Артамон был арестован 31 декабря в Троянове), Бечасный все добивался, когда вернется полковник, видимо надеясь на его помощь и желая во-время предупредить его об аресте. При помощи «девицы Софьи Ивановны» Бечасный послал «собственного» Артамона Муравьева «человека Александру» в Троянов явно для его предупреждения, но «Александра» встретил по дороге возвращавшуюся домой заплаканную полковницу, узнал об аресте и возвратился ни с чем. Так безрезультатно кончилась и эта попытка. 3 января Бечасный вернулся, ничего не добившись.

Начались аресты. Главные участники восстания Черниговского полка—Сухинов, Щепилло, Кузмин и Соловьев—судились на юге. Южное делопроиз-

водство, к великому сожалению, до нас почти не дошло. Остальные славяне судимы были, как и основная масса декабристов, в Петербурге. В список лиц, присужденных к разным казням и наказаниям, попало 23 славянина, часть славян не вошла в этот список, так как на нее Николаем I были наложены различные взыскания помимо суда и до него (например, Головинский, Черноглазов, Костыра и др.). На следствии держались они различно: некоторые впали в совершенное отчаяние и многое открыли правительству, например, Горбачевский, Спиридов. Другие, например, Андрей Борисов, Андреевич 2, держались очень гордо и в ответы следствию вкладывали, не скрывая, много ненависти и презрения к правительству. Многие за упорство по приказу Николая I были закованы во время следствия в цепи,—эта пытка довела Андреевича почти до сумасшествия. По окончательному постановлению суда все они приговорены к разным срокам поселения и каторги. Большинство из них попало в Сибирь, некоторые на Кавказ. Часть их, не судимая верховным уголовным судом, была подвергнута различным «дисциплинарным» взысканиям,—от нескольких лет крепости до негласного надзора. Сухинов после многих приключений был пойман и судим вместе со всеми. Имена убитого Щепиллы и застрелившегося Кузмина были прибиты к виселице. Участники южного восстания—Соловьев, Сухинов и Мозалевский—единственные из всех декабристов подверглись тяжелой участи пешего перехода в Сибирь, вместе с обычными преступниками.

История Общества Соединенных Славян, как революционной организации, не кончается восстанием Черниговского полка. Чтобы понять славян и охватить одним взглядом всю жизнь их общества, надо сказать несколько слов о заговоре в Зерентуйском руднике [1]) и о смерти его организатора И. Сухинова. Даже в Сибири, где окончательно, за редчайшими исключениями, умерла революционность декабристов, этот яркий и типичный представитель славянского общества сохранил ее в полной мере.

Еще на пути в Сибирь Сухинов не мог расстаться с мыслью о восстании. Княгини Волконская и Трубецкая стремились его успокоить, встретив в Чите, но так ничего и не добились; он, как исступленный, твердил о необходимости поднять в Сибири восстание декабристов. По заключению М. Волконской, И. Сухинов «жил только для того, чтобы до последней минуты своей жизни быть вредным правительству».

В Зерентуйском руднике Сухинов, очевидно разочаровавшийся в дворянских организациях, выступил как устроитель заговора среди людей совсем иного типа. Участниками заговора явились ссыльные каторжане, по терминологии начальства рудника «ссыльно-рабочие»—Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Тимофей Непомнящий прозвания, Василий Михайлов, Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Семен Семенцов, Григорий Глаухин, Иван Каверзенко, Никита Колодин, Николай Григорьев, Антон Ковальчук, Алексей Рубцов и Кирилла Анисимов. Очень немногое, к сожалению, известно об этих людях, имена некоторых говорят за себя. Это была совершенно иная, вероятно, отчасти крестьянская и бывшая солдатская, отчасти рабочая среда. Лишь о троих известны некоторые подробности: Голиков—казарменный староста, бывший некогда фельдфебелем в учебном карабинерском полку, Бондарев—бывший фельдфебель, Бочаров—сын астраханского купца [2]), Михаил Васильев—тоже бывший фельдфебель. «Голиков поражал всех диким и независимым своим нравом», пишет Горбачевский [3]):

---

[1]) Материалы по этому делу и обширная выписка из следствия впервые публикуются мною в „Красном Архиве“, № 13 за 1925 г., посвященном юбилею декабристов (см. мою статью „Заговор в Зерентуйском руднике“).

[2]) Записки Горбачевского, изд. 1925 г., стр. 221.

[3]) Ibid. стр. 199.

«какая-то душевная сила возвышала его над всеми другими и приводила в трепет самых закостенелых, отчаянных воров и разбойников. Тонкий и хитрый ум Бочарова и некоторая степень образованности покоряли ему развращенную и необдуманную (sic) толпу его товарищей. Михайло Васильев... более или менее походил... на Голикова и Бочарова».

Восстание в Зерентуйском руднике назначено было на 24 мая (1828). Его конечная цель была освобождение всех декабристов, всех государственных преступников. План был таков: ночью под предводительством Сухинова решено было напасть на цейхгауз, забрать оружие и патроны, затем, вооруженными итти в казармы ссыльно-рабочих и поднять их к восстанию, разбить тюрьму, освободить всех содержащихся там под стражею колодников, посадить в тюрьму начальство и зажечь, и итти дальше к Нерчинскому заводу, всех поднимая к восстанию, достигнуть Нерчинского завода и освободить всех государственных преступников. Нашелся предатель—ссыльный Казаков, донесший обо всем начальству накануне восстания. Заговорщики убили Казакова, но было уже поздно. Заговор был открыт, участники арестованы. При обыске у Сухинова был найден порох и кинжал. Шесть главных заговорщиков были приговорены к расстрелу, четверо наказаны кнутом «с подновлением штемпельных на лице знаков», шестеро наказаны плетьми. В числе первых был и И. Сухинов. 3 декабря 1828 года приговор был приведен в исполнение генерал-майором Лепарским. Только И. Сухинова не удалось расстрелять: он удавился в тюрьме 1 декабря на ремне, поддерживавшем его кандалы. Перед этим он несколько раз отравлялся мышьяком, но его спасали. Так кончилась жизнь этого исключительного славянина, о котором, к сожалению, так мало известно рядовому читателю.

В перспективе всего русского революционного движения, вплоть до Октября 1917 года,—Общество Соединенных Славян, конечно, покажется маленьким и слабым. Но оно—первое оформление разночинной революционной струи. Оно резко отлично и по тактике и по революционным планам и, наконец, по социальному составу от массы других декабристов. Оно выступило на революционное поприще, как самостоятельная единица, не утеряло основных черт своей физиономии и после слияния с южным обществом и кончило свою революционную историю заговором в Зерентуйском руднике. Славяне организовали восстание Черниговского полка и вынесли огромную долю его тяжести на своих плечах. Им первым во всей революционной истории принадлежит мысль о революции народной. Они—первая организация, планомерно занимавшаяся пропагандой среди солдат и видевшая в солдате не пушечное мясо, хотя бы революционное, а сознательного участника революции, товарища-единомышленника. Пусть славяне все же—революционеры, не нашедшие массы,—они хотели найти ее, они ее искали и в этом их огромная заслуга. Они не понимали в революции нерешительности, постепенности, половинчатости. Они хотели действовать сразу, одним ударом. И даже в позднейших суждениях об освобождении крестьян своих членов, доживших до крестьянской реформы 1861 г., они примыкают к группе разночинцев, представленных хотя бы Чернышевским. И. Горбачевский отрицательно относился к реформе, считал, что крестьянам надо отдать всю землю, в мирный исход дела не верил и полагал, что все кончится ножами.

И дело славян, действительно, не пропало. Эти предшественники революционеров-разночинцев вписали незабываемую страницу в историю русской революционной борьбы.

МАТЕРИАЛЫ

Из архива декабриста

Василия Львовича Давыдова

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА

С комментариями **Н. К. Пиксанова**

Печатаемые ниже неизданные письма представляют собою извлечение из бумаг архива декабриста В. Л. Давыдова. Бумаги эти были переданы потомками Давыдова в распоряжение М. О. Гершензона. Вместе с автографами писем разных лиц передана была еще рукопись: «Василий Львович Давыдов (декабрист) и попутная хроника семьи Давыдовых с 1792 по 1856 год». Это—живо и точно изложенная семейная хроника—по материалам печатным («Архив Раевских», напр.) и неизданным. Изложение здесь, впрочем, доведено только до 1815 года. В дополнение к «попутной хронике» была составлена и тоже передана М. О. Гершензону хронологическая канва, озаглавленная: «К архиву Давыдова с 1792 по 1855 год». Здесь изложение обрывается на том же 1815 годе и после большого пробела восстанавливается с 1848 года и доводится до 1855.

Покойный М. О. Гершензон, изучив архив В. Л. Давыдова, решил опубликовать его документы отдельной книжкой и уже вел переговоры с Ленгизом о напечатании ее. Внешние обстоятельства, а потом смерть помешали осуществиться этому его намерению. Подготовляя материалы, Михаил Осипович успел, во-первых, восполнить пробел в тетради хронологической канвы, собственноручно заполнив годы 1816—1847 краткими датами, почерпнутыми из архива Давыдова и из печатных материалов. Во-вторых, он отобрал для печати наиболее интересное из автографов, сам тщательно переписал тексты писем, а французские письма перевел со свойственным ему мастерством. Комментариев он, однако, сделать не успел.

Осуществить издание архива Давыдова отдельной книжкой в настоящее время не представилось возможным. Но здесь было много ценных документов, достойных печати. Я произвел новый отбор из выбранного М. О. Гершензоном, и ниже печатаются наиболее ценные тексты, снабженные краткими введениями и примечаниями.

Тексты печатаются по новой орфографии, но с соблюдением особенностей живой речи.

Что касается комментария, то он дает только самое необходимое. Издаваемая переписка относится к сибирской жизни декабристов, хорошо изученной. За последнее время появилось сразу несколько книг, посвященных жизни декабристов в Сибири: «Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография». Под редакцией М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубалова. Иркутск. 1925 (здесь и библиографический указатель: «Декабристы в Сибири», составленный М. Азадовским и М. Слободским);—«Декабристы в Забайкалье». Неизданные материалы. Под редакцией А. В. Харчевникова. Чита. 1925;—«Декабристы на каторге и в ссылке». Сборник новых материалов и статей, составленный Комиссией Всесоюзного Общества Политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. М. 1925;—Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных.

Под. ред. Е. Якушкина. Изд. М. Сабашникова. М. 1926;—Б. Кубалов. «Декабристы в Восточной Сибири». Очерки. Иркутск. 1925. Наиболее полно вся литература о декабристах в Сибири (в том числе и их переписка) зарегистрирована в печатаемой «Библиографии декабристов» Н. М. Ченцова, изд. Центрархива. Биографические данные см. в «Алфавите декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, изд. Центрархива. Л. 1925.

I

ПИСЬМА В. Л. и А. И. ДАВЫДОВЫХ

Василий Львович Давыдов не принадлежит к известным декабристам. Его биографии нет ни в «Русском Биографическом Словаре», ни в «Новом Энциклопедическом Словаре». Это не вполне справедливо. Правда, Давыдов не оставил политических трактатов, конституционных проектов или поэтических произведений. Но он был видным деятелем радикального Южного Общества и одним из близких к Пестелю лиц. Его имя связано с именем Пушкина, который хорошо знал его и его обширное родство и посвятил Давыдову теплое стихотворение.

В. Л. Давыдов родился в 1793 г., в Москве, в богатой дворянской семье. Его родные братья Петр и Александр дослужились до генеральских чинов; его единоутробным братом был известный генерал Н. Н. Раевский, сыновья которого, Александр и Николай, были близки с Пушкиным. Партизан Денис Давыдов тоже был его родственник. Через Екат. Ник. Раевскую Давыдов был в родстве с Мих. Ф. Орловым, через ее сестру Мар. Николаевну—с С. Г. Волконским. Фамильной резиденцией Давыдовых была знаменитая Каменка, в Киевской губернии, где собирались южные декабристы и где бывал Пушкин. Шестнадцатилетним юношей, после обычного домашнего воспитания с аббатом-французом, В. Л. Давыдов вступил в военную службу, в войну 1812 года. В 1817 году он уже подполковник. В 1819 году он вступает в гражданский брак с Александрой Ивановной Потаповой (венчание состоялось в 1825 году); в 1820 году рождается его первый сын Михаил; позднее у Давыдовых было много детей.

Давыдов рано вовлекся в тайные организации. В 1817 г., 24 лет, он уже член Союза Благоденствия; в 1820 году он пытается, но безуспешно, вовлечь в тайное общество Дениса Давыдова. В 1821 г. Пушкин, бывавший в Каменке и докончивший там «Кавказского Пленника», увлеченный впечатлениями греческого восстания и толками декабристов, собиравшихся у Давыдова, пишет послание В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов...»), где вспоминает, как в Каменке «за здоровье тех и той до дна, до капли выпивали», т.-е. за неаполитанских карбонаров и за свободу. В конце стихотворения говорилось:

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет!—мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся...

Не случайно эти строки обращены к В. Л. Давыдову.

После закрытия Союза Благоденствия Южное Общество начинает развивать свою деятельность, и одним из самых горячих участников движения становится Давыдов. Вместе с Пестелем, Юшневским, С. Волконским, Крюковым, Басаргиным и другими он составляет Тульчинскую управу. В 1822 году, в Киеве, во время Контрактовой ярмарки, к Южному Обще-

ству присоединяется Сергей Муравьев; собрания происходят на квартире В. Л. Давыдова; здесь впервые высказывается мысль о цареубийстве и говорится о республике. В. Н. Лихарев, по его внушению, составляет записку против Аракчеевских военных поселений, которую Давыдов обсуждает вместе с Пестелем, удостоверяя «решительное неудовольствие угнетенных поселян». В 1823 году, опять в Киеве, на Контрактах, в квартире Давыдова, декабристы разделяют Южный Округ на три управы: Тульчинскую, Каменскую и Васильковскую. Во главе Каменской становятся Давыдов и С. Г. Волконский; Давыдов является вместе с тем членом Тульчинской директории. В Каменскую управу вошли Иосиф Поджио и Лихарев, женатые на племянницах Давыдова; сюда же примкнули Янтальцев, А. В. Поджио, а также—Бошняк, будущий предатель. У В. Л. Давыдова был экземпляр «Русской Правды» Пестеля, переведенный и написанный рукою Сергея Муравьева. Из Киева Давыдов ездил в Петербург, чтобы содействовать об'единению Северного и Южного Обществ; он возил с собою письмо к Никите Муравьеву от Пестеля.

В ноябре 1823 года на собрании у Давыдова в Каменке было решено ввести республиканское правление вооруженной силой и истребить императорскую фамилию; это предложение Пестеля поддерживали Давыдов, Юшневский, Волконский. Деятельность Давыдова по тайному обществу продолжалась и в 1824 и 1825 годах. Арестован он был в Каменке в январе 1826 года. Его вины Верховный Уголовный Суд определил так: «полковник Давыдов имел умысел на цареубийство и истребление императорской фамилии, о чем и совещания происходили в его доме; участвовал в управлении тайного общества и старался распространять оное принятием членов и поручений; участвовал согласием в предположениях об отторжении областей от империи и приуготовлял к мятежу предложением одной артиллерийской роте быть готовою к действиям». Вместе с Юшневским, Поджио, Вадковским и другими (в количестве 31) он попал в категорию государственных преступников, «осуждаемых к смертной казни отсечением головы». Приговор был смягчен, и Давыдов был сослан на каторгу в Нерчинские заводы, куда партия декабристов прибыла 29 августа 1826 г. В сентябре 1827 года декабристов переводят из Нерчинска в Читу. А. И. Давыдова, Муравьева, Нарышкина приезжают в Читу и поселяются в наемных избах; Трубецкая, Волконская и Анненкова живут в собственных домах. В 1829 г. в Чите у Давыдовых родится сын Василий, «сибирский первенец» (после него было еще шесть). В 1830 г. декабристов опять переселяют—в Петровский завод. Позднее Давыдовы жили в Красноярске. В Сибири Давыдов провел долгих тридцать лет. Умер 25 октября 1855 г., в Красноярске.

Письма Давыдовых до 1925 года не были известны в печати. Только в юбилейные дни опубликовано несколько писем: в сборнике «Декабристы. Неизданные материалы и статьи» под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925 (стр. 235: письмо В. Л. Давыдова к О. А. Лепарскому) и в сборнике «Декабристы на каторге и в ссылке» (несколько писем В. Л. Давыдова и его жены, в статье С. Я. Штрайха).

1

ПИСЬМО В. Л. ДАВЫДОВА к ЖЕНЕ ИЗ КРЕПОСТИ

Большое утешение мне, что могу к тебе писать, друг мой милый. В отдаленности и в неизвестности об Вас всех, меня бы уже теперь бы грусть с'ела, если бы не позволено мне было о себе тебя известить [1]). День и ночь я думаю о тебе и детях наших—как они меня ждут теперь,

[1]) Давыдов писал жене из-под ареста, находясь под следствием.

бедняжки!—Не предавайся ты, друг мой, грусти своей—надейся и будь терпелива—о делах спроси у братьев; я надеюсь, что брат Петр[1]) к тебе приедет, он тебя успокоит и на мой счет, и во всем поможет тебе. К брату Н. Николаеву[2]) я также писал—без совету их ничего не делай—детей береги и сохрани свое здоровье—я здоров, а несчастлив потому, что вас не вижу.—Кланяйся брату Алекс. [3]), скажи ему, что я считаю на дружбу его—племянниц Машу и Катиньку[4]), также несчастных поцелуй за меня—я надеюсь, что они тоже от мужьев письма получили.—Прощай. друг мой бесценный—целую тебя и детей тысячу раз—Никому в доме не забудь поклониться.

Друг твой В. Давыдов.

Скажи, душа моя, доктору, что я полагаюсь твердо на его дружбу, и, что он вас не оставит, я в том уверен.

С. Петербург, 26 Генваря 1826.

На обороте: Ея Высокоблагородию Милостивой Государыне Александре Ивановне Давыдовой. Киевской губернии, Чигиринского Повета, в М-чко Каменку.

2

ПИСЬМО В. Л. ДАВЫДОВА к ЖЕНЕ

(Наверху написано: Pour ma femme «Для моей жены»)

Душа моя—друг бесценный! Что я узнал от брата? То, что бы меня радовало, осчастливило прежде, теперь убивает—скоро шестой малютка умножит горестное семейство наше,—но бог тебя не оставит, он призрит всех нас несчастных—будь тверда, ангел мой, и береги себя для меня и для детей.—Бог и надежда скоро увидеть тебя, сокровище мое, меня поддерживают,—я здоров и, пока не отнимут у меня надежду с тобою соединиться, я могу все перенести.—Но, друг мой,—на коленях благодари брата Петра, приведи к ногам его всех детей,—благодарите его за его беспримерную дружбу ко мне и к вам—он не оставил меня, он не оставит вас, он нас соединит—бог его дал нам, несчастным—во всем слушайте его—он все сделает к лучшему.—Саша моя, всю жизнь мою сейчас готов отдать с радостью, всю кровь мою готов пролить, чтобы тебя и детей прижать к моему сердцу—не теряю надежды еще на счастие—ибо все мое упование на всевышнего. Приезжай же, друг мой, ты, которую я люблю всеми силами души моей—дай мне посмотреть на тебя—потом хоть тотчас умереть.—Прощай, ангел мой, душа моя, тебя и детей от всей души целую—слезы мои беспрестанно текут, когда пишу к тебе—и никогда, никогда, ни на одно мгновение ты не выходишь из сердца моего, из мыслей моих. Прощай же, ангел мой, сокровище мое!

По гроб неизменный твой друг

В. Давыдов.

20 сент. [5]).

[1]) Петр Львович Давыдов, живший в Каменке; он принял на себя заботы о семье и имуществе брата.

[2]) Николай Николаевич Раевский, единоутробный брат Давыдовых.

[3]) Александр Львович Давыдов, тоже живший в Каменке.

[4]) Мария Николаевна Раевская, в замужестве Волконская, и Екатерина Николаевна Раевская, в замужестве Орлова.

[5]) На письме нет даты года. Но так как Давыдов зовет жену приехать к нему,—следует полагать, что письмо написано в конце 1827 года, когда Давыдова и его товарищей перевели из Нерчинска в Читу и женатым позволили выписать жен и детей.

3

ПИСЬМО В. Л. и А. И. ДАВЫДОВЫХ к ДОЧЕРИ МАРИИ [1]

(Подлинник по-французски)

Моя милая и нежная дочь, моя чудесная Маша [2]), третий раз пишу тебе собственной рукой,—и все с тем же волнением, с теми же чувствами тревоги, радости и горя вперемежку. Как я был бы счастлив получить от тебя тайное письмо, в котором ты могла бы совершенно открыть мне свое сердце и об'яснить мне разные вещи, касающиеся тебя, которых я не понимаю—твой от'езд от г. Бег. и от Соф. Григ.,—словом, свободно рассказать мне все о себе и вполне открыть свое сердце отцу, обожающему и любящему тебя больше, чем слова могут выразить. Я непрерывно день и ночь думаю о тебе, моя милая Маша. Твоя судьба и судьба остальных детей непрестанно беспокоит и мучит меня, и я прихожу в отчаяние при мысли, что ничего не могу сделать для вас, за которых я с такой радостью сейчас же отдал бы свою жизнь. Я пишу моему брату, умоляя его не оставлять вас всех; убежден, что он исполнит все, о чем я его прошу. Он—мое единственное прибежище, и он это знает. Я ничего не скажу тебе в этом письме о нашем нынешнем положении. Прочти мое письмо к дяде, там ты все узнаешь. Особенно Фиона сможет рассказать тебе тысячу подробностей; она прожила с нами три года, и я уверен, что ты будешь жадно ее слушать. Поручаю тебе, моя милая, взять на себя заботу об этой превосходной женщине и попросить дядю, чтобы ей регулярно выплачивалась ее пенсия, и чтоб хлеб и содержание, положенные нами, были выдаваемы со всевозможною точностью [3]), чтобы отдано было приказание всегда вручать Фионе деньги в собственные руки. Ее муж—очень хороший человек и верный слуга; но у него есть слабость—он немного пьет и не очень экономно тратит свои деньги. Только постарайся, мой ангел, устроить это, не унижая его и посоветовавшись с Фионой. Такая привязанность и такое бескорыстие, как в этой женщине, встречаются редко,—ты не можешь составить себе об этом представления. Если мои дети когда-нибудь забудут услуги, оказанные ею нам, и ее великую преданность нам,—это будет дурно с их стороны и причинит нам тяжелое огорчение. Но этого не случится, моя добрая Маша, не так ли? Я желал бы, чтобы твой дядя как можно скорее отпустил их на свободу и чтобы ты постаралась сделать что-нибудь для их сына, которого следовало бы обучить грамоте и какому-нибудь хорошему ремеслу, если его мать согласится на это, и чтобы дядя распорядился об этом.—Милая и дорогая Маша, любовь и уважение, которые ты питаешь к твоей матери, наполняют мое сердце радостью, и среди всех моих горестей и страданий эти твои чувства служат мне сладким утешением, за которое небо наградит тебя и за которое я ежедневно благословляю тебя из глубины моего сердца. Она истинно заслуживает этих чувств с твоей стороны, так как она любит тебя наравне со всеми остальными нашими детьми, и даже, в виду твоего возраста и положения, думает всегда о тебе первой. Я—свидетель ее постоянной заботы и беспокойства о тебе; я знаю, как сильно она тебя любит, и она, как и я, знает, что ты этого достойна. Что до меня, моя дочь, то без нее меня уж не было бы на свете. Ее безграничная любовь, ее беспримерная преданность, ее заботы обо мне, ее доброта, кротость, безропотность, с ко-

---

1) Письмо это написано на шелковой материи, как и еще два письма, здесь не воспроизводимые; куски шелка были вшиты в юбку той женщины Фионы, о которой говорится в письме; таким образом, письма были тайно вывезены из Сибири в Каменку.

2) Мария Васильевна Давыдова, принадлежавшая к старшему поколению детей, оставшихся в России.

3) Эти слова в подлиннике—по-русски.

торою она несет свою полную лишений и трудов жизнь, дали мне силу все перетерпеть и не раз забывать ужас моего положения. Уплачивайте ей, мои милые дети, мой долг вашей любовью и уважением к ней, и когда меня не станет, воздайте ей за все добро, которое она сделала вашему несчастному отцу. Эти слова, эту просьбу, которую я пишу здесь, я повторю на моем смертном одре и умру с твердой и сладкой надеждой, что они останутся навсегда начертанными в ваших сердцах.—Мучительно меня беспокоит твой брат Миша. Он, бедный мальчик, очевидно не понимает, что он сам должен проложить себе дорогу в жизни, что все в ней будет ему враждебно и что, если он не приобретет действительно полезных знаний, он не сможет занять положения в обществе и пропадет безвозвратно. Мать и я просим, умоляем его во имя всего святого подумать о своем положении и наконец сделать усилие, достойное благородного и честного сердца, ради себя и ради его родителей, желающих лишь его счастия и дрожащих за его будущность. Напиши нам, милая Маша, нет ли у него каких-нибудь порочных наклонностей и неустанно тверди ему о его обязанностях. Я вижу, что он тебя любит и слушается, и благодарю за это небо. Да оградит его бог от порока! Особенно он должен остерегаться карточной игры, как чумы. Как отец, как его лучший друг, я запрещаю ему и заклинаю его когда-либо дотрогиваться до карт; коммерческие игры немногим лучше азартных; они отвлекают от серьезных, полезных, приличных занятий, делают дух нерадивым ко всему другому и отнимают драгоценное время. Если он преступит это запрещение и забудет мои мольбы, он убьет мать и меня. Твоих милых сестренок хвалю и целую. У них надежный руководитель—их благодетельница, и превосходный образец для подражания—их старшая сестра. Не могу сказать тебе, как очаровательны для меня их письма. Их нежность к нам и их наивные рассказы дают нам немало счастливых минут. Наши милые Петя и Коля—мы любим их, как вас всех, и советы, которые мы даем Мише, предназначены также для них. Да благословит небо вас всех, милые, обожаемые дети! Неужели я никогда не увижу вас? Боже мой, хоть мгновение, одно мгновение, чтобы я мог прижать вас всех к моему сердцу и увидеть вас счастливыми, а затем да свершится его святая воля! Пусть Фиона несколько ночей спит в твоей комнате, чтобы она могла рассказать тебе все, что касается нас. Она вручит тебе письмо для К. Ф. Муравьевой, и я прошу тебя лично передать его. Я столь многим обязан дружбе ее сына и ее ангела-невестки, что твой священный долг—оказать ей эту услугу, и я особенно прошу тебя об этом. Будет еще несколько писем, в том числе одно от твоей матери к Соф. Триг.; ты его тоже передай сама. Письмо г-жи Ивашевой к ее сестре г-же Беккерс пусть передаст Фиона или ты сама передай, как найдешь нужным. Излишне было бы об'яснять тебе, моя добрая и чуткая Маша, что оказать эти услуги товарищам по изгнанию и заточению—для меня священный долг. И мне оказывали такие услуги, и еще гораздо более важные, и моя добрая и благородная дочь не захочет, чтобы ее отец остался в долгу. Я убежден, что неблагодарность и себялюбие—чувства тебе незнакомые. Пусть Фиона через два или три дня по приезде отправится к Кат. Фед., чтобы рассказать ей о ее детях. Я хочу также непременно, чтобы она навестила твоих сестер и пожила с ними два-три дня. Я уже писал тебе, как много мы обязаны г. Вольфу, моему товарищу по несчастию; он спас, могу сказать, жизнь твоему брату и твоей сестре. Он провел у нас немало ночей без сна, немало дней без отдыха. Я хотел бы, чтобы в одном из твоих открытых писем ты написала мне о благодарности, которую вы все чувствуете к нему, и чтобы ты собственноручно вышила для него что-нибудь, например, кисет для табака. Он очень восприимчив к таким знакам внимания, и я был бы рад сделать ему удовольствие. Обрати внимание,

милая Маша, на способ, каким упакованы посылаемые тебе здесь письма; ты сумеешь найти подходящее средство писать и мне так-же секретно; но не забывай каждый раз ставить на той вещи, в которой будет находиться письмо, буквы, именно: A. D.—если вещь предназначена для твоей матери или сестры, B. D.—если для меня или для Васи. J.D.—если для Ванички. Копируй эти знаки точно; по ним я узнáю, что, вскрыв данную вещь, я найду в ней письмо [1]). Чтобы дать мне знать, что все тайные письма благополучно дошли до тебя чрез Фиону, напиши точно эту фразу: «добрая Фиона нисколько не изменилась, несмотря на свой возраст» в первом же письме, которое ты пошлешь мне обычным путем после ее приезда, а дальше можешь писать о ней, что захочешь. Чтобы дать мне знать, что письма, которые я посылаю чрез тебя, переданы каждое по своему адресу, напиши: «postscriptum: «я отдала ваши очки в починку и скоро пришлю их вам», а чтобы известить меня, что мои просьбы к моему брату приняты им во внимание и что он исполнит то, о чем я его прошу,—напиши в твоем письме: «Собираюсь вышить для вас портфель и пришлю его, как только он будет готов». Когда нам пришлют служанку,—и я хотел бы, чтобы это было возможно скорее,—ты сможешь написать с нею подробно; но надо хорошенько спрятать письмо и особенно следить, чтобы оно не шуршало при ощупывании той вещи, в которой оно спрятано. Еще легче ты можешь послать письмо с той женщиной, которую пришлют Марье Николаевне. Иркутский губернатор посетил твою мать; он был очень учтив с нами и обещал нам повидать вас всех в этом году в Москве, а также и моего брата. Он знает наше печальное положение и наши плохие дела, и сам предложил поговорить об этом с твоим дядей. Несмотря на то, я все же хочу быть поселен в Западной Сибири; возможно—об этом ходят слухи,—что мы будем скоро переведены на поселение, поэтому напоминай почаще дяде о моем желании на этот счет.

Прощай, моя милая, горячо любимая дочь, мой ангел-утешитель. Не пишу тебе о том, чтобы ты просила разрешения приехать к нам; это сделаешь ты только в самой крайности, когда некуда тебе будет головы приклонить; и да оградит тебя бог от этого, моя бедная Маша! Конечно, я сошел бы с ума от счастья и радости, если бы мог прижать тебя к своему сердцу, но дело не в моем, а в твоем счастии. Прощай, мое дитя, прощайте, все мои обожаемые дети. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз, благословляю вас от глубины сердца; да хранит вас бог, да ниспошлет он вам здоровье, счастье и добродетель. Это моя ежедневная горячая молитва. Не могу расстаться с тобою, мой ангел, Маша моя, друг мой—слезы так и льются из глаз. Нет, никогда вы не узнаете, как и сколько я вас люблю и чтó вы для меня! Еще раз благословляю вас всех. Господи, будь им покровителем и помилуй их! Христос с вами.

P. S. Если поедешь в Каменку, милая дочь, сходи на могилу твоей святой бабушки и помолись за всех нас: она заступится за нас в небесах. Сходи также на могилы моих братьев и моей сестры Марии. Помолись на могиле той, кто дал мне жизнь, помолись за меня и помни вечно, что один твой отец заслуживает твоих упреков.—Сколько раз я просил портретов ваших! Неужли нет возможности доставить мне это счастье, это единственное утешение!—Упроси дядюшку, чтобы не лишил меня сего—ради самого Бога!..

(Дальше—по русски, рукою А. И. Давыдовой)

Милая, бесценная моя Машенька. Хотя я пишу к тебе всякую неделю, но хочу и этим случаем воспользоваться, чтоб сказать тебе, как я тебя

---

[1]) В подлиннике каждая пара литер написана связно, как монограмма.

люблю и как беспрестанно молю бога о счастии моей доброй, милой дочери. Любовь твоя ко мне меня так утешает, я так счастлива ею, что описать тебе не могу. Бог наградит тебя, друг мой, за утешения, которыми ты услаждаешь горькую жизнь нашу! Обнимаю и целую тебя, мой ангел, тысячу раз и благословляю от всей души. Тебе поручаю братьев и сестер твоих расцеловать за меня. Благословляю их, бесценных моих деточек. Молю бога за всех вас—он не оставит таких добрых детей, как вы. Ты удивишься, что нуждаясь сама в белье, я посылаю тебе 11 рубашек; но они мне узки и слишком нарядны для меня. Вот как они ко мне попались. Н. М. Муравьев узнал, что мы без белья совсем, и принес эти рубашки совсем новые отцу твоему и просил убедительно его взять их для меня. Наши отношения с ним таковы, что отец твой не мог отказать— а я тотчас отложила их тебе, а себе купила здесь холстины потолще и несколько белья сшила себе, которое мне впору,—ainsi ce n'est pas un sacrifice. —Мне так грустно, так грустно, что не могу ничего хорошего тебе послать! Купить бы можно здесь, но и рубля нету в доме. Васин портрет тебе посылаю, он очень похож,—а Сашин и Ваничкин сестрам— ты можешь их когда-нибудь отдать списать для себя. Прощай, мой друг, душечка моя; еще раз целую и благословляю тебя. Пошли тебе, господи, все счастье, что я тебе желаю. Христос с тобой.

Любящая тебя мать А. Давыдова.

Я опять беру перо — хочу еще раз проститься с тобою, душа моя. Прощай, Машичка, бесценный милый дружочек—еще раз благословляю тебя.

(Дальше опять рукою В. Л. Давыдова, по-французски).

19 февраля 1835 г.—Ал. Поджио, которого ты, вероятно, едва помнишь, просил меня сказать тебе, что он почтительно целует твои руки и руки твоих сестренок. Якубович, которого ты не знаешь, но который мне друг, почтительно целует твои руки (это их выражения). Они знают, какая ты хорошая дочь.

Посылаю тебе, моя добрая Маша, письмо для г-жи Гурко, жены генерала Гурко, командующего дивизией в Москве; это от одного ее родственника. Посоветуйся с Соф. Григ., как доставить его, и в точности исполни ее совет. Эта г-жа Гурко — урожденная Корф. Будь очень осторожна с этим письмом. Впрочем, оно не так срочно, как остальные, и ты можешь промедлить 3 или 4 недели, но будь благоразумна. Оно — от человека, которому я обязан. Я хотел бы, чтобы оно дошло по адресу, но осторожность—прежде всего.

Милая Маша, я прошу моего брата прислать мне непромокаемое пальто поизящнее; это—не для меня. Фиона скажет тебе для кого.

(На обороте по-французски).

Моей милой Маше.

4

ПИСЬМО В. Л. ДАВЫДОВА к БРАТУ ПЕТРУ Л. ДАВЫДОВУ

(Подлинник по-французски)

Названия мест, где я хотел бы быть поселен.

Прежде всего, было бы желательно, чтобы это была Западная Сибирь: она в сто раз удобнее этой и в отношении властей, и со стороны климата, и ради дешевизны; притом, она гораздо ближе к России. Вот города в порядке их выгодности: Тюмень, Тоболь. Губерн. — Курган Тоболь.

Губ. — Тара Тоболь. Губ. или, если возможно, — в 15—20 верстах от Тобольска, чтобы иметь поблизости медицинскую помощь для моей жены, здоровье которой значительно подалось, и для моих детей. Но если Западная Сибирь заперта для меня,—тогда близ Иркутска или Красноярска.

Список книг из моей библиотеки.—Я хочу иметь Корнеля, Расина, Кребильона, Мольера, Реньяра, Буало, Грессэ, Лафонтена, Телемака, «Les orateurs sacrés», «Les Moralistes» в I томе, Ларошфуко. Вовенарга, Лабрюйера, Ролленя, Ройона (сокращение Ролленя), Мильо, Верто, Тулонжона, Лакретеля, Плутарха, Карамзина и все русские книги, находящиеся в Каменке; Леваска, письма m-me Севинье, и всю коллекцию мемуаров по истории и истории революций французской и английской (прошу тебя пополнить ее за счет нескольких роскошных изданий из моей библиотеки); «Bibliothèque Orientale» Эрбело, все книги по математике, политической экономии, географии и все мои географические карты с двумя маленькими глобусами, которые я оставил; Робинзона Крузо, Географич. словарь. Историч. словарь в 15 том., словарь Бейля в 16 том., Жильблаза с гравюрами. Я хотел бы обменять моего Вольтера и Ж. Ж. Руссо на компактные издания Вольтера и Руссо, что составило бы три или четыре тома вместо ста почти; и чтобы ты мне их прислал. Еще я просил бы тебя обменять несколько роскошных изданий и романов из моей библиотеки, которые мне ни на что не нужны, на географию Бальби в пяти больших томах. Эта книга необходима мне и моим детям. Наконец, вот список детских книг, которые я хотел бы получить теперь же и которые мне крайне нужны: краткая география, краткая арифметика, краткая грамматика Греча краткая история России, всеобщая история Кайданова и дешевый полный атлас, также география Зябловского.

Умоляю тебя, милый брат, прислать мне все эти книги. Ты понимаешь, как я нуждаюсь в них, будучи навеки отрезан от цивилизованного мира и вынужденный быть единственным учителем моих детей; и это ведь еще жалкие средства в виду задачи, предстоящей мне.

Всецело рассчитываю в этом, на тебя, милый друг.

II

ПИСЬМА А. И. ЯКУБОВИЧА

Значительную долю сохранившегося архива Давыдовых составляют письма декабриста А. И. Якубовича.

Имя Якубовича общеизвестно. Встречи с Пушкиным, дуэль с Грибоедовым, угрозы умертвить Александра I дали ему внешнюю популярность. Из полуанекдотических данных отслоился образ забияки, бреттера типа Дорохова из «Войны и Мира».

Этот традиционный образ не искажает подлинного Якубовича. В опубликованных Центрархивом показаниях декабристов сохранилось много ярких фактов, свидетельствующих, как недисциплинирован и чрезмерен был Якубович в своих высказываниях и как он отяготил Рылеева своими выходками.

Однако Якубович был содержательнее своей легендарной репутации. На ряду с жалобами Рылеева на действия Якубовича, угрожавшие провалить подготовляемый политический переворот, в документах следственного дела о декабристах сохранилось замечательное письмо Якубовича к Николаю I из Петропавловской крепости, от 28 декабря 1825 г., т.-е. через три дня после ареста. Здесь Якубович не приносит раскаяния в своих действиях, но подвергает смелой критике социально-политическую систему в России. Вот отрывки: «Недовольных или карбонариев в природе человека и порядке

вещей нет; правительство их созидает»; «не правосудие, а лихоимство заседает в судилищах»; «казна не исполняет условий, законы слабы, чиновники во зло употребляют власть мест своих и давно уже к правительству потеряно всякое доверие»; о крестьянах: «вся тягость налогов и повинностей, разорительное мотовство дворян—все лежит на сем почтенном, но несчастном сословии»; «помещики, живущие в деревнях, большею частью закоснелые в невежестве и пороках, самовластно располагают честью, имуществом и самою жизнью своих крестьян, передавая разврат в их семейства»; офицеры «развращаются, уничтожают в себе природные способности и делаются тиранами солдат»; солдат, «оставляя отчий дом, а часто жену, детей, уходит безнадежен когда-либо насладиться мирной жизнью под родным кровом, в кругу близких:—уныние, тоска в сердце!» и т. д. Конечно, здесь нет ничего оригинального; это обычные мысли либерального офицера перед 14 декабря. И все надежды арестованного декабриста из Петропавловской крепости летят к царю: «Облегчите и обеспечьте состояние хлебопашца. Сравняйте преимуществами ваших воинов, уменьшив срок службы, решительными законами и строгим их исполнением введите каждого в его обязанности, распространите свет наук и просвещения, дайте ход торговой деятельности, ободрите вашим благоволением робкую добродетель, и недовольные, или карбонарии исчезнут как тьма пред лицом солнца. Вы будете благодетельный спаситель отечества».

И эта вера в благоразумие монарха столь же характерна для среднего декабриста, как и критика русских порядков. Все же, приведенные выше цитаты осложняют, обогащают образ Якубовича, рисуют его искренним общественником.

Неизданные письма его, печатаемые ниже, рисуют Якубовича еще с иной стороны.

До сих пор нам было известно очень мало писем Якубовича. Одно его письмо — к сестре, из Сибири, 1841 г., опубликовано в «Русском Архиве» за 1893 год, письмо к царю из крепости напечатано в сборнике А. К. Бороздина: «Из писем и показаний декабристов», в 1906 году; в новейшем издании: «Декабристы. Неизданные материалы и статьи», под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, 1925 г., сообщено еще четыре письма к О. А. Лепарскому. В последнем из названных изданий— А. А. Сиверс вскользь упоминает (стр. 228), что им подготовляются к печати письма Якубовича, но они пока не появились. В сборнике «Декабристы на каторге и в ссылке» С. Я. Штрайх опубликовал два новых письма Якубовича. Вот и все.

Тем ценнее то обстоятельство, что в архиве Давыдовых сбереглась пачка писем Якубовича. Ненавистник Александра I-го, бесстрашный рубака на Кавказе, бреттер-дуэлист Якубович в своих сибирских письмах выступает с иными чертами. Его незаурядная энергия уходит теперь в хозяйственную, промысловую деятельность,—о чем он и рассказывает эпизодически в письмах. А сверх того, в душе ссыльного декабриста обнаружились интимные чувства дружбы и даже сентиментальности. Одно из писем глухо говорит даже о какой-то сердечной драме, пережитой стареющим Якубовичем.

Для лучшего понимания отобранных мною писем сообщаю биографическую справку о Якубовиче.

Александр Иванович Якубович родился в 1792 году, в дворянской семье. Получил домашнее воспитание с гувернерами-иностранцами, потом учился в Московском университетском благородном пансионе. Служил в гвардии; в 1818 году, за участие в дуэли между гр. Завадовским и Шереметевым, переведен в армию на Кавказ (отсюда ненависть к Александру I).

Тотчас по его приезде в Тифлис состоялась его известная дуэль с Грибоедовым, при чем оба обнаружили замечательное хладнокровие. На Кавказе прославился отчаянной храбростью в сражениях с горцами.

В конце 1824 года он приехал в Россию, сначала—в Москву, потом, в 1825 г.—в Петербург. Здесь он сблизился с членами Северного Общества, участвовал в совещаниях заговорщиков, вызывался убить Александра I, торопил с переворотом, вообще держался буйно. В общество он формально принят не был. В событиях дня 14 декабря Якубович вел себя как-то путанно и странно. Как и Давыдов, он был приговорен к смертной казни через отсечение головы, но по смягченному приговору был сослан в Сибирь, содержался вместе с Оболенским в тюрьме в Усолье близ Иркутска, потом, вместе с Оболенским Волконским, Трубецким, Давыдовым, Артамоном Муравьевым, братьями Борисовыми,—в Нерчинском руднике, потом в Читинской тюрьме, потом в Петровском заводе. В ссылке Якубович был забыт родственниками и был поддержан В. Л. Давыдовым, с которым скитался из одной тюрьмы в другую, и его женой. Из Петровского завода Якубович был освобожден в 1839 г. и поселился в деревне Малой Разводной, в 5 верстах от Иркутска; летом 1841 г. переведен в с. Назимово, Анцыферовской волости, Енисейской губ. Когда золотопромышленная компания Базилевского и Мальвинского открыла в северной Енисейской тайге два прииска, Якубович был приглашен управляющим. Умер он в г. Енисейске 3 сентября 1845 года.

Письма Якубовича, кроме одного, не имеют дат годов. Приходится устанавливать их последовательность по содержанию, руководясь вышеуказанными датами освобождения из Петровского завода, жизни в Малой Разводной, переселения в Назимово.

1

М. М. СПИРИДОВУ

20 Маия [1839]. Малая Развод.

Искренно благодарю Вас, добрый Михайло Матвеевич, за доброе дружеское Ваше письмо—с участием кровного читал его и радовался, что Вам сносно в Красноярске. Вы правы, полюбив Николая Ивановича. Это честная, добрая душа—право не могу отгадать, за что, про что он меня подарил своей дружбой,—в Ольге Петровне я нахожу важный недостаток, который мешает мне искать выиграть ее доверие и приязнь—это молодость при недурном личике, но эти недостатки она выкупает прекрасным сердцем и светлым умом. Благодарю Вас, что Вы дарите приязнью моих друзей Давыдовых, право, они стоят любви и уважения. Из письма к Давыдову Вы увидите, что со мной было и есть—но что будет: про то один бог знает. Жаль, что Вы не могли видеть, как Мальвинские хлопотали достать Вам ананасов и лимонных дерев—они оба Вас полюбили. Не могу понять, что заставило Беляевых после стольких лет поселения и при таком состоянии итить служить на Кавказ [1]; несмотря на мой Дон-Кихотский дух и воспоминания, если бы я имел хотя $^1/_4$ Беляевых состояния, то и калачом меня бы не заманили на кавказскую бойню.

Недавно видел Понжева, он Вас любит попрежнему, но извините его, разучился грамоте, весь в постройках на урочище Камчатинке—но он тот же добрый, благородный страдалец, что и был. Остальная братья

[1] Братья Беляевы, Александр и Петр Петровичи, декабристы; были в Нерчинских рудниках, с 1833 года жили в Минусинске. В 1839 г. возбудили ходатайство о переводе их рядовыми на Кавказ и были зачислены в Кабардинский полк.

кое-как живет—пересыпая из пустого в порожнее, да я и сам тяну меледу за неимением дельного занятия. Поклонитесь от меня Михайлу Фотичу, Г. Турчанинову и Лопатину.—Последних двух не имею чести лично знать, но столько знаю хорошего про них, что счел бы себя счастливым, если бы они не отвергли моего привета. Часто ли вы получаете письма от родных? Удачно ли идут Ваши агрономические занятия? Ваш кактус помаленьку растет, и когда образуется порядочный куст—то сделаю отводки—а самого патриарха постараюсь Вам переслать.

Прощайте, добрый Михайло Матвеевич. Помните и любите Вам преданного и уважающего Вас

А. Якубовича.

(На обороте: Милостивому Государю Михайлу Матвеевичу Спиридову [1]).

2

В. Л. ДАВЫДОВУ

11 декабря [1840?]. Алек. Завод.

Друг верный, милый и брат, что со мной делается, ты не поверишь. Бог милосерд ко мне не по достоинствам: ты знаешь уже чрез Мальвинского, что мне поручил откуп сделать закуп 31 т. пудов муки, менее месяца я все обработал; доставил более 7 т. выгоды моим верителям и сам получил следующую выгоду: мне за комиссию очистилось 2 т. 80 р.—из них я уплатил Оболенскому и другим 800 р.—оставил себе на круглый год содержание по 75 р. в месяц, сшил волчью шубу и завелся новой амуницией; но самое главное выиграл неограниченное доверие, следствием которого я теперь главный винокур Александр. завода, главный подвальный и поверенный откупа—но все сии должности временно у меня, и я не беру за них ни жалованья и никакого вознаграждения; но желаю показать, что наш пострел везде поспел.—Каменный уголь выводится правительством в Уголье, и если будет пароходство, то ты, брат, узнаешь, как мы умеем уголь превращать в золото. Обнимаю тебя, брат, и благодарю за 3 письма, которые я разом получил, возвратясь из раз'ездов к себе—если бы бог помог в течение нескольких лет выработать столько: чтобы иметь возможность заплатить всем и вся—то на старости мы бы с тобой сидели рядышком у камина и толковали бы о былом—на Кавказ я не еду, строиться и не думаю и потому, выкупя мою Петровскую нищету, я—Ваш и употреблю все возможное, чтобы быть вместе с моими бесценными друзьями.

Прими и обласкай Гг. Сельского и Хапилова, они люди добрые и оказали мне услугу в закупке хлеба. Поздравляю Вас всех, мои милые, с новым годом и имянинами доброго Васи.—Тысячу раз Вас целую и обнимаю.

Душой весь Ваш А. Якубович.

P. S. Когда будешь писать к Марие Васильевне, скажи от меня истинное сердечное уважение. Пишет-ли к Вам Миша? Что делается с другими детьми?

3

В. Л. ДАВЫДОВУ

18 октября [1841?].

Добрый друг, обнимаю тебя и благодарю от всего сердца за доброе истинно дружеское твое письмо—и совет брата; понимаю, что ты желаешь мне пользы, но меня ставят в такое положение. что с моим характером

---

[1]) Декабрист Спиридов; см. ниже его письмо.

и правилами, вряд ли можно им воспользоваться; я тебе расскажу вкратце, что было и есть. Приехав с прииска, нашел я 2-х негодяев приказчиков, 7 человек рабочих и 1 лошадь водовозную; надобно было сено косить, скот гнать в тайгу—и строиться к зиме, также принимать, набивать в мешки хлеб—и проч. Сумма в кассе у меня была 900 р.; прошу распоряжаться, как хочешь. Не будь Павел Егорович, я бы погиб, осрамился на всю жизнь,—никто бы не хотел верить, что мне не дали средств—к тому же не сказали даже, что делать и как делать; ты знаешь, я не застенчив, подумал—решился, накупился на донос—но вот что удалось сделать: заняв у Кузнецова 8 т. рублей, сена поставил 3259 коп., прогнал скот без всякой траты, выстроил, не имев ни одной плахи, ни тесины, контору, доделал начатой флигель, славную русскую избу на 30 чел., конюшню крепкую с полом и яслями на 100 лош., на 8 саж. два амбара,—три зимовья для чернорабочих, кузницу с белой баней в одной связи—отхожие места, притон на 100 лошадей, очистил тайги с версту, нажог угля 65 кор. и вырубил к зиме дров до 100 саженей.—Ты скажешь: да ты чудо сделал! Нет, брат, хотя хотят, чтобы я совершил чудо—а именно: не сделав сметы, не приготовив решительно ничего, вдруг, говорят, должно нанять 600 рабочих, я составляю смету и выходит, что надобно муки, овса, мяса, крупы, масла, соли доставить на прииски тысяч 20, кроме товаров, да на Ермак тысяч 15 пуд.,—а у нас на остатках всего 6750 пуд разного хлеба—и никто не хочет и думать, как это сделать, и зачем столько рабочих—так вздумалось безотчетно. Нет, брат, я не могу и не должен срамиться, к тому же я задолжал 1800 р. для переезда и прожитья, промучился 4 месяца—а и намеку нет, что хотят мне сделать в возврат; без шума и гвалту я решился удалиться от этого хаоса подобру-поздорову, и бог с ними и с их золотом—не бойсь, брат, хлеб найду и без них, я чувствую мои силы—и меня немножко знают добрые люди. Как часто навертывается слеза раскаяния, что я перемудрил—оставил мой мирный приют, променял ястреба на кукушку, но это наука—и пословица правду говорит: дураков и в церкве бьют! Я дурак, потому что поверил людям, не послушал советов дружбы и истинного участия.

Мне сказывал Алек. Ник., как душки, мои маленькие друзья, выплясывают; хотел бы я посмотреть, как мой приказчик, Мальтебрюн, дед Ваня пляшет—умора. Если бог даст, что я перепрошусь из Назимова, то в этот раз поживу порядком у Вас и буду плясать с Сашей и Ваней.—Вася и Лева на пристяжке, девица Курдюкова может прыгать на руках—и мы зададим свой балет не на шутку [1]).

На счет доноса скажу тебе, что это низость, превышающая всякое вероятие; Павел Егорович Г. Кузнецов был свидетель, когда я просил Г. Окружного начальника позволения приехать в Енисейск, в случае дело встретится необходимое, он позволил в его присутствии, и я ссылаюсь на него—встретилось обстоятельство, что необходимо было приеха[ть] на 2 дня; и он донес—бог с ним, ему же хуже: поблагодари от меня честную душу Коз. Як., что он вступился за меня: негодяев не оберешься на белом свете.

Подробности ты узнаешь от Алек. Ник.; он прожил у нас неделю и все видел; вот уж не на розах, но сам дурак сунулся в петлю, и поделом.

Тысячи раз целую ручки добрейшего друга Алек. Иван. Обнимаю тебя и милых твоих малюток и остаюсь по гроб твой друг

А. Якубович.

[1]) Вася, Саша, Лева, Ваня—дети Давыдовых, рожденные в Сибири.

4

В. Л. ДАВЫДОВУ

Друг и Брат! Перед самым от'ездом получил твое письмо от 22 Авг. Поведение Н. И. мне непонятно — но если это следствие чувств, которые невольно подозреваю после проделки его с тобой—то вот-то я в полных дураках; но посмотрим, что будет дальше,—пока нехорошо. Из Енисейска я выехал 27 в бурю, но необходимо было поспеть к расчету—и чуть было не утонул; один бог спас:—лодку захлестало, гребцы выбились из сил—я не мог на корме давать по валам—10 саженей далее от берегу и одним дураком было бы меньше в Назимовом.

Ты можешь узнать подробно, что и как делается со мной чрез Александру Николаевну — умную сибирячку — самому надоело толковать о всех неприятностях моего положения и роде жизни, — но у меня все кипит под рукой, бьюсь напропалую с препятствиями и неудобствами, но холод и дожди меня допекают—раны мои тоже сказываются; но довольно о себе.

Ты, брат, чудесно описал приезжавшего миллионщика — знаешь ли, что мне жаль, что я не встречусь с ним—меня с'едает демон деятельности и предприимчивости—голова полна проектов, да бодливой корове бог рогов не дает; знаешь ли, что если бы я ему об'яснил, что удалось мне видеть на приисках, он бы не пожалел сотню тысяч убить — но зато головой отвечаю, что сделал бы открытия жильного золота, — а это не россыпям чета—и верно бы понял выгоды переселить крестьян свободных, на свое иждивение и с известными условиями, на некоторые речки не далее 60 верст от приисков; не попадет же мне под руку какой-нибудь Берна!... Шишиморой должен ограничиться, а время летит, я старею — силы душевные и телесные слабеют—что же делать, так богу угодно!

Не могу нахвалиться приязнью Леонида Федоровича [1])—он своим вниманием дал возможность округлить мои отношения в Енисейске;—вот уж городок! С Павлом Егоровичем мы приятели—но у этого философа—суетности и тщеславия своего рода препорядочно — но он добрый человек и прикидывается букой.

Прилагаю письмо к Козьме Яковлевичу, отдай его ему, если он в Красноярске, если же уехал в Иркутск, то попроси Николая Иван. переслать к нему—все, что знаешь о моих родных, пожалуйста напиши—ты мне окажешь большую услугу.

Рад, что хозяйство Михайла Матвеевича идет хорошо, но не угодно ли ему здесь похозяйничать: в июле 8 дн., в августе 2 дня без дождей—косцы по 3 р. в день—а травы от сотворения мира не косились, от того бурьяны и дудки в рост человеческий, в Назимовском участке один только крестьянин Фокин имеет 3 десят. запашки — и то верст за 20 в горах—зато тайги в волю—болот не вымеряешь; я хочу попробовать сажать сахарный тростник и индиго—эти растения будут совершенно по климату.

Тысячи раз целую ручки добрейшей Александры Ивановны и прошу связать мне из шерсти теплый колпак, ее подарок колпака в Петровском меня теперь спасает от стужи ночью.

Посмотрел бы ты, что теперь делается в Назим.; рабочие с большими деньгами, рублей по 900 некоторые выработали—что за пьянство, буйство и проч.; приискатели и их партии выходят из тайги на тощих конях, оборванные, обожженные—словно сброд разбитой армии—и многие с длинными рожами—проискав 100 т. и ничего не найдя. Ник. Иван. счастлив до неве-

[1]) Леонид Федорович Львов, командированный гр. Киселевым в 1839 г. в Восточную Сибирь; оставил воспоминания о декабристах (Рус. Архив 1885, III).

роятия: 10 пуд. золота вымыто, капитал задолженный возвращен и 80% чистой прибыли на первый год—недурно; — представь себе, что в тайгу я послал по его настоянию 272 штуки рогатого скота—и все пришли благополучно—когда я наверно полагал 15% траты, исполнение беру на себя, но мысль и настойчивость ему принадлежат.

Деток, моих друзей, целую миллион раз — Васе и Саше не отвечаю теперь, некогда, хоть разорвись—но предложение Саши принимаю, а пока пляшу трепака от стужи на чердаке. Ваш шалун ленится писать к внуку — произведу его непременно в бароны Шлепеньбоны.

Целую, обнимаю Вас всех и остаюсь душой весь Ваш

А. Якубович Сеногноев.

3 сентября [1842?].
Ермак.

5

В. Л. ДАВЫДОВУ

13 сентября. Разводная.

Более 2 недель, как я разлучился с Вами, мои добрые, милые, бесценные друзья—и о сю пору не знаю, что с Вами делается? Благополучно ли Вы доехали? Мне это время кажется веком, одна усиленная физическая деятельность дает мне сколько-нибудь возможности сносить мое сиротство, бороться с хандрой. Теперь расскажу тебе, что со мной было во все это время: бродивши на охоте, я набрел на пласт чудесного каменного угля, нанял 2 работников и сделал несколько разведок, оказался уголь чудесной доброты, и копи можно производить легко и в большом изобилии на берегу самой Ангары; желая пользы краю и зная, что казенные заводы, Угольской в особенности,—нуждаются в средствах отопления, я отослал несколько пудов угля к исправнику с просьбой довести это до сведения г. генерал-губернатора, последний понял всю выгоду казны и края от введения эту новую промышленность в общее употребление, хотел прислать ко мне чиновника для осмотра угля и копей; тем более это будет полезно, что предполагаемый пароход может за дешевую цену иметь целые миллионы пудов угля. Третяго дни под самой Разводной среди белого дня привезли и бросили убитого человека, следствие производится, но не только убийц еще не могли открыть, но даже узнать — кто и откуда убитый. Несколько тому дней после обеда я был обрадован нечаянным посещением Мар. Алек. Ивановской, с дочерью и с сыном—эта достойная и почтенная женщина обворожила меня своим превосходным сердцем и полным сочувствием с нами, бедными изгнанниками. О прочей нашей братьи ничего не знаю, кажется, живут кто с припевом, кто с плачем—как везде делается на белом свете. Всякую субботу сверх обыкновенного я думаю о тебе, брат, добрейшем друге Алек. Ив. и милых твоих детках, и мне кажется, что мы в одну и ту же минуту, несмотря на тысячу верст, с'единены мыслью и душой. Прощайте, мои бесценные друзья, любите Вашего Бобоку [1]) и пишите ради бога: что с Вами делается, как Вы поживаете?

Душой весь Ваш

А. Якубович.

Васю, Сашу, Ваню и Леву целую от всей души. Хозяева мои Вам кланяются. Иркутяне меня одолели.

Панов у меня, он меня просит Вам усердно кланяться.

Поклонись от меня Михайлу Матвеевичу, Павлу Сергеевичу—и Михайлу Фотичу.—Каково-то они поживают?

[1]) Бобока (или Бабака) —так звали в шутку Якубовича среди ссыльных декабристов.

6

В. Л. ДАВЫДОВУ

17 сентября. Разводная.

Вот уже третье письмо к тебе пишу, друг и брат, а все не знаю, что Вы делаете? Благополучно ли доехали? Право, эта неизвестность отзывается могильной сыростью и мертвит сердце. У меня дни один как другой: до 11 часов я двигаюсь, чтобы состряпать, поубрать мою квартирку, а там обед, немного сна — ружье и сети в руки, и марш добывать питанию.— Ты видишь, сколько удовольствий для сердца и ума; этот род жизни заставит не только на Кавказ проситься — но хоть в Елисейские; правда, иногда наезжают из города, но я знаю, что значат эти посещения. Писем не было и кажется не будет; из Урики, от Оболенского ничего не получил и живу во тьме кромешной,—газеты и журналы, спасибо сестрам, исправно имею, но что толку: с кем разделишь мысль, кому передашь чувства?

Добрейшаго друга Александру Ивановну и милых твоих деток прошу помнить и любить душой им преданного и любящаго Бобоку. В первом письме подробно, брат и друг, расскажи о Вашей дороге, помещении в городе и занятиях.—

Целую Вас всех миллион раз—душой Ваш

А. Якубович.

Это письмо отправляю с добрым Пер... [1]) Он вел себя, как должно человеку и врачу, во время болезни маленького Трубецкого. Вчера, несмотря на частые убийства близ города, я отправился видеть Марию Алек. Иван. и узнать, когда она уезжает в Красноярск, чтобы не упустить и этот случай потолковать с тобой; но увы! она уже несколько дней как уехала, итак я лишился возможности проститься с этим достойным человеком, поблагодарить за ласки—и писать к Вам, мои добрые, милые друзья. Вчера наши водяные герои воротились с вод, где без пользы прожили целый месяц, издержав кучу денег; Вадковский уехал в Урику, мне не удалось его видеть; прочую братью лицезрел—бедный Барятинский болен лихорадкой и совершенным расслаблением в бумажнике.—Всем Вашим красноярцам поклонись от меня. Прощай, друг и брат.

(На обороте: Милостивому Государю Василь Львовичу Давыдову в Красноярске).

7

В. Л. ДАВЫДОВУ

25 августа. Енисейск.

Что ты сделал со мной, друг и брат! Ты отнял посох у слепца—последнюю нравственную подпору отказом—бог тебе судья, я не сержусь, но сердце кровью облилось, прочитав твое письмо; ты отказал—и я откажусь, и погодя немного буду с повинной головой просить правительство взять меня с Назимова обратно в Разводную; не труд и скука меня пугает—нет: с божией помощью это еще мне под силу,—но у меня нет цели трудиться; а хлеб насущный я везде найду—да еще и с приварком—работа меня не испугает.

Если сделают для Ваших детей милость, которую обещают, то я верноподданейший всех и вся и готов голову положить за государя—для меня ничего не нужно, я отжил свое—мне жизнь давно не раздолье; но милых ангелов, невинных существ возвратят—дадут им права гражданства—и я стану везде благословлять великодушие правительства.

[1]) Угол письма оторван.

Как я живу, что делаю—тебе расскажет Леонид Федорович—часть моих похождений ты узнать можешь от Ефим Андреевича Кузнецова; не на розах—и очень не на розах—денег у меня осталось 60 асс.—и чем вознаградят мой труд, не знаю.

Неужели Николай Иванович не доставил тебе моего длинного письма? Не понимаю его поведения в отношении к Вам, дело поясню и сериозно, когда увижусь с ним.

От дела голова идет кругом, вчера писал разной вздор до трех часов ночи—сегодня между от'ездом в Назимово, укладкой и распоряжением по разным предметам пишу к тебе—и от дурной погоды страдаю как мученик; нет возможности дать свободу чувствам—потолковать на досуге, как это бывало прежде.

Вот скоро 2 года, как я 30 Августа Вас провожал до Зуевской станции; боже! сколько с тех пор изменений, сколько работы переделано—какое пространство изрыскано—и к чему весь этот гвалт? Какая цель усилиям, право, не под силу?

Я взял на себя обязанность важную—и потому по совести ее выполню, но чего это стоит—одни старые мои кости это знают.

Душку Евгения [1]) обними, расцелуй за меня—и скажи ему от меня: что до смерти жалею о невозможности уплатить о сю пору мой кровный долг; я уехал из Иркутска, взяв у Дриневича 1500 р. в долг—из которых не мог уделить ему к прежним присылкам; но если меня станут рассчитывать по моему труду, то я скоро буду в возможности ему прислать еще часть моего долга.

Ты видел Козьму Яковлевича, скажи, брат, что он говорит о моих? Не скрой дурных вестей, я привык к этому давно. Прости, друг и брат, обнимаю, целую тебя и по гроб буду твой друг и брат.

А. Якубович.

Добрый друг Александра Ивановна! Что Вы со мной сделали, чем я заслужил отказ? Знаете ли, что Вы одним словом разрушили лучшие мечты моей жизни—столько времени, с такими усилиями я стремился к моей цели, и, когда начал помаленьку достигать ее, Вы одним словом все стерли, истребили; бог видит скорбь, Вами мне сделанную,—но я не буду на Вас сетовать: Вы мать—имеете право располагать Вашими детьми; но знайте, что я не приму предложения Ник. Иван., и бог с ними, с их золотом.—Осрамлю себя, выказав непостоянным, но чрез некоторое время оставлю все дела—и с бедностью стану горемыкать без цели и надежды в мире.

Прощайте, целую Ваши ручки—обнимаю моих друзей, деток Ваших—душу моего деда целую тысячи раз.

Ваш по гроб

А. Якубович.

8.

М. В. ДАВЫДОВОЙ

(По-русски)

Милостивая Государыня

Мария Васильевна!

В 12 лет заключения и ссылки, я имел щастие увериться в дружбе Вашего отца. Мы делили тяжкое заключение в Благодатском, Чите и Петровском неразлучно; Вас, Мария Васильевна, Ваших сестер и братьев,

[1]) Декабрист кн. Евгений Петрович Оболенский.

по дружбе Вашего отца, знаю с самых юных лет и радовался с ним и Александрой Ивановной, что бог их наградил такими достойными детьми. Верьте истинному уважению и дружбе к Вам всем; дай бог, чтобы случай представился слова и чувства мои скрепить поступками. С душевным уважением имею честь быть Вашим покорным слугою

Александр Якубович.

P. S. Петру Львовичу свидетельствую мое почтение. Он, верно, помнит кавказского знакомца.

9

В. Л. и А. И. ДАВЫДОВЫМ

14 сентября 1844 года.

Друг и брат! Добрая Алек. Ивановна! Прощайте, мне плохо—скоро всему будет конец; водяная меня душит, и я потерял надежду на излечение [1]).

После меня прошу принять кое-какие безделки на память и помочь бедным нашим товарищам из капитала, который я назначил на сей предмет.

Благодарю Вас за все—целую деток. Будьте счастливы—всем товарищам поклон и долголетие.

Ваш по гроб

А. Якубович.

P. S. Уведомите после моих родных, что я угас.

Милых деток твоих целую, дай Бог им щастия! Ваня, Саша, Бобока Ваш едет далеко. Фионушку целую.

III

ПИСЬМА ДЕКАБРИСТОВ к В. Л. и А. И. ДАВЫДОВЫМ

Из всего запаса писем декабристов к Давыдовым, сохранившихся в их архиве, здесь печатаются только немногие—по одному для каждого из корреспондентов. Декабристы П. С. Бобрищев-Пушкин и М. М. Спиридов впервые появляются в печати с эпистолярным материалом; до сих пор их писем вовсе не имелось в печати. И. Поджио представлен был только двумя письмами. Декабристы Якушкин, Оболенский, Трубецкой, Фонвизин, правда, представлены лучше, но их большее значение в декабризме требует к себе и большего внимания; взятые нами письма дают свежие черты быта и настроений этих декабристов в Сибири.

Имеющиеся два незначительных по содержанию письма Вадковского не включены в изборник; в недавно вышедшей книге: «Декабристы» (под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, 1925) дано большое собрание писем этого декабриста к Е. П. Оболенскому.

Письма, кроме двух последних, датированы, поэтому располагаем их хронологически.

ПИСЬМО П. С. БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА к В. Л. ДАВЫДОВУ.

1840-го года Маия 10-го
Тобольск.

Письмо Ваше от 6-го апреля, Любезный Василий Львович, живо перенесло меня в Красноярск, где я прожил более шести лет. Хотя я доволен, что меня перевели сюда, но с удовольствием воспоминаю и о

---

[1]) Якубович, однако, прожил еще год и скончался 3 сентября 1845 г.

Красноярске. Воображаю себе, какую ощутительную пустоту оставил в вашем маленьком круге от'езд доброго семейства Ивановских. Мих. Мат. [1]) некого теперь уже прельщать военною службою. Только они не сдержали в отношении Тобольска своего слова, проехали прямо, вероятно, дорога их устрашила. Что же вам сказать о себе, я слава богу здоров и все здешние нашли, что вы меня как быка в Красноярске раскормили. Н. Д. [2]), увидев меня, просто расхохоталась, что я заплыл жиром. Здешние хлеба тоже идут мне в прок, сохрани только бог от такого брюха, как у Арт. Захар. От Басаргина и от Пущина [3]) мы имеем свежие известия. Они все здоровы, кроме бедного Пущина, который сурьезно хворает, биение сердца сделалось у него постоянным и сильным недугом, так что, по словам Басаргина, изчезла вся его обыкновенная веселость. Это страх нас всех огорчило—а помочь в Туринске не кому. Я советовался здесь по описанию болезни с довольно искусным медиком и послал ему на прошедшей почте наставления—и рецепты. Меня несколько успокоивает, что доктор приписывает этот припадок геморою, а не аневризму. Но во всяком случае, эта болезнь нехороша. На прошедшей почте я получил также письмо от Оболенского [4]); он полагает меня в Красноярске, а потому и приложил небольшой листок к вашему Васе, который при сем прилагаю. Напишите пожалуйста, не вашим ли большим шарфом обвязали брата, когда нас провожали, он верно вам подарен кем-нибудь на память, следовательно, если это ваш я вам его пришлю; а у вас, вероятно, в таком случае остался маленький, который вязала Кат. Петр. Из новостей скажу вам только одну, которая может интересовать Василия Николаевича, которому прошу передать ее вместе с поклоном, что Чижева за прошлогоднюю экспедицию по представлению Князя произвели в Офицеры. Передайте мое сердечное приветствие Михайлу Фотиевичу и Михайле Матвеевичу—и Александру Николаевичу—у Катерине Петр. поцелуйте за меня ручку. Степаниде Алекс. с семейством ее также мой усердный поклон. На нынешней почте я посылаю от Бригена к Мозгалевскому [5]) в Минусу 200 денег. Уведомьте пожалуйста, когда они получатся в Красноярске, ибо от него долго ждать ответа.

Прощайте, мой любезный и почтенный Василий Львович, обнимаю вас от всего сердца и целую ручки у добрейшей Александры Ивановны. Васю, Сашу, Ваню и Леву (именно тогда, как великая баловница Александра Ивановна будет убаюкивать) прошу расцеловать. Христос с вами, желаю вам всего лучшего. От всей души моей остаюсь сердечно вам преданный

П. Б. Пушкин [6]).

P. S. Барятинский [7]) здоров и всем вам кланяется.

ПИСЬМО М. А. и Н. Д. ФОН-ВИЗИНЫХ к ДАВЫДОВЫМ

(Подлинник по-французски).

Тобольск, 11 октября 1840.

Мы получили ваше доброе письмо от 14 августа, дорогой Василий Львович, и для нас было истинной радостью узнать сразу о двух счастли-

---

1) Михаил Матвеевич Спиридов, декабрист; см. ниже его письмо.

2) Наталья Дмитриевна Фонвизина, жена декабриста М. А. Фонвизина, затем — декабриста И. И. Пущина.

3) Декабристы Артамон Захарович Муравьев, Николай Васильевич Басаргин, Иван Иванович Пущин.

4) Декабрист Евгений Петрович Оболенский; см. ниже его письмо.

5) Фон-дер-Бриген, Александр Федорович, декабрист; Мозгалевский, Николай Осипович, декабрист.

6) Декабрист Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин 2-й, член Южного Общества. Из Нерчинских рудников вышел на поселение в Красноярск в 1832 г.; в конце 1839 г. переведен в Тобольск.

7) Князь Александр Петрович Барятинский, декабрист.

вых событиях: прежде всего, о разрешении нашей милой Александры Ивановны и появлении на свет маленькой Софьи, затем о предстоящем браке вашей дочери с г. Феллейзеном, который, будучи основан на взаимной склонности, не может не оказаться счастливым. Итак, мы были от души рады, получив сразу столько приятных известий. Примите, дорогой друг, по случаю этих двух событий самые искренние поздравления, исходящие из сердца, нежно преданного вам.

Благодарю вас также за все добрые вести, которые вы сообщаете мне о вашей милой семье, столь близкой мне по чувствам дружбы и любви, какие я питаю к вам. Теперь, как и всегда, искренно желаю вам всем благополучия и хотел бы, чтобы материальные условия вашего существования были также отрадны, как те, которыми живет сердце. Сообщаемые вами подробности о моих милых крестниках Васе и Саше и об их успехах в науках радуют меня так же, как и хорошее состояние их здоровья. Чего я не дал бы, чтобы увидеть вокруг себя всех этих милых детей, обнять и прижать их к сердцу, как и вас, дорогой друг. Все приезжающие из Красноярска рассказывают мне, что моя маленькая крестница Саша—маленькое чудо по грациозности, уму, красоте и доброте.

Очевидно, вы не получили моего июньского письма; вы не упоминаете о нем в вашем письме.

О нашем существовании, кажется, не могу рассказать вам ничего, чего бы вы не знали. Наша жизнь в Тобольске течет очень мирно и очень однообразно. Мое здоровье настолько хорошо, насколько оно может быть в моем возрасте, здоровье моей жены лучше, нежели оно было в начале нашего пребывания здесь, и мы привыкли к климату, хотя он не очень хорош. Мы живем очень уединенно и обыкновенно видим мало людей. Павел Сергеевич [1]) бывает у нас ежедневно. Он здоров и шлет вам всем чрез меня дружеский привет. И. И. Пущин здесь уже два месяца. Бедный малый приехал сюда лечиться от сердцебиения, которое причиняло ему ужасные страдания: это было нечто вроде той болезни, которую моя жена перенесла в Петровском. Но здесь он, славу богу, нашел врача, который сперва угадал место, где крылась болезнь, и затем правильно лечил ее. Но лечение было крайне мучительно для больного, так как он невыразимо страдал от истощения; он буквально голодал. Теперь врач разрешил ему бульон из цыпленка. Бедный И, И. утверждает, что лечение сделало его до такой степени жадным к пище, что при мысли о еде у него непрерывно текут слюнки,—а вы понимаете, что он думает о ней часто. Единственное событие, несколько оживляющее наше однообразное существование, есть почта, которая регулярно два раза в неделю доставляет нам письма из дому. Мой брат и дети две недели назад были здоровы, — письма приходят к нам чрез 12—13 дней. Наши сыновья уже большие и собираются вступить в университет.

Прощайте, дорогой Василий Львович. Нежно обнимаю вас и ваших милых детей. Поцелуйте за меня руку нашей доброй Александры Ивановны и передайте ей выражение моего искреннего почтения. Передайте также мой дружеский привет почтенному Михаилу Фотиевичу, напомните обо мне Михаилу Матвеевичу и скажите ему от меня поклон, как и всем, кто меня помнит. До свидания.

Верьте искренней дружбе

преданного вам М. Фонвизина [2]).

---

[1]) П. С. Бобрищев-Пушкин, декабрист.

[2]) Декабрист Михаил Александрович Фонвизин, член Северного Общества. После Нерчинских рудников отправлен в Енисейск, с 1835 г.—в Красноярске, с 1838 г.—в Тобольске. С 1822 г. женат на Нат. Дм. Апухтиной.

(Дальше по-русски).

Поздравляю вас милый и добрый друг мой Александра Ивановна, с рождением милой Сонички, дай бог, чтобы она была так же мила и так же утешала вас, как Милушка Саша, о которой нам все чудеса рассказывают. Прошу за меня расцеловать милую незнакомку нашу, которая, вероятно, еще не слыхала об нас никогда. Порадовались мы также о замужестве доброй вашей Marie; вот ведь и Катя и Лиза уже невесты, того и гляди, что мне опять придется скоро поздравлять вас и на их счет. Да уже и Саша смотрит в большие.—Что это как летит время! Грустно в разлуке с своими, но за то какая радость, мои милые друзья, если бы господь соединил вас со всеми. Катя, Лиза, про детские затеи которых вы мне так много рассказывали, мой милый и добрый друг, теперь большие, образованные девушки, revenans de l'étranger. Я воображаю, как бы добрый мой Дядюшка расплакался, увидя их такими, как они теперь, дай бог всем вашим милым детям быть счастливыми. Они все такие добрые, это счастье прочнее всякого другого на земле — не смотря на то я бы желала, чтобы вы со всех сторон были успокоены.— Увидимся ли мы когда-нибудь, друзья мои? — то-то бы мы наговорились с вами, а то эти письма, что в них скажешь?—Право не посетуйте, часто оттого и не пишется, что то, что намеревалась писать, вдруг об какой-нибудь канцелярии вспомнишь, потом о другой, о третьей и далее... тут и слова не идут из сердца и перо что-то не пишет, походишь, подумаешь да и раздумаешь писать—что напишешь?—Тоска, да и только, как говорит Ив. Ив., а ему бедному то-то была тоска, и быть больному и сидеть на диете; вот уже дня три, как ему получше, и сердце не так бьется—может быть вы его еще и увидите.—Он все ожидает, не переведут ли его в Иркутск? Он и Пав. Сер. недавно от нас ушли и оба поручили мне вам очень очень кланяться. Пав. Сер. говорит, что теперь будет ожидать письма от Дядюшки, что теперь очередь за ним в переписке.—Мих. Фотьевичу пожалуйста передайте мое сердечное приветствие. Nous parlons souvent de lui en nous rappelant avec plaisir les moments agreables que nous passâmes ensemble et chez nous et chez lui—les nouvelles que vous nous donnez de lui mon cher Oncle nous ont vivement reporté à Krasnojarsk. Je désire de tout mon coeur que la santé de M. Θ. s'ameliore et que cette lettre vous trouve tous bien portants[1]). Напишите нам пожалуйста побольше подробностей о Соничке. Теперь можно видеть, на кого она похожа из детей.—Простите, обнимаю и вас, друг мой Александра Ивановна, и Дядюшку по праву племянницы (et puis nous devenons vieux et cela ne tire pas à consequance, à notre âge [2]) и деточек милых целую.

Вся ваша Наталья Фон-Визина.

Faites mes compliments je vous prie à Мих. Мат.. il fut un temps où nous étions un peu connus à cause de correspondances[3]).

ПИСЬМО Е. П. ОБОЛЕНСКОГО к В. Л. ДАВЫДОВУ

(Подлинник по-французски).

Туринск, 28 мая 1843.

С прошлой почтой, т.-е. 21 мая, я получил ваше письмо, дорогой Василий, полное глубокой грусти по поводу от'езда вашего сибирского

---

1) „Мы часто говорим о нем, вспоминая с удовольствием приятные минуты, которые мы проводили вместе то у нас, то у него. Сведения, которые вы сообщаете нам о нем, дорогой дядя, живо перенесли нас в Красноярск. От всего сердца желаю, чтобы здоровье М. Ф. улучшилось и чтобы это письмо застало вас всех здоровыми".

2) „Притом мы становимся стары, и в нашем возрасте это неопасно".

3) „Передайте пожалуйста мой привет Мих. Матв. Мы когда-то были немного знакомы по поводу корреспонденции".

первенца [1]). Теперь горькая чаша уже осушена, Василий уже вероятно в пути, а может быть даже в Москве. Трубецкие сообщили мне об от'езде Васиньки за неделю до вас; в виду этого я в первый же почтовый день написал моей сестре Наташе и просил ее осведомляться о юном сибирском кадете и даже брать его к себе по праздникам. Надеюсь скоро сообщить вам ответ Наташи. Вы как-то писали мне, что директор корпуса—ваш родственник; в таком случае наш милый мальчик будет хорошо принят и еще узнает счастливые дни. Кто из нас, дорогие друзья, может предугадать будущее? Вы поступили так, как подсказали вам искреннее чувство вашего долга и глубокое убеждение, что вы не в силах обеспечить вашим детям какую-либо будущность. Вы отдали вашего старшего сына,—да взглянет господь в своем милосердии на вашу жертву и да будет ему вожатым и опорой на том поприще, на которое он готовится вступить. В письмах моих к Наташе я буду время от времени беседовать с Васинькой и буду давать ему темы для писем. Общество, которое он найдет у моих сестер, будет ему приятно. При Наташе, как вы знаете, живет моя племянница Надя, которую она сама воспитывает с помощью нескольких учителей для преподавания тех предметов, с которыми она не могла бы справиться. Другая моя сестра, Варвара Прончищева, состоит теперь при своем муже инспектрисой нового приюта для подкидышей, занимающего прекрасный дом графа Разумовского на Гороховом поле; ее муж—там инспектор и заведует всем приютом, а сестра—инспектриса и следит за воспитанием и благосостоянием вверенных ее попечению сирот. У нее три дочери, воспитание которых составляло до сего времени единственную задачу ее жизни. Это славные девочки, с развитым сердцем и умом; их общество, несомненно, будет полезно Васиньке, если он сможет часто пользоваться им и если будет ходить к нашим, как ходил бы к родным. Если эта близость установится, я уверен, что Васинька будет доволен, и вы также, милые друзья. Со своей стороны я могу только писать об этом моим сестрам, сердце которых готово открыться всякому доброму чувству. Успех зависит от обстоятельств и от доброй воли Васиньки; надо сказать еще, что он зависит также от того, как мои сестры смотрят на сближение обоих полов, которое в наше время строго запрещалось, даже между братьями и сестрами, к немалому вреду для тех и других. Я долго говорил вам о моих планах для Васиньки; я хотел бы, чтобы успех превзошел мои желания. Между тем я хотел бы знать, к кому вы направили его прямо в Москве, кто позаботился бы о нем. Разрешение, полученное вами для двух других ваших сыновей,—большое утешение для вас, милые друзья. Вы ничего не пишите о ваших старших сыновьях; они вероятно со дня на день ждут производства в офицеры, если уже не произведены. С нетерпением жду от вас письма, где вы сообщите мне день от'езда Васиньки. Ему удача—ехать при этой прекрасной погоде, какая стоит. По приезде в Москву его учение тотчас после начала будет прервано выступлением кадет в лагери, которое совершается в июне или июле. Это—время отдыха для этих ребят; Васинька им воспользуется. О нас не могу сообщить вам ничего нового; как видите, мы все еще в Туринске; распоряжение о нашем переводе в Тобольск все не приходит. Все окружающее нас благодарит бога за весну и за прекрасную погоду, которая установилась; она очень благоприятна для растительности, которая сильно идет в рост и подает наилучшие надежды. Эта отрадная перспектива одушевляет всех, так что и работа кажется менее утомительной. Наш дом оживлен видом нашей речки, которая так переполнилась водою, что не уступит по красоте вашему знаменитому Енисею. Мы наслаждаемся этим

[1]) Сын В. Л. Давыдова Василий был в 1843 году принят в Московский кадетский корпус и выехал в Москву из Сибири.

красивым видом и всем, что добрый бог дает нам во все дни нашей жизни, с любовью и глубокой благодарностью к единственному источнику добра ныне и в будущем.

Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вам

Е. Оболенский [1]).

Наши красноярские друзья могут быть уверены, что мы их не забываем.

ПИСЬМО И. Д. ЯКУШКИНА к В. Л. ДАВЫДОВУ

(Подлинник по-французски).

1843. Ялуторовск. 12 июня.

Благодарю вас, дорогой Василий Львович, за удовольствие, которое доставило мне возможность обнять Васю. Его экипаж требовал починки, и ему пришлось часов тридцать провести в Ялуторовске. Пока он был с нами, Матвей Иванович и я старались быть как можно моложе, чтобы сколько-нибудь умерить его нетерпение поскорее добраться до Москвы. Он, повидимому, славный мальчик, и я хочу надеяться, что с божьей помощью он всегда будет радовать своих родителей. Вы, наверное, не посетуете на меня, если я попрошу мою тещу время от времени навещать его и в случае надобности напоминать ему, что он должен вам писать. Вчера в два часа дня он покинул нас в добром здоровьи, как и его товарищ, который оказался моим давнишним знакомым; мы оба припомнили, что в 36-м году мы вместе плавали по Байкалу.

Желая вам и всем вашим доброго здоровья, сердечно жму вашу руку и прошу вас выразить Александре Ивановне мое глубокое почтение и передать мой дружеский привет Михаилу Фотьевичу и Михаилу Матвеевичу. Матвей Иванович кланяется вам.

И. Якушкин [2]).

ПИСЬМО А. З. МУРАВЬЕВА к В. Л. ДАВЫДОВУ

(Подлинник по-французски).

4 марта 1844.

Я несказанно рад, милый и добрый Василий Львович, что представляется оказия написать тебе, при том как раз в ту минуту, когда я получил твое доброе письмо от 11 февраля. Г. Ришье, которого я видел только одну минуту по его возвращении из Кяхты, был так добр, что предложил передать тебе мое послание, дорогой друг.

О себе не могу сообщить тебе ничего хорошего,—разве только то, что мое присутствие может быть полезно бедной вдове почтенного Алексея Петровича [3]). Я почти не покидаю ее. Ее слезы и отчаяние раздирают сердце; признаюсь даже, что если бы я не считал своим долгом оставаться при ней, я постарался бы уехать,—так трудно мне переносить это ужасное зрелище. Она написала гр. Бенкендорфу, прося разрешения вернуться

---

[1]) Декабрист Евгений Петрович Оболенский член Союза Благоденствия и Северного Общества. После Нерчинских рудников вышел на поселение в сел. Итанцинское, Иркутской губернии, в 1839 г.; в 1841 г. переведен в гор. Туринск, Тобольской губ., в 1842—в гор. Ялуторовск.

[2]) Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин, член Союза Спасения и Северного Общества. После Нерчинских рудников вышел на поселение в г. Ялуторовск.

[3]) Жена декабриста А. П. Юшневского, Мария Казимировна, урожденная Круликовская Юшневский скончался 7 января 1844 года, в один день с Ф. Ф. Вадковским, при отпевании которого присутствовал.

в Россию, и я думаю, что в июне она уедет. Я буду рад ее от'езду, в надежде, что свидание с дочерью и внуками до некоторой степени рассеет ее горе. Что до меня, я несколько поправился, но не рассчитываю на длительность этой поправки. судя по моим беспрестанным страданиям. Вчера вечером почти вся молодежь, принадлежащая к свите сенатора, остановилась у меня на ночлег на обратном пути из Кяхты (дорога из-за Байкала проходит под моими окнами); я сообщил им, что ты мне писал о них, и они были тронуты и польщены твоей памятью о них. Болычев прочитал вслух главу, касающуюся их, и был особенно доволен тем, что нашел там свое имя. Сенатор виделся с Трубецким и держал себя по-приятельски, совершенно так, как если бы расстался с ним лишь накануне [1]). Как бы я посмотрел на тебя, добрейший мой друг Василий Львович, как бы я пообедал у тебя. сидя поблизости Вашего Высокогастрономия, как бы поговорил с тобою.—Но это желания, к прискорбию, не выполнимые. За невозможностью лучшего я буду продолжать писать тебе и время от времени читать твои добрые письма. Мой почтительнейший, искреннейший привет твоей супруге, тысяча поцелуев твоим детям и крепкое рукопожатие тебе, милый друг, от преданного тебе

Ар. Муравьева [2]).

ПИСЬМО С. П. ТРУБЕЦКОГО к В. Л. ДАВЫДОВУ

28 октября 1852 г.

Давно я не писал вам, дорогой друг. Все это время мы получали хорошие известия от наших общих детей [3]). Только в своих последних письмах Лиза иногда писала нам, что она кончает письмо, потому что устала или потому, что у нее немного болит поясница. В письме от 11 сентября она пишет, что она совершенно спокойна насчет своего здоровья и что. по ее расчету, она перешла уже в восьмой месяц, так что в настоящий момент она уже близка к тому, чтобы произвести на свет новое существо, которое будет дорого нашим обоим семействам. Как я ни верю в милость провидения, все же временами меня мучит беспокойство, которое неизбежно будет длиться до тех пор, пока мы не узнаем о событии, а это может случиться в лучшем случае лишь через шесть недель. Ваня, вероятно, присутствовал при рождении племянника или племянницы и наверное тоже напишет вам из Каменки. Судя по всему, он пробьет себе дорогу, и пробьет честно, заслугами и прилежанием; это должно доставлять большое удовольствие его родителям, и я от всей души поздравляю их. Вы как-то сказали мне, что Петр отказался от поездки в Петербург. Ни он, ни Лиза ни разу не писали нам об этом, и мы не знали, что была речь об этой поездке и каковы были причины, побудившие его к ней. Я рад, что он мог обойтись без нее. Как вам известно, наша старшая дочь провела с нами месяц. После ее возвращения ее муж заболел, и она провела три дня в большой тревоге за него. Благодаря бога ее здоровье не пострадало и ее состояние до сих пор не тяготит ее; она не перешла еще за половину. В те немногие дни, которые ее муж провел здесь, он был хорошо принят, и по виду все его поступки и его образ мыслей находили одобрение; между тем он уехал не совсем успокоенный. Он не очень рассчитывает на прочность чувств и неизменность убеждений. Он видел столь

---

1) Отсюда, кончая „не выполнимые“, в подлиннике по-русски.

2) Декабрист Артамон Захарович Муравьев, член Союза Благоденствия и Южного Общества. После каторжных работ жил с 1840 г. в Малой Разводной, близ Иркутска.

3) Сын В. Л. Давыдова, Петр, был женат на дочери С. П. Трубецкого, Елизавете. (Примечание М. О. Гершензона).

резкие перемены, что не может быть спокоен. Я лично думаю, что долго оставаться ему вблизи нас совершенно невозможно. Он не такой человек, чтобы подчиняться произволу или жертвовать своими принципами; оттого ему очень трудно уживаться с людьми, с которыми ему приходится иметь дело, и особенно приспособляться к различным влияниям, которые так сильно действуют. Особенно одно из них внушает мне крайние подозрения, вопреки всем из'явлениям преданности и дружбы; но я думаю, что нельзя даже в малой мере полагаться на уверения человека, который имеет такое превратное понятие о чести, что считает свою неуязвимой, так как поставил ее под защиту власти. По всем этим соображениям, мы должны предвидеть минуты, когда расстояние, отделяющее нас от наших двух дорогих дочерей, будет приблизительно одинаково, и заранее примириться с волею провидения. Здесь получено известие, что наша племянница Елена Р. умерла в Риме, при чем ни одна из ее сестер не успела приехать, чтобы принять ее последний вздох. Софья, говорят, безутешна. Здесь эта смерть, повидимому, не вызвала большой скорби. Были распределены дни, чтобы весело проводить вечера и заставить забыть перипетии мерзкой трехактной драмы, которую разыграли. Не откажите, дорогой друг, поцеловать за меня руку вашей жены и обнять ее за мою жену. Последняя, разумеется, шлет вам всем сердечный привет, а я кланяюсь вашим барышням и обнимаю ваших младших детей и малютку. Да сохранит вас всех господь в добром здоровьи.

Душою ваш С. Т. [1]).

Я был рад узнать, что добрый полковник несколько успокоился, и надеюсь, что его девочка скоро совсем выздоровеет. Пожмите ему сердечно руку за меня, также и Мих. Матвеевичу.

ПИСЬМО И. В. ПОДЖИО к В. Л. ДАВЫДОВУ.

(Подлинник по-французски).

Дорогой Василий Львович, вы не можете себе представить, как мне приятно узнать, что Васинькой довольны, что он хорошо ведет себя и усердно учится [2]). Всем сердцем прошу бога, чтобы он даровал вам в нем и в остальных ваших детях утешение в старости. Мы не можем сообщить вам ничего нового, что же касается нашего образа жизни,—вам сообщит о нем бесчисленные подробности г. Ришье, внушивший мне истинно-дружеское расположение к себе. Г-жа Ришье покидает нас, оставляя в нас искреннее сожаление о разлуке с нею, тем более грустной для нас, что мы имели достаточно времени, чтобы узнать и оценить ее прекрасные качества. Что за ангельский характер! Какая кротость, доброта и скромность! Господи, как вы счастливы, что можете пользоваться в Красноярске обществом такой выдающейся личности.

У меня есть просьба к вам. Сделайте одолжение, поговорите с г. Ротчевым, не нужен ли ему человек вполне способный заведовать работами по добыванию золота. В этом случае не откажите известить меня. Лицо, которое я вам рекомендую,—некто Зверев, надворный советник, лет семь или восемь бывший управляющим Александровского завода. Он теперь числится при Губернском правлении [3]), но наме-

[1]) Декабрист Сергей Петрович Трубецкой, член Северного Общества, „диктатор“ 14 декабря. После Нерчинских рудников обращен на поселение в с. Оек, Иркутской губ. С 1845 г. кн. Е. И. Трубецкой разрешено проживать с детьми в Иркутске, а мужу туда приезжать.

[2]) В 1843 г. сын В. Л. Давыдова, Василий, был определен в Московский кадетский корпус. Значит, письмо написано не раньше этого года.

[3]) Напечатанное в разбивку—в подлиннике написано по-русски, в старой орфографии,

рен оставить эту службу, как только ему представится место на золотых приисках; он рисует, смыслит в архитектуре, деятелен и мастерски управление знает в особенности с посельщиками. Он—отец маленького Зверева, товарища Миши по ученью. Вы бесконечно обяжете меня, достав ему место; ему остается только полтора года до пенсии, но он так недоволен своей службой, что тотчас оставит ее, лишь только получит место. Я слышал, что Ротчев уехал в Петербург, но скоро вернется; итак по возвращении поговорите с ним о Звереве. Кроме того, есть и другие златоискатели, которым может быть нужен управляющий; не откажите поговорить с ним об этом. Иван Кириллович Кузнецов знает Зверева, у него можно навести справку о нем. Кузнецов не берет его, так как у него полный штат служащих.

Почтительно целую руки Александры Ивановны и прошу ее сохранить воспоминание обо мне, которым я всегда буду гордиться и которое всегда буду ценить. Обнимаю вас. До свидания. Сердечно жму вашу руку.

И. Поджио [1]).

ПИСЬМО М. М. СПИРИДОВА к В. Л. ДАВЫДОВУ

Вы, конечно, почтеннейший Василий Львович, сегодня утром увидитесь с Яковом Дмитр.—и потому я обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою, а именно: не нужно описывать наше, а в особенности мое ужасно гадкое положение, достаточно сказать, что, начиная с меня, все доверенные уже несколько времени без чая и сахара, а все рабочие с воскресенья останутся без хлеба, ибо муки только-что на завтра, как здесь, так и в Дрокиной;—теперь вы видите, в чем дело.—Самому отправиться к Полков. и об'яснять такое состояние я не в силах, самому просить у него денег я не могу решиться;—итак, я прошу вашего посредничества, не в том, чтобы вы просили у Як. Дм. денег, нет, а чтобы к слову пояснили бы бездну досад и неприятностей, меня ожидающих, и узнали бы, не может ли он одолжить не очень большой суммы, не свыше 150 р. сер.—Простите, что я утруждаю вас таким поручением, но, зная ваше доброе сердце, уверен, что вы не откажетесь исполнить его. Верите ли, что решительно не у кого достать денег, даже на дневное содержание, я уже хотел овес, который мой собственный, запродать на корню, и, кажется, я буду вынужден приступить к тому;—что же станешь делать,—разорился в пух и прах и сам остаюсь без насущного куска хлеба.

Преданный М. Спиридов [2]).

---

[1]) Декабрист Иосиф Викторович Поджио, член Южного Общества (принят в 1824 г. В. Л. Давыдовым); с 1834 г. жил на поселении в с. Усть-Кудинском, Иркутского округа, вместе с братом Александром.

[2]) Михаил Матвеевич Спиридов, декабрист, член Общества Соединенных Славян. О нем см. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. П. 1909 г.; сборник „Декабристы“, под ред. Модзалевского и Оксмана. П. 1925. В 1848 году приобрел крестьянское хозяйственное обзаведение в дер. Дрокиной, около Красноярска; поэтому письмо написано не раньше 1848 г. Умер в 1854 году.

В О-ВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
ДОКЛАДЫ

П. О. Горин

Чем же были Советы Рабочих Депутатов в 1905 г.?

(Стенограмма доклада на публичном заседании 13 ноября 1925 г.)

Собрание открывает т. Покровский

М. Н. Покровский. — Товарищи, общество историков-марксистов, открывая свое 2-е заседание, посвященное 20-летию 1905 г., решило несколько изменить порядок своей работы. Прошлый раз было зачитано подробно 2 доклада, что, очевидно, несколько утомило публику, а в то же время совершенно не оставило время для какого-нибудь обмена мнениями. Мы решили поэтому ставить по одному докладу, но по окончании доклада просить присутствующих высказываться. Тут я вижу многих участников революции 1905 г., и было бы очень интересно слышать мнение по поводу той темы, которая сегодня будет обсуждаться, именно о Советах Рабочих Депутатов 1905 г. Таким образом заседание будет состоять из двух частей. Сначала т. Горин сделает доклад на эту тему, затем мы сделаем перерыв, после этого перерыва попытаемся организовать дискуссию, это зависит от доброй воли присутствующих, от их желания, затѐм будет предоставлено т. Горину заключительное слово.

П. О. Горин.—Товарищи, в прошлом докладе т. Шестаков уже отметил значение Октябрьской забастовки. Он показал, какое огромное значение имела Октябрьская забастовка 1905 года. Действительно, если сопоставить два этапа революции 1905 г.—9 января и Октябрьскую забастовку,— то мы будем иметь совершенно различные вехи. Октябрьскую забастовку нам придется иметь в виду и при рессмотрении нашего вопроса: «чем же были Советы Рабочих Депутатов»?

Как известно, свою родословную Советы берут от Октябрьской забастовки, и поэтому нам придется остановиться на некоторых моментах октября, имевших непосредственное отношение к Советам.

Прежде всего, основной момент, имеющий непосредственное отношение к Советам, это характер Октябрьской забастовки. В противовес всему предшествующему движению пролетариата, кроме своего поражающего размаха, Октябрьская забастовка, как известно, носила ярко выраженный политический характер. Эта ярко выраженная политическая окраска Октябрьской забастовки красной нитью отчетливо вырисовывается не только в Петербурге, но и в остальных местах. Я не стану зачитывать отдельных резолюций, принятых на многочисленных и многолюднейших собраниях рабочих. Полагаю, что они вам известны. В этих резолюциях определенно говорится о необходимости решительной борьбы с самодержавием. Этот момент имеет колоссальное значение, так как политические требования явились цементом, об'единившим пролетариат в единую массу, это и дало возможность пролетариату выступить как классу, осознавшему свои классовые интересы.

В чем же состоит вторая особенность Октябрьской забастовки? Тов. Шестаков в прошлом докладе нам рассказал, к какой категории «рево-

люционеров» может быть отнесена русская буржуазия. О поведении либеральной буржуазии в октябре можно судить хотя бы по резолюции на происходившем 14 октября кадетском с'езде. Кадеты заявляли о своей поддержке движения пролетариата, но тотчас же делали оговорку, что оно поддерживается постольку, поскольку не переходит в открытое столкновение. «Конституционно-демократическая партия—говорится в ней,—предоставляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение» (т.-е. вооруженное восстание. *П. Г.*). В этом заявлении целиком выявилась «революционная» сущность русской буржуазии. Подобные откровенные признания самой же буржуазии не бесполезно было бы помнить т.т., оценивающим октябрьскую забастовку, как национальную революцию, видимо признавая в ней руководящую роль буржуазии. С этим никак нельзя согласиться, так как уже в октябре «немое соглашение» буржуазии с пролетариатом о совместной борьбе с самодержавием дало трещину. Причиной трещины послужили не только средства, но и цели борьбы. В расчеты буржуазии совсем не входила полная ликвидация самодержавия. Отсюда вытекала и их тактика: поддержка мирной забастовки и стремление не допустить вооруженного выступления пролетариата. Иную позицию занимал пролетариат, целью которого была полная ликвидация самодержавия путем всеобщей стачки, переходящей в вооруженное выступление.

Уже тов. Шестаков в своем прошлом докладе отметил настроение рабочих масс в октябре. Оно было куда более боевым, чем обыкновенно думают. Для характеристики настроений пролетариата в октябрьские дни разрешите зачитать отрывок из мемуаров одного участника революции 1905 г.— Войтинского. Автор в настоящее время не большевик, а, наоборот,—эмигрант и злейший враг Советского Союза. Однако я думаю, что благодаря этому документ приобретает еще большую ценность. «Толпившиеся здесь рабочие,—пишет он,—узнали меня. Сгрудились теснее. Глаза блестят решимостью.—Что же, товарищ, начинать пора. Баррикаду что ли строить будем?

По близости мостовая была взрыта для ремонта, около тротуара кучами лежал булыжник. Десятки рук тянутся к камням.

— Начнем что ли? Распоряжайтесь, товарищ!

Опасаясь вызвать столкновение безоружной толпы с войсками и ненужное кровопролитие, я негромко, но настойчиво уговаривал близ стоящих:—Не спешите, товарищи... Партия укажет, когда придет время решительной схватки.

Мысль о необходимости вооруженного восстания не проходила во время октябрьской забастовки, и Совету приходилось сдерживать этот боевой порыв в рабочей среде».

А вот далее: «Кучка рабочих-семянниковцев,—вспоминает Войтинский,—остановила нас.

— Что так поздно, товарищи? Народ обижается, что долго ждать заставляют.

— Сегодня не будет ничего,—об'явили мы решительно и твердо.

— Как так?

— Отменено.

— Почему?

— Да потому, что не готовы. У вас оружие есть?

— А то как же.

— Покажите.

Из карманов появились на свет божий пара финских ножей, кастет, коротенький револьвер-бульдог.

— Всего-то? Этого мало!—отрезал Николай.

— Что же делать теперь,—смущенно спрашивали рабочие, пряча свое убогое оружие.

— Ступайте домой!

— Да тут много наших семянниковцев... ждут... начала...

— Всех с собой уведите.

И мы пошли дальше.

Так до позднего вечера ходили мы по набережной от Филологического Института до Академии Наук и обратно, уговаривая рабочих, споря с более упрямыми, успокаивая более нервных» (Войтинский—«Годы побед и поражений», стр. 185. Берлин).

Повидимому, комментарии к этим отрывкам излишни. Можно сделать бесспорный вывод, что уже в октябрьские дни пролетариат психологически был готов к вооруженному восстанию. Не нужно думать, что так был настроен только петербургский пролетариат. Во многих местах в провинции уже в октябрьские дни события развернулись куда серьезнее, чем в Ленинграде. Достаточно вспомнить баррикады в Харькове, вооруженные столкновения в Киеве, Екатеринославе и др. местах, чтобы понять, что проблема вооруженного восстания в октябрьские дни не была только теоретическим вымыслом большевизма. Она уже в октябре была достоянием широких рабочих масс, вставших перед непосредственной задачей вооруженной схватки с самодержавием. При революционной слабости и трусливости буржуазии, в которых она сама цинично признавалась в официальных документах, на долю пролетариата в октябре выпадает решающая роль в революции. Октябрьские дни показали, что не буржуазия, а пролетариат — гегемон революции.

Эти две особенности всеобщей октябрьской забастовки—выступление пролетариата, сплоченного общими политическими требованиями и готовящегося к вооруженному восстанию, и слабость буржуазии — оказали огромное влияние на возникновение и деятельность Совета Рабочих Депутатов.

Уже с первых дней забастовки пролетариат остро ощущал необходимость в общей руководящей организации, которая, об'единяя широкие массы, руководила бы движением. На многих заводах Петербурга без всякого руководства широкие массы сами приступают к выбору делегатов в общерабочую организацию, не зная даже, существует ли таковая. Классовый инстинкт подсказывал необходимость такой организации. В этом отношении любопытен случай с обуховскими делегатами. Избранные рабочими, они отправились на поиски общего рабочего комитета и случайно наткнулись на организационное заседание Петербургского Совета.

Совет возник в Октябрьские дни не только в Петербурге, но и в ряде других мест. При этом, однако, любопытно отметить, что Советы возникли, как высшая форма рабочего движения, в местах, где революционная мощь и организованность пролетариата перерастали предшествующие формы организации. Правда, по ряду причин, о которых придется говорить дальше, не все возникавшие в октябре новые рабочие организации превращались в Советы Рабочих Депутатов, как органы подготовки вооруженного восстания и власти.

Среди ряда Советов Рабочих Депутатов, возникших в Октябрьские дни, невольно обращает внимание Петербургский Совет Рабочих Депутатов. Сказочная быстрота, с которой возник и оформился Петербургский Совет, заняв видное место в революционном движении, в значительной степени об'ясняется противоречием, в которое впал пролетариат в октябре. С одной стороны, октябрьская забастовка выдвинула пролетариат, как гегемона ре-

волюции, но с другой, пролетариат, психологически готовый к вооруженному восстанию, не был спаян организационно. Не было общеклассовой организации, которая подготовила бы и руководила восстанием. Этой задачи об'единения всего класса в свои ряды не могла, конечно, выполнить партия, организационно об'единяющая авангард класса. При этом следует отметить, что и авангард пролетариата—социал-демократы—в 1905 году не был органическим целым, представляя два крыла, занимавшие подчас, по ряду основных вопросов революции, диаметрально противоположные позиции. Но, даже имея единый организационно спаянный авангард класса, единую партию, пролетариат, превращаясь в гегемона революции, неизбежно должен был пойти по пути создания общеклассовой организации, чем и явился Совет Рабочих Депутатов. Он не мог быть подменен также профессиональными союзами, ставящими себе непосредственной задачей экономическую борьбу, борьбу за частичные улучшения рабочего класса, в то время, как Советы, с первых дней своей организации, выявляли себя, как организация, руководящая революционным движением, и как поставившая своей задачей решительную, вооруженную борьбу с самодержавием.

Таковы, в общем, всем известные причины, почему в 1905 году Советы не могли быть заменены партией, профсоюзами, не говоря уже о кассах взаимопомощи и подобных организациях. Однако, прежде чем покончить с причинами возникновения Советов Рабочих Депутатов в 1906 году, небезынтересно остановиться на роли большевиков и меньшевиков в создании Советов Рабочих Депутатов и понимании ими задач этих новых революционных организаций.

До сих пор широко распространен взгляд, что организаторами первых Советов Рабочих Депутатов явились меньшевики. Пущенный в интересах полемики Мартовым, этот взгляд, несмотря на свою историческую неточность, в настоящее время стал как бы общепризнанным даже в большевистской литературе. Думаю, что к двадцатилетию первой революции эту ошибку следует вскрыть.

Меньшевики, говоря о своем авторстве, обыкновенно ссылаются на свою конференцию Петербургской группы, состоявшуюся 10 октября, на которой был брошен лозунг организации «Рабочего Комитета». При этом упорно замалчивается довольно существенная «мелочь»—характер этого заседания и оценка той роли, которая предназначалась «Рабочему Комитету». На собрании говорилось, что среди рабочих чувствуется острая потребность в создании единой организации, и группе нужно принять участие в ее организации. Одна часть выступавших указывала, что это будет Стачечный Комитет, выражая сомнение, что не следует ли вместо такого комитета приступить к общенародным выборам, «органа революционного самоуправления». Другая часть, однако, отмечала, что «Рабочий Комитет» следует оставить, так как он не помешает «органу революционного самоуправления» и явится его составной частью. Однако интереснее всего, что в результате этих прений даже не было вынесено никакой определенной резолюции.

Как видим, претендовать после этого заседания на роль творцов Советов Рабочих Депутатов нужно иметь немало смелости. То, что «Рабочий Комитет», и не только «Рабочий Комитет», а «Обще-Рабочий Комитет» должен был возникнуть, было ясно любому мыслящему пролетарию. Для этого ненужно было обладать большой проницательностью, что мы уже видели на примере обуховских депутатов, отправившихся на поиски такого общерабочего Комитета. Важно, однако, отметить, как меньшевики понимали задачи этого «Рабочего Комитета». Как видим на примере «исторической» конференции 10 октября, меньшевики не только не поняли роль

общерабочей организации, но они умаляли ее роль, отдавая предпочтение «органам революционного самоуправления», по существу не классовой, а общенародной организации. Мы увидим в дальнейшем, что это непонимание задач общерабочей организации, какой явился Совет, осталось у меньшевиков не только в октябре 1905 года, но и значительно позднее. Их меньшевистская сущность мешала понять подлинную роль этой новой организации, которой суждено было превратиться в боевой штаб революции.

Поскольку развитие Советов как в Петербурге, так и в провинции проходило под руководством социал-демократии, рассмотрение деятельности большевиков и меньшевиков в Советах 1905 года безусловно представляет огромный интерес. Советы, как известно, явились революционным фокусом, концентрировавшим в себе революционную мощь пролетариата и выявлявшим его настроения. Вот почему в Советах теоретическая оценка революции большевиков и меньшевиков реализовалась в практическом виде, выявляя подлинное лицо двух крыльев русской социал-демократии. Позвольте поэтому напомнить, как оценивалась русская революция и роль пролетариата большевиками и меньшевиками. Для сокращения времени и во избежание возможных неясностей я постараюсь, главным образом, оперировать документами.

Как оценивались задачи революции и роль в ней пролетариата большевиками и меньшевиками?

Тов. Ленин определенно отмечал, что в революции пролетариат явится главной революционной силой. Будучи авангардом революции, он неизбежно займет позиции «не предоставления руководства в революции буржуазии, а, напротив, самого энергичного участия, самой решительной борьбы за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца».

Цель революции: «Вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону своекорыстных звонарей свободы» (Ленин). «Победа восстания,—говорит тов. Ленин в другом месте,—еще не будет победой народа, если она не поведет к революционному перевороту, к полному свержению самодержавия, к отстранению непоследовательной и своекорыстной буржуазии, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» («Пролетарий», от 20 июня 1905 года).

В противовес этой ясной большевистской оценке, дающей верную характеристику русской буржуазии и признающей пролетариат главной революционной силой, революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, как цель революции, и средство ее осуществления—вооруженное восстание, меньшевики занимают иную позицию.

В противовес большевикам, указывавшим, что революция 1905 года не может быть включена в рамки только чисто буржуазной революции, меньшевики ее рассматривали, именно как революцию буржуазную, и буржуазию, как руководящую силу. Я приведу вам документ из периода обострения гражданской войны—ноября 1905 года. Меньшевики писали, что даже в том случае, «если пролетариат сознает себя, как класс, активно выступит, как таковой, выступит организованно, с определенными целями и планомерной тактикой, то всероссийская революция *даст максимум возможных в буржуазном обществе преобразований*» (курсив наш. *П. Г.* «Московская Газета», № 3, от 12 ноября 1905 года).

Смешно было при таких открытых заявлениях верить в возможность организации меньшевиками вооруженного восстания. Действительно, из интимной переписки меньшевистских лидеров Мартова и Аксельрода мы видим, что меньшевики не только не верили в необходимость вооруженного

восстания, но даже опасались его. «Влияние их (с.-д. большевиков· *П. Г.)* пишет Мартов в конце октября,—так велико, колоссально велико, что захват власти при бурном обороте дальнейших событий начинает иногда казаться почти неизбежным; это не значит, что такой захват власти представляет нечто заманчивое; я-то боюсь, что это будет поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура» («Письма Мартова и Аксельрода». Том I. Берлин).

Думаю, что это откровенное признание (правда плохо, что спустя двадцать лет) для нас имеет большое значение, так как выявляет подлинное лицо меньшевизма.

Таковы в основном две позиции большевиков и меньшевиков в первой революции.

Якобы несколько иную позицию занимал тов. Троцкий. Нередко склонны думать, что тов. Троцкий оценивал революцию 1905 года, как социалистическую. Это неверно. В своей работе «1905», он сам пишет, что «вопрос никогда не шел для нас о том, можно ли Россию перевести прямо в социализм. Такая постановка вопроса требует совершенно особого устройства головы» (стр. 272).

По мнению тов. Троцкого, революция в России может явиться прологом социалистической революции Запада, и только при поддержке Запада возможно социалистическое развитие и России. «Перед революционной властью,—пишет он,—будут стоять об'ективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе, столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет» (стр. 286). За этими фразами, скрывавшими пессимизм в оценке движущих сил революции, тов. Троцкий неизбежно скатывался к меньшевизму. Еще нагляднее его непонимание движущих сил русской революции сказывается в его критике ленинского положения о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». «Правительство, опирающееся непосредственно на пролетариат и через него на революционное крестьянство, еще не означает социалистической диктатуры» (стр. 252).

Эти различные оценки революции и ее движущих сил, различно понимаемых большевиками, меньшевиками и троцкистами, находили свое практическое выявление в Советах. Вопрос о прогнозе русской революции оказывал колоссальное влияние на отношения социал-демократов к Советам.

Меньшевики вследствие непонимания характера русской революции естественно не понимали и подлинной роли Советов. Новые революционные организации пролетариата—Советы Рабочих Депутатов—ими рассматривались не как боевые организации революции, а как «органы революционного самоуправления». «Организация такого,—писали они,—публично функционирующего самоуправления есть та форма, в которой должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно открыть конституционной эры». Еще летом тов. Ленин вскрыл настоящий смысл этого меньшевистского рецепта. Он указывал, что этот путь ликвидации самодержавия неприемлем для пролетариата, так как представляет не что иное, как «идеальную цель монархической, освобожденческой буржуазии, как идеальную цель ликвидации русской пролетарско-крестьянской революции либеральными помещиками. Освобожденческая, т.-е. монархическая буржуазия,—писал он,—как мы уже сотни раз указывали, хочет именно такой «ликвидации», когда бы переход власти совершился без народного восстания» («Пролетарий», № 15, от 23 августа 1905 года).

Большевики тоже отводили место революционному самоуправлению, но не как прологу, а как эпилогу революции. Вот почему попытка навязы-

вания меньшевиками Петербургскому Совету ярлыка «органа революционного самоуправления» встретила достойный отпор со стороны большевиков. В противовес меньшевикам они с первых же дней Петербургского Совета видели в нем организацию, задача которой состояла в подготовке вооруженного восстания и захвата власти.

Эти две, принципиально различные, точки зрения большевиков и меньшевиков не могли пройти бесследно для Петербургского Совета. Изучая историю первого Совета Рабочих Депутатов, невольно приходится обратить внимание на ту, подчас ожесточенную борьбу, которая завязалась между большевиками и меньшевиками с первых же дней возникновения этого Совета. Моментами этот спор грозил вылиться в тяжкий кризис. Особенно тяжелое положение было в связи с отказом меньшевиков подчиняться решению Федеративного Совета о необходимости руководства Советом социал-демократией.

Борьба, завязавшаяся между большевиками и меньшевиками в Петербурге, велась в основном вокруг двух вопросов, делясь как бы на два этапа в своем развитии. Первый этап—борьба за Советы, как массовые, подлинно рабочие организации, и второй — борьба большевиков и меньшевиков за влияние в Совете.

В противовес большевистской позиции, требовавшей. чтобы Советы явились подлинно классовыми рабочими организациями, меньшевики защищали положение о необходимости включения в Советы также и представителей других классов. Развитие революции, выдвинувшее пролетариат, как главную силу революции, помогло разрешению этого спора, сделав Совет массовой подлинной рабочей организацией. Когда выяснилось, что Советы не нечто вроде классово-универсального Учредительного Собрания, а рабочая организация, то спор обострился по вопросу о взаимоотношениях партии и Советов. В противовес большевикам, требовавшим необходимости партийного рукводства Советами, меньшевики выступали против. Вопрос о партийном руководстве в Петербурге особенно обострялся в связи с выбором в председатели Совета беспартийного и беспринципного Хрусталева-Носаря.

В этой борьбе вокруг вопроса о взаимоотношениях партии и Советов интересна попытка меньшевиков навязать Советам функции «широкой рабочей партии». Видя свой провал в создании «органов революционного самоуправления», чем по их мнению и должен явиться Совет, они пытаются превратить Совет в «широкую рабочую партию». Любопытно, что эта попытка наблюдается в ноябре, в момент, когда Совет провел большую кампанию, зарекомендовав себя в рабочих массах, как орган подготовки вооруженного восстания и захвата власти. «Одновременное существование двух самостоятельных пролетарских организаций,—писало меньшевистское «Начало»,— одной социал-демократической и другой официальной беспартийной, хотя и действующей фактически в духе нашей партии,—явление ненормальное, которое раньше или позже должно исчезнуть» («Начало», № 2).

Как же «Начало» предполагает устранить эту «ненормальность»— одновременного существования партии и Совета? Оно говорит о двух возможностях: «Либо решение весьма простое, весьма легкое, но решение мнимое» — это потребовать от Совета выявить свое политическое лицо принятием социал - демократической программы. Этот путь «Начало» отвергает, так как ему рисуются перспективы раскола (вернее откола буржуазно-настроенной части). Оно предполагает второй путь. «Мы должны,—пишет оно,—направить все свои усилия на преобразование нашей подпольной партийной организации в широкую организацию открытой рабочей партии, достаточно широкую, чтобы она могла вместить в себе или сделать излишней органи-

зации вроде Совета Рабочих Депутатов... Не втиснуть Совет на Прокрустово ложе нашей подпольной партии, а, наоборот, расширить рамки партии».

В частной же переписке Мартов в письме к Аксельроду об'ясняет, как это сделать. «Скажу лишь, — пишет он, — что вместе с толстяком (Парвус. *П. Г.)*, я надеюсь, проведем в жизнь идею вашего рабочего с'езда. Пишу вашего, ибо толстяк и многие рабочие в Совете склонны ради общерабочего с'езда игнорировать задачу параллельной организации социал-демократической» («Письма Мартова и Аксельрода». Берлин).

Эти меньшевистские попытки находили достойный отпор со стороны большевиков. Для того, чтобы судить, как относились большевики к подобным ликвидаторским рассуждениям, позвольте напомнить ст. т. Радина, официального представителя большевиков в Петербургском Совете. В «Новой Жизни» он доказывал, что Совет ни в коем случае заменить партию не может. «Мы, конечно, убеждены, — писал он, — что пролетариат в своей массе стихийно социал-демократичен, но это вовсе не значит, что мы хоть на минуту самообольщены возможностью завтра же всему пролетариату стать сознательными социал-демократами... Если Совет Р. Д. по своей конструкции политическим руководителем не является, то заменить партию он ни в коем случае не может. Он может только руководить определенными выступлениями пролетариата, стать во главе определенных массовых действий. Ставить конкретные задачи, могущие об'единить весь пролетариат, он может; руководить же классовой политикой — не его задача. Это, однако, не исключает необходимости знать пролетариату, под каким знаменем идет его выборное учреждение, лозунги и директивы какой партии он в своих определенных практических действиях проводит в жизнь. В политической борьбе «играть втемную не в интересах пролетариата» («Новая Жизнь» № 5).

Окончательно же у большевиков мнение о Советах сложилось с приездом в Россию т. Ленина. Будучи на нелегальном положении, он посещал заседания Ленинградского Совета, зорко следя за его работой. Совет на него произвел огромное впечатление. «Он тогда, — вспоминает т. Горев, — сказал, что Совет и есть зародыш той диктатуры пролетариата и крестьянства, которую он пропагандировал с весны 1905 года. Пусть сюда примкнут еще депутаты от крестьян,—говорил он,—и будет Совет Р. Д. орган диктатуры пролетариата и крестьянства» (Горев—«Из партийного прошлого»).

В ряде статей тов. Ленина, написанных в период ноября и декабря 1905 г. и известных вам, он с поразительной проницательностью вскрыл подлинную сущность Советов Рабочих Депутатов. Его прогноз Советов имел огромное значение и для революции 1917 года.

Товарищи, в своем докладе я коснулся только вопроса борьбы большевиков и меньшевиков, завязавшейся вокруг Петербургского Совета. Вряд ли стоит доказывать, что эта борьба имела колоссальное влияние, так как она в значительной мере предопределяла судьбы Совета, и не только Петербургского, но также и провинциальных. Я не буду касаться фактической стороны деятельности Петербургского Совета. Она всем хорошо известна. Блестящие кампании, проведенные питерским пролетариатом в октябрьские и ноябрьские дни, долгое время послужат уроком для рабочих масс. Отмечу только общий момент в деятельности Петербургского Совета, приведший к пассивному поведению как Совет, так и петербургский пролетариат в декабрьские дни.

На первый взгляд кажется как-то странным, что, казалось бы, наиболее революционный Совет—детище наиболее революционного пролетариата — пролетариата Петербурга — оказался неподготовленным к вооруженному восстанию в декабре. В чем же причина? Здесь следует отметить,

что, помимо общих причин. на недостаточную подготовку Петербургского Совета к вооруженному выступлению огромную роль сыграло увлечение Совета демонстративными выступлениями пролетариата. Все кампании, проведенные петербургским пролетариатом в конце октября и ноября — борьба за амнистию, свободу печати, восьмичасовой рабочий день и т. д.,—эти кампании, по существу за частичные ели, отвлекали петербургский пролетариат от основной цели — действительной подготовки вооруженного восстания, которая не ограничивается только демонстративными выступлениями, но и практически ставит вопрос о вооружении пролетариата и создании боевых дружин. С этой стороны, в смысле технической подготовки вооруженного восстания, Совет далеко не использовал имеющиеся возможности. Только этим об'ясняется, что нередко петербургские рабочие, помимо Совета, самостоятельно приступают к созданию боевых дружин и закупке оружия. С одной стороны, увлечение демонстративными выступлениями, истощавшими силы пролетариата, а с другой,—недостаточная тохническая подготовка вооруженного восстания и послужили причинами. что к моменту общего нарастания революционной волны к концу ноября влияние Петербургского Совета падает. Но, несмотря на эти ошибки Совета, которые впоследствии тов. Троцким «теоретизировались» и выдавались, как подлинная тактика пролетариата в революционном движении, Петербургский Совет сыграл огромную роль в общем революционном движении 1905 года. Особенно громадное значение имела борьба большевиков с меньшевиками за Советы, как общеклассовую пролетарскую организацию, как орган подготовки вооруженного восстания и захвата власти, как массовую рабочую организацию, работающую под непосредственным влиянием социал-демократии. Благодаря опыту Петербурга, провинция воспринимала готовые формы, и такой ожесточенной борьбы вокруг провинциальных Советов мы не наблюдаем.

Действительно, при изучении провинциальных Советов бросается в глаза один характерный момент, что Советы в провинции сразу возникают, как определенные организации, с первых же дней ставящие своей задачей подготовку вооруженного восстания. Вокруг провинциальных Советов вы не найдете борьбы по вопросам. чем являются Советы — «органами ли революционного самоуправления», «рабочими парламентами» или только классовой, пролетарской организацией. То, что Совет является общерабочей массовой организацией, в провинции осознавалось в одинаковой мере как большевиками, так и меньшевиками. Борьба велась только за руководство Советами—большевиками или меньшевиками. Те задачи, которые стояли перед Советами, и их работа по подготовке вооруженного восстания, в результате которой провинциальные Советы выявили себя, как определенно сложившиеся боевые организации, требуют к себе гораздо большего внимания, чем это делалось до сих пор. Я считаю, что в нашем изучении Советов Р. Д. 1905 года допускается методологическая ошибка. когда товарищи, говорящие о деятельности Советов, имеют в виду только Петербургский Совет. В настоящее время стоять на этой точке зрения не приходится, так как в ноябре мы имеем уже целую сеть Советских организаций с ярко выявленным лицом. Они являются в буквальном смысле слова органами подготовки вооруженного восстания, зародышами пролетарской диктатуры. Среди ряда провинциальных Советов, возникших в ноябре почти во всех крупных промышленных местах России, мы находим только два места, где эти задачи практически не были отчетливо проведены. Это — Бакинский и Одесский Советы. (Голос с места: «А в царстве Польском?»). В царстве Польском Советов не было. Была только попытка организовать Совет в Варшаве в феврале 1906 года, а Белостокский Совет, очень своеобразная

организация, вряд ли имеет право находиться в общей системе Советов 1905 года.

Товарищи, говоря о провинциальных Советах, поскольку они преимущественно возникали в ноябре, нам придется затронуть один вопрос, имеющий большое значение для нашей темы. Наблюдается ли революционный под'ем в ноябре или, как думают некоторые товарищи, октябрьская забастовка явилась кульминационным пунктом революции 1905 года? Этот вопрос находит не только различные взгляды у историков первой революции, но также многими большевиками разделяется мнение, что октябрьская забастовка явилась точкой высшего развития революции, а в дальнейшем революция пошла на убыль. В подтверждение этой мысли часто ссылаются на количество стачек в октябре и ноябре. Действительно, количество стачек в октябре выше, чем в ноябре, но можно ли делать из этого вывод, что революционная волна в ноябре падает? Отнюдь нет. Это было очень поспешное и недостаточно продуманное заключение. Нельзя иметь в виду только голые цифровые данные, забывая о такой «мелочи», как качественные изменения в рабочем движении. А если подходить с этой стороны, то мы увидим, что сторонники октября — как кульминационной точки революции — не имеют никаких оснований. Часто в подтверждение своей мысли ссылаются на петербургский пролетариат, который к концу ноября растерял изрядное количество революционной энергии. Но достаточно посмотреть, как шло революционное развитие в провинции, чтобы, без сомнения, убедиться, что в ноябре по всей России революционная волна крепнет, организованность пролетариата растет, революционизируется армия и крестьянство и т. д. Разве такой факт, как повсеместный рост партийных организаций, как результат сознательности пролетариата, может быть сброшен со счетов? Разве не убедительны повсеместные организации профессиональных союзов и Советов? На вопрос о характере ноября в революцию 1905 года нам нужен ясный ответ. Это тем более важно, что за последнее время делается попытка изображения его, как периода упадка революционной волны. Например, в недавно вышедшей книге т. Рожкова «Девятьсот пятый год» автор говорит об этом довольно откровенно. Что такая точка зрения ошибочна, лучше всего видно из деятельности Советов Р. Д., возникавших преимущественно в промышленных центрах именно в ноябре месяце. Менее всего эти Советы могут быть отнесены к «упадочным» организациям.

Я не имею возможности изложить вам историю всех провинциальных Советов, это, конечно, не задача доклада. Но мы можем на выбор взять любой Совет и увидим, что момент подготовки вооруженного восстания всюду выступает довольно отчетливо. Возьмем хотя бы Ростовский Совет, где большевистское «засилье» было не очень сильно, где и меньшевики играли далеко не последнюю роль. Мы увидим, что момент подготовки вооруженного восстания и с чисто технической стороны занимает очень видное место. Еще яснее этот момент выявлен в Советах Тверском, Николаевском, Екатеринославском и многих Советах Донбасса. Наиболее любопытен Новороссийский Совет, возникший в конце октября. Ноябрь месяц для Новороссийского Совета явился периодом быстрого роста. Совет, превращаясь в широкую, подлинно пролетарскую организацию, в своих рядах об'единял весь новороссийский пролетариат. Не было ни одного предприятия, которое не имело бы своего депутата в Совете. Попутно с организационным об'единением новороссийского пролетариата, Совет также огромное внимание уделил вопросам подготовки вооруженного восстания, путем формирования боевых дружин. Впоследствии, как известно, Новороссийский Совет, располагая вооруженными отрядами, смог стать во главе «Новороссийской Республики». Я немного остановился на Новороссийском Совете не как на исклю-

чении, а как на наиболее развитом Совете, который уже в 1905 году во многом напоминает Советы 1917 года. Исключением во многом ряде Советов явились только Бакинский и Одесский Советы, где меньшевистское руководство принизило боевые революционные организации до организаций, вполне могущих получить благословение либеральной буржуазии. Но в Баку и Одессе для этого были свои причины. В Баку происходила упорная борьба между большевиками и меньшевиками. Я склонен думать, что меньшевистские настроения в Баку держались на почве национальной розни, умело использованной как самодержавием, так и либеральной буржуазией. Что же касается Одесского Совета, то его меньшевистские тенденции питались ремесленническим характером одесской промышленности и сильной политической активностью мелкобуржуазной интеллигенции. Но, по счастью, Бакинский и Одесский Советы — исключение в общем ряде всех Советов 1905 года, существовавших в ноябре повсеместно, во всех промышленных местах России. Что же касается начала декабря, то Советы Р. Д. уже широкой сетью покрывают многочисленные места России, при чем возникают как органы непосредственной борьбы с самодержавием, усиленно готовясь к вооруженному выступлению. В этом смысле многие провинциальные Советы значительно переросли Петербургский Совет, который по ряду причин не смог подготовить вооруженное выступление.

Любопытно, что система Советов, как новая форма организации революционных масс, воспринимается и другими общественными слоями. В этом сказывается определенное влияние пролетариата. Под влиянием существования Советов Рабочих Депутатов мы наблюдаем (и тоже в ноябре-декабре, что лишний раз подчеркивает не упадок революционного движения, а под'ем) появление Советов Матросских Депутатов в Севастополе, Совета Солдатских Депутатов в Москве, Совета Казачьих Депутатов в Сибири, Советов Крестьянских Депутатов в Тверской губернии и, повидимому, во многих окрестных местах Новороссийска и Ростова.

До сих пор материалов о влиянии Советов Р. Д. на крестьянское движение, а тем более о существовании Советов Крестьянских Депутатов не было. Немногочисленные материалы о первых Крестьянских Советах, тем не менее, имеют огромное значение. Они доказывают, что уже в 1905 году намечалось организационное слияние двух революционных струй — пролетариата и крестьянства. Наиболее выпукло это влияние выявилось в Тверской губернии, и, конечно, появление первых Крестьянских Советов именно в Тверской губернии носит далеко не случайный характер. Как известно, тверское крестьянство, в своей массе середняцко-бедняцкое, будучи связано с промышленностью, легче воспринимало революционную пропаганду пролетариата. Этим и об'ясняется огромное влияние социал-демократии в деревнях Тверской губернии. Во многих деревнях в 1905 году существовали социал-демократические ячейки. Это значительно облегчало задачу создания сельских Советов. «Тверской Комитет (большевиков. *П. Г.)*,— пишет один из организаторов Совета в Первитинской волости, — дал директивы во что бы то ни стало организовать крестьянские Советы. В основу организации был положен следующий порядок. Каждый деревенский организатор (парторг. *П. Г.)* должен был собирать сходы всех крестьян и предложить им из своей среды выбрать Совет. Такие Советы были созданы в Пучнике, Малькове и других деревнях нашего подрайона». С первых же дней организации Совета, несмотря на краткий срок их существования, Советы превращались в новые органы власти в деревне. Среди населения авторитет их был очень высок. За всякого рода недоразумениями обращались к Советам. Интересно отметить также отношение Советов к вооруженному восстанию. «Все оружие, — пишет т. Кондратьев, — которое находилось у нас,

было взято на учет. Мне приходилось собирать дробь, ружья. Мне передавали шашки, отбитые у офицеров, ружья и дробовики. По распоряжению Совета, каждую ночь регулярно направлялись в ночные обходы».

Первитинская волость не являлась единственной, где возникли Советы Крестьянских Депутатов. Советы Крестьянских Депутатов возникают также в Васильевской волости, где удалось даже созвать волостной с'езд Советов. «Были разосланы приказы, — пишет Тихомиров, — являться на этот с'езд по одному представителю на 10 человек. С'езд был весьма многолюден. На этом с'езде были не только представители, но и все желающие. Желающих было много, так как население этого района интересовалось политикой и вообще революционными событиями»... А вот интересное воспоминание о работах этого волостного с'езда. «Прежде всего, — пишет один из его участников, — был сделан учет волостному старшине. Переизбрали волостного старшину, выбрали деревенских от каждой деревни, был создан Совет вроде совета делегатов. Было похоже на то, что волостной с'езд выбрал чуть ли не свой исполком. Но выбор делегатов был только моментом, не получившим развития в дальнейшем». Как видим, организационные формы волостного об'единения сельских советов только выкристаллизовывались, но наступившая реакция их уничтожила.

Более удачную попытку организации волостного исполкома мы находим в Казинской волости. 27 ноября в Казинской волости состоялось первое собрание выбранных на сельских сходах делегатов. На волостном собрании присутствовали по двое депутатов от деревень: Щекотово, Глинки, Казино, Спарково; по одному от деревень: Кацино, Жилицы, Зелени, Ширяково, Городая, Дубачево, Дуброво, Городище, Михеево, Новинское. На вопрос, чем должен заниматься Совет Крестьянских Депутатов, присутствующими отмечалось, что Совет должен концентрировать в себе борьбу, раз'яснять населению смысл происходящих событий, быть новой властью. Волостной исполком обратился к населению с призывом бойкота вербовки лесных стражников, запретил порубку местных лесов до всеобщей организации сельских Советов, разбирал очередные волостные дела, рассматривая себя, как новую власть.

Интересно отметить, что Тверские Советы Крестьянских Депутатов в 1905 году в полной мере предрешали организационную структуру Советов 1917 года. Во главе волостного Совета был избран Исполнительный Комитет из трех крестьян и двух рабочих для связи.

Таковы немногочисленные материалы о *первых* Крестьянских Советах в 1905 году. Однако кой-какие выводы могут быть сделаны. Во всяком случае, сам факт появления Советов Крестьянских Депутатов в 1905 году говорит очень многое.

К сожалению, в 1905 году мы не находим более развитой советской системы в форме уездных, губернских или всероссийских об'единений. Эта задача выпала на 1917 год. Первоначально, правда, предполагался созыв Всероссийского С'езда Советов Рабочих Депутатов на 15 ноября. Однако первоначальный день созыва всероссийского с'езда был отодвинут, наступление же реакции в декабре и уничтожение многих Советов эту идею убивали окончательно. Но если в 1905 г. не удался созыв Всероссийского С'езда Советов, то, тем не менее, попытка установления тесной связи между отдельными Советами, согласования своих выступлений наблюдается во многих Советах. Например, в Екатеринославском Совете находим представителя Киевского Совета, в Московском — представителя Петербургского, в Саратовском — представителя Московского и т. д. Таким образом мы видим, что попытка всеобщего об'единения идет стихийным путем. Однако, достичь

высшей ступени об'единения, осуществить общероссийское руководство не пришлось.

Главной причиной, конечно, следует признать недостаточную зрелость Советов Р. Д., когда намечавшийся процесс об'единения был прерван выступлением реакции. Этот вопрос весьма интересный. Здесь мы рассматриваем ноябрь, как момент подготовки, мобилизации и организации революционных сил. Действительно, в ноябре Советы возникают почти во всех крупных промышленных центрах, а в начале декабря они, как грибы, растут во многочисленных местах. Но на ряду с ростом революционных сил идет усиленная подготовка реакции. Ноябрь перед революцией и реакцией ставит вопрос: «кто кого?» «Если царизм, — писал в ноябре тов. Ленин, — уже не в силах победить революцию, то революция еще не в силах победить царизм... Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, а новый свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя». А вот любопытная оценка ноябрьского положения из другого лагеря. «Мы накануне, — пишет Суворин в «Новом Времени» от 19 ноября, — может быть, огромного мятежа. Само правительство уже об'являет, что пролетариат уже имеет целую дивизию бунтарей. Если я не ошибаюсь, Петербург, а с ним вместе Россия никогда не были в большей опасности, чем в эти дни». Незачем говорить, что при таком положении близость столкновения выявляется очень отчетливо. Реакция с огромным вниманием следит за развитием революционных сил. Было бы большой ошибкой думать, что правительство не сознавало опасности. Настороженность и подготовка им контр-мер наглядно доказывают, что оно лихорадочно готовилось к контр-выступлению. Увеличение штатов полиции, создание конной стражи, снабжение черной сотни оружием, демобилизация ненадежных воинских частей — все было подчинено одной цели — подготовке контр-выступления. Работая над делами бывш. департамента полиции, чувствуешь, с какой лихорадочностью работал царский бюрократический аппарат. Буквально каждая бумажка проходила через руки Дурново, контролировалась им, давались приказания на места, и все они пропитаны одним духом—быть готовым к разгрому революции.

Разведку свою правительство начало задолго до декабрьского выступления. Первоначально решительное выступление реакции предполагалось с подавлением восстания в Кронштадте, но эта попытка была парализована ноябрьской стачкой. Новые разведки начинаются арестом 14 ноября Крестьянского Союза, затем арестом 26 ноября Хрусталева-Носаря. Арестом же Петербургского Совета 3 декабря и повсеместными приказами об арестах революционеров оно заявляло о своем решительном выступлении. Этот срок выступления реакции далеко не случайно совпал с быстрым революционизированием крестьянства, армии и флота. Правительство понимало, что каждый просроченный им день для него гибелен. Как известно, пролетариат не смог спокойно отнестись к этому выступлению, решив принять удар. Ответом на выступление реакции и явилось декабрьское вооруженное восстание. Рассмотрение декабрьского вооруженного восстания не входит в мою задачу. Этому вопросу будет посвящен специальный доклад т. Ярославского. Я отмечу только в общих чертах, какова была роль Советов в этом выступлении. Подробнее можно будет коснуться в следующем докладе. Советы Р. Д., несмотря на недостаточную подготовленность к восстанию, тем не менее, повсеместно приняли участие в декабрьских событиях, выявляя себя как организации, стремящиеся к захвату власти. Подобно Московскому Совету, стоявшему во главе декабрьских событий в Москве, провинциальные Советы также шли по этому пути. Нужно отметить, что места вооруженных выступлений совпадают с существованием Советов. Взять,

например, Донбасс, где Советы не явились еще в достаточной мере оформившимися организациями. Что мы наблюдаем? Повсеместно Советы являлись единственными организациями, руководившими восстанием. Далее. необходимо отметить, что только в результате восстаний Советы превращались в подлинные и единственные органы власти. В этом признается даже сама реакция, квалифицируя Советы в обвинительных актах, как боевые организации, возникающие для борьбы с самодержавием, как боевые штабы революции, как временные революционные правительства. Например, судебное постановление по делу о Новороссийском Совете, не стесняясь, признается, что Советы, это — новая власть. «С этого момента (т.-е. 8 декабря. *П. Г.*), — говорится в нем, — С. Р. Д. с выделенным им от себя Исполнительным Комитетом совершенно открыто захватывает в свою власть управление городом и округом и издает печатно свои предписания, распоряжения, об'явления и воззвания... Администрация, с и. д. губернатора Березниковым во главе, имея в своем распоряжении свыше пятисот человек вооруженных солдат и казаков, устранила себя от управления, как бы предоставив город и округ в распоряжение С. Р. Д.».

Чем не 1917 год? Аналогичные положения, как новые органы власти, С. Р. Д. занимали в Екатеринославе, на Красной Пресне в Москве, на Темернике в Ростове. Мы видим, что только в результате восстания они превращались в подлинные органы власти.

Говоря о руководстве Советами декабрьским вооруженным восстанием и превращении их в новые единственные, подлинно революционные органы власти, никак нельзя пройти мимо поведения меньшевиков в эти дни. Если с развитием революции меньшевики до декабря еще шли на поводу революции, то вооруженное восстание было новым этапом в жизни меньшевизма. Меньшевики скептически смотрели на вооруженное выступление и во многих местах довольно беззастенчивым образом саботировали его. Этим саботажем в значительной мере об'ясняется слабость движения в декабре в Петербурге. Начатая в первый день довольно дружно, забастовка, не имея достаточно твердого руководства (Второй Совет был чисто меньшевистским), не имея точного лозунга вооруженной борьбы и превращаясь в мирную демонстрацию, неизбежно должна была потерпеть поражение. Подобное же поведение меньшевиков более наглядно выявляется в Одесском и Бакинском Советах. О саботаже восстания меньшевиками, не стесняясь, говорится даже в официальном органе Советов «Известиях С. Р. Д.». Об измене меньшевиков говорится также в воспоминаниях о Николаевском, Ростовском, Тверском и др. Советах.

«До московского восстания, — говорит, напр., один рядовой участник в Твери, — я не думал, что меньшевики будут смертельными врагами».

Этот факт саботажа меньшевиками декабрьского восстания в поражении революции играет далеко не второстепенную роль.

Непонимание меньшевиками, что Советы — это прежде всего боевые организации пролетариата, в задачу которых входит подготовка и проведение восстания, сказалось также и в резолюциях к 4-му партийному с'езду. В противовес большевикам, рассматривающим Советы Р. Д., как органы подготовки вооруженного восстания и захвата власти, меньшевики проявили полное непонимание задач этих мощных организаций. Их проект резолюции о Советах, лепечущий о Советах, как неоформленных, широких, массовых организациях, нигде не говорит, что это — прежде всего боевые организации. Зато в проекте много уделено внимания нейтральности Советов от партии, их независимости от партийного руководства. В этом сказывается их буржуазная сущность, благодаря которой меньшевики не могли понять ни роли

Советов в революции, ни разрешить вопрос о правильных взаимоотношениях Советов и партии.

Впоследствии это непонимание подлинной роли Советов в революции сказалось и в меньшевистских работах, посвященных разбору деятельности первых Советов. Кроме того, эти работы не могут удовлетворить нас даже со стороны фактического материала. Первая попытка дать историю Советов — «История СПБ Совета», изд. под ред. т. Троцкого, захватывает только Петербургский Совет. Кроме мемуарного характера материалов, книжка эта ни в коем случае не может претендовать на историю Советов уже по одному тому, что ограничивается одним Петербургским Советом. Сейчас, изучая Советы, нужно брать Советы Р. Д. 1905 г. в целом, иначе верного анализа мы не получим. Увлечение Петербургским Советом, который, как мы видели, в своем развитии остался далеко позади ряда многих других Советов, сказывается также и в работах других историков, занимавшихся этим вопросом. Это им не давало возможности выявить удельный вес Советов в первой революции. Нужно определенно сказать, что до сих пор истории Советов Р. Д. 1905 года, этого краеугольного вопроса революции, еще нет. Есть один скелет, данный Лениным. Но нужно иметь что-нибудь и кроме скелета. С этой целью мы и поставили доклад: «Чем были Советы Р. Д. в 1905 г.?». Этот вопрос к двадцатилетию первой революции должен быть разрешен. Разрешение его, нужно признаться, довольно трудно. Кроме скудости материалов. положение осложняется тем, что Советы в 1905 г. не развились до своего логического конца. Например, о деятельности ряда Советов, благодаря их кратковременному существованию, даже не найдете никаких документов. Один из председателей Советов в 1905 г. даже шутил, что он-то был председателем Совета, да не знает, был ли Совет. Действительно, многочисленные Советы, возникавшие в декабре, зачастую арестовывались на первых же организационных заседаниях. Вот почему, изучая Советы, нередко приходится строить всевозможные предположения, и при этом, конечно, неизбежны ошибки. Я в своем докладе постарался коснуться только наиболее основных вопросов Советов, имеющих, по-моему, громадное значение для всякого приступающего к изучению этого вопроса. Надеюсь, что т.т., слушавшие мой доклад, среди которых присутствует много участников и организаторов первых Советов Р. Д., внесут свои ценные замечания и помогут ответить на вопрос: «Чем же были Советы Р. Д. в 1905 г.?». Вопрос этот имеет не только академический характер. Условия появления Советов безусловно будут изучены нашими заграничными товарищами, и мы им должны помочь нашим опытом революции 1905 года.

Прения по докладу

Т. т: Скабыш, Сверчков, Богданов, Васильев-Южин, Рогов, Рожков, Смирнов, Егоров.

Тов. **Скабыш.** Должен сказать, что будучи участником С. Р. Д. Петербурга в 1905 г. и членом его Исполнительного Комитета, я несколько не согласен с той оценкой, какую давал т. Горин Петербургскому Совету вообще, и в частности тому настроению, какое наблюдалось при его организации. Я должен сказать, что деятельность Советов Рабочих Депутатов в Петербурге может быть выяснена только в связи с тремя моментами. Первый момент, это — открытие обществ Гапоном, второй момент — 9 января, третий—организация С. Р. Д. Если мы свяжем эти три момента, то получим

одно звено революции. Вот почему, касаясь С. Р. Д., его деятельности, нельзя не коснуться деятельности подготовительного периода, поведшего к образованию С. Р. Д. Для истории чрезвычайно важно иметь в виду, что организация С. Р. Д. совершенно не была известна нам, непосредственным участникам, а я работал красильщиком на одной из фабрик. Революционная роль будущих Советов не рисовалась четко, мы не знали, нужно ли выйти и призвать пролетариат к их организации. Если бы мне поставили вопрос, сознавал ли я тогда ясно, кто я — меньшевик, большевик или с.-р., я бы категорически сказал: ни то, ни другое, ни третье, ни пятое. Я не знал, что я есть и чем я буду впоследствии. Тогда передо мною стоял другой вопрос. Веками укоренившееся и управляющее нагайкой самодержавие настолько опротивело, что думалось только о том, как бы во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями свергнуть его. Эта задача играла доминирующую роль, и когда я впервые попал в Совет, я не ставил даже вопроса, кто я такой персонально и каковы мои политические убеждения; они выявились впоследствии. Я ставил себе задачу революционера и думаю, что каждый сознательный рабочий (а мне было тогда 22 года), каждый сознательный рабочий в Петербурге ставил вопрос именно так. Прежде всего мы были революционерами, без партийных группировок. Я это подчеркиваю потому, что ни меньшевики, ни большевики в тот момент, в подготовительный период, не считали нужным поднимать фракционной дискуссии среди широких масс пролетариата, чтобы не толкнуть пролетариат на всевозможные разногласия и не оттолкнуть от прямых целей, от борьбы с самодержавием. Вот почему, если Гапон, как впоследствии выяснилось, будучи охранником, сознательно хотел затушевать движение в Петербурге, то стихийно оно вылилось в 9 января. В день 9 января мы группой зашли еще к одному рабочему, считавшему себя революционером, кажется, даже с.-р. (20 лет—большой срок, чтобы запомнить). Его жена пекла блины и сказала нам: «Сначала поешьте блинов, а потом идите смотреть царя». И мы, покушавши блинов, пошли царя смотреть. Но и после 9 января, когда мы не думали о блинах, ясного представления, что делать, у нас не было. Было революционное настроение, но если поставить вопрос, были ли мы готовы к вооруженному восстанию, я категорически заявляю, ничего подобного. На вооруженное восстание смотрели, как на единственную надежду добиться победы, но не полагались на силы одного пролетариата. Была единственная надежда на брожение внутри армии. Эта надежда плотно и крепко вкоренилась в сознание рабочих. Она подкрепляла их выход на улицу. Однако эта надежда осуществлялась чрезвычайно медленно, настолько медленно, что приходилось употреблять очень большие усилия, чтобы связаться с армией. С армией связь была незначительная и в момент деятельности Совета. Я помню тот момент, когда в разгаре деятельности Совета, после появления октябрьского манифеста, вышли на улицу с требованием амнистии. Шли Хрусталев-Носарь, Троцкий и ряд участников, здесь присутствующих, но вместо того, чтобы итти к тюрьме на Выборгскую сторону, мы повернули к единственно революционному фронту — к матросам, которые сидели в казармах. Чем это вызывалось?—Надеждой, что матросы возьмут оружие и присоединятся к нам. Но матросы не вышли. Тут ходили две версии: одна,—что матросов заперли в казармах и разоружили, и другая, — что они сами не пошли. В первую я не верю. Правда, с нами были некоторые солдаты и даже офицеры, но, идя к тюрьме, они вывернули погоны. Они боялись показать, какого они полка. Естественно, что при таком положении вещей говорить серьезно о вооруженном восстании не приходилось. Однако было ли революционное настроение? Разумеется, было, но такого, какое рисуется докладчиком Гориным, не было, и вот почему. Я боюсь впасть в ошибку,

боюсь оскорбить петербургский пролетариат и С. Р. Д., но должен констатировать. что в первые дни вышли на улицу все, не считаясь с тем, заплатят ли им, или нет. Но уже спустя 3—4 дня на фабриках и заводах стал вопрос: будут ли платить за это время. От того, заплатят ли рабочим на фабриках и заводах, — как это ни печально, но это так, — зависело, будет ли продолжаться наша стачка. И фабриканты, в том числе и нашей фабрики на Петербургской стороне, постановили платить за дни стачки. Теперь скажите, пожалуйста, было ли это настоящее революционное движение? Укажу еще на несколько характерных моментов. Чрезвычайно трудно было работать на 2 фронта. Было чрезвычайно тяжело пугать правительство революцией, с одной стороны, а с другой — уговаривать рабочих, чтобы они еще несколько дней продержались. Эта двойная роль припоминается мне, спустя 20 лет, точно это было 20 дней тому назад: «Товарищи, побастуйте. потом мы добьемся». Какие задачи стояли перед Советом? Конечно, никто из Совета не думал о захвате власти. Были самые настоящие старые, буржуазные лозунги: учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования. Вот какие лозунги Совет выставлял для того, чтобы расчистить почву для будущей революции. Я, товарищи, это говорю не потому, что полагаю, будто лозунги эти должны были осуществиться, но т. Троцкий тогда на обороте телеграммы Витте написал и заявил следующее: «Мы не нуждаемся в расположении царских временщиков, а требуем всеобщего...» и т. д., словом, требовал учредительного собрания. Таким образом, мы видим, что вопрос о захвате власти в Петербургском Совете не стоял. Теперь укажу еще на один момент, свидетельствующий о нереволюционности Совета и петербургского пролетариата в массе. Уже Хрусталев-Носарь был арестован, насколько помню, и Троцкий тоже. Мы собрались под председательством Парвуса. В Москве уже началось восстание, и встал вопрос о том, чтобы поддержать во что бы то ни стало московское вооруженное восстание. Парвус тогда предложил выйти на проспект. Представьте себе человека со львиной головой, с выпуклыми глазами, революционера по всем правилам искусства (смех). Он заявил: выйдем на Невский проспект, чтобы или умереть, или победить. И вот в этот момент кто-то, провокатор или другой, крикнул: «полиция!...» вы не можете представить, какая произошла паника в самом Совете. (С места: «это был второй совет?»). Это почти что третий. Все они связаны между собой, мы не можем подразделять их. В конечном итоге мы московское восстание не поддержали. С этой стороны в революционности пролетариата Петербурга, как такового, я чрезвычайно сомневаюсь. За исключением, конечно, энергичного молодняка он не выступил бы на сцену с оружием. Важно было захватить солдат, матросов, и этим расчистить почву для того, чтобы свергнуть укоренившуюся веками монархию. В виду краткости времени, я на этом кончаю.

Тов. **Сверчков**. Товарищи, вопрос об изучении Советов 1905 г. чрезвычайно своевременен, и правильно сказал т. Горин, что вся трудность изучения заключается в том, что у нас осталось слишком мало документов, а изучать Советы по воспоминаниям, особенно по воспоминаниям, которые похожи на речь предыдущего товарища, я бы не рекомендовал. Во-первых, в двух словах скажу: предыдущий товарищ перепутал первый и второй петербургские Советы, которые не имели почти ничего общего в своей деятельности. Первый работал открыто, второй в подполье и т. д. Затем тов. говорил, что бастовали в то время, когда платили. Это неправда. Когда началась октябрьская забастовка, никто не спрашивал, заплатят ли за нее. Что же касается утверждения, что петербургские рабочие не бастовали бы, если бы им фабриканты не заплатили за октябрьскую забастовку, то, очевидно, это относится к красильной фабрике, на которой работал товарищ и где не бы-

ло сознательных рабочих и партийной организации. К сожалению, у нас такие фабрики были.

Перехожу к докладу т. Горина. Когда говоришь о Советах, очень трудно отказаться от своего рода патриотизма. Конечно, каждому кажется, что тот Совет, в котором работал он сам, был самым лучшим. Бурная эпоха 1905 г. для каждого из участников определила собой некоторое количество лучших дней, прожитых в жизни. Говоря об этих днях, вкладываешь в них не то содержание, которого они об'ективно заслуживают. Я, товарищи, постараюсь отрешиться от этого, потому что историку нужно быть об'ективным.

Как возник Петербургский Совет? Т. Горин указал на то, что меньшевики приписывают себе заслугу организации совета, и сказал правильно, что это не так. Весь вопрос в том, к чему призывали меньшевики. Если вы возьмете документы, прокламации, которые выпустила меньшевистская группа Петербурга, вы увидите, что она предполагала создать Совет для того, чтобы он являлся «представителем нужд рабочих перед остальным обществом». Есть ли в этой формулировке элемент борьбы, есть ли тут элемент революционности, есть ли тут элемент классового сознания? Абсолютно нет. Что она значит? Мы можем истолковывать ее только так: рабочие должны выбрать своих представителей, которые должны предстать перед остальным обществом и представлять ему нужды рабочих. Другой формулировки не подберешь. А Совет, создавшийся в октябре, ничуть не отвечал этой задаче. Совет создался стихийно, и на втором же собрании (первое было только организационным) он принял формулировку, определяющую его цели. Соответствовала ли эта формулировка тем лозунгам, которые выдвигали меньшевики? Она была с ними в абсолютном противоречии. На втором собрании Совета, 14 октября, Совет постановил обратиться в городскую думу с целым рядом требований не потому, чтобы мы ждали их удовлетворения, а для того, чтобы декларировать свое возникновение, чтобы довести о том, что Совет существует, до сведения единственного существовавшего тогда представительного учреждения. Из пунктов, которые были пред'явлены городской думе, самым интересным пунктом является требование, пред'явленное к городской думе, отпустить из имеющихся в ее распоряжении средств деньги для вооружения борющегося пролетариата, при чем управление народной армией будет целиком находиться в руках Совета. И это одно из тех буржуазных требований, о которых говорил предшествующий товарищ? Я думаю, на буржуазное требование оно не похоже. Таким образом Совет с первого заседания своего поставил в порядок дня вопрос о вооруженном восстании. Требование это было внесено тов. Кнуньянцем, представителем Петербургского комитета большевиков. Оно не встретило возражений, а—наоборот—овации, которых никогда не забудут те, кто были их свидетелями. Таким образом с первого момента возникновения Совет поставил в порядок дня вопрос о создании вооруженной армии для вооруженной борьбы. Эта мысль, эта цель проходят сквозь все резолюции Совета, принимавшиеся по какому бы то ни было поводу. Отклонюсь немного: я очень рад, что тов. Горин в согласии со мной ведет происхождение Советов от октябрьской забастовки и не поддерживает утверждение некоторых товарищей о том, что первым Советом был не Петербургский, а Иваново-Вознесенский. Иваново-Вознесенский Совет, который возник в мае 1905 г., вел стачечную борьбу, он назывался Сов. Раб. Деп., но ничего общего с Советами, как мы их понимаем, не имел уже по одному тому, что он был выбран для переговоров с предпринимателями по поводу забастовки, и уже по одному тому, что участники его говорят, что Совет этот говорил исключительно о материальных нуждах рабочих и возглас одного из ораторов на собрании Совета, «Долой самодержавие!» настолько взволновал Совет, что его

пришлось долго успокаивать (с места: «Это произнес т. Бабакин»). Из этого видно, что Иваново-Вознесенский Совет не является органом революционной классовой борьбы пролетариата.

Тов. Горин написал про Советы 1905 г. хорошую книжку, но сделал там ошибку, которую повторил и здесь. Я на ней и остановлюсь. Тов. Горин говорит, что существовали три точки зрения: большевистская, меньшевистская и Троцкого. Это не совсем правильно. Почему тов. Горин не говорит о специфической точке зрения петербургских большевиков, которые тогда исповедовали не точку зрения Ленина, а исповедовали Богдановскую отзовистскую точку зрения, которая внесла немало борьбы в нашу среду, в частности, та точка зрения, из-за которой мне лично в 1905 г. пришлось разругаться с большевиками и уйти из большевистской организации потому, что этой точки зрения я не мог переварить. В чем она выражалась? Она выражалась в том, что петербургский комитет большевиков был против создания профсоюзов в Петербурге и против организации Советов Раб. Деп., которые они трактовали, как организации, принижающие размах революционного движения и отвлекающие пролетариат из-под влияния партии, вредящие интересам революционного движения. Исходя из этой точки зрения. представители петербургских большевиков требовали, чтобы Совет принял партийную программу и сделался органом партии. Эту точку зрения, которую внутри Совета представляли большевики, мы не хотели принять, потому что тогда Совет потерял бы самый смысл своего существования, как классовая организация. Из-за нее шла борьба до тех пор, пока в Петербург в ноябре не приехал Владимир Ильич Ленин и не раз'яснил питерскому комитету неправильность его тактики.

Это была четвертая точка зрения, про которую ничего не упомянул т. Горин. Кроме того, откуда вы взяли, т. Горин, что внутри Совета происходила ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками? Я позволю себе сказать и подкрепить кое-какими фактами, что такой борьбы не было. Если бы тов. Горин сказал, что была борьба между теми, кто входил в Совет, и Мартовым, Даном и К°, он был бы вполне прав.

Тов. Кнуньянц, один из немногих ленинцев, который был в Петербурге, принимал самое активное участие в Совете и выпустил книжку, которая была им написана в тюрьме в 1906 г. Он в этой книжке говорит, что внутри Совета никаких трений и разногласий между большевиками и меньшевиками не было. Почему? Потому, что внутри Совета не было тех лидеров меньшевизма, которые хотели вести рабочий класс по линии соглашательства с буржуазией, потому, что ни Мартов, ни Дан, ни Аксельрод в Совете не были, а был ряд членов партии, на которых политика меньшевистского центра влияния не имела. Этой меньшевистской линии поведения не подчинялся никто. Поэтому у нас оставалась спайка с теми же самыми большевиками, и поэтому идея вооруженного восстания проводилась нами целиком совместно. Лично я не могу вам сказать, кем я был в то время, меньшевиком или большевиком, но был за бойкот Булыгинской думы, за вооруженное восстание, против соглашательства с буржуазией и пр.

Я приведу вам пример. Возьмите резолюции С. Р. Д. Они написаны почти все одним человеком, т. Троцким, который тогда причислял себя к меньшевикам постольку, поскольку был одним из главных участников газеты «Начало», и статьи которого цитировал т. Горин. Но т. Троцкий не был согласен с отрицанием вооруженного восстания. Таким образом борьбы по вопросу о вооруженном восстании между большевиками и меньшевиками в самом Совете не было. Если эта борьба была между центральным комитетом, который был, кажется, меньшевистским, и между представителями большевистского течения, то она была на страницах «Новой Жизни» и на страни-

цах «Начала», но только не в Совете, который, как таковой, инстинктивно взял ленинскую точку зрения, шел по ленинскому пути и проводил это во всех своих резолюциях и выступлениях, и я не знаю, откуда т. Горин заключил противоположное. Спросите т. Немцова, старого большевика, б. представителя металлического завода Выборгской стороны, члена Исполнительного Комитета, в настоящее время члена Верховного Суда, и т. Красикова, б. члена петерб. комитета большевиков, работающего в Москве, я не думаю, чтобы кто-нибудь из них сказал, что у нас были какие-нибудь разногласия по вопросу о вооруженном восстании. Т. Немцов получил выговор от петербургского комитета большевиков за то, что недостаточно энергично проводил линию, враждебную Совету. Т. Немцов написал теперь статью в сборнике воспоминаний, и он в этой статье говорит, что получил выговор, а приехал Владимир Ильич и приказал выговор снять, «потому что он нашел, что я стоял на правильном пути». Т. Горин говорит следующее: «ноябрь, напр., нужно учесть выше, чем октябрь по размаху движения. Для того, чтобы так сказать, та мотивировка, с которой подошел т. Горин, недостаточна. Он отметил рост профсоюзов и рост Советов, но, не имея в виду манифест 17-го октября, нельзя этому придавать первенствующего значения, потому что манифест 17-го октября все же открыл двери для организации Советов и рабочих организаций. После манифеста 17-го октября во всех губерниях началась драка из-за свободы собраний и союзов и повсюду эти свободные союзы начали расти, как грибы. Это факт. И результатом паники правительства, приведшей к манифесту 17-го октября, явилось открытие дверей для широкого профессионального движения. Поэтому я считаю, что рост профсоюзов об'ясняется октябрьской стачкой и некоторой победой этой октябрьской стачки. Нельзя не признать, что манифест 17-го октября внес на местах смущение в умы правительственной власти и помог рабочим распахнуть двери для профессионального движения. Петербургский Совет с самого начала своего возникновения посылал агентов для создания Советов в других городах России. Т. Горин об'ясняет, что это стремление к об'единению шло стихийно, снизу. Чем же мотивировать, что в Одессе оказались представители Петербургского Совета, а одесские представители в Петербургском Совете? Тем, что мы посылали представителей по маршруту: Москва, Киев, Харьков, Екатеринослав и т. д. Мы послали только двух делегатов и каждому из них сказали, что Советы должны тесно связаться друг с другом, должны установить взаимное представительство друг в друге, поддерживать связь потому, что Советы борются за одно и то же дело. Вот, товарищи, чем об'ясняются эти два взаимных представительства и тот факт, что в Одессе оказался представитель Питерского Совета, в Питере одесский.

Поскольку пролетариат был готов к вооруженному восстанию? Я считаю, что психологически идейно пролетариат Питера был готов к вооруженному восстанию после 9 января. 9 января показало единственный исход — в вооруженной борьбе. Эта идея зрела в рабочем классе, и я считаю, что в декабре идейно пролетариат был готов к вооруженному восстанию. Он не был готов организационно, но стремился к этому, завязывая связи с войсками, добывая оружие, подготовляя все, чтобы восстание оказалось победоносным. Но странно было бы ссылаться на готовность пролетариата и вообще России к вооруженному восстанию на основании статьи Суворина, которая написана 19 ноября. К этой статье, как и вообще к таким документам, нужно подходить с большой осторожностью. Я расскажу свои соображения об этой статье. «Новое Время» была черносотенная, реакционная газета, которая толкала отдельных министров и представителей власти, которые казались «Новому Времени» либеральничающими, на крайние правые позиции. И вот 19 ноября

Суворин помещает статью о том, что в России возможен захват власти революционерами. Для чего это было сделано? Некоторое сопоставление фактов приводит к мысли, что это было сделано вот по каким причинам. 19 ноября в Совете министров вновь обсуждался вопрос о ликвидации Совета в Петербурге, и 19 ноября вечером было решено арестовать пока одного председателя Совета. Ясно, что суворинская статья, которая вышла 19 ноября утром, стремилась запугать власть, правительство, чтобы оно как можно скорее разделалось с Советом. Вот какое об'яснение можно дать этой статье, хотя я не буду ручаться, что мое об'яснение есть единственно правильное, но оно имеет не меньше оснований, чем то об'яснение, которое дал т. Горин. Затем мне хотелось бы указать т. Горину на очень интересный тип Советов 1905 г., который он не отметил. Это создавшийся в 1905 г. Совет солдатских и казачьих депутатов Р. С.-Д. Р. П. в Чите. Чрезвычайно интересно само название, которое мне попалось в документе. Я ничего про этот Совет не знаю, но само название заставляет отметить и изучить его, как новую, особую форму организации. Теперь, товарищи, в заключение я должен сказать: ставил ли С. Р. Д. перед собой вопрос о захвате власти? В самый первый момент не ставил. Я бы даже не сказал, когда именно идея захвата власти появилась у руководителей Совета. Просто-на-просто, в период борьбы мы начали замечать, что наши распоряжения исполняются не только избиравшими нас рабочими, но и органами правительственной власти. Стоило нам обратиться с приказом, как этот приказ немедленно исполняется. Таким образом, правительственная власть начала исполнять наши приказы раньше, чем у нас появилась идея о захвате власти. Нас толкнули на эту идею сами правительственные органы, которые заставили нас почувствовать, что мы являемся не маленькой силой. Дальше, причины неудачи 1905 г., причины, почему не могло развиться движение. Об этом есть много исчерпывающего материала. В частности есть статьи т. Ленина, написанные в 1906—07 г.г. Я на них останавливаться не буду. Хотелось бы остановиться еще только на вопросе о вооруженном восстании и сказать следующее: Покровский помнит ту жесточайшую полемику, которая шла по вопросу о вооруженном восстании между «Искрой», «Вперед» и «Пролетарием» в течение лета 1905 г. Дело доходило до того, что, отмечая одну из статей В. И. Ленина, где он говорил о необходимости технической подготовки восстания, разрабатывал условия уличного боя, рекомендовал перетягивать на свою сторону войска, рекомендовал даже революционерам переодеваться в солдатские шинели для того, чтобы войска подумали, что часть их уже перешла и этим был облегчен переход остальных, Мартов писал, что Ленин, конечно, желает всех засадить, вместо революционных комитетов в какие-то швальни, где шьют -- солдатские шинели. К этому отнеслись с насмешкой, но эта насмешка очень плохо рекомендовала тех, кто ее писал. Конечно, прав был Владимир Ильич, и прав он был в том смысле, что если бы вопросы вооруженного восстания были разработаны в течение 1905 г. в той широте, в какой он рекомендовал, для того, чтобы в сознание наших работников на местах вошла необходимость технической подготовки к вооруженному восстанию, и, если бы после 9 января мы более энергично начали завязывать связи с войсками, поражение революции, если оно складывалось под влиянием общественных условий тогдашней жизни, не было бы таким жестоким, каким оно было в 1906 г. и последующих годах. Я выступал здесь на несколько минут для того, чтобы осветит ту поправку, которую мне хотелось сделать к речи т. Горина. Очень буду рад, если дискуссия в литературе о Советах на эту, очень важную тему, которая поставлена перед настоящим собранием, разовьется во всей широте и ответит об'ективно на вопрос: «Чем же были С. Р. Д. в 1905 г.?».

Тов. **Богданов.** Тов. Сверчков, активный участник С. Р. Д., конечно, прекрасно знает внутреннюю жизнь и работу этого Совета. Но он, я бы сказал, недостаточно осведомлен о партийной жизни. Он заметил, что, кажется, большинство Ц. К. было меньшевистским. Дело было совсем не так. Тогда не было единого Ц. К., а существовал большевистский Центральный Комитет, который весь принимал точку зрения, называемую тов. Сверчковым Богдановской, отзовистской; а меньшевики имели свой высший орган, Организационную Комиссию. Дело же в Петербурге, благодаря необходимости общего органа партии, благодаря давлению низов, потребовавших реального об'единения, дело в Петербурге велось федеративным центром. Этот федеративный центр включал в себя по 2 представителя: от Ц. К. большевиков 2, от Организационной Комиссии меньшевиков 2; также и от Петербургского комитета 2 и от Петербургско-меньшевистской группы 2. Я это указываю просто для того, чтобы об'яснить некоторые другие неточности т. Сверчкова в изложении истории этого дела. Он говорил о четырех точках зрения, противопоставляя Богдановскую, отзовистскую точку зрения, Ленинской. Эти две точки зрения никогда вместе не существовали.

Начнем с общего вопроса. Что такое С. Р. Д.? Это орган революционной борьбы. Как? Почему именно так? Это единственно возможная форма организации массы неорганизованной и разнородной, никакой другой формы не было, и не найдете. Предположим, наступает революционная обстановка. Предположим, что условия требуют революционного действия. Так это было. Мы имели петербургский пролетариат, не только малосознательный,—только что ходили к царю,—но и совершенно разрозненный. Какая же могла создаться тогда организация? Конечно такая, которая об'единяла бы чрезвычайно разношерстные элементы: сопоставьте хотя бы текстильщиков с металлистами и с печатниками—в те времена это было огромное различие, даже в психологии, и, конечно, реальной связи тут не было. Над всей этой массой проносится дух революции. Действовать необходимо. Как действовать? Организоваться. Чувство организации даже не у пролетариата растет в этих случаях, тем более у пролетариата. Как можно организоваться? Единственно возможный путь таков: «Выберем депутатов, самых активных, пошлем их, пусть они столкуются». Эта форма организации необходимая, никак иначе невозможно спаять элементы массы неорганизованной и разнородной, никакая другая, кроме этой характерной формы «Советов» не могла создаться. Первая задача столковаться. Масса чувствует, что не может во всей своей многочисленности столковаться. Значит ясно: пошлем депутатов. Более или менее случайным образом проводятся выборы, где можно столковаться,—и столковываются. Вот чем по существу являются С. Р. Д. Но, конечно, это органы революционного действия, и только при тех условиях они смогут создаваться, когда неорганизованная масса вынуждается к организации, непосредственно, немедленно.

Сейчас мы можем сказать: вот чем это было; и мы могли бы уже это сказать к концу существования Петербургского Совета, но не так это было с самого начала. Вот позиция петербургских большевиков. Положение было таково: меньшевики истолковывали Совет то как стачечный комитет, то как «орган революционного самоуправления». Деятельность большевиков определялась резолюцией III с'езда, которая формулировала задачи вооруженного восстания, рабоче-крестьянского блока, временного правительства,—вот какие задачи были там формулированы. И вот возникает орган неопределенный, стихийно-массовый. Во главе его становится явно для всех сомнительная личность—Хрусталев-Носарь. Он был сомнительным. не только потому, что его партийная физиономия не была ясна,—меньшевиком он об'явил себя позже,—но мы считали его типом вроде Гапона; в сущности так и было: он

был отражением стихийного настроения, не более того,—существо ничтожное само по себе, но прекрасный резонатор массового настроения, прекрасный рупор для него же; и притом превосходный оратор, странным образом оратор делового стиля, несмотря на эту пустоту его собственного жизненного содержания. Нашей петербургской организации надо было установить свои отношения к новой организации низов. Между тем у нас самих в верхах был немалый отрыв от масс, по той причине, по какой при подпольных условиях центр обычно отрывался от масс. Тогда мы решили, что перед нами массовая организация, организация, следовательно, такая, которая для нас имеет ценность; но если она будет об'единять беспартийных и с.-р., под руководством беспартийного или меньшевика, то в ней толку будет мало. Мы решили так: «надо добиться, чтобы эта организация стояла на с.-д. позиции». Мы в это время не только всячески смягчали перед низами факт раскола с меньшевиками, но активно стремились к об'единению, потому что наши низы не хотели признавать этого раскола. Мы говорили: надо и следует добиться того, чтобы Совет стал вообще с.-д.-ким. В федеративном центре обсуждался вопрос, как этого добиться. Была предложена такая схема: предложить Совету, где, повидимому, большинство за большевиков и меньшевиков найдется,—мы предполагали, что и многие беспартийные рабочие поддержат,—принять определенную с.-д. программу.

Какую позицию занимали по этому вопросу большевики и меньшевики? Большевики все были на этой позиции. Тов. Сверчков говорит о т. Кнуньянце, как об истинном ленинце; но и Богдан Кнуньянц стоял на такой же позиции, ему тоже казалось целесообразнее, чтобы Совет принял с.-д. программу.

Я не знаю, где и когда принимались резолюция или решение против профсоюзов, о которых говорит т. Сверчков. Может быть в Петербургском комитете,—я там не был; но мы, Центральный Комитет, в то время противниками профсоюзных организаций не были, и таких резолюций не принимали. А вопрос об отношении к Совету никогда не ставился отзовистски, но был в известный момент на границе «ультиматизма»,—так выразился Троцкий в предисловии к книге тов. Сверчкова: Богданов, по его словам, уже тогда проявлял ультиматистские тенденции. По правде сказать, я удивляюсь, как такой тонкий мыслитель, как Троцкий, мог сопоставлять нашу позицию в этом случае с ультиматизмом по отношению к 3-й думе. Ведь в чем состоял ультиматизм по отношению к 3-й думе? Тогдашняя думская фракция, почти вся меньшевистская, жестоко позорила партию своими выступлениями. Мы и считали необходимым прекратить это,—меньшевистской фракции поставить ультиматум: или вы подчиняетесь партийному центру, или центр перестанет вас поддерживать. В конце концов, эта точка зрения и была принята на январской партийной конференции 1910 года. Здесь Троцкий, говоря об ультиматизме, сопоставил Советы с 3-й думой, самым отвратительным парламентом, а тов. Сверчков называет нашу позицию прямо отзовизмом. Он говорил, что одни большевики стояли на этой точке зрения. Неверно, тов. Сверчков, и ваши меньшевики частью стояли на этой точке зрения. На нашей стороне были, кроме всех большевиков, которые держались дружно, меньшевики: нас поддерживали тов. Александр, член меньшевистской организационной комиссии, и тов. Александр Иванович, представитель меньшевистской группы. Но хотя большинство и было, ультиматум поставлен не был, ультимативное требование не было внесено. И вот почему: мы колебались и обсуждали—все-таки как будем действовать в том случае, если требование отклонят или просто не согласятся поставить в порядок дня вопрос о программе. В это время получилось известие, что в Россию едет Ленин. Мы решили «подождем, пока приедет Ленин». Он приехал, разобрался в положе-

нии быстро и сказал: «это вовсе не то, что вы думаете, это органы революционной борьбы, их надо завоевывать, а не надо требовать сейчас непосредственно, чтобы они принимали или не принимали нашу программу; это—путь создания обще-классовой революционной организации». Позиция Ленина не встретила возражений. Колебаний у нас уже не было. Ультиматум не был поставлен, отозвания никакого не было; а сделать это до приезда Ленина было бы возможно, тем более, что на нашей стороне была часть меньшевиков. Таким образом представление о четвертой точке зрения неправильно. Это было просто непонимание того сложного и нового, что только что зародилось. Не так-то легко понять новое явление, явление грандиозное, сложное, в его зародышевой форме, ведь даже и хорошему биологу не узнать человека в эмбриональной клетке. Если бы Ленин присутствовал при самом зарождении Советов, и он, может быть, не сразу понял бы, что это такое. Но он приехал в Петербург, когда Совет уже известным образом себя проявил, и было легче правильно истолковать дело. А когда Ленин истолковал его, формулировал верную точку зрения полемики и разногласий, разногласий с ним не было. Это все, конечно, относительно маловажно; но я хочу ваше внимание обратить на то, как пишут историю: сначала «ультиматизм», потом уже и «отзовизм», а речь шла на самом деле о том, как нам действовать, если удастся или не удастся провести партийную программу в Совете. И так как этот вопрос определенно решить не могли, то ждали решения наиболее компетентного в нашей среде. Отмечу еще ошибку тов. Сверчкова. Он рассказывал о выговоре, который сделал Петербургский Комитет тов. Немцову, и говорил, что приехал Ленин и этот выговор т. Немцову отменил. По тогдашним условиям организации это было невозможно. Ленин мог, конечно, сказать. т. Немцову, что он был прав, но отменить выговор Комитета формально один Ленин не мог: что принадлежало к компетенции Комитета, то и было делом Комитета.

Но все это не так важно. Существенно вот что. С самого начала действительно С. Р. Д. был не чем иным, чем оказался в дальнейшем своем развитии: он был органом стихийно возникающей массовой организации. И вы знаете, что и другие группы принуждены так же действовать, когда приходится спешно организоваться к революционному действию,— это показал 1917 г., когда и солдаты, и крестьяне организовались по такому же способу. Это неизбежно в революции, которая разражается там, где массы не имеют широкой организации, которая могла бы прямо и определенно руководить ими. Если бы, напр., в революцию 1917 г. существовала уже организация такого масштаба, как теперешняя Коммунистическая партия, то, возможно, Советов, как таковых, не понадобилось бы тогда. Во всяком случае нельзя ручаться, что они развились бы,—не было бы основного стимула для самого возникновения таких организаций. Они возникли просто из стихийно-массового революционного настроения. Нужно было революционное действие, надо было столковаться. Вот каким образом создавались эти организации. Таков и должен быть основной ответ на вопрос: «Чем же были Советы Рабочих Депутатов?».

Тов. **Васильев-Южин.** Сверчков не преминул и здесь упомянуть о старинном споре между иваново-вознесенскими и питерскими рабочими о первенстве создания Совета Рабочих Депутатов. Я думаю, что Сов. Раб. Деп. возникли прежде всего, как стачечные органы, и с этой точки зрения, несомненно, первым является Иваново-Вознесенский Совет, потому что первая крупная забастовка после январских событий имела место в Иваново-Вознесенске. Я не иваново-вознесенец, товарищи, я—москвич, но я думаю, что это так. Когда возникала крупная забастовка, естественно, возникал вопрос о создании такого органа, который охватил бы всю массу пролетариата всех

бастующих в данном месте. В Москве в октябрьские дни с этой целью организовался Стачечный комитет, с которым нам пришлось затем вести борьбу как с явно мелкобуржуазным органом. В Петербурге образовался для достижения той же цели Совет Раб. Деп. Впрочем, и в Москве вопрос об организации Сов. Раб. Деп. возник еще в сентябре месяце, когда только началась в Москве забастовка, которая приняла затем всероссийский масштаб. Этим я не хочу отнюдь оспаривать приоритет у Петербурга, но идея Советов висела так сказать в воздухе, напрашивалась сама. Я привожу в своей книжке целиком воззвание, которое было выпущено московской организацией в сентябре 1905 г.; в нем говорилось: «выбирайте депутатов для руководства стачкой. Пусть депутаты всех фабрик и заводов об'единятся в общий Совет Депутатов всей Москвы. Такой общий Совет Депутатов об'единит весь московский пролетариат». Вы видите, как естественно возникала тогда идея организации Советов. Совет Раб. Деп. организовался в Москве с некоторым запозданием. Я должен сказать, что хотя т. Богданов уверял, что их отзовистская точка зрения не имела никаких последствий, хотя он протестует даже против отзовистской точки зрения, но в известном отзовизме, действительно, повинна наша петербургская организация. В Петербурге не было пред'явлено требования, чтобы Сов. Раб. Деп. об'явил себя с.-д-ой организацией, но нам-то вы рекомендовали сделать это. Мы получили 25 сентября от Ц. К. «Письмо ко всем партийным работникам», в котором рекомендовалось проводить в отношении таких организаций, как Советы Депутатов, постановление петроградского Федеративного Совета явно отзовистского характера. Совершенно правильно т. Богданов говорит, что и меньшевики, входившие в состав Федеративного Совета, относились отрицательно к Совету Рабочих Депутатов. Вместе с ними вы рекомендовали нам, в случае отказа Советов Рабочих Депутатов принять нашу партийную программу, начать борьбу с ними и отзывать своих представителей. Это вы нам все-таки рекомендовали и своим «письмом» в значительной степени затормозили у нас в Москве организацию Совета. Мы организовали наш Совет только в ноябре месяце, организовали его в противовес Стачечному комитету, о котором Троцкий совершенно неправильно говорит, что он играл в Москве роль Сов. Раб. Деп. и потом преобразовался в Совет. Мы видели, что в Стачечном комитете фактическую власть захватили господа вроде Хрусталева-Носаря—представители различных интеллигентских, учительских, профессорских, инженерских и т. д. организаций. Эти господа, когда кончилась октябрьская забастовка и в результате ее явился обманный манифест 17-го октября, говорили: «довольно бороться, довольно бастовать, мы получили, что требовали». Докладчик затронул одну интересную мысль, но не разработал ее, не попытался разобраться в причинах отмеченного им явления. Действительно, есть разница между деятельностью Петербургского Совета и некоторых провинциальных советов, особенно Московского. Для нас ясно теперь, чем должны были являться Сов. Раб. Деп. Ильич, когда приехал, сразу правильно указал: это должны быть органы для достижения определенной цели. Он очень кратко, но правильно определил их назначение: «Советы—не рабочие парламенты и не органы пролетарского самоуправления, вообще не органы самоуправления, а боевые организации для достижения определенных целей». Так писал он в ноябре месяце 1905 г. в «Новой Жизни».

Какую же цель должен был ставить себе во время революции 1905 г. С. Р. Д.? Конечно, захват власти, но прежде, чем говорить о захвате власти, нужно было свергнуть старую власть. И о захвате власти мы говорили мало, но другую задачу, подготовку к захвату власти, свержение старой власти, вооруженное восстание мы ставили на первую очередь. Вот та цель, которую должен бы ставить тогда каждый Совет, вот та цель, которую ясно ста-

вили себе большевики. Я не согласен с товарищем докладчиком, что Петербургский Сов. Раб. Деп. в ноябре мес. уже не имел значения. Это не верно. Петербургский Совет все время имел большое значение. Он должен был иметь значение, потому что это была организация петербургского пролетариата, центр, где сосредоточены были лучшие наши силы. Его организационное значение было громадно, и не случайно появились представители Петербургского Совета в Киеве, в Одессе и т. д. Они были посланы туда Петербургским Советом. В первую очередь к нам прислали петербуржцы своего представителя—тов. Голубя. Мы вместе с ним послали своих представителей от Московского Совета для организации Советов в других местах—в Туле, в Самаре, в Саратове и т. д. В дальнейшем предполагался всероссийский с'езд Советов, но, разумеется, при наличии царской власти осуществить этот план не удалось бы. Какая же разница в положении и настроении была все-таки между Петербургским Советом и другими Советами, которые т. докладчик называет провинциальными, разумея в том числе и московский, хотя Москва и тогда считалась столицей? Я не знаю, наличностью каких сил определялось положение и роль Совета в Новороссийске, где дело дошло также до вооруженного восстания. За неимением времени я не мог хорошо познакомиться с материалами о том, как и кто руководил восстанием, которое одновременно с московским возникло в другом рабочем центре—в Ростове-на-Дону. Но нужно заметить, что Петербургский Совет не сделал самого главного, что должен был сделать всякий Совет, как революционный орган. Ему первому нужно было организовать вооруженное восстание. Но в Петербурге не только не было организовано восстания—Петербург даже не поддержал активно восстания, начатого в Москве. Это печальный факт, и нужно выяснить, почему он имел место. Тов. Сверчков говорит, что в Петербурге не было никаких разногласий в руководстве Советом между большевиками и меньшевиками и т. д.; но сам же он заметил здесь, что вышел из фракции большевиков и примкнул к меньшевикам. И мне кажется, что все-таки меньшевистское засилие в Петербурге играло значительную роль; оно понижало революционность прежде всего Петербургского Совета, а за ним и пролетариата. Вот что я считаю самым главным. Мартов мог и не быть в Совете, но Дан и Мартов свой дух трусости и неверия в наши силы прививали Совету. Хотя т. Троцкий очень ярко выступал тогда на страницах меньшевистской газеты «Начало» с проектом перманентной социалистической революции и хотя он еще более ярко выступал с целым рядом чрезвычайно красивых, ценных, важных в революционном отношении речей, но это были только революционные фразы, а методы борьбы, которые применяли в Петербурге, далеко не соответствовали нашим революционным методам. В Москве, где была более сильна большевистская организация, как только кончилась октябрьская забастовка, мы ясно и определенно сказали: «товарищи, пока довольно, одной забастовкой мы самодержавия не свергнем; будем готовиться к следующему акту—к вооруженной борьбе». С таким решением закончили мы октябрьскую забастовку. А в Петербурге что делали? Одна забастовка, как средство борьбы, была исчерпана уже в октябре. Вот почему мы так настойчиво твердили о необходимости, о неизбежности вооруженного восстания. Вот почему все большевики были как электричеством пропитаны идеей вооруженного восстания. Для нас в частности,—я говорю о московских большевиках,—главной задачей было—пропитать этой же идеей необходимости восстания рабочие массы. Мы сознательно воздерживались от забастовок, чтобы не истощить силы рабочих. А что делали в Петербурге? По каждому поводу прибегали к угрозам забастовкой или непосредственно к забастовкам. Это—не случайное явление. Политические забастовки одобряла одно время и буржуазия. Вы помните, когда после 9 января

вспыхнула забастовка, как буржуазия благоговела перед ней? Также и в октябре. Правда, буржуазия, после длительной забастовки в октябре, стала относиться к этому оружию пролетарской борьбы несколько недоверчиво, потому что увидела огромную силу класса, который употребляет это оружие, потому что боялась применения этого оружия против себя. Но Петербургский С. Р. Д., считавший главным средством борьбы забастовку, не был, очевидно, пропитан идеей необходимости вооруженной борьбы и не сумел пропитать ею весь пролетариат столицы. Теперь посмотрите, как действует Московский Совет. Московский Совет имел до восстания только 4 заседания; первое же заседание выносит резолюцию о необходимости вооруженной борьбы, совместно с армией и крестьянством. Второе заседание—такой же, еще более яркий призыв. Я собрал в своей книжке все эти резолюции и не опираюсь только на одни воспоминания. Рабочий класс Москвы постепенно захватывало это сознание необходимости и неизбежности восстания, охватывала жажда борьбы. В Москве нам уже трудно было удерживать рабочих от вооруженных выступлений. Третье заседание Московского Совета уже вплотную ставит вопрос о вооруженном восстании и постановляет: провести на следующий день по всем фабрикам и заводам собрания и голосованием решить, нужно ли начинать вооруженное восстание, или не нужно. Вот как пропитывался тогда стремлением к вооруженной борьбе весь пролетариат Москвы благодаря тому, что здесь во главе пролетариата стоял его авангард в лице большевистской организации. Здесь мы и меньшевиков подчинили своему влиянию. Нам удалось пропитать меньшевиков, в особенности рабочих, идеей восстания настолько, что и меньшевистская конференция почти единогласно решила, что нужно начинать восстание. Вот чем отличалась деятельность Московского Совета от Петербургского. Я думаю, что Петербургский Совет, который имел огромное организационное значение, не выполнил своего назначения, как революционный орган, который должен был в первую очередь организовать восстание, потому что в нем не было надлежащего руководства со стороны действительного авангарда пролетариата, не было большевистского руководства. Вот почему, т. Сверчков, у вас ничего не вышло. Одной революционной шевелюрой тов. Троцкого революции не сделаешь. Не пропитали петербургский пролетариат идеей необходимости и неизбежности вооруженного восстания, поэтому вы и нам не смогли помочь своевременно и активно.

Тов. **Рогов**. Я, товарищи, был в то время очень молодой революционер и, если не ошибаюсь, самый молодой член Совета Раб. Деп. в Петербурге. Поэтому мои впечатления от того времени могут быть до некоторой степени неполным. Я хочу отметить два момента, которые, по-моему, недостаточно ярко и правильно охарактеризовал т. Горин. Он говорил, что Сов. Раб. Деп. фактически появились только в октябре, и т. Богданов, когда выступал здесь, говорил, что, пожалуй, как будто это неправильно. Вместе с тем, он, очень осторожно, сказал дальше, что, может быть, у Совета была ошибка,—он был довольно далек от масс. А я скажу т. Богданову, что то, о чем думали в центре, у нас в низах понималось совершенно иначе; я хочу сказать, почему так: после 9 января, когда все рабочие увидели, что никакие разговоры ни с богом, ни с царем делу не помогут, что нужен путь прямой борьбы и с царем, и с капиталистами, стало ясно, что нужно бороться, бороться всеми путями и средствами. А для того, чтобы бороться, у нас тогда что было? Были большевики, были меньшевики, были с.-р.—были три основных партии. Подчас они боролись между собой. Естественно, среди рабочей массы, среди нас, молодняка—и большевиков и меньшевиков—все время было брожение, как бы отыскать такую формулу здесь у нас, не в верхах. Потому, что мы чувствовали, что в верхах никогда не договорятся, а мы в низах, уча-

ствующие в работе, которые непосредственно борются, а не резолюции пишут, мы это чувствовали и я помню. как сейчас, приблизительно в июле месяце было это брожение в большевистских и меньшевистских кругах, когда несколько раз собирались и обсуждали. как создать такую организацию, которая дала бы нам возможность в боевой момент выступить единым фронтом. Я хочу сказать, что этот момент т. Горину надо было учесть, он был основой и началом тех положений, которые, в конце концев, выявились в октябре, когда началась настоящая борьба. У рабочих это были не разговоры, они понимали, что когда выставлялись свержение самодержавия и другие политические требования, они понимали, что это не резолюции, а борьба наступает. В этот момент именно они старались найти ту организацию, которая создала бы такой центр, который выразился в Сов. Раб. Деп. При чем я хочу отметить, что такие поползновения были уже летом 1905 г. Товарищ из Иваново-Вознесенска говорит, что у них была самая большая стачка, а я вам скажу, в Ленинграде за лето 1905 г. были очень крупные стачки. Кто руководил этими стачками? Вы не забудьте, что мы во время этих экономических стачек выдвигали целый ряд политических моментов. 8-часовой рабочий день мы ставили перед капиталистами, которые имели 11½-часовой рабочий день. Все мы понимали, что 8-часовой рабочий день особенно летом 1905 г. мы не получим, но все-таки выставляли это политическое требование. И тут опять в этих стачечных комитетах, в которых отражалась политика партии, старались нащупать почву для создания единого крупного политического руководящего центра. Поэтому я думаю, что этот момент необходимо хорошенько проанализировать, на него надо обратить серьезное внимание. Второй момент: докладчик старается в своем докладе показать, что в октябре в Петербурге развивались события, но что кульминационный пункт всего движения был в ноябре. А я бы сказал, что как раз наоборот, не в ноябре, а в первой половине, может быть, дней за 6—7 до забастовки, которую мы об'явили по поводу кронштадтского восстания. Правда, это был кульминационный пункт этой самой забастовки и после этого, я как сейчас помню, было знаменитое постановление о 8-часовом рабочем дне. Как только мы вразброд пошли бороться за это, то это было началом провала политического движения, серьезного, крупного движения в Петербурге. Вот откуда пошли все бедствия на нас; тут у нас начался разброд. Помните, тогда десятки тысяч, если не больше, были выброшены на улицу, когда начали бороться за 8-часовой рабочий день. Я был сам одним из активных участников среди питерских деревообделочников и добился того, что 10 фабрик бастовали и наверно тысяч 15, 20 человек, активных, сознательных работников, которые к самому решительному моменту ослабели, и когда нужно было с оружием выступать, они были холодны и голодны и многое на себе испытали, и поэтому, я думаю, самым роковым моментом было то, что не было ясной прямой линии вооруженного восстания. Борьба за 8-часовой рабочий день разбила прямую цель нашей политической борьбы. Этот момент сыграл решающую роль в том, что так легко удалось разбить самодержавному правительству петербургский пролетариат.

Я еще хочу остановиться на той революционной роли г. Парвуса, которую очертил первый оратор. По всей вероятности, этот товарищ или уже слишком мало знал этого Парвуса, или хотел теперь прикрасить. Я помню этого «революционера» Парвуса. Я работал в Исполнительном Комитете Совета в последнее время, и с Парвусом я встретился уже в подпольном Исполкоме. Когда началось московское восстание, и когда началась забастовка, а в нашем городском районе горело электричество, я пришел к Парвусу и прошу дать мне динамит, чтобы погасить свет в городе. Парвус чуть ли не на коленях молил меня дать ему отсрочку на 3 часа, а после этих 3 часов

я его не нашел по всему Петербургу. И дальше Парвус вел такую же политику человека, попавшего в такое положение, что он не знал, как из этого положения вылезти. А мы в то время брали за жабры, надо действовать, а не разговаривать. Вот какое было положение знаменитого Парвуса и какую он сыграл роль.

Я хочу еще остановиться на одном моменте—о профсоюзах. Тов. Горин, по-моему, неправильно охарактеризовал эту роль. Он говорит, что профсоюзы играли крупную политическую роль в то время. Я скажу, что мы, партийцы внизу, смотрели иначе на организацию союзов. Я—один из участников организации петроградского союза деревообделочников. Мы подходили к этому делу просто. Когда мы попробовали на Рижской улице организовать партийный клуб, через два дня забрали наше большевистское имущество. И мы увидели, что все это ни к черту не годится и надо искать какой-то другой организационной формы. И мы пошли по линии профсоюзов. Мы считали, что за вывеской профсоюзов мы сумеем укрыться хорошо. Профсоюзы для нас играли роль ширмы. Политической роли отдельные союзы в то время не играли.

Тов. **Рожков.** Товарищи, я желал бы посильно помочь разрешению вопроса о том, чем важно изучение истории Советов Рабочих Депутатов в революции 1905 года и каким способом историю этих Советов изучать. Мне кажется, что в этом отношении докладчик не вполне удовлетворил тем требованиям, какие можно было бы поставить его докладу. Конечно, значение изучения истории Советов Рабочих Депутатов в революции 1905 года заключается главным образом в том, что это было время, когда эти Советы впервые появились, когда, следовательно, можно искать корни их происхождения. Это важно потому, что Советы в современной, происходящей сейчас революции играют роль учреждения, которое представляет собой государственность в эпоху переходного периода, в эпоху диктатуры пролетариата, и чрезвычайно важно понять их значение теперь, их связь с рабочими массами, изучая их происхождение в ту революцию. Я думаю, прежде всего, что здесь следует остановиться на вопросе организационном. Как организационно произошли Советы? Это, по-моему, даже самый важный вопрос для того времени, потому что, если мы ответим на него правильно, тем самым мы поймем, почему и теперь Советы Рабочих Депутатов имеют такую прочную связь с пролетариатом и крестьянскими массами. Я думаю, что на этот вопрос об организационном происхождении Советов надо ответить приблизительно так, как ответили отчасти некоторые товарищи, только отодвинули элементы происхождения Советов в организационном смысле в более отдаленное прошлое. Я думаю, что Советы организационно связаны со всеми теми случаями и переживаниями, когда различные фабрики выбирали своих представителей для тех или других целей, например, в стачечные комитеты, подпольно. В 90-х годах это было зерном, организационным зерном, я подчеркиваю эту сторону дела будущих Советов. Тут имеют также значение и кое-какие навыки, как позднее в гапоновских и зубатовских организациях имеют значение рабочие выборы. В чем тут дело? Чем отличается избирательная система Советов? Тем, что выборы производятся по производственным ячейкам и соответственно этому это выборы открытые. Нельзя себе и представить, чтобы производственные ячейки выбирали закрытым голосованием; оно ни к чему. То же самое в крестьянской среде: всякого рода ходоки на крестьянском сходе, разумеется, тоже выбирались таким способом. В том-то и заключается важность этих организационных элементов будущего советского строя, что они теснейшим образом связаны с условиями рабоче-крестьянской жизни. Второй вопрос—о функциях Советов. Несомненно, что политические функции Со-

вету, как боевой организации, даны были революционной действительностью 1905 года. Здесь, конечно, правы товарищи, которые указывают, что настоящие Советы сложились только после октябрьской забастовки, в связи с этой забастовкой возникли и развивались их элементы, и, наконец, Советы образовались окончательно тогда, когда октябрьская забастовка подходила к концу. Но надо сказать, что насчет функций надо было войти в большие подробности, чем вошел тов. Горин. Надо было бы различать более тонкие оттенки. Я думаю, что различие было такое. Были группы среди меньшевиков, которые отстаивали точку зрения на Советы, как на органы революционного самоуправления. Были группы, которые стояли за то, что Советы есть прообраз будущей широкой рабочей партии. Нельзя всех меньшевиков подводить под эти две группы. Были среди большевиков и меньшевиков массы, рабочие массы, которые отстаивали взгляд, что Советы есть органы, предназначенные для того, чтобы организовать вооруженное восстание. Но как организовать? Дальше, товарищи, были оттенки, и, может быть, даже не одних меньшевиков разделяли. Были группы среди партийных работников и среди партийных рабочих, которые стояли на такой точке зрения, что вооруженное восстание надо подготовлять технически, но не только технически, но и агитационно, и организаторски, и пропагандистски. Это, конечно, была по преимуществу большевистская точка зрения, и, разумеется, большевики старались, насколько было возможно в партийных кругах и, если это было возможно, и в кругах советских, отстаивать эту точку зрения. Но была еще и другая группа, по преимуществу меньшевистская, которая рассматривала эту подготовку вооруженного восстания в Советах исключительно в форме пропаганды, агитации и организации масс с целью поднять вооруженное восстание. Они считали утопической, невозможной подготовку вооруженного восстания технически. Вот какие были группировки и течения, и при изучении каждого Совета надлежит проследить, какие из этих течений существовали и в какой мере находили себе выражение в том или другом Совете. Я думаю, что эти точки зрения надо иметь в виду, чтобы ответить на вопрос удовлетворительно. Мне кажется, наконец, что тов. Горин неправ, когда говорит, что вот данный Совет, данная группа, данное течение отстаивали вооруженное восстание, и приравнивает эту борьбу за вооруженное восстание к борьбе за диктатуру пролетариата. Мне кажется, что знак равенства здесь нельзя ставить. Тогда борьба велась за формальную демократию, отнюдь не за диктатуру пролетариата, и тов. Ленин отстаивал тогда точку зрения диктатуры пролетариата и крестьянства революционно-демократической, а вовсе не социалистическую диктатуру пролетариата.

Тов. **Смирнов.** Чем же являлись Советы Рабочих Депутатов в 1905 году? Мне думается, что товарищи достаточно отметили, что они сложились, как органы, об'единяющие стачечное движение, в первую очередь. Уже в своей практической работе Советы стали органами революционной борьбы там, где эта борьба происходила под правильным, революционным руководством нашей партии. Только там эти органы, руководящие борьбой, постепенно подходили к разрешению вопроса о власти. Примеры я могу привести из далекой Сибири. Там эти Советы Рабочих Депутатов постепенно, руководя революционной борьбой, привлекали на свою сторону солдат, казаков и т. д. Когда в процессе революционной борьбы к ним присоединились солдатские и казацкие элементы, они неизбежно подошли к разрешению и вопроса о власти. Примером такого развертывания событий являются Советы Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов, которые возникли в Чите и в Красноярске, где фактически полнота власти находилась в руках исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Этот период был непродол-

жителен, он продолжался 2—3 недели. Но в течение этих 3 недель полнота власти была у этих органов. Для этого там в это время существовали благоприятные условия. В этот момент только что кончилась русско-японская война. Главным поставщиком на манчжурские поля было, главным образом, сибирское население. В то время, как постоянная действующая армия из центра России еще далеко не вся перебывала на Дальнем Востоке,—в Сибири были мобилизованы ратники ополчения первого разряда. Сибирь была обескровлена. и в первую очередь казацкое население Забайкальской области, которое испытывало экономический гнет. Революционное движение рабочего класса стало прививаться и имело благоприятную почву именно среди казацкого населения Забайкалья. В то же время возвращающиеся из действующей армии, с Дальнего Востока, солдаты встречали здесь организованное воздействие рабочего класса. Сибирский союзный комитет нашей партии вел неимоверно большую работу в этот подготовительный период. Мне кажется, что когда восстанавливают историю Советов Рабочих Депутатов, нельзя пройти мимо такого характерного Совета, как Совет Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов в Чите.

Тов. **Егоров**. Товарищи, могла ли быть в 1905 г. какая-нибудь более приемлемая организация рабочего класса, чем Советы Рабочих Депутатов? Конечно, нет. В 1905 году рабочий класс нашей страны имел всего только 3 года, как он стал иметь кое-какие организационные понятия. Только зубатовские организации дали ему понятие, что такое организация. Со времени зубатовских организаций рабочий класс нашей страны все-таки понял, что такое организация и как надо организоваться. Передовые массы рабочего класса использовали очень удачно зубатовский опыт. В зубатовских организациях рабочим нашей страны удалось узнать друг друга. Когда власть поняла, что сделала ошибку, потому что зубатовские организации дали толчок рабочему классу посещать и подпольные организации, когда эти зубатовские организации были сорваны и когда власть их закрыла, рабочий класс стал политически зреть. Зимой в конце 1904 и в начале 1905 годов по подпольным квартирным собраниям, а летом 1905 года за городом по лесным митингам и массовкам стало формироваться классовое сознание пролетариата. Только эти два года дали возможность передовому слою рабочего класса организационно воспитаться и прозреть политически. Но масса была еще далека от всего. Можно ли было ее увлечь? Конечно, нельзя. Она была сырой массой. Ее надо было воспитать, заставить всосать в себя революционные лозунги, и для этого был принят самый правильный путь. Советы Рабочих Депутатов явились той формой организации, которая была необходима, чтобы массу можно было втянуть в движение.

Заключительное слово тов. Горина

Товарищи, в виду позднего времени я не буду задерживать вас заключительным словом. Отвечу поэтому на наиболее основные вопросы, затронутые выступавшими товарищами. постараясь эти вопросы расположить в некоторой исторической последовательности.

Первый вопрос—вопрос о причинах возникновения Советов. Я думаю, забираться в 90 г.г. прошлого столетия, как полагает тов. Рожков, и искать там причины появления Советов вряд ли необходимо. Конечно, без той революционной школы, которую прошло рабочее движение 90-х г.г. и начала XX века, мощное движение пролетариата в 1905 году было бы невозможно. Против этого никто не спорит. Но выискивать в рабочих организациях 90-х г.г. элементы Советов Рабочих Депутатов, как органов непосредствен-

ной подготовки вооруженного восстания и захвата власти, будет неверно ни методически, ни исторически. Отличаются ли Советы Рабочих Депутатов от профсоюзов, стачечных комитетов, касс взаимопомощи или любой подсобной рабочей организации? Конечно, да. Между ними и Советами Рабочих Депутатов имеется колоссальная разница. В тот момент, когда кассы взаимопомощи или стачечные комитеты не ставили своей задачей вопросов непосредственной вооруженной борьбы с царизмом и захвата власти, Советы Рабочих Депутатов эту задачу для себя признавали основной. Вот почему первые Советы находим в 1905 году, в период под'ема революции, когда революция упиралась в непосредственную вооруженную борьбу за свержение самодержавия, т.-е. всеобщую октябрьскую забастовку. Вот почему, когда мы говорим о Советах, то до некоторой степени кладем резкую грань между Советами и предшествующими формами рабочих организаций. Житейски, правда, так не бывает. Отдельные черты функций стачечных комитетов мы находим и в Советах. Но будет неверным, если из-за них мы проглядим основное назначение Советов в революции.

Теперь позвольте на ряду с этим перейти к вопросу, какой Совет Рабочих Депутатов был первым. Первоначально этого вопроса я хотел коснуться в докладе, но не соразмерил время и в докладе сообщил примерно одну пятую того, что хотелось сказать.

Часто к первым Советам причисляют Иваново-Вознесенский Совет, возникший летом 1905 года. Я считаю это неверным. Прежде всего потому, что перед ним не было основной задачи непосредственной вооруженной борьбы и захвата власти. Ведь Иваново-Вознесенский Совет был наиболее развитым стачечным комитетом в борьбе за экономические улучшения рабочих. Возьмите те требования, которые об'единили иваново-вознесенские рабочие массы, и вы увидите, что до непосредственной вооруженной борьбы и захвата власти было далеко. Это часто забывают, выдвигая на первое место терминологию. Но терминология для меня не убедительна. Если подходить с точки зрения терминологии, то почему в таком случае не поставить на первое место Совет Рабочих Депутатов в Алапаихе, на Урале, возникший в апреле 1905 года? Но мы ни Алапаихинский, ни Иваново-Вознесенский Советы не можем считать первыми. Первые Советы появились позднее, вместе с всеобщей октябрьской забастовкой, насквозь проникнутой общими политическими требованиями. Из ряда Советов Рабочих Депутатов, родившихся вместе с октябрьской забастовкой, главное место занял Петербургский Совет, наиболее оформившийся, опыт которого был использован остальным пролетариатом.

Второй вопрос, выявившийся в прениях, — это отношение партийных организаций к Советам. Здесь некоторые товарищи, в частности тов. Сверчков, отмечали четыре точки зрения: большевики, меньшевики, троцкисты и богдановцы. Выступившие товарищи по большей части, как участники Совета, аргументировали своими воспоминаниями. Я не участник Советов 1905 года. Для своего доказательства я могу только оперировать имеющимися документальными данными. На основании этих материалов думаю, что правильнее, однако, насчитывать три точки зрения, а не четыре: меньшевики, троцкисты и большевики.

Меньшевики с первых же дней появления Советов не поняли их значения в революции. Как я уже отмечал, они пытались из мощных боевых революционных организаций, вытравив революционный дух, превратить их первоначально в «органы революционного самоуправления», а впоследствии в «широкую рабочую партию». Как в первом, так и во втором случае цель была одна—подчинение пролетариата руководству либеральной оппозиционной буржуазии. Такова первая точка зрения.

Вторая—тов. Троцкого. Тов. Троцкий, не соглашаясь с меньшевиками в оценке Советов, как «органов революционного самоуправления», относил их к зародышам диктатуры пролетариата. Однако он не понял, что прежде чем явиться властью Советы должны быть органами, вооружающими пролетариат. Ясный большевистский лозунг вооруженного восстания подменялся им лозунгом стачкизма. Совет, якобы, руководит стачками, которые в конце концов сливаются в общий поток. Это, по его мнению, достаточно для захвата власти. О роли стачек он довольно много говорит в своей работе «1905». Я приведу только одно место из его работы. После ряда стачек неорганизованных и стихийных, постепенно, по его мнению, дезорганизующих государственный аппарат, наступает общий момент—всеобщей стачки. «Теперь,—пишет он,—мысленно устраните профессиональный союз с его точными методами учета, стачку распространите на всю страну, поставьте перед нею большую политическую цель; противопоставьте пролетариату государственную власть в качестве непосредственного врага; окружите обоих союзниками, действительными, возможными, мнимыми, прибавьте индифферентные слои, за обладание которыми идет жестокая борьба, армию, из которой лишь в вихре событий выделяется революционное крыло, преувеличенные надежды с одной стороны, преувеличенные страхи—с другой, при чем те и другие в свою очередь являются реальными факторами событий, пароксизмы биржи и перекрещивающиеся влияния международных связей—и вы получите обстановку революции. При этом суб'ективная воля партии, даже «руководящей», является лишь одной из многих и притом далеко не самой крупной силой» (стр. 236). Как видим, решающая обстановка революции насквозь проникнута стихийностью; партия в ней «далеко не крупная сила», восстание проходит довольно мирно, всеобщая же стачка—все. Говоря о стачках и роли в них Советов и подготовке вооруженного восстания, тов. Троцкий в другом месте пишет: «В чем,—спрашивает он,—могла состоять эта подготовка, как не в развитии и укреплении тех именно качеств Советов (т.-е. стачек. *П. Г.*), которые позволяли ему парализовать государственную власть и составляли его силу» (стр. 231).

Практически, как известно, Петербургский Совет в 1905 году, разделяя эти иллюзии, и совершил крупную принципиальную ошибку—расточая свою революционную энергию в беспрерывных стачках. Этим в значительной степени и об'ясняется, почему в декабре петербургский пролетариат оказался слаб. Тов Троцкий «теоретизировал» эти ошибки пролетариата, пытаясь выдавать их за подлинную пролетарскую тактику в его борьбе с самодержавием. Преувеличение роли стачек затемняло смысл необходимости организации и подготовки вооруженных кадров пролетариата. Такова вторая точка зрения в рядах социал-демократии по отношению к Советам. Считаю нужным отметить, что, учитывая опыт революции 1917 года, тов. Троцкий в своих последних работах сам подверг критике подобные иллюзии.

Третья точка зрения—большевиков. В докладе я уже отмечал, что только одни большевики, исходя из общей оценки движущих сил революции, правильно поняли назначение Советов и вели их по пути подготовки вооруженного восстания и борьбы за власть. Это положение, однако, встретило возражение со стороны тов. Сверчкова, говорившего, что большевики правильно оценили Советы только в ноябре. Особенно жестокой критике он подверг позицию Ц. К., якобы первоначально проводившего в Советах линию тов. Богданова, требуя от Петербургского Совета принятия социал-демократической программы. Тов. Сверчков это считает ошибкой. Думается, что первоначальное отношение большевиков к Советам рассматривать как ошибку будет неверным. Здесь тов. Сверчков сам впадает в ошибку,

потому что не в достаточной мере оценивает меньшевистскую опасность в Советах. А такая опасность в первые дни существования Петербургского Совета была налицо. Фигура Хрусталева - Носаря всплыла далеко не случайно. И петербургские большевики поступили правильно, своевременно забив тревогу об опасности и довольно резко заявив массам, что развитие Советов должно итти только под руководством социал-демократии. Этой резкости, правда, мы не наблюдаем в провинциальных Советах. Но для этого были свои причины: опыт существования Петербургского Совета и обострение революционной борьбы. Вот почему когда Петербургский Совет выкристаллизовался. то такая первоначальная «резкая» тактика большевиков оказалась ненужной. Тов. Сверчков же, затушевывая такие факты, как обострение классовой борьбы в ноябре и окончательное сформирование Советов, как боевых организаций, пытается дать, якобы. две тактики большевиков в Советах. Благодаря этому оценка тактики большевиков у тов. Сверчкова лишена исторической точности. Говоря о тактике большевиков в Советах, не нужно противопоставлять две разные позиции, а нужно на конкретном материале проследить общую, принципиально единую линию большевиков. Я здесь, правда, несогласен с тов. Богдановым, пытавшимся в прениях эту первоначальную позицию большевиков выдавать, как единственно верную для всего периода Советов. В прениях тов. Богданов даже заявил, что при современных условиях существования мощной партии Советы являются совсем ненужными организациями. Я не сомневаюсь, что этот взгляд не пользуется расположением в нашем собрании. Отмечу только, что таким положением тов. Богданов обнаружил непонимание взаимоотношений организованного авангарда партии с классом. Здесь, на первый взгляд, за «левой» точкой зрения тов. Богданов попадает на проторенную ликвидаторскую дорожку. Ведь роли не играет, как «ликвидировать»—«справа или слева». И в том и в другом случае результат получается одинаковый.

Теперь позвольте ответить на последний вопрос о роли ноября в развитии событий 1905 года. Наиболее отчетливо о ноябре. как периоде упадка, говорит тов. Рожков. Если согласиться с тов. Рожковым. что в ноябре революция идет на убыль, то неизбежно нужно притти к выводу, что декабрьское вооруженное восстание было ненужным. Пока, правда, ни тов. Рожков, ни разделяющие его позицию такого вывода не делают. Но не будет ничего странного, что такой вывод сделают, когда характеристика ноября—как периода упадка—не будет встречать возражений. Тогда вновь повторят плехановскую фразу, что в декабре «не нужно было браться за оружие».

Верно ли, что в ноябре революция шла на убыль? Совершенно неверно. От революции отставала буржуазия. Действительно ее контрреволюционная активность в ноябре растет. Но ведь большевикам контрреволюционность русской буржуазии была известна задолго до решающих боев. Можем ли мы на основании такого факта, как рост контрреволюционной активности, буржуазии, говорить о падении революции? Об этом можно говорить, конечно, если рассматривать буржуазию, как революционную силу, и не вполне замечать пролетариат и крестьянство. А если мы приглядимся к пролетариату и крестьянству, то лицо ноября будет выглядеть иначе. Тогда придется говорить о ноябре не как о периоде упадка революции, а, наоборот,— дальнейшего под'ема. Разве можно пройти мимо таких фактов, как повсеместный рост боевых настроений пролетариата, усиление партийных организаций, превращение стачечных комитетов в Советы Рабочих Депутатов. Ноябрь месяц закалил рабочий класс и вселил в его сознание, что только вооруженной борьбой можно добиться завоевания власти. Повсеместно ноябрь является дальнейшим развитием революции. Именно развитие рево-

люционного движения и выкристаллизовало Советы Рабочих Депутатов, как определенные организации, ведущие подготовку вооруженного восстания и являющиеся в зародышевой форме органами диктатуры пролетариата.

Между прочим, некоторые товарищи упрекали меня в непонимании, в чем именно должна состоять подготовка вооруженного восстания. Я отнюдь не представляю себе подготовку вооруженного восстания в узком смысле, рассматривая Совет только как технический боевой аппарат. Брать только эту техническую сторону, конечно, недостаточно. Говоря о подготовке восстания, кроме организационного руководства пролетариатом, конечно, необходимо еще иметь в виду и важную задачу овладения и руководства мелкой буржуазией и разложения правительственного аппарата. В этом отношении наиболее типичным явился Новороссийский Совет Рабочих Депутатов. Все эти моменты находили в нем свое проявление. Новороссийский Совет все меры принимает к разложению казачьих урюпинских частей, рассылкой своих представителей в окрестности Новороссийска, подчиняя села и станицы своему влиянию, и в то же время огромное внимание уделяет организации боевых дружин. В противовес Петербургскому Совету на организацию боевых дружин он обратил очень серьезное внимание. Если Новороссийский Совет и стал во главе Новороссийской Республики, то главным образом благодаря вооруженной силе. Значения боевых дружин в осуществлении Новороссийской Республики не отрицает и сама царская власть. Благодаря наличию вооруженной силы Новороссийский Совет разложил старый правительственный аппарат, назначил своих комиссаров, наложил контрибуцию, закрыл черносотенные газеты, организовал свой суд, осуществлял пролетарскую цензуру и т. д.

Разрешите, товарищи, на этом закончить свое заключительное слово. В нем я остановился на отдельных основных проблемах, имеющих актуальное значение в исследовании Советов Рабочих Депутатов в 1905 году. Товарищи, выступившие здесь, внесли ценные замечания, которые помогут разобраться в анализе и оценке Советов. Этим я не хочу сказать, что нашим заседанием мы исчерпали все спорные вопросы оценки этих любопытных организаций. Безусловно предстоит еще большая работа, которую придется проделать в архивах и научных кабинетах, чтобы найти ответы на ряд спорных вопросов.

Тов. **М. Н. Покровский**. Позвольте констатировать, что наш вечер был более оживленным, и мы намерены дальше держаться того же метода. Стенограммы этого заседания чрезвычайно интересны и важны, поскольку высказалось много товарищей. Они будут нами напечатаны.

Доклад о декабрьском вооруженном восстании будет по всей вероятности в начале декабря. А в ближайшую пятницу мы ставим доклад о крестьянском движении в 1905 году, на который вас и приглашаем.

С. И. Черномордик

Декабрьское вооруженное восстание

Стенограмма доклада на публичном заседании 11 декабря 1925 г.

Я, товарищи, не буду останавливаться на эпизодических вопросах декабрьского восстания. По этому вопросу есть очень много материалов, так как в последнее время вышло очень много книг. Желающие и мало знакомые с этим вопросом могут ознакомиться с обильной литературой. Я остановлюсь сегодня лишь на некоторых вопросах и выводах, которые получились у меня при изучении истории декабрьского восстания. Я думаю, что на нашем собрании будет уместнее остановиться на обсуждении именно таких вопросов. Я остановлю ваше внимание на трех вопросах, которые являются, по моему мнению, основными в истории декабрьского вооруженного восстания.

Первый вопрос: каково классовое содержание декабрьского восстания? Этот вопрос тесно связан с вопросом о классовом содержании революции 1905 года вообще. Второй вопрос: почему декабрьское восстание потерпело поражение? Этот вопрос до сих пор вызывает споры. И третий вопрос будет мной поставлен в сослагательном наклонении. Я сознаю, что та постановка этого вопроса, какая будет здесь дан,—не очень марксистская, поскольку я буду говорить о том, что было бы, а не о том, что было. Но этот вопрос находится в тесной связи с предшествующими двумя вопросами. Это вопрос: что произошло бы в случае победы декабрьского восстания?

Итак, первый вопрос: каково классовое содержание декабрьского восстания?

Для того, чтобы решить этот вопрос, придется поставить вообще вопрос о том, каково было классовое содержание революции 1905 года, ибо революция 1905 года представляет из себя не одну фазу, а несколько фаз, несколько этапов, которые по своему классовому содержанию, несомненно, различны. И вот для того, чтобы ответить на этот вопрос,—каково было классовое содержание декабрьского восстания,—мне придется развернуть классовое содержание революции 1905 года, начиная с ее возникновения до декабря. Я коснусь вопроса о тех классовых силах, о тех движущих силах революции, которые были накануне революции 1905 года.

Как вам известно, до октябрьской забастовки движущими силами революции были, за очень малыми исключениями, почти все классы русского общества. Сюда относятся: буржуазия промышленная, отчасти землевладельческая буржуазия, мелкая буржуазия, пролетариат и крестьянство. Каково было отношение этих классов в революции? Задача, которая была поставлена перед октябрем 1905 года, была задача свержения старой власти. В этой задаче были заинтересованы все классы общества, как капиталистическая буржуазия, как значительная часть помещиков, так и пролетариат и крестьянство. Правда, те конечные цели, которые ставили эти классы, были разные, но основная задача,—свержение самодержавия и установление свободных условий для капиталистического развития России,—эта

задача была общей. Это проявилось в полном единодушии всех классов общества накануне октябрьской забастовки. Вы помните,—в предшествующих докладах об этом было сказано,—те кампании, которые проводила буржуазия в 1904—1905 г.г., вы помните эту эпоху так называемых банкетов. Конечно, каждый класс применяет те методы борьбы, которые ему свойственны. Буржуазия чужда открытых массовых выступлений. Для буржуазии типичными были выступления на банкетах и борьба на земских с'ездах. И мы знаем, что на протяжении 1904—1905 г.г. эти годы характеризуются либеральными выступлениями на банкетах и на с'ездах земских деятелей. На этих банкетах и с'ездах буржуазия выдвигает целый ряд требований, которые сводятся к требованию политической свободы, к требованию уничтожения самодержавия. Правда, там уже появилась трещина. На этих банкетах и с'ездах уже образуются фракции буржуазии—правая и левая,—но в общем и целом буржуазия накануне революции 1905 года выставляла требование низвержения самодержавия. Если взять другое крыло буржуазии, мелкую буржуазию, так называемых лиц свободных профессий,—врачей, инженеров, адвокатов,—они идут еще дальше: в 1905 году они организуются в так называемые политическо-профессиональные союзы, как союзы врачей, инженеров, адвокатов, которые об'единились все вместе в союз союзов. Эта группа буржуазии выдвинула в еще более радикальной форме требование свержения самодержавия, проявила то же стремление к политической свободе. Если взять крестьянство, мы знаем, что еще раньше, начиная с 1902 г., разгораются крестьянские волнения по всей почти России, особенно на Юге и в Поволжьи. В 1904 г. и летом 1905 г. эти волнения достигают своего апогея. Это крестьянское движение приводит в трепет самодержавие. Таким образом, и крестьянство, так же как и буржуазия крупная и мелкая,—выдвигает требование свержения самодержавия.

Таким образом, можно отметить полное единство, которое спаивало все классы общества в борьбе за свержение самодержавия.

Если мы перейдем к октябрьской забастовке, то эта забастовка хотя по форме была как будто пролетарским движением,—потому что забастовка есть форма пролетарской борьбы,—то мы приходим к тем же выводам. Если рассматривать эту забастовку с точки зрения состава ее участников, то мы увидим, что в ней принимали участие, кроме пролетариата, все группы населения: адвокаты, врачи, инженеры, чиновники, судьи и пр. Таким образом и октябрьская забастовка, будучи по форме чисто пролетарским движением,—потому что пролетариат играл первенствующую роль в русской революции, потому что он был гегемоном революции и навязывал формы борьбы остальным классам,—но фактически это было движение, об'единявшее все классы общества. В этом смысле всеобщую октябрьскую забастовку 1905 года можно назвать национальной революцией, т.-е. такой революцией, которую переживала всякая страна, такой революцией, какая была в 1849 г. в Германии и во Франции, если искать параллелей в более отдаленном времени, ее можно приравнять к великой французской революции [1]). Это была единственная революция в нашей стране, которая подняла все классы общества, и ее в этом смысле можно назвать н а ц и о н а л ь н о й.

После октября начинается отход буржуазии. Получается та трещина, которая начинает отделять различные классы и которая вскоре превращается в пропасть. Если до октября все классы общества были об'единены общим желанием свержения самодержавия, то после манифеста 17 октября политическое положение стало иное: стал вопрос, какой политический строй

[1]) Конечно, в эту параллель необходимо внести поправку, обусловливаемую различием экономических условий эпох, в которые происходили эти революции. См. заключительное слово.

должен стать на смену самодержавия. Буржуазия решила закрепить свои политические позиции на манифесте 17 октября. Она стала смотреть на самодержавие, как на своего союзника. Разница между нашей революцией и революциями западно-европейскими 40-х годов выражается в том, что там в те времена пролетариат не был организованным классом, у него не было своей политической партии, которая видвигала бы политические требования своего класса. Поэтому западно-европейская буржуазия в своих национальных революциях выполнила революционную роль в деле свержения абсолютизма. У нас в 1905 году буржуазии уже пришлось иметь дело с организованным пролетариатом, организованным потому, что пролетариат имел свою партию, которая выставляла его классовые требования. Поэтому не могло уже и быть речи, чтобы использовать пролетариат в своих целях, как во время буржуазных революций в Западной Европе. У нас в России буржуазия увидала, что пролетариат нельзя использовать, потому что он имеет собственную партию, и речь идет не об использовании пролетариата, а о том, как бы пролетариат не захватил власть в свои руки. Поэтому буржуазия ясно увидела, что после 17 октября, после манифеста ее задача заключается не в том, чтобы итти дальше вместе с пролетариатом. Она увидала, что пролетариат может зайти очень далеко и свергнуть не только самодержавие, но и самую буржуазию. Поэтому задача буржуазии заключалась в том, чтобы войти в соглашение с царским правительством. И мы знаем, что чуть ли не на завтра после манифеста 17 октября либеральная буржуазия начинает переговоры с правительством графа Витте. С этого момента начинается отход буржуазии от пролетариата, об'единение буржуазии с царским самодержавием. Этот процесс еще раньше его реального осуществления был вскрыт большевиками и прекрасно выявлен в работах т. Ленина. Кто интересуется этими переговорами, процессом отхода буржуазии, найдет это в самом лучшем документе—в «Воспоминаниях графа Витте», где он подробно описывает переговоры с наиболее видными общественными деятелями об об'единении интересов самодержавия и буржуазии для подавления революции. Если вы сравните июльский с'езд с ноябрьским с'ездом, то увидите большое различие между этими двумя с'ездами. В то время, как на июльском с'езде большинство с'езда было радикально настроено, выставляло радикальные требования, вплоть до уничтожения самодержавия, а некоторые группы выставляли требование так называемой «четыреххвостки»,—на ноябрьском с'езде раздаются уже довольно решительные голоса в пользу того, чтобы остановиться, потому что дальше итти,—это значит пойти вместе со своим историческим врагом пролетариатом, итти против собственных интересов. На ноябрьском с'езде очень значительной и внушительной группой является та часть буржуазии, которая стоит за соглашение с правительством. В кадетском журнале «Полярная Звезда» Струве, который всегда отличался свойством все мерзости подавать под хорошим соусом, писал, что Россия страдает от того, что нет порядка, что царское правительство, как и революционеры, неспособно создать порядка и задача заключается в том, чтобы создать такое правительство, которое может внести порядок. Таким правительством Струве считает правительство, которое будет призвано сверху из представителей земского с'езда. Если перевести эти писания на язык политики, то это было не что иное, как торг между кадетами и царским самодержавием.

Царское самодержавие, правильно оценивая капитуляцию буржуазии перед революцией и получив политическую базу, поняло, что наступил момент, когда можно перейти к разгрому революции. Вот почему, начиная уже с конца октября, царское правительство приступает к частичным наступлениям на революцию. Такие акты, как подавление кронштадтского восстания, как подавление севастопольского восстания, были шагами, направленными

царским правительством на подавление революции. Царское правительство как бы хотело померяться силами с революцией. Но ноябрьская стачка, которая была об'явлена в связи с Кронштадтским восстанием матросов, показала, что правительство еще не дозрело до того, чтобы окончательно подавить революцию. Оно оказалось слабо и потерпело поражение, ибо петербургский совет и петербургский пролетариат показали, что сила еще на их стороне. Однако ноябрьская стачка не остановила правительство в его борьбе с революцией. Подготовка реакции ведет дальше. Правительство медленно наступало. Мы видим, что во время севастопольского восстания правительство уже сильнее, чем раньше, оно уже подавило его без особо сильного сопротивления против себя. Затем, в начале декабря оно арестовывает председателя петербургского совета Хрусталева-Носаря, и петербургский пролетариат не реагировал на это. 3 декабря оно арестовывает исполнительный комитет Петербургского совета и наиболее активную часть петербургского совета. Обезглавленный пролетариат молчит. Инициатива и задача поднять перчатку, брошенную революции царским правительством, падает на московский совет, на московский пролетариат. Так мы подходим к декабрьскому восстанию.

Итак, если поставить вопрос, какие же силы участвовали в декабрьском восстании, то из того, что я сказал, совершенно ясно, что в декабрьском восстании участвовал один пролетариат. Все ушли. Крестьянство хотя и принимало участие, но было недостаточно организовано. И фактически только один пролетариат активно принимал участие. Один, при пассивной поддержке крестьянства. Таким образом, на вопрос, каково было классовое содержание декабрьского восстания, можно отметить, что классовое содержание «декабря» было чисто пролетарское по существу. Ни один класс, кроме пролетариата в этом восстании, не принимал участия, все остальные или отошли, или принимали пассивное участие, как крестьянство. Активное участие принимал только один пролетариат.

Общий вывод таков: до октябрьской забастовки пролетариат только был гегемоном революции, т.-е. он стоял во главе, за ним шли остальные классы. Когда пролетариат пошел дальше по пути к «декабрю», все классы от него отстали, крестьянство еще не подоспело. Он был один. И он превратился из гегемона в единственного носителя революции. Поэтому декабрьское восстание следует назвать пролетарской революцией.

Перехожу ко второму вопросу: почему декабрьское восстание потерпело поражение? Общепринятое мнение, что пролетариат в декабре потерпел поражение потому, что его не поддержало крестьянство. Если бы крестьянство во-время пришло, то пролетариат вместе с крестьянством одержал бы победу, без него он потерпел поражение. Я думаю, что такая постановка вопроса неправильна, потому что вопрос о политической и социальной базе революции—это вопрос об удержании власти, а не вопрос о завоевании власти. В вопросе о завоевании власти нельзя сказать, что потому пролетариат не завоевал власть, что крестьянство его не поддержало. Я это попытаюсь обосновать.

Для решения этого вопроса нужно перейти к вопросу о вооруженных силах, которые стояли лицом к лицу во время декабрьского восстания—правительства и революции. Я буду касаться вопроса не вообще о декабрьском восстании во всероссийском масштабе, а буду говорить только о московском восстании. Те данные, которые сейчас имеются, указывают на то, что на стороне революции, действительно, было очень мало сил. По всем подсчетам, приблизительное количество сил, доброкачественно вооруженных (в то время это были браунинги, маузеры и винтовки), было 1.000 чел. На стороне правительства до приезда семеновцев было 1.350 чело-

век. Конечно, я не считаю тех солдат, которые были заперты в казармах: это был балласт, который был ненадежен, и не столько помогал правительству, сколько пугал его, потому что мог вырваться из казарм и перейти на сторону революции. Поэтому я считаю те силы, которые активно принимали участие в подавлении революции, 1.350 человек. Если принять во внимание, что значительная часть этих вооруженных сил правительства исполняла службу, ничего общего не имеющую с подавлением революции,—охрану складов, охрану дворцов и т. д., то оказывается, что вооруженных сил было крайне мало, значительно меньше, чем дружинников. Если представить себе, что военная организация была бы так сильна, что эти 1.000 человек были по-военному организованы,—а это могло случиться, если бы это было не в декабре, а, скажем, в феврале 1906 г.,—то оказалось бы, что сила революции значительно больше, чем силы правительства. А что это так, мы знаем из переписки московских властей с Петербургом. Дубасов вопит в Петербург, что сил нет, положение отчаянное. На это Николай Николаевич, тогдашний командующий войсками петербургского округа, отвечает: «Чорт с ней, с Москвой. Пусть погибает. Так ей и надо. Когда-то она была оплотом России, а теперь только вред приносит. Надо спасать резиденцию государя императора». И только приезд семеновцев, после долгих переговоров Дубасова с Витте, спас положение. Если бы они не приехали, то еще большой вопрос, кто бы оказался победителем,—революция или московские власти. Можно допустить такое предположение. Представьте себе, что революционеры были бы организованы несколько лучше и нам бы удалось сделать так, что семеновцы не приехали,—разрушить путь Николаевской ж. д. Могло бы случиться, что мы бы оказались победителями. Я уверен, что это вполне могло бы быть, и революция могла оказаться победителем. Поражение декабря—это было не политическое поражение, это было чисто техническое поражение. Я думаю, что нужно различать эти два понятия. Техническое поражение революции и политическое—это не одно и то же. Ибо может быть техническое поражение революции, а политического может и не быть, не поражение, а, напротив, под'ем движения. Одно другому не противополагается. Это два совершенно различных понятия. И вот я утверждаю, что поражение декабрьского восстания было чисто техническим поражением, политического поражения не было. Мы знаем, что после декабря целый год движение было на под'еме. Поэтому, когда я ставлю вопрос, почему декабрьское восстание потерпело поражение, я отвечаю: потому, что мы были плохо организованы, потому что у нас было мало оружия, а вовсе не потому, что не поддержало во-время крестьянство.

Перехожу к 3 вопросу. Вопрос о роли крестьянства в первой революции нужно поставить в связи с третьим вопросом, т.-е. с вопросом—удержали бы мы власть в случае технической победы в декабре. Вот тут-то и возникает вопрос: ну, победили, а дальше что? Удержали ли бы мы власть? Вот тут-то стал бы вопрос, каким образом сделать так, чтобы крестьянство было на нашей стороне,

Я думаю, что нам пришлось бы сделать то же самое, что мы сделали в октябре 1918 года, т.-е. завоевав власть, мы бы об'явили декрет о передаче земли крестьянам. Этим бы мы усилили крестьянское движение и перевели его на сторону пролетариата. Второй вопрос, который возник бы в день победы, это установление политической системы на место самодержавия. Я уже говорил о том, что этот вопрос проблематичен, но он находится в тесной связи с предшествующими двумя вопросами, которые я выше поставил. На этот вопрос я беру на себя смелость отвечать, что очень возможно, что в случае победы мы вынуждены были бы об'явить власть советов и вот почему. Фактически во время восстания в декабре в районах

там, где революция была сильнее, скажем, как на Пресне, в Симонове, там фактически власть перешла в руки районных советов. Мы знаем, что на Красной Пресне власти ушли, и население, предоставленное само себе, вынуждено было искать какой-нибудь власти. И мы знаем, что население Пресни за всеми своими нуждами обращалось к фактической власти, к районному совету. И вообще районные советы играли большую роль во время восстания, при чем играли роль не только органов восстания, но и органов власти в тех местах, где власть фактически исчезла. И вот представьте себе победу декабрьского восстания. Буржуазия убежала, отстала от революции. В революции принимает участие один пролетариат. Если говорить о партиях, то в этом восстании принимали участие меньшевики (до того момента, пока не оказалось, что декабрьское восстание начинает терпеть поражение; тогда они стали отступать). Остались с.-р. и большевики, как представители пролетариата и крестьянства. Налицо имеются готовые организации—советы с одной стороны, с другой стороны элементы, которые являются посредниками между пролетариатом и остальными классами,—меньшевики и с.-р. Вероятнее всего, что началась бы та же история, которая возникла после февральской революции 1917 г. Началась бы коалиционная канитель. Меньшевики и с.-р. предложили бы коалицию с буржуазией. Возможно, что некоторое время мы потратили бы на опыт коалиции,—это возможно. Но в конечном счете мы уперлись бы уже тогда в проблему Советской власти.

Я думаю, что вкратце можно резюмировать затронутую тему так: в 1905 году была не одна революция, а 2 революции. Это революция в октябре, когда все классы нашей страны принимали участие, так называемая национальная революция, и декабрьская революция—пролетарская революция. Их было две так же, как были две революции в 1917 году: февральская национальная революция и пролетарская революция—в октябре. Если искать преемственность между этими революциями, то здесь нельзя установить хронологической преемственности. Дескать, был октябрь 1905 г., потом декабрь, потом февраль, потом октябрь 1917 г. Здесь получается нечто вроде слоеного пирога. Февральская революция 1917 года есть продолжение октябрьской забастовки 1905 г., т.-е. той революции, в которой принимали участие все классы общества. Продолжением декабря 1905 г. является октябрь 1917 г. Это—вторая пролетарская революция, которая является продолжением декабрьского восстания, первой пролетарской революции.

Прения по докладу

Т. т.: Васильев-Южин, Шестаков, Покровский

Тов. **Васильев-Южин.** Каково было в 1905 г. отношение различных классов к самодержавию и к предстоявшей борьбе с ним?—Ответ на этот вопрос должен облегчить нам понимание обстановки, сложившейся к моменту памятного декабрьского восстания московского пролетариата.

Мы, большевики, в противовес меньшевикам и эсерам, с самого начала указывали на лицемерие и трусость либеральной буржуазии. Мы подчеркивали, что либеральная буржуазия боится революции, что она не стремится к свержению самодержавия. К ограничению самодержавия либеральная буржуазия, действительно, стремилась, но только для того, чтобы избежать революции. Она только пугала правительство революцией.

Мне пришлось как-то в Баку принимать участие на одном из тех замечательных банкетов, которые устраивались тогда либералами. Из Петер-

бурга, главным образом, посылались всюду специальные агенты для организации таких банкетов. На банкете видно было, какой трусостью были пропитаны руководители либерального движения. Мы им ставили вопрос ребром: какими же силами хотите вы ограничить самодержавие, на какой класс вы опираетесь? Самое большее, на что они уповали, это на запугивание правительства со стороны эсеров. Когда же мы пытались заговорить о революционном движении со стороны рабочего класса,—посыпались самые пошлые указания на то, что рабочий класс еще темен, что рабочий класс, а тем более крестьяне еще не созрели для всеобщего избирательного права, и т. д., и т. п. Таким образом, о желании буржуазии, даже самой передовой, свергнуть самодержавие не могло быть и речи, и попытки либералов войти в соглашение с самодержавием проявились гораздо раньше, чем после 17 октября. Вспомним, как ядовито, называя либералов революционерами в белых перчатках, писал В. И. Ленин о «знаменитой» делегации, которая отправилась к царю во главе с Трубецким и пр.

Нужно заметить, что непосредственно о свержении самодержавия в то время вряд ли радикально могло говорить и крестьянство, которое еще было пропитано верой в «батюшку-царя». Даже на ноябрьском Крестьянском С'езде, на котором мне пришлось быть представителем от московского комитета нашей партии, крестьяне, выражаясь очень резко о чиновниках, о земских начальниках, даже о попах, царя, как такового, не задевали. Больше того: мы знаем, что даже пролетариат в начале 1905 г. шел к царю с верой в него вместе с охранником-попом. В широких массах пролетариата резко враждебное отношение к самодержавию проявилось лишь после чудовищного крещения огнем и кровью 9(22) января. Даже еще летом 1905 г. в таких городах, как Москва, не на всех фабриках и заводах мы могли выступать со смелым требованием свержения царя, и часто нашим агитаторам и пропагандистам приходилось удирать, чтобы не быть побитыми частью наиболее отсталых рабочих.

Со стороны революционных (тогда) партий было, конечно, вполне определенное отношение к самодержавию. Социал-демократы и эсеры выставляли одним из самых категорических своих требований свержение самодержавия и требовали демократической республики. Любопытно, однако, привести здесь следующий курьез, хорошо характеризующий эсеров (об этом эпизоде я упоминаю в своей книге). Накануне самого восстания, когда мы писали призыв к рабочим, солдатам и гражданам о начале вооруженного восстания, при обсуждении текста этого воззвания эсеры, устами таких авторитетных своих вождей того времени и таких матерых контрреволюционеров теперь, как Руднев, Зензинов, заявляли, что они против того, чтобы помещать в воззвании требование демократической республики. Они мотивировали это тем, что тогда не будут поддерживать нас различные либеральные слои. Мы видим, что уже тогда эсеры проявили свою подлинную физиономию. И мне пришлось часа два доказывать, что, когда мы зовем на баррикады, призываем к оружию, говорить о поддержке либералов и «бояться» нашего основного требования демократической республики по меньшей мере странно: это значит ставить себя в смешное положение. Следовательно, даже мелкая буржуазия, наиболее радикальная, выразителями интересов которой были эсеры, в решительный момент, очевидно, мечтала не о свержении самодержавия, а только об ограничении его.

Уже октябрьская забастовка 1905 г. резко провела грань между всеми классами. Можно со всей определенностью утверждать, что крестьянство, в погоне за землей, не остановилось бы в конце концов ни перед каким самодержавием. Тем не менее рабочий класс в декабре месяце, действи-

тельно, фактически остался одиноким. Необходимо поглубже вдуматься в причины этого. Тов. Троцкий в своих очерках о 1905 г. говорит, что декабрьское восстание потерпело поражение не благодаря нашим тактическим ошибкам, оно разбилось о реальную силу: об армию, главная масса которой состояла из крестьян. В этом утверждении тов. Троцкого есть большая доля правды. Конечно, в конце концов, крестьянская армия подавила восстание, и не только в Москве. а по всей России, в Закавказье, Грузии, Латвии, Прибалтийском крае,—везде, где было чисто рабочее движение. но и даже там, где только восставали крестьяне, т.-е. не восставали организовано, а просто бунтовали, громили помещичьи усадьбы,—против них выступали казаки и солдаты, т.-е. те же самые крестьяне.

Другое дело.—кто виноват в этом. Я думаю, что и мы, большевики, до некоторой степени виноваты в том, что в первой революции, в конце концов, рабочий класс остался почти одиноким. Даже мы, большевики, довольно поздно спохватились, довольно поздно пришли к сознанию необходимости найти себе могучего союзника в лице трудового крестьянства. Когда Владимир Ильич спешно и энергично заявил о необходимости изменения нашего отношения к крестьянству? В 1904—1905 г.г. До этого у нас была крайне убогая, с революционной точки зрения, аграрная программа. Мы требовали для крестьянства возвращения тех несчастных «отрезков», которые были неправильно захвачены помещиками при освобождении крестьян от крепостной зависимости. В этом именно пункте эсеры нас били, и он именно не давал нам возможности непосредственно, вплотную подойти к крестьянству.

В. И. Ленин перед 3 с'ездом особенно настойчиво говорил о необходимости изменения нашего отношения к крестьянству. Он правильно подчеркнул, что для крестьянина демократизм в данный исторический момент выражается только в одном: это т р е б о в а н и е з е м л и, жажда наложить свою руку на помещичьи владения. А мы только на 3 с'езде вынесли соответствующую резолюцию и, пожалуй, недостаточно решительную, потому что Владимир Ильич встретил тогда оппозицию даже в среде большевиков.

Владимир Ильич вынужден был говорить, что наша резолюция, в которой мы заявляем, что поддерживаем всякое революционное требование крестьян вплоть до конфискации помещичьих земель,—что эта резолюция не противоречит нашей прежней позиции по этому вопросу. А эта позиция была, как известно, такова. Мы усвоили себе отношение к крестьянству, прежде всего, западно-европейской социал-демократии, в частности—Каутского, т.-е. отношение к крестьянству, как к реакционной во всех отношениях силе. Крестьянство своим тяжелым сапогом раздавило Парижскую Коммуну, крестьянство со своим убогим, старым хозяйством является экономически реакционным классом,—именно такой взгляд на крестьянство мы твердо усвоили С другой стороны, сыграло роль то обстоятельство, что наши народники выдвигали крестьянство в России, наоборот, как ту силу, которая, минуя стадию капитализма, сразу приведет человечество,—и, прежде всего, императорскую Россию,—в царство социализма. Борьба против этих взглядов также заставила нас больше чем скептически относиться к крестьянству.

Ленин быстро понял, в чем должна была заключаться наша правильная тактика по отношению к крестьянству. Однако,—мы должны это признать,—для успеха революции 1905 г. это было уже поздно. С чем мы могли подойти к крестьянству? Когда наши агитаторы пробовали в деревне вести работу, с чего они могли начать? Если являлись эсеры, они немедленно брали верх. То же самое относительно крестьянской армии. Просмотрите все наши воззвания к армии того времени,—вы не встретите в них

16*

определенных требований: помогайте крестьянам захватить землю, захватывайте ее сами. Когда Петербургский Совет издавал свое воззвание по поводу обращения к нему целого ряда солдатских частей петербургского гарнизона, то и в этом воззвании,—я его недавно снова просмотрел,—ни слова не говорилось о земле, тогда как и крестьянство в целом и крестьянскую армию могло вовлечь в нашу революцию, в качестве нашего союзника, только такое реальное знамя. Социалисты-революционеры говорили о социализации, и, хотя это были болтуны и настоящие связи с массой крестьянства у них были слабы,—им кое-где удавалось именно этим лозунгом двинуть крестьянство.

Я думаю, что нам нужно было сделать в 1905 г.,—а пожалуй, еще значительно раньше,—то, что мы сделали в 1917 г., т.-е. выбить из слабых мелкобуржуазных рук эсеров знамя земли и воли, не боясь никаких упреков в том, что мы впадаем в народничество и т. д. Мы были марксистами, и если Владимир Ильич, и мы вслед за ним, так мощно использовали это знамя в 1917 г.,—мы смело могли бы также использовать его, повторяю, в 1905 г. и раньше.

Владимир Ильич, как только явился в Россию, как только увидел, в какой обстановке приходится бороться пролетариату, прежде всего выдвинул требования о пересмотре нашей аграрной программы. Как раз накануне восстания у нас в Московском комитете, как во всех с.-д. большевистских организациях, горячо обсуждалось предложение Владимира Ильича выставить в нашей аграрной программе требование национализации земли. Как сейчас вспоминаю это историческое заседание, на котором нам сообщили о движении Ростовского полка. Мы как раз обсуждали тогда, и очень горячо, это предложение Владимира Ильича. Очень многие из большевиков были против этого предложения, и в этом была наша ошибка. Крестьянство, как таковое, мы не успели крепко связать с собой понятным для него лозунгом, тем главным лозунгом, который был для него всем,—землей. Это-то и явилось главной причиной неудачи революции 1905 года и, пожалуй, московского восстания в частности.

Высказываются предположения, что в Москве восстание могло бы одержать победу. Пожалуй, это и верно, но я хотел бы отметить, что силы нашего врага не были столь слабы, как думают.

В распоряжении местной власти была значительная вооруженная сила. Помимо солдат, в руках администрации была специально предназначенная для борьбы с нами огромная полицейская сила. В этом отношении показательна паническая телеграмма, которую послал московский градоначальник министру внутренних дел, когда началось движение в Ростовском полку: «Обязываюсь доложить,—телеграфирует он,—что Ростовский полк в полном восстании, в Несвижском и саперном батальоне сильное брожение, остальные войсковые части наготове на случай военного бунта, так что столичный порядок поддерживаю двумя тысячами измученных полицейских чинов и жандармским дивизионом... Положение серьезное, но надежды и сил не теряю на восстановление порядка. Аресты кого нужно продолжаю».

Из этой телеграммы видно, что в распоряжении местных властей было, повидимому, 2.000 полицейских чинов плюс жандармский дивизион, помимо надежных войсковых частей. К сожалению, надежные для царского правительства войсковые части были...

Я присоединяюсь, все-таки, к мнению, что мы даже с нашим плохим оружием, с нашими револьверами могли в Москве не только выдержать состязание с этими частями, но и победить. Нельзя забывать, что революция дает восставшим много преимуществ. На нашей стороне была преданность нашему общему делу, самоотверженность, беззаветная храбрость, у врага—постоянная растерянность. Те, кто принимал участие в восстании,

знают, в какую панику всегда впадали солдаты, когда выходили на улицу (даже конные части). Они быстро неслись по улице, и вдруг неожиданно раздавались, неведомо откуда, выстрелы, падал один, другой; тогда они поворачивали назад и стремглав неслись обратно. Бездымный порох давал возможность стрелять с крыш, из-под ворот, и это производило колоссальнейшее впечатление.

Технически мы были тогда мало подготовлены. Это показывает следующее обстоятельство. Мы одно время захватили несколько орудий. Случилось это так. Артиллерия с этими орудиями выехала, кажется, на Кудринскую-Садовую. Вдруг раздаются выстрелы наших дружинников. Солдаты разбегаются, мы захватили орудия и... не знали, что с ними делать. Вы можете себе представить, какое бы произвело впечатление, если бы мы эти орудия направили на Кремль или на генерал-губернаторский дом и ахнули. Поверьте, что солдаты и даже часть офицеров[1]) при таких обстоятельствах перешли бы на нашу сторону. Я помню свой разговор после похорон Баумана с группой офицеров, которые принимали участие в этих похоронах,— главным образом, артиллеристами. Они держались очень осторожно, сдержанно: Когда я им поставил прямиком вопрос, что они будут делать, если мы начнем вооруженное восстание, — поддержат ли они нас, офицеры заявили мне в конце концов откровенно: «Сейчас не поддержим, мы постараемся удержать наши части. Но если мы увидим, что вы побеждаете, мы перейдем на вашу сторону».

Думаю, что если бы мы даже невпопад ахнули из захваченных орудий, это многих заставило бы иначе отнестись к нашему восстанию. Технических знаний у нас не было никаких, не было хотя бы тех военных знаний, которые дала массам к 1917 году империалистическая война. Мы знали отлично, что Энгельс сам изучал и всем революционерам рекомендовал изучать военное дело, но все-таки ничего не изучили. В. И. Ленин много сидел еще в Женеве над этими вопросами, но мы, в подавляющем большинстве, не знали, что нам делать.

Мы много проиграли, безусловно, также благодаря нашей нерешительности. Я глубоко убежден, что если бы декабрьское восстание началось несколько раньше, мы могли бы одержать верх.

Возвращаюсь вновь к тому заседанию, когда нас известили о движении в Ростовском полку. Мы отнеслись к этому известию,—говорю откровенно,—слишком легко. Ведь к нам приходят и говорят: «Полк восстал, прогнал офицеров, наши агитаторы там, и их встречают восторженно. Кто хочет, идите к ним, кроме начальства» (действительно, когда толстый Гершельман попробовал пойти, его встретили штыками). Что было нам делать? Я предложил немедленно вывести полк на улицу. Было ясно, что солдат долго в таком положении держать нельзя. Сразу встанет вопрос: их нужно кормить; если они будут сидеть в казармах, им нужно доставлять продовольствие, то, что им нужно. Чем вы их будете кормить? Речами? Солдат нужно вывести на улицу и захватить правительственные учреждения.

Растерянность среди власти была в это время колоссальная. Ростовский полк—один из самых крупных полков, и у него были пулеметы. В Москве тогда было вообще немного пулеметов, и 8 из них находились в распоряжении Ростовского полка. Некоторые из наших товарищей, помня

---

[1]) Здесь следует отметить, что часть мелкой буржуазии все же поддерживала нас. Известно, что учащаяся молодежь, студенты, в лице своих очень и очень многих представителей, были в декабре 1905 г. с нами (в противоположность 1917 г.), многие студенты принимали участие в наших дружинах. Под нашим призывом к декабрьской забастовке и восстанию подписались меньшевики и эсеры, являвшиеся уже тогда партиями радикальной части мелкой буржуазии.

неудачи, которые постигли целый ряд военных восстаний, в частности в Севастополе, в Харькове. в Киеве, указывали, что это будет авантюра. что так поступать нельзя. Если бы известие попало в исполнительную комиссию, а не в пленум комитета, я постарался бы настоять, чтобы немедленно вывести Ростовский полк на улицу[1]). Покойный Марат (я глубоко убежден, что в комиссии он согласился бы со мной) занял промежуточную позицию. Он понимал, что долго солдат мы не удержим в таком напряженном состоянии, но думал, что без ЦК нельзя решиться на слишком ответственный шаг. В тот же самый день, вечером, было заседание Московского Совета или Федеративного Совета. И вот приходит делегация от сапер, с которой я должен был об'ясняться. Делегация мне говорит: «Мы знаем, что происходит в Ростовском полку, и мы решили сделать то же самое. В нашем распоряжении, под нашей охраной арсенал, мы можем передать его вам. Присылайте рабочих». И это не было провокацией [2]), это было именно так. Та же самая телеграмма градоначальника, которую я уже цитировал, упоминает о брожении в Несвижском полку и саперном батальоне.

Наконец, можно было проверить, не является ли предложение делегатов провокацией, можно было послать десяток-другой наших дружинников и узнать, серьезно или несерьезно саперы предлагают нам оружие и свое содействие. Я тогда предложил Марату еще раз: давайте пересмотрим решение, которое мы вынесли сегодня. Марат не решился, и мы, вернее он, стали уговаривать саперов, чтобы они подождали. А через несколько дней, как и можно было ожидать, покуда мы сносились с ЦК (а это было не так просто, потому что в нашем распоряжении не было ни телеграфа, ни телефона и мы должны были послать Марата или кого-то другого, и даже не курьерским поездом, ибо в нашем распоряжении были лишь жалкие гроши), Ростовский полк разложился и сдался. Мы попробовали использовать это солдатское движение, создали совет солдатских депутатов (он как раз был созван около этого времени), но было уже поздно. Необходимость же и неизбежность скорого вооруженного выступления оправдались. Восстание началось через 3—4 дня после сдачи Ростовского полка.

Итак, мы, до известной степени, сами виноваты, что не смогли использовать в целом крестьянство и крестьянскую армию, которая могла бы быть на нашей стороне. Крестьянская армия волновалась, крестьянская армия восставала. Там, где в этой крестьянской армии были рабочие, эти части первые поднимали вооруженное восстание: я имею в виду целый ряд матросских движений, начиная с потемкинского, движение сапер в Киеве, Харькове и т. п. Московское движение, даже в среде рабочего класса, осталось изолированным: нас, как следует, никто не поддержал, и в этом—наша беда. Ближайшие города старались оказать помощь, приезжали рабочие из Рязани, Нижнего-Новгорода, одиночки - рабочие, но в целом пролетариат, кроме ростовского, в то время не поддержал нас активно. И печальнее всего. что нас не поддержал Петербург.

Почему же Петербург нас не поддержал? Почему явились семеновцы? Почему из Твери прибыли драгуны и артиллерия? Потому что Николаевская (ныне Октябрьская) дорога продолжала работать, петербуржцы даже не остановили движения на этой важнейшей магистрали. Все организации московского железнодорожного узла были с нами, в нашем распоряжении; на Николаевской же дороге царил и господствовал попрежнему злосчастный железнодорожный союз с Переверзевым и прочими господами во главе.

---

[1]) В своей книге я привожу этому ряд доказательств.

[2]) Исполнительной комиссией назывался президиум Московского комитета партии. В ее состав входили Марат, я и некоторое время тов. Лядов.

Когда мы спросили Переверзева уже во время восстания, что вы сделали, он ответил: «К сожалению, Николаевскую дорогу не остановили». Замечательный ответ! Этот пошляк на первом же заседании только и говорил, что о своей персоне, как он разговаривал с начальством, какие грозные слова повторял, как начальство боялось его и т. д. Когда же мы его спросили, что же вы думаете делать,—он ответил: «Думаем взять поезд, пустить и все устроится». Тут мы спохватились, стали принимать меры, чтобы связаться с Тверью, взорвать мосты, но было уже поздно.

Ночью в первый же день восстания весь революционный штаб, т.-е. Федеративный Совет и еще несколько рабочих, был арестован, возможно, благодаря тому же самому Переверзеву, хотя, может быть, тут и Серебрякова или кто-нибудь из других предателей приложили руку. Но я помню такой разговор. Мы назначаем следующее заседание, а Переверзев говорит унылым голосом: «Я, вероятно, не буду на следующем заседании».—«Почему?»—«Да, видите, за мной, кажется, следят, я не уверен, что около ворот не стоят». Мы сейчас же прекратили заседание. Я чуть ему в физиономию не дал.—«Убирайтесь к чорту!», крикнул кто-то. Но только-что мы их вытурили, нагрянула полиция, и нас арестовали.

Конечно, нас с Маратом можно было заменить, но все же наш арест во время боя, в самом начале его имел большое значение. У нас в руках были связи, был некоторый авторитет. Этот арест также был одним из минусов, одной из тех неудач, которые, может быть, в значительной степени зависели от нас, от нашей технической неумелости и неопытности. Мы не пожелали оторвать достаточное количество дружинников для охраны нашего штаба и не поставили достаточно стражи. Но главное, конечно, то, что нас не поддержал Петербург.

Тов. Троцкий, на мой взгляд, неправильно об'ясняет, почему именно Петербург нас не поддержал. Он пишет, приблизительно, так: «Нерешительность Петербурга об'ясняется тем, что именно здесь рабочие яснее, чем где бы то ни было, понимали, что дело идет на этот раз не о стачечной манифестации, а о борьбе на жизнь и смерть. 9-е (22-е) января неизгладимо врезалось в сознание масс. Лицом к лицу с чудовищным гарнизоном, ядро которого образуют гвардейские полки, петербургские рабочие не могли брать на себя инициативу революционного восстания...».

На простом, не витиеватом языке это значит, что петербургские рабочие боялись, трусили. Я думаю, что это в корне неверно и несправедливо в отношении петербургских рабочих, которые, несмотря на чудовищный расстрел в январе, готовы были немедленно взяться за оружие. Петербургские рабочие дружно поддержали октябрьскую забастовку; петербургские рабочие смело демонстрировали по улицам Петербурга, несмотря на известный приказ сатрапа Трепова: «патронов не жалеть»; петербургские рабочие дружно бастовали по приказанию Петербургского Совета в ноябре. Ссылка на чудовищный гарнизон, ядро которого составляли гвардейские полки, тоже не совсем правильна. Мы знаем, что даже ядро этой самой гвардии было вовсе не такой надежной опорой, и Петербургский Совет сам был свидетелем движения в Преображенском полку, первую «царскую» роту которого пришлось разоружить.

Если кто и трусил в Петербурге, то это меньшевики и эсеры, главным образом, меньшевики, которые считали нашу революцию буржуазной. Поскольку буржуазия не хотела вооруженного восстания, не хотели его и меньшевики. Мы знаем их резолюцию о вооруженном восстании, вынесенную летом на конференции, происходившей одновременно с нашим III с'ездом. А кто руководил в Петербургском совете?—В конце концов там главенствовали меньшевики. Там сидел Парвус, там сидел меньшевик,—хотя он в то время был уже левее других меньшевиков,—т. Троцкий

и другие. А что Троцкий считал главным средством борьбы? Он прямо говорит: «Главным средством борьбы в руках Совета была политическая забастовка,—метод, свойственный исключительно пролетариату». Вот это-то и пустяки. Меньшевики считали, что пролетариат может бороться преимущественно политической забастовкой, и затратили, истощили этим средством силы петербургского пролетариата. Частыми забастовками и особенно неудачной борьбой за немедленное введение восьмичасового рабочего дня, борьбой, которую потом ликвидировал сам Совет, действительно в Петербурге настолько истощили рабочих, что они, голодные, измученные, в решительный момент не в состоянии были восстать и активно поддержать наше восстание.

Тов. Троцкий подчеркивает, что на суде никто не мог указать, что хотя бы на одном собрании Петербургского Совета говорилось о вооруженном восстании. Троцкий свою речь начинает таким заявлением: «Предметом судебного разбирательства, как и предметом предварительного дознания, является, главным образом, вопрос о вооруженном восстании,—вопрос, который за 50 дней существования Совета рабочих депутатов не занимал, как это ни странно может показаться особому присутствию, никакого места ни на одном из заседаний Совета». Вот в этом и была беда. Петербургские рабочие не были пропитаны идеей, жаждой и сознанием необходимости вооруженного восстания, и это—вина руководителей, вина того меньшевистского авангарда, который фактически стоял во главе петербургского пролетариата в Совете. И в этом отношении Московский Совет, которым руководили, главным образом, большевики и который был во главе рабочего движения в декабре, стоит гораздо выше, чем Петербургский.

В заключение самый краткий ответ на вопрос, который ставят многие: что было бы, если бы не было поражения, была ли бы Советская власть? Нужно было сначала победить. Конечно, если бы мы одержали победу, мы, надо полагать, сумели бы использовать ее во всех отношениях.

Тов. **Шестаков**. Вопрос, затронутый т. Черномордиком относительно оценки и характеристики революции 1905 г. и причин ее поражения, является очень интересным. Я считаю его определение революции 1905 г., как революции в двух ликах: революции национальной и революции пролетарской, неверным. Сравнивать революцию 1905 г. с революцией 1917 г., конечно, можно, как все можно сравнивать, но делать такое заключение, что октябрьская стачка аналогична февральской революции 1917 г., а декабрьское восстание—соответствовало Октябрьскому перевороту, эта аналогия вряд ли, по-моему, может быть принята, как действительное совпадение. Дальнейшую аналогию событий 1905 г., которую пытался проводить т. Черномордик по отношению к Французской революции 1789 г. и революции 48 г., опять-таки как к революциям национальным, которые якобы можно сравнивать с октябрьскими событиями 1905 г., я считаю еще бо́льшей натяжкой, чем сопоставление с революцией 1917 г. Дело в том, что классовые отношения были совершенно иные в указываемые им моменты. Прежде всего хочется возразить т. Черномордику, что наша революция 1905 г. во всех отношениях была очень мало похожа на Великую Французскую революцию, а также и на революцию 48 г. Основное содержание нашей революции 1905 г. в том, что это революция рабоче-крестьянская, с огромным преобладанием в ней крестьянства, и что крестьянство в 1905 г. играло чрезвычайно большую роль по сравнению с теми революциями, о которых говорили. Тов. Покровский вслед за Лениным указывает, что крестьянская революция в 1905 г. была стержнем всего движения. Такая оценка революции у т. Черномордика пропадает, он не учитывает ее в должной степени, когда проводит свою параллель. Между тем наибольшая социальная значи-

мость революции 1905 г. была в том, что это была крестьянско-пролетарская революция. В ней больше, чем когда-либо в прежних революциях и в 1848 г., были элементы и социалистической революции в том смысле, что пролетариат уже подходил в ней к выдвижению социалистических задач, к построению таких органов революционной власти, как Советы Рабочих Депутатов, которые в случае победы, несомненно, уперлись бы в разрешение ряда социалистических проблем. Это явление отображено в постановлениях III с'езда партии. В 1905 г., несомненно, был подход к тем самым задачам, которые пролетариат вообще ставил себе в XX веке. Это уже совсем другое положение для революции, другая обстановка и социально-экономическая, и социально-политическая.

Мы не можем революцию 1905 г. рассматривать вне всего исторического процесса. В этом отношении, если мы будем рассматривать 1905 г. в обстановке международного развития финансового капитала и положения России, как страны, колониально задавленной этим финансовым капиталом, диктующим известного рода политику и внутреннюю, и внешнюю для этой страны, где пролетариату приходится бороться не только со своей отечественной буржуазией, но и с империалистической буржуазией Запада, которая является руководящей силой во всей основной промышленности страны, то у нас получится, конечно, совсем другая постановка вопроса о революции, чем то революционное соотношение сил, которое было и в 1789 и в 1848 г.г. Вопрос о национальной революции в 1905 г. в России не может быть применен в такой степени, как это было применено к старым западно-европейским революциям. Надо полагать, что в обстановке колониального положения России, в ее зависимости от финансового капитала Запада, роль крестьянского движения представляла из себя совершенно иное значение, чем в других революциях в другие периоды истории. Здесь надо сказать, что сплетение в революции интересов крестьянства и пролетариата в 1905 г. в России было совершенно иным, чем это было в других местах.

Затем надо сказать, что совершенно неправильно разрывает т. Черномордик крестьянское движение с пролетарским. Нельзя также абстрагировать отдельные части классовой борьбы от всего движения в целом во всей стране (это делать даже методологически неправильно), нельзя исследовать вопрос и делать выводы о характере революции, базируясь только на московском восстании и т. д., и особенно нельзя всего этого делать, когда задаешься целью делать большие исторические аналогии. Это уже не историзм, а неизвестно что... Относительно того, что будто бы в декабре пролетариат был одинок и оторван от крестьянства, это положение докладчика я считаю неверным. Мы слышали прошлый раз доклад о крестьянском движении. Я сам его изучал и работал в нем в 1905 г., поскольку это тогда было можно. Мы отмечали все в прошлый раз зависимость крестьянского революционного движения от рабочего. Мы видели, как крестьянское движение идет сейчас же за волной рабочего движения, и мы видим, как одно движение тесно переплетается с другим и получается определенная сила, определенное революционное явление. Необходимо указать, что при железнодорожной стачке, парализующей вообще силы реакции, крестьянское движение поднимается как раз в тот момент, когда усмирители не могут передвигаться, и крестьянство легко расправляется с помещиками. Думать, что в декабрьском восстании крестьянство не принимало участия, как это делает т. Черномордик, это просто неверно. Вопрос относительно того, почему не победило декабрьское восстание? Тут, несомненно, техническая отсталость и невооруженность крестьянства и пролетариата имели огромное значение. В этом т. Черномордик прав. Огромное значение имела и слабость нашей организации, как отметил

т. Южин. Запоздалое представление о роли крестьянства в революции у большевиков (вплоть до III с'езда на крестьянство обращалось сравнительно слабое внимание) также имело большое значение. Но я бы хотел отметить два явления, на которые совсем не было указано ни докладчиком, ни оппонентами: это утомленность петербургского пролетариата в борьбе за 8-час. рабочий день в ноябре 1905 г. и. с другой стороны, воздействие на русскую революцию парижской буржуазии и германского императора Вильгельма, направившего свои войска на границы России на случай подавления движения, если бы оно стало перерастать в опасные формы. Здесь о международной обстановке, о давлении буржуазии, заинтересованной в барышах, нельзя забывать.

Тов. **Покровский.** Должен сказать, что предыдущие ораторы много сказали из того, что я хотел сказать. Прежде всего, все они оспаривали ту основную ошибку т. Черномордика, которая заключается в том, что он смешивает общий ход нашей революции 1905 г. с ходом декабрьского восстания. В общем ходе революции 1905 г. не подлежит сомнению, что пролетариат остался до известной степени изолированным. Крестьянство не подошло к нему вовремя и не помогло. Это классически об'яснено Лениным. Но ведь данный доклад был посвящен декабрьскому восстанию в Москве, а относительно декабрьского восстания в Москве никоим образом нельзя сказать, что в этот момент, в декабре 1905 г., в Москве пролетариат был изолирован, наоборот, в Москве мелкая буржуазия, в особенности вначале, всей массой была на стороне восстания и всячески его поддерживала. Тут уже указывали, что в дружинах было много гимназистов и студентов и т. д. Я припоминаю другие факты: содержателя сапожной мастерской, самого типичного мелкого буржуа, который кормил дружинников в течение целого ряда дней, лавочника в Лесном переулке, который с неподдельным восторгом рассказывал о военных операциях, которые были в Сущевской части. Правда, он смешивал слова «баррикада» и «бригада», но он с восторгом описывал: «Здесь стояла бригада и отсюда стреляли». Это был лавочник, типичный мелкий буржуа. И я думаю, что всякий, кто пережил декабрьские дни в Москве, может привести массу такого рода случаев, когда эта мелкая буржуазия всеми доступными средствами приходила на помощь восстанию, так что ни о какой изоляции пролетариата в декабре 1905 г. говорить не приходится. и причиной неудачи, очевидно, было не это. Я лично, причину неудачи, можно сказать, фиксировал раньше самой неудачи. 8 декабря мне пришлось выступать на митинге, и я сказал тогда, не с трибуны, а в частном разговоре. Меня спросили: «Ну, т. Покровский, как по вашему мнению, какие шансы восстания?» Я ответил:—«Перейдут на нашу сторону 2, 3 полка — выиграем, иначе — проиграем». Для меня и тогда и теперь было ясно, что при современных технических условиях, вооруженное восстание может рассчитывать на успех только при разложении большинства вооруженных сил и переходе на его сторону части вооруженных сил, и это в целом подтвердилось опытом февральской революции 1917 г. и Октябрьской. В феврале 1917 г. без перехода гвардейских полков на сторону народа ничего бы не вышло, а в Октябре все бои шли за артиллерию, на чьей стороне будет артиллерия, но нам удалось разагитировать артиллерию. и в конце концов, вся она до 11-дюймовых орудий оказалась в наших руках. Это было для боя решающим, сразу и окончательно стало ясным, что юнкера будут разбиты, хотя, как военная масса. они были вооружены лучше нас; но, у них не было пушек, и их расстреляли. Так что в современных условиях, это нужно помнить нашим товарищам за границей, для которых опыт вооруженного восстания еще впереди, не разложив армии, не перетянув ее на свою сторону, нечего говорить о вооруженном

восстании. Поскольку нам это не удалось в декабре, декабрьское восстание, как таковое, было заранее осуждено на неудачу. Почему нам это не удалось? Тут отсталость крестьянской революции от рабочей и сказалась. В конце концов солдаты—это крестьяне в той или иной форме. Конечно, если бы революционное движение крестьянских масс поспевало за пролетарским, армия была бы достаточно разложена,—это основное условие; сопутствующим условием было, что самодержавие успело сделать то, что ему не удалось сделать в 1917 г.,—успело заключить мир за границей раньше, чем началась открытая борьба. Мир был заключен в августе, борьба началась в октябре, в декабре она продолжалась. Октябрьская забастовка началась к тому времени, когда самодержавие уже имело мир в руках и, значит, имело возможность, путем роспуска менее надежных частей вооруженных сил, главным образом запасных, которые были наиболее опасны, в особенности запасные манчжурской армии, предотвратить разложение армии. В 1917 г. оно не с'умело во время заключить мир, армия стояла под ружьем, разложение шло во-всю, на это ударила наша агитация, армия была ей захвачена и помогла захватить власть. В этом основная причина декабрьской неудачи; как таковой; повторяю, я определил свое положение еще тогда на месте действия и не вижу никаких фактов, которые заставили бы меня отказаться от этой точки зрения теперь. Теперь перехожу к смыслу декабрьского поражения. Об этом мало говорили. Говорил т. Шестаков не совсем точно и верно. Тов. Шестаков правильно связал неудачу нашей революции 1905 г. с давлением иностранного капитала, но тут соотношение сил было не совсем такое, как ему представляется. Не потому была раздавлена революция, что пришел на помощь иностранный капитал, это помогло только ее докончить, а потому иностранный капитал пришел на помощь Николаю, что ему удалась победа в декабре. Когда читаешь переписку дипломатических представителей Парижа и Петербурга, то с совершенной очевидностью выступает, что пока казалось, что Николай может быть разбит, там и говорить не хотели ни о какой поддержке, потому что не знали. признает ли новое правительство заем или нет? И только когда Николай одержал победу в декабре, тогда французский рынок начал разговаривать о займе. Под залог декабрьских баррикад, разгромленных в Москве, растрелянной Пресни и Казанской дороги, Николай получил первые 100.000.000 на поправку дел, непосредственно после декабря. Затем смотрели. как дальше дело пойдет. Но когда выяснилось, что второго декабрьского восстания устроить невозможно, что революция в смысле открытой борьбы идет по кривой вниз, а не вверх, там расщедрились и дали более крупную сумму. Суть дела была во внутреннем положении. По мере того, как внутреннее положение приходило в порядок (употребляя буржуазную терминологию), восстанавливался кредит Николая за границей, и с ним стали разговаривать. и деньги в конце концов дали Вот почему Николаю было так важно справиться с этим выступлением и вот почему, если бы выступление в декабре удалось, хотя бы в московских пределах, (а оно бы удалось, если бы использовали ростовское восстание и саперов),—Николаю бы денег за границей не дали, и он вынужден был бы капитулировать перед первой думой. В этом и заключался спор: получит ли он деньги под личный кредит, или заставит подписаться под векселем «народное представительство»; если бы случилось последнее, то ясно, что реальная власть перешла бы в руки думы, Николай был бы в руках этой думы и ход революции был бы иной. Вот чем об'ясняется настроение Николая после декабря, которым я хочу поделиться с вами на основании одного документа. Это письмо члена союза русского народа Семенова князю Щербатову, в котором рассказывается так: «В пятницу от союза русского народа была депутация в 30 человек с Дубровиным, Тришатным, Булацелем, Майковым,

Ершовым и др. На прямой вопрос Тришатного о самодержавии государь ответил: «Успокойтесь, взойдет солнце правды, и мы восторжествуем. Будут обнародованы основные законы». Эти слова очень смутили всех, стали бояться, что под этими основными законами надо разуметь конституцию и присягу. Но в ней ли солнце правды, и в ней ли торжество? Затем его величество на все заявления о недопустимости присяги, необходимости самодержавия, о зле конституции, одобрительно, поощрительно говорил с депутацией, ничего не возражал и ни о какой непреклонной воле по записке не читал. Я был 21 декабря у государя в кабинете и был обласкан, вынес впечатление, что государь бодр, оживлен, точно он на что-то хорошее решился и теперь успокоен будущим успехом. Благодарил меня за ясную и правильную речь и за сообщение нескольких предложений. мер, из которых кое-что осуществится».

Итак, под впечатлением московских баррикад у Николая впервые созревает план того государственного переворота, который он в два приема осуществил. Сначала опубликовал основной закон, где было восстановлено самодержавие, а затем, разогнав первую думу, что было заранее решено, вводит столыпинские суды и т. д. В этом отношении декабрь сыграл громадную роль. Это был водораздел, это была высшая точка, до которой дошла революция и от которой она спустилась.

Такое изображение декабрьского восстания может напомнить нам фразу Плеханова: «Не нужно было браться за оружие».

Войска на нашей стороне не было, восстание было осуждено на неудачу и имело роковые последствия, поскольку спасло царизм, дав ему заграничный кредит, внушив ему силу и бодрость. Глубоко неправильная постановка. Декабрьское восстание не только об'ективно было необходимо, и мы не могли его предотвратить, но было совершенно необходимо и как политический шаг. Дело в том, что восстание всякое, это показал опыт февраля, не только возможно при содействии армии, но всегда является борьбой за армию. И для того, чтобы армию привлечь на свою сторону, безусловно необходимо вооруженное выступление народных масс, безусловно необходимо, и это выявилось в декабрьские дни 1905 г. Я припоминаю рассказ сокольнического районного организатора о том, как дело стояло в саперных казармах. Саперы приходили не только к т. Южину, но и своим местным, районным с.-д.-большевикам говорили, что могут поднять восстание. При каких условиях? Они говорили: «Если рабочие придут к воротам, мы сумеем вывести батальон, но рабочие должны подойти». Товарищи, знающие технику забастовки, прекрасно понимают это. Сколько раз приходилось слышать от агитаторов: один говорил: «забастуют все»; другой говорил: «если снимут,—забастуют». Солдат нужно было снять. И вот Сокольнический организатор рассказывает: «Пошло нас человек 300, а дошло до ворот 18 человек. Вышли солдаты и говорят: «Ну что же, товарищи, видите сами—ничего не выйдет. 18 человек это не с'емка». Таким образом, выступление вооруженное, выступление народное, массовое выступление на улицу было необходимо, т. к. заранее нельзя было сказать, что крестьянская революция настолько отстала, что крестьянская масса не присоединится. Этого нельзя было заранее сказать и поэтому совершенно необходимо было выступить, чтобы попробовать, не можем ли мы таким образом разложить противника и привлечь на свою сторону силы. Без этой пробы мы морально потеряли бы в представлении пролетариата, как это показала германская революция 1923 г. Там коммунистическая партия, благодаря ее направлению, которое представлял Брандлер, несомненно проиграла в глазах рабочих, не сделав того, что сделали мы в решительный момент. Тут совершенно правильно, что поражение после борьбы стоит больше, чем успех, достигнутый без борьбы. Это было первое. Необходимо было

выступить для того, чтобы попробовать, не можем ли мы увлечь войска и выиграть революцию. Во-вторых, необходимо отметить, что декабрьское восстание сломало то обаяние, которое окружало до тех пор царизм и его вооруженные силы. Это был чрезвычайно важный факт, что народные массы, рабочие, отчасти мещанство, мелкая буржуазия стали стрелять в царя в лице его вооруженных сил. Это был чрезвычайно важный психологический факт. В этом смысле, главным образом, и приходится расценивать декабрьское восстание 1905 г., как репетицию октябрьского восстания. Вы посмотрите, как легко и просто стали стрелять в феврале и октябре 1917 года. Никаких споров о том, возможно ли вообще вооруженное выступление, больше не было, было ясно, что оно необходимо, спор шел только о том, целесообразно ли оно в данный момент. Этот психологический момент имел колоссальное значение, и говорить, что декабрьское выступление, поскольку оно об'ективно было весьма сомнительно, с нашей стороны не должно было иметь места, совершенно неправильно. Если бы декабрьского восстания не было, не было бы ни февраля, ни октября 1917 г. Это был первый удар, который было совершенно необходимо нанести. Разрешите закончить одним образом, который, может быть, лучше пояснит мою мысль. Я не знаю, кто из вас занимается боксом, но кто занимается боксом, тот прекрасно знает, до какой степени боксеру важно иметь переломленный нос. Когда приезжали сюда молодые англичане, то наши боксеры в первую очередь поинтересовались. «А носы у вас переломлены?»—«Переломлены». Значит, хорошие боксеры. Дело в том, что раз переломленный и сросшийся нос больше переломить нельзя: хрящ настолько тверд, что его не переломишь. Так вот, товарищи, декабрь 1905 г. для русского пролетариата был этим переломленным носом, без которого хорошим боксером не сделаешься (аплодисменты).

Заключительное слово тов. Черномордика

Я, товарищи, буду отвечать только на те вопросы, которые затронуты в моем докладе. К сожалению, в прениях было затронуто много вопросов, которые не входят в рамки моего доклада. Вопросы эти очень интересны, могут составить тему для особого доклада, но к моему докладу ближайшим образом не относятся.

Прежде всего, я должен заметить, что в своем докладе я говорил не о поражении революции 1905 года, а о поражении декабрьского восстания. Напротив, я в своем докладе подчеркнул, что в декабре поражения революции не было, что революция продолжалась и в 1906 году. Я говорил о техническом поражении декабрьского восстания 1905 г.

Теперь остановлюсь на возражениях по первому вопросу. Тов. Покровский, возражая мне, говорит, что неверно, что пролетариат в декабре был одинок: в дружинах участвовали представители мелкой буржуазии, которая сочувствовала и строила баррикады и вместе с пролетариатом проделывала революцию. Это совершенно верно, и во всех своих работах я подчеркиваю, что во время декабрьского восстания пролетариат имел технического союзника в лице студентов, дворников, кухарок и мелкой буржуазии. Но есть ли это доказательство того, что пролетариат не был изолирован? Являются ли кухарки, дворники и городское мелкое мещанство таким союзником, который входит в понятие политического союза классов? Я утверждаю, что нет. Это был чисто технический, а не классовый союзник, потому что такой организации мелкой буржуазии, которая принимала участие в целом, в декабрьском восстании не было, это были одиночки (С места: «А меньшевики и с.-р.?»). [1]). Поэтому я считаю возражения

тов. Покровского в той части, где он говорит, что пролетариат не был изолирован, не серьезными возражениями. Мне не было доказано, что пролетариат был изолирован, и поэтому мое первое положение, что пролетариат был изолирован во время декабрьского восстания, остается в силе.

Теперь относительно возражения т. Шестакова о недопустимости аналогии между революцией 1905 г. и западно-европейскими революциями. Аналогия не есть метод исторический, я с этим совершенно согласен, и я в своих работах провожу мысль, что это метод не марксистский. Но если я позволил себе проводить аналогию между нашей революцией 1905 г. и революциями в Западной Европе в 40-х годах, то вовсе не для того, чтобы поставить между ними знак равенства. Я указал, что приходится внести поправки на время, потому что со времени 48 года прошло 60 лет до нашей революции. За это время экономическое развитие сильно шагнуло вперед, совершенно изменились соотношения классов. Поэтому полной аналогии я не хотел проводить. Я хотел сказать только, что революция 1905 г., в октябре, была национальной революцией, как и в 1848 г. на Западе, в том смысле, что в ней принимали участие все классы общества. Мы знаем, что и во Франции в 1848 г. было две революции, в феврале и в июне, при чем в июне пролетариат выступал уже, как класс.

Далее я затронул вопрос, которого коснулся и т. Южин,—вопрос относительно того, боролась ли наша буржуазия до октября за свержение самодержавия. Он это отрицает и аргументирует тем, что разве мы, большевики, не говорили о том, что наступит момент, когда буржуазия изменит нам. Мы это отлично знали, но из того, что мы это знали, не следует, что мы не могли использовать буржуазию. Вся политическая борьба различных классов в первой революции была по сути дела борьбой за гегемонию в революции. Русская буржуазия так же, как и во время революции в Западной Европе ее собратья, хотела быть гегемоном в революции и использовать пролетариат и вообще все трудящиеся элементы для того, чтобы захватить политическую власть. Но она достаточно не понимала еще того, что ей это не удастся: она это только предчувствовала, но не понимала. Она окончательно это поняла только после манифеста 17 октября. Конечно, нельзя говорить, что буржуазия так последовательно шла до 17 октября, что не было «измены» с ее стороны. Конечно, и до октябрьской забастовки были всякие уступки со стороны царского самодержавия имущим классам. Это был один из методов откола различных частей буржуазии от революции. Достаточно вспомнить булыгинскую думу. Капиталисты, буржуазия приветствовали булыгинскую думу, значительная часть буржуазии во главе с Шиповым выступала за совещательную думу против законодательной думы. Булыгинская дума уже откололα часть буржуазии. Всю революцию в сущности надо рассматривать, как постепенный откол от революции отдельных частей буржуазии, начиная с булыгинской думы. Но в общем и целом можно говорить, что до 17 октября значительная часть буржуазии шла на «свержение самодержавия», потому что сама хотела стать у власти. Под «свержением самодержавия» буржуазией понималась замена абсолютной монархии каким-либо другим конституционным режимом. Поэтому, нельзя противопоставлять, как это делают некоторые, понятие «свержение самодержавия» «ограничению самодержавия». Но буржуазия, увидев, что она

---

[1]) Ответ на вопрос с места. Меньшевики и с.-р. не были партиями мелкой буржуазии в 1905 г. Если бы это было так, то было бы очень хорошо. На деле они были лишь партиями, желавшими подчинить пролетариат политическому влиянию мелкой буржуазии.

встречает конкурента в лице пролетариата, решила итти в союзе с самодержавием. Возвращаюсь к возражениям тов. Шестакова. Тов. Шестаков говорил, что аналогия с западно-европейскими революциями потому невозможна, что наша революция окрашена крестьянской революцией. Совершенно верно. По-моему это просто ломиться в открытую дверь. Я думаю, что о роли крестьянства в революции 1905 г. нечего говорить, что этот вопрос давно разрешен и не входит в мою тему и во всяком случае тут спорить не о чем. Конечно, первая революция 1905 г. в значительной части была крестьянской. Но все-таки надо иметь в виду, что гегемоном революции был пролетариат. Этот момент не меньше окрашивает русскую революцию, чем то, что крестьянство принимало громадное участие в революционном движении. Теперь вопрос о поражении. Я здесь не встречал сильных возражений против той точки зрения, что это было техническое поражение. Я думаю, что тов. Покровский только подтвердил то, что я говорил по этому вопросу. Но я сожалею, что он не коснулся другого вопроса, который меня очень интересует,—это вопрос о том, что было бы, если бы мы победили. Вопрос очень важный, хотя и гадательный. Мне, к сожалению, на этот вопрос не ответили, хотя ничего антинаучного в постановке такого вопроса нет, так как победить в декабре мы могли.

С. М. Дубровский

Крестьянство в революции 1905 г.[1])

(Стенограмма доклада на публичном заседании 20 ноября 1925 г.)

Основной задачей революции 1905 года, как первого демократического этапа русской революции, являлись уничтожение полукрепостного строя в России и расчистка пути для развития производительных сил, тормозом которых стали полукрепостные производственные отношения. Отсюда вытекала вся важность крестьянства и крестьянского революционного движения в первой русской революции.

«Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немыслимо без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе» (Ленин, собр. сочин., т. XI, часть 1, стр. 53).

Так определял значение крестьянства в революции 1905 года тов. Ленин. Поэтому вопрос о крестьянском восстании, его увязке с вооруженным восстанием пролетариата становится основным вопросом революции.

Не случайно, что и рабочее и крестьянское движения наступают более или менее одновременно в 1905 году. Прежде всего, и у рабочего класса и у крестьянства на первом этапе их борьбы основным врагом являлся полукрепостной строй, возглавлявшийся царским самодержавием. Кроме того, и непосредственные причины, предопределявшие начало массового движения именно в 1905 году, являлись общими и у рабочего класса и у крестьянства.

Быстрое развитие капитализма, обострившее противоречия со старым крепостническим строем, сконцентрировало пролетариат в громадные фабрики и заводы и делало из него могильщика сначала крепостничества и царского самодержавия, а затем и всего капиталистического строя. То же самое капиталистическое развитие, особенно усилившееся накануне революции 1905 года, предопределяло и крестьянское выступление.

Основой полукрепостного строя в деревне являлось отработочное хозяйство, основанное на труде крестьян, работавших на помещика со своим скотом и своим инвентарем. До революции 1905 года отработочная система являлась господствующей формой эксплоатации крестьян помещиками.

Под влиянием развития капитализма в деревне полукрепостной строй начинал разлагаться. С развитием городов, с ростом железных дорог, которые связали русское сельское хозяйство с мировым рынком, помещикам становилось более выгодным вместо того, чтобы сдавать землю крестьянам за отработки, обрабатывать ее с помощью наемных батраков с применением машин. Помещики начинают постепенно сокращать сдачу земли в аренду за отработки или исполу. Последнее начинает разорять крестьянина так же, как разоряет мелкого ремесленника переход предпринимателей от домашней системы, от раздачи работы на дом мелким производителям к фабричному производству.

---

[1]) Помещаемая статья является подробным конспектом доклада.

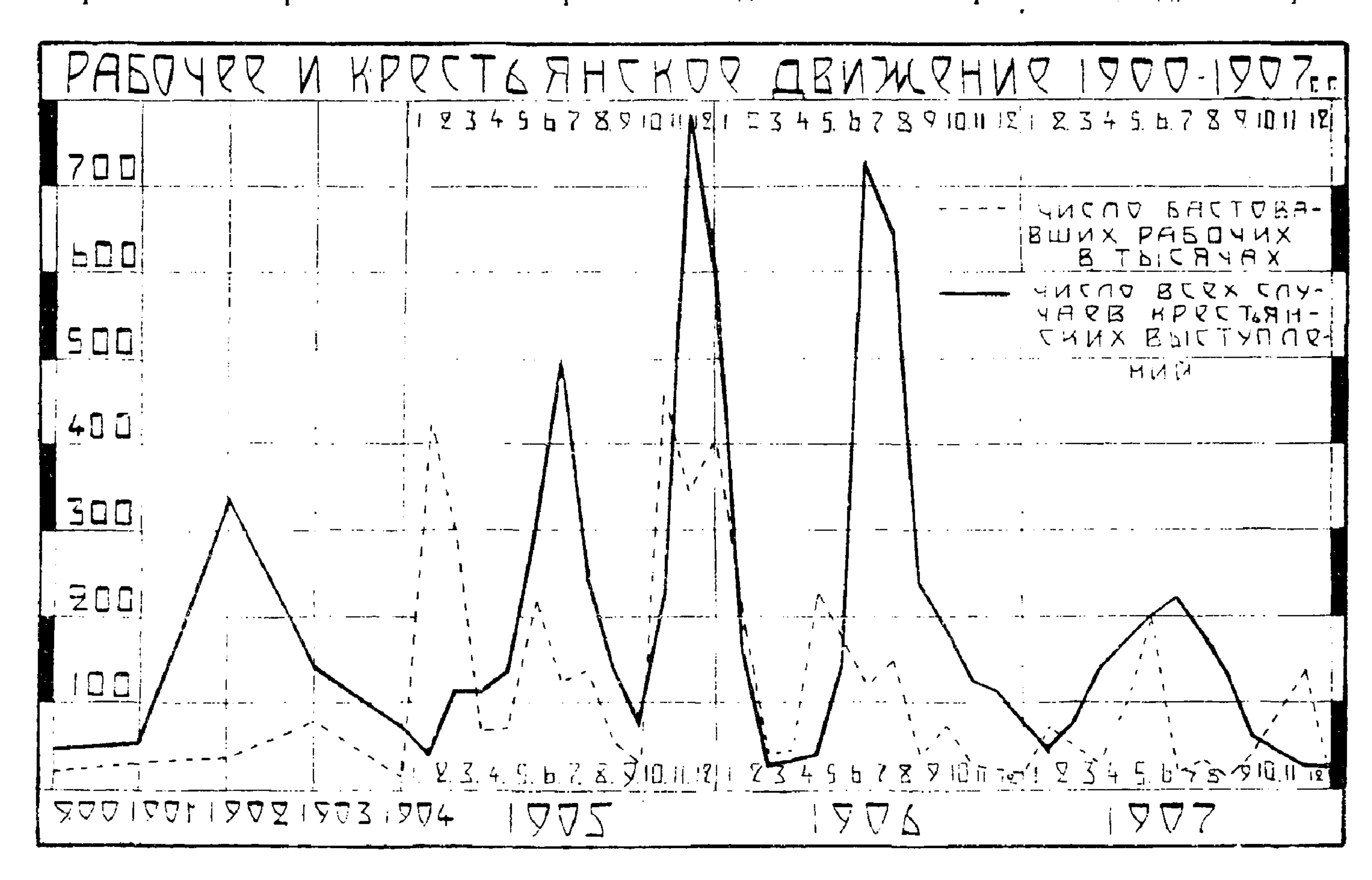
Под влиянием сокращения сдачи в аренду и вообще вследствие роста ренты арендная плата непрерывно возрастает, и за 50-летие накануне революции 1905 года увеличивается в 10 раз, увеличиваются и цены на купчую землю. Далее, вследствие все более увеличивающегося предложения труда со стороны пролетаризующегося крестьянства, понижается заработная плата, тем более, что помещики, особенно на юге, начинают переходить от ручной обработки полей к машинной, к применению косилок и жаток и прочих машин. Ко всему этому прибавляется то, что в виду выгодности ведения собственных запашек помещики начинают захватывать все большую и большую часть крестьянских земель, захватывают те земли, которые находились до того у крестьян под выгонами, пастбищами или же под лесом, которые юридически если и были закреплены за помещиками, то фактически находились в пользовании крестьян.

Одним словом, с развитием капитализма, с переходом от барщинной отработочной системы к капиталистической, с ростом капиталистических помещичьих посевов начинает все более и более ухудшаться положение бедняцкой и середняцкой крестьянской массы, что толкает ее на революционные выступления.

Если мы примем во внимание, что наибольший под'ем в развитии русского сельского хозяйства начался после кризиса последней четверти XIX века, с последних годов XIX века и в начале XX века, то для нас понятно будет, почему крестьянин был более или менее политически пассивным в семидесятых и последующих годах, когда он даже в момент под'ема мелкобуржуазной народнической революции хватал ходивших в народ «сицилистов» и доставлял их «по начальству», теперь же, в девяностых годах, он выступал революционно и сам искал «сицилистов», которые помогли бы ему бороться «против начальства».

О том, как развивалось крестьянское и рабочее движение и какова была между ними связь, можно видеть из следующей диаграммы общего числа как рабочих, так и крестьянских революционных выступлений по месяцам 1905—1907 годов (см. диаграмму № 1).

Приведенные цифры вскрывают довольно интересную закономерность в развитии крестьянского и рабочего движения. Первый вывод, который

можно сделать на основании приведенных таблиц, заключается в следующем: и рабочее и крестьянское движение вовсе не знает равномерных под'емов и равномерных падений. Революционное движение идет скачками, развивается диалектически, периоды упадка сменяются периодами под'ема, и обратно. Последний вывод верен не только для моментов самой революции, но и для предреволюционных лет и послереволюционных, когда также под'емы сменялись упадками и упадки новыми под'емами. Последнее прежде всего говорит за важность выбора руководящей партией момента восстания. Упустить момент наивысшего под'ема революционного движения весьма часто равносильно поражению восстания. С другой стороны, диалектическое развитие движения, смена под'емов и упадков говорят за то, что во время упадков не следует считать революцию уже прекратившейся и в момент под'ема не спешить складывать оружия, принимая временный, хотя и очень сильный под'ем за окончательную победу революции.

Переходя теперь к рассмотрению под'емов и упадков рабочего и крестьянского движения, необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что суммарно и рабочее и крестьянское движение наибольшей силы достигало в начале 1905 года, летом и осенью 1905 года, летом 1906 года и летом 1907 года. Однако это только суммарные совпадения.

При общем суммарном совпадении рабочего и крестьянского движения последнее, как правило, запаздывает по сравнению с рабочим движением. Рабочее движение началось кровавым воскресеньем 9 января и затем в течение остальных январских дней широкой волной разлилось по всей России. Крестьянское же движение начинается 13 февраля в Дмитриевском уезде, Курской губернии, откуда перебрасывается в соседнюю Орловскую и затем в Черниговскую губернии. Почти одновременно начинается движение в Грузии и в Прибалтийском крае.

Далее, рабочее движение вновь подымается в мае, крестьянское движение — в июле. То же отставание крестьянского движения имеет место и осенью 1905 года. Общий революционный под'ем, выразившийся в октябрьской забастовке, лишь к концу октября докатывается до деревни, когда в двадцатых числах октября начинается движение почти одновременно в Саратовской и Черниговской губерниях, откуда встречные волны крестьянского восстания идут по Тамбовской и Воронежской губерниям, и из Черниговской — по Курской губернии, где в течение нескольких дней крестьяне разгромили почти все имения в Новооскольском уезде и большую часть в Старооскольском. Одновременно с этим крестьянская революционная волна разливается по всей России. Крестьяне громят имения, требуют отобрания помещичьих земель, захватывают землю революционным порядком, конфискуют помещичьи имущества, отказываются платить налоги, меняют властей и проч. Однако первая волна крестьянского восстания оказалась кратковременной: в первых числах ноября она постепенно спадает и почти сходит на-нет в середине ноября.

Новый под'ем начинается с конца ноября. На этот раз движение сосредоточивается уже в других губерниях, именно: идет через Самарскую, Симбирскую, отчасти Казанскую, захватывает Пензенскую, отчасти Рязанскую, а главным образом Тульскую и Орловскую, и наконец, прокатывается через Казанскую, захватывает Пензенскую, часть Херсонской губернии, где в течение нескольких дней крестьяне разгромили значительную часть помещичьих имений. Их не в силах были защитить полиция и войска, действия которых были парализованы движением в Севастополе и Одессе и в частности почтово-телеграфной забастовкой. В момент декабрьского восстания крестьянское восстание было уже прекращено. Начавшись после октябрьской забастовки, оно прекращается до начала высшего под'ема рабочего движения — до декабрьского восстания. После декабря разгромная волна прока-

тывается лишь по Могилевской и по Гродненской губерниям и по Прибалтийскому краю, в остальных же районах хотя крестьянское движение и было сильно, однако оно не доходило до открытого восстания, до открытого уничтожения помещичьих имений.

Та же самая неувязка крестьянского и рабочего движения наблюдается и в 1906 году, когда рабочее движение наиболее сильно было в апреле — мае, тогда как крестьянское в июне — июле. Примерно то же самое повторяется и во время летнего под'ема 1907 года.

Несомненно, отсутствие тесной увязки являлось одной из основных причин поражения всей революции 1905 года, которая, как писал Ленин, не могла быть удачной без удачи крестьянского восстания. Таковы данные о силе крестьянского движения в отдельные периоды революции 1905 г.

Что касается распространения движения по районам, то центральное место во всем движении занимает черноземная полоса, на которую приходится $^3/_4$ всех имевших место случаев революционных выступлений (5.379), тогда как на нечерноземную полосу приходится всего $^1/_4$ (1.698). Первое место по революционному движению занимает Центрально-Черноземный район (29,8 проц. общего числа). Далее следуют Правобережная Украина (13,9 проц.), Левобережная Украина (12,0 проц.), затем Среднее Поволжье (10,2 проц.) [1]. Из районов нечерноземной полосы выделяются Белорусский (9,3 проц.) и Центрально-Промышленный (6,8 проц.); в остальных нечерноземных районах движенее сравнительно слабо и не превышало 1—2 проц.

Как видим, наиболее сильное движение охватило центральную полосу России: от губерний Правобережной Украины до средневолжских, т.-е. как раз район наибольшего господства полукрепостного помещичьего землевладения, а тем самым район наибольшего кризиса мелкого крестьянского хозяйства, разоряемого помещичьей эксплоатацией. Этот кризис крестьянских хозяйств, особенно в центрально-черноземных и поволжских губерниях, выражался в росте голодовок и неурожаев. В 1905 году неурожай был по всей Центральной России, при чем в центрально-черноземных губерниях, как Пензенская, Рязанская, Воронежская, Тульская, сбор не достигал и половины урожая предшествовавшего пятилетия. В 1906 году неурожай был еще больше, при чем повторный неурожай, и гораздо больший, был опять в тех же центральных и поволжских губерниях.

Представление о том, каков был характер крестьянской революционной борьбы, против кого боролись крестьяне и как боролись, дает следующая диаграмма (№ 2).

Из диаграммы видно, что центральное место во всей революционной борьбе занимает борьба против помещиков, которая дает $^3/_4$ всех случаев революционных выступлений крестьян. Борьба против кулачества и духовенства тонет в антипомещичьей борьбе. Политическое движение занимает также довольно скромное место.

Наибольшее значение в крестьянской революционной борьбе имели разгромы, которые наиболее сильны были в начале и осенью 1905 года в Центрально-Черноземной полосе и лишь отчасти—летом 1906 года.

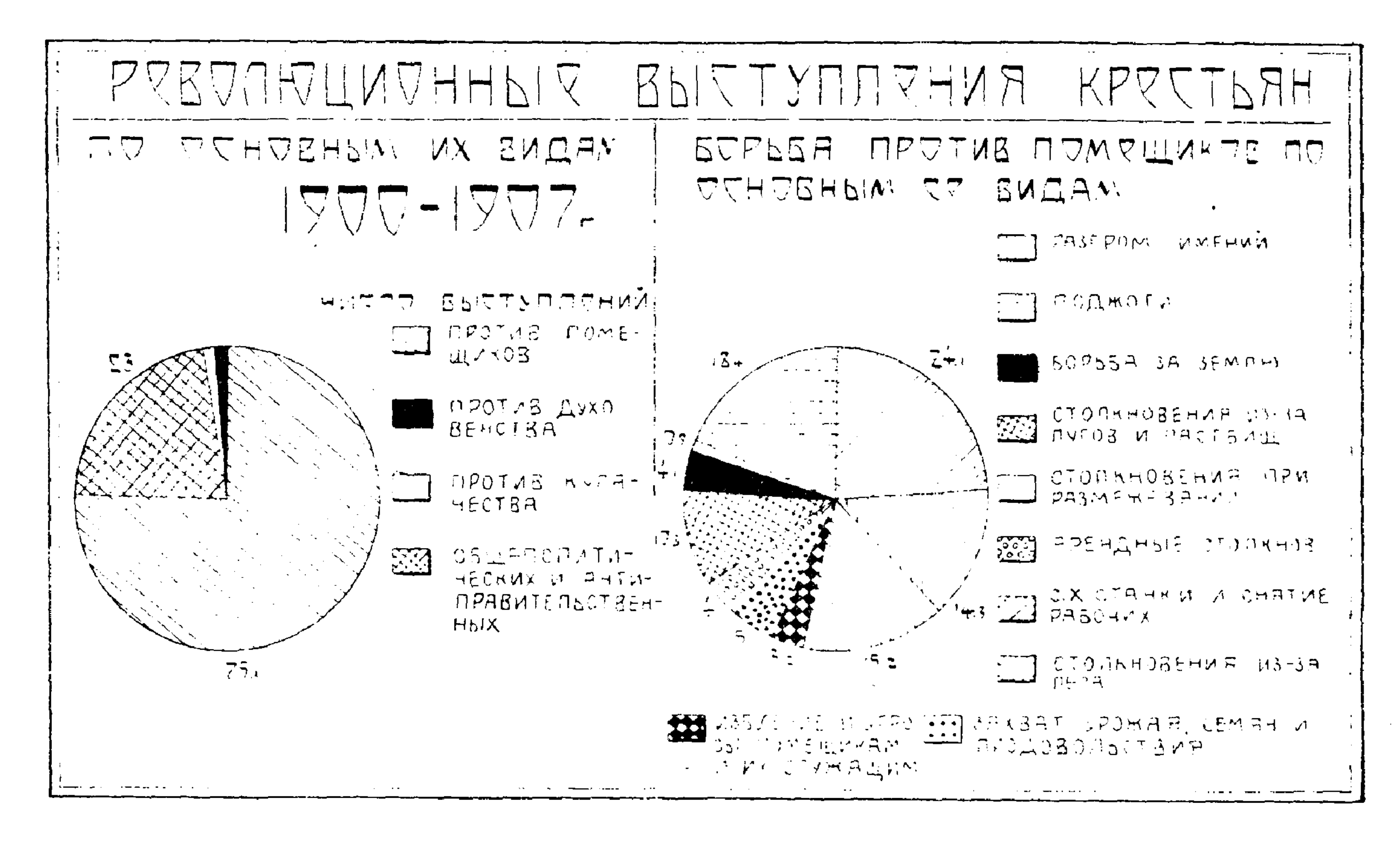
Разгромное движение преобладало в полукрепостном черноземном центре, в других районах разгромное движение было значительно слабее.

---

[1] Более или менее точные статистические материалы имеются только для бывшей Европейской России без Прибалтийского края, Польши, Кавказа и Сибири. Кроме того, в делах департамента полиции не оказалось материалов по Саратовской губернии. Учитывая силу движения в Саратовской губернии и исходя из цифр максимального движения по Центрально-Черноземному району, нужно значительно увеличить движения по Средне-Волжскому району,—тогда Средне-Волжский район займет *второе* место после Центрально-Черноземного.

Вместе с разгромами большую роль играли сельскохозяйственные стачки и снятие рабочих, которые особенно сильны были в капиталистических районах, в Правобережной и Левобережной Украине. Хотя снятие рабочих было сильно и в других районах, особенно в Центрально-Черноземном, но здесь оно носило характер. отличный от капиталистических районов. Здесь крестьяне, снимая рабочих, лишали этим помещиков возможности дальше вести свое хозяйство. Стачечное движение преобладало летом 1905 года и летом 1906 года.

Поджоги были почти - что повсеместным средством террора крестьян против помещиков. Поджоги сопровождали собою все разгромы, но особенно поджоги усилились в конце 1906 года и особенно в 1907 году, когда тайный поджог становился почти-что единственным средством борьбы крестьян против оголтелого помещичьего террора.

Лесные порубки и борьба за лес были особенно сильны в северных районах, где усиленная эксплоатация лесов помещиками в связи с ростом лесного экспорта приводила почти к полному лишению крестьян пользования лесом. Живя кругом в лесах, крестьяне должны были по весьма дорогим ценам покупать и топливо и лесной материал.

Остальные виды движения играли значительно меньшую роль и выражались в непосредственных столкновениях из-за земли, в запашках, потравах лугов, в арендных столкновениях, захвате урожая семян и продовольствия, убийстве и угрозах избиения помещиков и их служащих.

Рассмотрение крестьянского движения по его основным видам показывает исключительное преобладание в движении революционно-экономических требований в противоположность революционно-политическим. Крестьянское движение еще не переросло из революционно-экономического в политическое, как оно переросло в 1917 году. Крестьянин еще борется от случая к случаю, вследствие чисто местных причин, именно вследствие стеснения помещиком в пользовании пастбищами, пашней, лугами, лесами, вследствие насилия помещиков и их служащих.

Даже крестьянское антиправительственное движение определялось преимущественно чисто местными причинами, оно выражалось, главным образом, в столкновениях с полицией, в отказе платить налоги и прочем.

Собственно политическое движение, пожалуй, выражалось в демонстративных наказах и приговорах, в которых, обычно под влиянием политических партий, крестьяне формулировали свои политические требования. Но эта форма крестьянского движения не являлась для него основной, каковой было, например, в 1905 году политическое движение для рабочего класса.

Все это свидетельствует об отсталости и крайней неорганизованности крестьянского движения.

Именно в этом заключались причины довольно острых вспышек крестьянских революционных выступлений и быстрое угасание движения; попытаются крестьяне, например, захватить землю, отобьют у них ее с полицией, крестьяне успокаиваются до следующего случая, пока они опять не повторят той же попытки, и т. д. Или крестьяне разгромят имение, а потом ложатся под розги. Именно эту неорганизованность крестьянства особенно подчеркивал тов. Ленин.

Крестьянские восстания носили строго местный, локальный характер, сплошь и рядом сосредоточиваясь в одном уезде, тогда как в других уездах крестьянство являлось пассивным. Крестьянские восстания даже в период наибольшего под'ема, как в октябрьско-ноябрьские дни и в ноябрьско-декабрьские дни, захватывали лишь весьма небольшое количество губерний, в остальных же губерниях крестьянство хотя и выступало революционно, однако недостаточно решительно, и не переходило к открытым восстаниям. Говоря про крестьянские восстания осенью 1905 года, Ленин пишет, что «к сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции» (Ленин, «9 января»).

После краткого обзора массового крестьянского движения вкратце остановимся на участниках движения и на крестьянской идеологии и тактике. Прежде всего нужно подчеркнуть, что далеко не все крестьянство участвовало в революции. Как писал Ленин, «в нашей революции меньшая часть крестьян действительно боролась, хотя сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей» совсем в духе «Льва Николаевича Толстого» [1]).

Как раз для русской крестьянской буржуазной революции показательно участие в антипомещичьем движении, в движении против всех помещиков всех слоев крестьянства. На участие зажиточного крестьянства в борьбе против помещиков указывал Ленин еще в 1903 году, в брошюре «К деревенской бедноте» [2]).

И действительно, как показывает рассмотрение материалов, в ряде случаев богачи не только участвуют в движении, но иногда являются в известной мере организаторами и даже идеологами. Участие зажиточного крестьянства и руководство с его стороны движением особенно сказалось в деятельности Крестьянского союза, который почти сплошь находился в руках зажиточного крестьянства, мелкобуржуазной и даже буржуазной интеллигенции. Однако нужно отметить, что в отношении участников движения замечается значительная разница по районам. В районах слабой

---

1) Ленин. Собр. сочин., т. XI, часть I. стр. 116. „Лев Толстой, как зеркало русской революции".

2) Там же, т. IX, стр. 364—365.

дифференциации крестьянства, где была слаба сельская буржуазия и слабы деревенская беднота и пролетариат, там мы имели действительно почти общекрестьянское движение, как это, например, было в центрально-черноземных и поволжских губерниях. В районах же сильной дифференциации крестьянства, как, например, в губерниях правобережной и отчасти левобережной Украины, весьма часто движение направлялось и против самого кулачества. Наконец, в районах крепкого и сильного крестьянства, как, например, в северных губерниях, в движении участвовало преимущественно зажиточное крестьянство.

В революции 1905 года у крестьян было совершенно отчетливо выражено сознание необходимости овладения помещичьими землями. Но однако, проявляя высокую революционность в требовании земли, крестьяне выявляли полную политическую беспомощность и наивность в приемах и способах борьбы, что сказывалось, например, в том, что крестьяне еще наивно верили в начальство и верили в царя. Сплошь и рядом крестьянские представители выражали требование земли и в то же время подчеркивали свой монархизм и верность «престолу». Нужно сказать, что революционное сознание и революционная тактика как у пролетариата, так и у крестьянства отнюдь не появляются сразу, а создаются и выковываются в процессе борьбы. Сама революционная борьба—лучшая школа для выработки подлинной революционной классовой идеологии и правильной классовой тактики.

Процесс крестьянской революционной борьбы против помещиков и против эксплоататоров был одновременно процессом формирования крестьянской революционной идеологии и выработки крестьянской тактики.

Революция 1905 года многому научила крестьянство. Крестьянское сознание даже с 1905 по 1907 год сделало крупнейший шаг вперед, как оно сделало крупнейший шаг вперед и у пролетариата от пред'январских дней, когда рабочий класс начал революцию с верой в царя, до декабрьских дней, когда пролетариат, отбросив хоругви и царские портреты, вооружился и пошел на баррикады.

В отношении крестьянских организаций необходимо указать роль Крестьянского союза. Эта организация не успела создаться, как была разгромлена полицией. К тому же Крестьянский союз находился в руках зажиточного крестьянства и мелкобуржуазной интеллигенции, что не могло обеспечить правильного руководства движением.

Что же касается партийного руководства, то нужно отметить, что партии пролетариата — большевикам — организационно еще не удалось охватить крестьянских масс. Более или менее сильное влияние социал-демократия имела в Прибалтийском крае, в промышленных губерниях, особенно в Тверской и Нижегородской и, наконец, на Кавказе. В остальных районах наиболее сильным было влияние эсеров, которые, нужно сказать, в 1905—1907 г.г. имели несомненно большее влияние на крестьянство, чем социал-демократы.

Итак, подводя итог крестьянскому движению, мы можем сказать, что в деревне к 1905 году сложились настолько глубокие противоречия, что они предопределили необычайную силу крестьянской революции. Однако, несмотря на свою силу и массовое распространение, крестьянское движение потерпело неудачу. Крестьянство вступало в революцию еще политически девственным классом. Крестьянству еще неясно было, с кем ему итти и как ему бороться. Нужна была школа революционной борьбы 1905—1906 годов, необходим был опыт кровавой империалистической войны и господства соглашателей 1917 года, являвшихся приводным ремнем, тянувшим крестьянство в сторону буржуазии и помещиков, чтобы крестьянство осознало необходимость союза с рабочим классом и необходимость борьбы под руководством коммунистической партии.

Неорганизованное, не имевшее необходимого руководства со стороны пролетариата и его партии крестьянское восстание в первую русскую революцию было подавлено. Жесточайшим террором, массовыми расстрелами, бесчеловечными порками, артиллерийским обстрелом деревень, сжиганием домов наиболее революционных крестьян ответили помещики на крестьянскую революцию. Крестьянская революция так же, как и рабочая, была залита в крови, однако опыт революционной борьбы не пропал даром. Революция 1905 г. явилась лишь генеральной репетицией революции 1917 г., когда крестьянство в союзе с пролетариатом и под руководством большевистской партии одержало окончательную и решительную победу над своими классовыми врагами.

Прения по докладу

Т. т.: Ярославский, Пече, Покровский, Шестаков, Сеф, Гайстер

Тов. **Ярославский.** Товарищи, я думаю, что доклад был несколько шире по названию, чем по содержанию, потому что мы здесь услышали доклад о крестьянском движении на пространстве русской части Европейской России 1905 г., даже не РСФСР теперешнего, тогда как движение было гораздо шире. И даже при отсутствии точно подытоженных цифр, которые могли бы характеризовать движение в других районах, как в Прибалтике, в Польше, в Закавказьи, даже при общей постановке вопроса о движении в этих районах, мы имели бы несколько иную картину. Конечно, может быть, т. Дубровский, имея в виду более детальную разработку материала об этих районах, считал невозможным давать более точные выводы, какие, напр., он давал о районах Украины и русских губерниях. Но мне кажется, что без этого картина получается неверная. Характеристика причин движения крестьянства у него правильна, конечно, если брать только в общем. Но если говорить о совпадении, о том, что крестьянское движение совпадало с движением рабочих и только отставало немного, то я боюсь, что если взять материалы по другим районам, то эта картина получится иная. Мы знаем, что, напр., в Прибалтике, бывшей Эстляндии и Лифляндии, крестьянское движение летом 1905 г. было гораздо более значительным, чем во многих наших черноземных и нечерноземных русских губерниях. Осенью 1905 г. это движение достигло особенной остроты, а к концу 1905 г. мы имели такие крупные организованные выступления крестьян, в значительной степени руководимые с.-д. партией и согласованные с выступлениями рабочих, как в Ленневардене, Туккуме, Реммерсгофе, и целый ряд других движений, где происходили иногда форменные сражения, где искусству восстания крестьяне в то время уже обучились основательно. Если говорить о том, что где-нибудь было организованное выступление, которое напоминало о применении искусства восстания, то надо говорить об этих районах. Несмотря на ужасающие карательные отряды, которые там действовали более жестоко, чем, может быть, где бы то ни было, в Прибалтийском крае мы все же имеем продолжение этого движения и в 1906 г. Тогда это движение поддерживалось и отчасти руководилось лесными братьями, которые продолжали свою работу до конца 1906 г. Это были группы организованных рабочих и крестьян-батраков, вооруженных, изучивших великолепно тактику партизанских восстаний и руководивших в этом отношении борьбой крестьян с баронами и помещиками.

Если взять Кавказ, Закавказье, там мы имеем опять-таки, хотя, конечно, и другое движение, чем в Прибалтике. Другие хозяйственно-экономические условия, другую культуру крестьянства, иные классовые группировки в самой крестьянской среде. Нет никакого сомнения в том, что это

движение на Кавказе было неразрывно связано со всем движением в русских губерниях. Конечно, такие крупные выступления рабочих, как 9 января, такие крупнейшие факты, как октябрьская забастовка, как декабрьское вооруженное восстание, не могли пройти бесследно для крестьянского движения. Это движение каждый раз чувствовало эту новую волну рабочего движения и отзывалось на нее. Оно не могло отозваться сейчас же в силу слабости наших организационных связей с крестьянством. Это правильно отмечено.

Но—это надо подчеркнуть—слабость нашей связи в 1905 г. перешла в 1906 г. в более сильную организационную связь. В 1905 г. мы имели 3 с'езд партии, когда пересмотрели до известной степени нашу тактику по отношению к крестьянству, даже наши программные требования, которые выдвигались по аграрному вопросу. Но у нас в 1905 г. было много товарищей, даже среди большевиков, которые, напр., лозунг национализации земли упорно не принимали, считая, что это опасно, что нас могут счесть за с.-р. Я напоминаю, что накануне декабрьского восстания в Москве Московский Комитет обсуждал вопрос о том, можно ли принимать программу о национализации земли. В 1905 г. партия еще не усвоила тех революционных лозунгов, которые могли бы сблизить нас больше с крестьянством, поставить нас во главе крестьянского движения и придать больше силы этому крестьянскому движению, более яркое выражение этому движению.

В 1906 г. мы уже имеем другую картину. Я лично работал в Екатеринославской губ. После Стокгольмского с'езда принимал участие в с.-д. конференции, посвященной работе в деревне, где с'ехались деревенские работники, работавшие на селе, и там выбирались делегаты для участия в южно-русской конференции, специально посвященной этому вопросу, чего у нас, конечно, не было в 1905 г.

Затем т. Дубровский, может быть, за недостатком времени, может быть, потому, что это не входило в его задачу,—он оговорился, что мало говорит о борьбе за крестьянство,—он ничего не сказал о таких крупных фактах, имевших значительную роль в крестьянском движении, как создание Крестьянского Союза. Крестьянский Союз организовался летом 1905 г. В ноябре 1905 г. здесь в Центрально-Промышленном районе, в самой Москве происходил с'езд Крестьянского Союза. Руководили этим с'ездом в значительной степени даже не с.-р., а более правое крыло с.-р., н. с., которые всячески пытались вбить клин между рабочими и крестьянами. Присутствующий на этом с'езде от Московского Комитета т. Васильев-Южин, который рассказал мне это в личной беседе, сообщил, что Тесленко, Стааль и другие присяжные поверенные, которые играли большую роль на этом с'езде, ехидно ставили вопрос: «скажите, товарищи, отрезки у вас в программе значатся? Что вы морочите крестьян постановлениями III с'езда». Тот факт, что Крестьянский Союз развил свою деятельность только в конце 1905 г., конечно, надо серьезно учитывать, когда мы говорим о крестьянском движении. Крестьянское движение в 1906 г. тем, мне кажется, и отличалось от крестьянского движения 1905 г., что если мы изучим формы и историю движения, то увидим в 1906 г. гораздо более развитое, организованное крестьянское движение, стачечное движение, большее участие батраков в этом движении, большее руководство со стороны партийных организаций. Я считаю важным коснуться вопроса относительно монархических настроений крестьян. Мне кажется, что тут все-таки не совсем правильно будет, если мы сейчас задним числом будем преуменьшать эти монархические настроения крестьян. Они были очень сильны. Я приведу вам такой факт: в конце 1905 г., я сейчас не помню, когда это было, я видел прокламацию, которая была написана энесами. Они выделились

позднее официально, но уже тогда были такие эсеры, которые выступали открыто против того, что надо выставлять требования демократической республики, говорили, что надо больше считаться с настроениями крестьянства и уступать этим настроениям, как были и отдельные с.-д. (я помню такого меньшевика Васильева, который выступал потом с предложением, что из нашей программы надо выбросить требования демократической республики и пр.). Эта прокламация, кажется, называлась так: «Какой царь нам нужен?», и характерно, что социалисты, хотя бы так называемые с.-р., у которых социализм был очень подмочен. ставили вопрос, какой царь нам нужен. Приблизительно содержание прокламации было такое, что, вот, дескать, царь плохой, он тратит много денег, пьянствует, а если бы был хороший царь, нам ничего бы не было жаль для такого царя. Потом я видел эту прокламацию за подписью уфимского комитета партии с.-р. уже в 1906 г. Как об'яснить этот факт? Его можно об'яснить только тем, что с.-р., которые работали все-таки больше нас среди крестьян непосредственно,—надо это отметить и для 1905 г.—наталкивались на такие монархические настроения, к которым пытались приладиться, они—чистейшие оппортунисты, еще большие, чем меньшевики.

В период 1905 г., в сентябре месяце, мне пришлось отправиться в село, где был убит агитатор, которого убили потому, что он выступал против царя и употреблял некоторые неудачные иностранные выражения, которые озлобили крестьян. Я помню, что, несмотря на некоторый опыт в разговоре с солдатами и крестьянами, мне очень долго пришлось ходить вокруг да около, прежде чем я мог подойти к этому вопросу о царе, это был самый трудный вопрос. Правда, в других местах, даже среди казаков (в 1902—1903 г. г. мне пришлось работать среди забайкальских казаков), там, где они сталкивались с вопросом об удельных землях, там все это несколько иначе преломлялось.

Вот я и думаю, что неправильно было бы преуменьшать монархические настроения крестьянства. Они были очень сильны тогда, как были сильны еще в 1905 г. до 9 января у русских рабочих. Это было не так просто выступать на больших гапоновских собраниях против царя, это было очень трудно, и нужен был большой агитаторский опыт, и только уже в последние дни, когда Гапон увидел, что стихия прет через его голову и что неминуемы такие выступления, которые приведут к столкновению с войсками, он стал закидывать такие удочки, вроде того, что если нас расстреляют на улице, тогда мы будем знать, что у нас нет царя, но 6—7 января нельзя было об этом говорить, за это избили бы на собрании и сами рабочие, так что это нужно принять во внимание в виде поправки к тем положениям, которые здесь были развиты.

Тов. **Пече**. Тов. Ярославский сказал большую часть из того, о чем хотел говорить я, так что мне остается остановиться только на крестьянском движении в Прибалтике.

Крестьянское движение в Прибалтийском крае началось задолго до 1904 г. Но массовый и организованный характер оно приобрело с 1904 г. и особенно с 1905 г. К этому времени в крестьянских организациях руководящую роль приобрела социал-демократическая партия и, главным образом, наша большевистская фракция.

Хотя в то время большевики с меньшевиками и работали в одной организации, но партийные низы, периферия и около 50% руководителей по своей тактике и духу были фактически большевиками, так что влияние последних было преобладающим.

Руководили движением, главным образом, городские организации, но в партийных комитетах были профессионалы, которые регулярно обслужи-

вали батрацкие ячейки. Помимо этого, по воскресеньям все партийные товарищи по разверстке должны были раз'езжаться по деревням и проводить там митинги, собрания и крестьянские конференции.

Во второй половине 1905 г. деревенские ячейки были настолько сильны, что в августе, сентябре и особенно в октябре они уже стали смещать старые волостные правления и создавать комитеты действия, и, таким образом, к декабрю 1905 г. Курляндская, Лифляндская и частью Эстляндская губернии были покрыты приблизительно на 90% комитетами действия.

Кроме крестьянства наша партия принимала довольно активное участие в организации учителей, которые работали в деревне и вели там определенную политическую работу, участвуя в учительских с'ездах и т. п.

Условия работы в Прибалтийском крае, особенно с момента начала реакции, были гораздо более трудными, чем в остальной России. Кроме обычного типа помещиков, там было немецкое баронство, которое было гораздо лучше организовано. Под их давлением в Латвии было сконцентрировано большое количество самых отсталых войск, главным образом из специально подобранных казачьих и драгунских частей. Полиция, стражники, охранники были усилены в четыре раза по сравнению с остальной Россией. Кроме того бароны имели свои «зельбстшютц»,—прекрасно налаженные организации. Вдобавок, Крушеван, Дубровин и Пуришкевич тратили большие суммы, чтобы создать там свои черносотенные организации, чтобы внести национальную рознь и на этой почве организовать погромы, говоря, что вот, мол, «жиды да латыши мутят воду». Но все попытки организации погромов были в корне пресечены нашей партией при помощи ее боевых дружин, и черносотенных погромов в Латвии не было.

Нашим плюсом было то, что в Прибалтийском крае имелся сельский пролетариат, батрацкие элементы, которые легче поддавались организации. Благодаря этому, уже в октябрьские дни крестьяне выступили достаточно организованно в целом ряде крупных демонстраций, стачек и т. д. Были также случаи разгромов, о которых говорил т. Ярославский, но такие случаи были очень редки.

Можно сказать, что в 1905 г. борьба носила уже определенно организованный характер, при чем главным образом, конечно, выдвигались экономические вопросы, но крестьянское движение отзывалось и на более или менее крупные политические забастовки, при чем это было достаточно массовым явлением.

Дальше я перехожу к восстанию в Прибалтийском крае. Оно развернулось, главным образом, в ноябре и декабре под руководством нашей партии. Частично восстанием в деревне руководили Бунд и Литовская партия. Но как первый, так и вторая, имея в своем распоряжении чрезвычайно ничтожные организованные силы, заметной роли в революционном движении не играли. Если бы даже эти организации на восстание не пошли, была бы полная возможность повести массы на восстание. Но была допущена ошибка, которая заключалась в том, что хотели усилить организацию соглашением с литовской организацией и Бундом, которые усилили влияние наших меньшевиков, главным образом сидевших в комитетах. Для всей организации это была ложка дегтю в бочке меда. Дело в том, что в 1905 г. у нас была одна организация с меньшевиками. В виду этого, даже когда мы держали курс на вооруженное восстание, накануне вооруженного восстания 1905 г., на верхах, в Ц. К. и партийных комитетах стали заметны колебания, которые длились около месяца. В Прибалтийском крае было большое революционное движение, хорошо организованный пролетариат, надо было действовать, стать во главе движения, руководить восстанием, а внимание уделялось взаимным спорам, информациям.

Комитеты действия уже не в состоянии были удержать массы от революционных выступлений, и прибалтийское аграрное движение стало прорываться стихийно, начали разгонять баронство, охраняющих его казаков и т. д. Условия для выступления в Прибалтийском крае были трудные, т. к. каждый помещик имел в своем распоряжении 30—40 и до 50 казаков, сам был вооружен и вел правильную самооборону. С помощью вооруженной силы барон мог успешно бороться с крестьянским движением. Но движение было настолько сильно, что в большинстве случаев казаков разгоняли и ставили в такое положение, что их приходилось выручать близ расположенному гарнизону и стражникам.

Потом движение вылилось в довольно крупное восстание с захватом целого ряда городов. Мы захватили на 3 дня город Газенпод, захватили казначейство и я помню, как на заседании Либавского комитета обсуждался вопрос о том, что сделать в случае, если город удержать не придется, с суммами, находящимися в казначействе, а их было до 3 миллионов рублей. Меньшевики были ярыми противниками присвоения этих денег, говорили, что это будет грабеж. Мы же, большевики, настаивали, что надо взять эти деньги. Если придется оставить город, если не удастся революция, у нас в руках окажется сумма денег, которую можно будет обратить на дело революции. Пока дебатировался этот вопрос, пришли войска с артиллерией, и город был взят. Наши партийные товарищи, которые охраняли казначейство, были настолько дисциплинированы, что, не имея санкции партийного комитета, на свой риск и страх не решились взять эту сумму.

Таким же путем был захвачен целый ряд местностей, целый ряд волостных советов был сменен, стражники разогнаны. Довольно хорошо действовали деревенские боевые дружины, которые создавал безусловно город, городской комитет. Городские боевые дружины и каждый профессионал, который работал в деревне, должны были создать такую боевую дружину, потому что иначе местные стражники просто расправлялись, расстреливали революционеров, и волей-неволей для своей обороны приходилось создавать из деревенского пролетариата боевые дружины. Эти боевые дружины были главными кадрами, руководителями вооруженного восстания. Когда наступали карательные экспедиции, безусловно ничего не оставалось, как спрятаться в лесах, и таким путем образовались «лесные братья». Лесные братья были деревенские батраки, деревенское учительство и т. д., им было некуда деваться, они стали организовывать боевые отряды в лесах. Я дальше не хочу задерживать вашего внимания, но это вопрос важный, его надо более внимательно рассмотреть и при оценке крестьянского движения в 1905 г. непременно учесть, так как иначе и общая картина революции будет неправильна.

Тов. **Покровский**. Кое-что, мне кажется, не выходя из материалов доклада, можно было бы отметить. Я начну с монархических настроений крестьянства. Т. Ярославский совершенно прав, когда указывает на полную реальность этих монархических настроений. Можно сказать, что из всех проявлений романовской зубатовщины,—а Романовы занимались зубатовщиной не только в первые годы XX века, но и на всем протяжении своей истории, начиная по крайней мере с Екатерины второй, которая умела располагать общественное мнение в свою пользу,—самое удачное было сделано Романовыми 19 февраля 1861 г.* Крестьяне тогда получили нечто реальное. Когда мы «освобождение» пишем в кавычках и доказываем, что это было освобождение крестьян больше всего от их собственной земли, то мы правильно перегибаем палку, оценивая результаты этой «великой реформы», и идем по следам Чернышевского, который внутреннюю механику этой реформы прекрасно понял в самый момент ее совершения. Но в головах крестьянства, в крестьянском мозгу 19 февраля отразилось, как

некоторый подарок со стороны царя. Это не подлежит никакому сомнению. Ту механику, которую Чернышевский разгадал сразу, крестьянин понял только лет через 20, весьма не скоро. А в течение ближайшего 20-летия все попытки поднять крестьянскую революцию со стороны народничества 70 годов кончались неудачей. Около 80-х годов начинается большой взрыв недовольства крестьянских масс. Он вызвал ряд уступок со стороны Александра III на которых я останавливаться не буду. Эта зубатовщина Романовых была довольно свежа в умах крестьянства в 1905 г. Но тут приходится подчеркнуть то, что отметил т. Ярославский, что это не было нечто стационарное. Эти монархические настроения крестьянства довольно быстро разлагались. Доказательством этому является хотя бы то, что во 2-й думе, т.-е. осенью 1906 г., крестьяне массами выбирали представителей крайних левых партий, великолепно зная, что эти левые партии идут против царя, но тем не менее выбирали. И вот любопытно, какие моменты обличали разложение этих монархических настроений, которое, кстати сказать, к 1917 г. так развилось, что в 1917 г. я попал в комическое положение перед солдатами нашего экспедиционного корпуса во Франции, начав перед ними подходить к вопросу о том, почему царь не нужен. Солдаты просто не стали слушать. Для них в 1917 г. это было ясно само собой. Таким образом, довольно быстро шло это разложение традиционной монархической идеологии на протяжении 12 лет. Солдаты были те же крестьяне, одетые в солдатскую форму, и когда Николай в 1917 г. был свергнут, ни один крестьянский топор не поднялся на его защиту. Это разложение началось в 1905 г. Оно происходило не только под влиянием общей революционной агитации, но любопытным образом под влиянием чисто экономических условий на местах. Я продолжаю держаться той точки зрения, которую я высказал в своем «сжатом очерке», что в основе крестьянское движение было экономическим движением. Это не была попытка крестьянства свергнуть одну власть и взять власть в свои руки, они шли, главным образом, против помещиков, а не против царя и правительства. Но был момент, об этом говорил т. Дубровский, когда царь и помещик совпадали. Это было в удельных имениях, в Шенкурском у. Архангельской губ., где между крестьянами, преимущественно зажиточными, и удельным ведомством происходила распря из-за лесов, из-за владения лесами. О политике там узнали не из принесенной из города, а из самородной республиканской агитации, которую вел поп, который доказывал на крестьянской сходке, что царь не нужен, а землей должны управлять выборные. Если бы я был славянофилом, я сказал бы, что, пожалуй, тут отразилась древняя Новгородская вольность, т. к. это как раз и была территория Новгородской республики. Но дело здесь в об'ективных экономических условиях. Помещик, против которого шли в этом районе крестьяне, был царь. Характерно, что там движением руководили несомненно зажиточные слои крестьянства. Они одни могли пользоваться лесами, поскольку у них были лошади и достаточно рабочей силы. Если теперь к этому вспомнить шенкурят 1918 г., которые составляли единственный национальный оплот нашей северной контрреволюции (архангельские шенкурята—это офицеры, вышедшие из шенкурских крестьян, их было несколько сот, и они составляли главную силу русских белых армий на севере), то перед нами получится своеобразное развитие русского туземного местного демократизма. Это—первое маленькое замечание.

Теперь второе, более крупное замечание, на счет того, нельзя ли установить социальную географию—социальную географию руководителей нашего крестьянского движения. Случай с шенкурятами наводит на то, что такая география возможна. Там движением руководило зажиточное крестьянство. В других местах, южнее, в Тверской губ. вы видите совер-

шенно отчетливо пример руководства крестьянским движением со стороны рабочих, со стороны фабричных. В прошлый раз об этом говорилось: о крестьянских советах в Тверской губ. и т. д. Таким образом, мы отчетливо видим две струи в крестьянском движении. Одна струя, которую можно назвать пролетарской струей, влияние рабочей революции на деревню, особенно сильное в промышленном районе и отдельными лучами доходившее, напр., до Самарской губ. Это—одна сторона движения. Другая сторона движения—это крестьянское движение, возглавлявшееся местными зажиточными элементами. Если исходить из той мысли, что крестьянское движение было результатом роста капитализма в деревне и столкновения двух капитализмов, мужицкого, с одной стороны, и помещичьего, с другой,—то следует ожидать, что руководить движением будет зажиточное крестьянство. Но этого не было. Это крупнейшая поправка, которую мне пришлось внести в мое прежнее изложение. Социальную географию этих двух движений, мне кажется, можно было бы установить на основании тех данных, которые у нас имеются, и тогда мы получим тот факт, который имел место в период гражданской войны 1918—20 г.г., когда против нас шли не только одни помещики, а и зажиточные крестьяне, проникнутые «демократией», буржуазной демократией, если говорить о республиканских тенденциях. Приведу один любопытный пример,—я его плагиирую у одного молодого товарища, который здесь сидит, но не записался для выступления. Характерная подробность, что те уезды Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерний, которые были театром действий махновщины,—это уезды самого яркого движения 1905 г. Самое яркое движение 1905 г. и махновщина разыгрались на одной и той же территории, а там крестьянское движение было настолько ярко в 1905 г., что (опять характерная подробность) именно в этих уездах впервые была пущена против крестьян артиллерия, раньше чем в Ставропольской губ. Это чрезвычайно характерное совпадение крестьянской революции 1905 г. и махновщины в тех же самых местах. Но повторяю, это одна струя, а другая струя—это влияние пролетарской революции на деревню, влияние рабочих. Я думаю, что если мы разберемся между этими двумя течениями, то картина нам будет ясна.

В заключение маленькое замечание. Я получил следующую записку: «Почему в таком крупном идеологическом центре, как Ком. Академия, так кустарно обставлена наглядная сторона доклада, хуже, чем в рядовых клубах».

Этот доклад целиком построен на архивных материалах, на материалах, пока не опубликованных, и только отчасти подготовленных для опубликования. Совершенно естественно, что вычерчивать диаграммы по этим материалам—дело гораздо более кропотливое, чем принести в клуб диаграммы, изданные Главполитпросветом. Но я могу вас утешить, что эти диаграммы, как и материалы архива, будут напечатаны, так что, когда подобного рода доклады будут повторяться в клубах, там будут уже все материалы.

Тов. **Шестаков**. Я начну с замечания по вопросу об использовании т. Дубровским архивных материалов. Дело в том, что работа, которая производится на основании полицейских архивов, она, так сказать, чрезвычайно деликатного свойства и к ней приходится относиться с большой осторожностью, особенно в таких вопросах, как формы аграрного движения. В определении форм движения исследователю приходится очень часто подходить с суб'ективной оценкой того или иного явления. Этот суб'ективизм при данных условиях допускает максимум всевозможных вариаций как в самой оценке того или иного документа, так и в оценке того или другого случая. Я считаю, что делать статистические подсчеты на основании таких «психологических» заключений, основанных на губернаторских, жандармских и на полицейских донесениях, получаемых от малограмотных

агентов и проходящих таким образом 3—4 руки, иногда представляется в некоторой степени задачей очень трудной. Я считаю необходимым указать на затруднения историков, которым приходится оперировать с такими материалами и делать из них соответствующие статистические выводы, которые претендуют в дальнейшем на руководящее указание для тактики революции. Таким образом от заключений, о которых говорил т. Дубровский, хотя бы просто из-за того, что в эти материалы вложено много суб'ективизма, во всяком случае, я бы воздержался, необходима возможно большая осторожность для выводов. Кроме того, необходимо принять во внимание еще следующее обстоятельство: когда приходится рисовать такую большую, сложную картину, картину огромных социальных сдвигов, какой была крестьянская революция 1905—1907 г.г., то в такой момент все эти отдельные явления, которые фиксируются в том или другом документе, также приобретают своеобразный отпечаток эпохи, района и пр. Учесть статистические явления, своеобразно преломляющиеся в психологии самих историков, также чрезвычайно трудно. Отсюда я делаю заключение о необходимости крайней осторожности в отношении выводов из общей картины крестьянской революции, которые преподносятся нам т. Дубровским. Затем дальше я присоединяюсь к словам т. Ярославского в том, что картина получилась в изложении т. Дубровского далеко неполная, потому что им опущены окраинные крестьянские движения и движение в Саратовской губ. Между тем эти движения крестьянства своей огромностью, своей большой революционной значимостью сразу меняют всю перспективу и все цифры т. Дубровского. В связи с этим вся установка, которая сделана т. Дубровским, должна быть известным образом переработана. Поэтому я бы считал, что пока данные, которые имеются, в общем и целом не дают нам самой нужной, общей картины революционного крестьянского движения России 1905 г. Будем надеяться, что эту работу т. Дубровский доделает, и тогда мы сумеем, может быть, в печати, может быть, и в других докладах, получить эту наиболее полную картину.

Дальше хотелось бы остановиться на некоторых отдельных моментах, на моментах причинности крестьянской революции, о которых говорил М. Н. Покровский. Я считаю необходимым указать на одну из важных причин, которая была т. Дубровским упущена,—это падение ремесла в крестьянском хозяйстве, как его подсобной отрасли. Бурное развитие промышленности в 90 г.г. вышибло из-под кустарного ремесла почву. Под влиянием развивающегося промышленного капитализма это явилось большим ущербом для крестьянского хозяйства, его возможностям конкурировать с помещичьим хозяйством. Теперь следующее явление, на котором я хотел бы остановиться, это сообщение докладчика о том, что политическое движение крестьянства имело место всего лишь в 22,7% всего числа случаев движения. Это политическое движение, по-моему, в силу суб'ективной оценки материала, о которой я вначале говорил, является в значительной степени преуменьшенным. По крайней мере здесь не выделены все те случаи вооруженных столкновений, все те случаи активных протестов, которые выявило крестьянство в различные моменты революционного движения в 1905—7 г.г. Между тем было бы очень важно проследить процесс нарастания этих политических форм движения крестьянства. Мы бы тогда увидели, что, начиная с приговоров, которые после указа 18 февраля вылились в целое политическое движение крестьянства (вспомните о 60 тысячах приговоров), это движение в конце года превращается в целый ряд вооруженных восстаний, которые приходилось усмирять артиллерией. Политическое движение крестьянства тесно сплеталось с экономическим, но все же, если мы употребляем и здесь статистический метод, то следовало бы детальнее расчленить формы политических выступлений крестьянства. Они имели очень

большое значение для революции и проследить их развитие было бы очень важно.

Между тем т. Дубровский эту сторону смазал, давши только 22% случаев политического движения и не подчеркнув его эволюции. Дальше следует заметить, что т. Дубровским были упущены формы организации крестьянского движения и особенно крестьянские революционные комитеты. Я считаю, что проработка этого вопроса в плоскости изучения развития на местах отдельных крестьянских организаций также будет иметь очень большое историческое значение в смысле политической значимости этих крестьянских комитетов, и в то же время для оценки тех решений, тех постановлений, которые они у себя принимали.

Далее—подходим к Крестьянскому Союзу. По этому вопросу я должен буду указать, что т. Ярославский допустил неточность, говоря, что Крестьянский Союз развился к 1906 г. Я как раз имел соприкосновение с Крестьянским Союзом, и даже сейчас обруган за это бывшим председателем Крестьянского Союза С. Мазуренко, который в своей книжке «Крестьяне в 1905 г.» честит меня меньшевиком. Это немного смешно и как-нибудь к этому сюжету придется вернуться, но сейчас я должен определенно заявить, что в 1906 г. этот самый Крестьянский Союз сошел почти нанет, в 1906 г. от него остались «рожки, да ножки». Наибольшее развитие Крестьянский Союз имел в ноябре 1905 г. Крестьянский Союз родился весной и вырос за лето к осени 1905 г., когда и был разгромлен. Факт роста Крестьянского Союза должен быть увязан с моментами под'ема рабочего движения, на почве и на основе которого он имел возможность так широко развернуть свою работу. Это самое обстоятельство должно быть подчеркнуто. Мы имеем кульминационный пункт развития Крестьянского Союза в ноябре 1905 г. вместе с Советом Рабочих Депутатов, когда был подписан манифест о неплатеже налогов и выемке вкладов. Это было лебединой песнью Крестьянского Союза. Я это обстоятельство подчеркиваю и попутно хочу сказать, что заявление т. Ярославского о том, что в 1906 г. крестьянское движение имело наибольшее развитие, по существу неправильно. Наиболее сильное революционное крестьянское движение, поскольку я его изучал, для меня увязывается с последней четвертью 1905 г. Вот в это время, когда была октябрьская стачка, когда развернулось декабрьское восстание в ряде мест, и был наивысший под'ем революционных форм крестьянского движения. И это обстоятельство уточнить не только по количеству случаев, но и по качеству их революционной значимости является чрезвычайно важным.

Попутно еще необходимо подчеркнуть, что об отношении с.-д. к крестьянству, о котором здесь говорил т. Ярославский в том смысле, что тут еще много было недостаточно продумано, несколько им преувеличено. Я все-таки думаю, что здесь нельзя сказать, чтобы, напр., у МК большевиков не было такой общей партийной линии. Если Московский Комитет нашей партии в некоторых случаях и дебатировал вопрос о таком программном требовании, как национализация земли, то это было в связи с меньшевистской программой муниципализации, и я думаю, что в массе своей с.-д. к этому времени, т.-е. к осени 1905 г., уже достаточно разбирались в этих вопросах. Я как раз сегодня просматривал брошюрку, написанную т. Черномордиком совместно со мной в начале 1906 г. Я писал о крестьянском движении, а его статья «Аграрный вопрос» носила полемический характер перед с'ездом. В этой брошюрке я нашел теперь много дефектов, потому что т. Черномордик, тогдашний секретарь Московского Комитета большевиков, высказался за «муниципализацию земли». Я лично к этой муниципализации земли не присоединялся, а скорее склонялся в сторону программы «разделистов». Эта точка зрения среди членов Московского

Комитета имела некоторое распространение. Все эти разговоры указывают прежде всего на чрезвычайно большой интерес нашей большевистской организации как в Москве, так и в других городах к крестьянскому движению, к крестьянскому вопросу. Этот вопрос относительно увязки вовлечения крестьянства в революцию совпадал с большой фактической работой по проникновению в крестьянство, которая была проделана большевистскими организациями в то время. Новая работа Мороховца дает любопытные указания каким образом большевистская организация проникала в крестьянские массы, как ей удавалось это крестьянское движение организовывать. Это обстоятельство при изучении последнего вопроса также, конечно, следует все время иметь в виду, потому что здесь значение крестьянских организаций с.-д. было очень важно не только для учета сил революции, но и для оценки роли партии в этой работе и для оценки значения партии в общем революционном движении. Здесь надо указать на переоценку т. Дубровским значения с.-р. в крестьянском движении 1905—7 г.г. Приходится высказать в этом некоторые сомнения, потому что мы видим, что не только с.-р., но и с.-д. (на основании новых архивных исследований) имели большое влияние на крестьянство, не только агитационно, не только пропагандистски, но имели и организационную связь в той же самой Саратовской губ., которая до сих пор считалась с.-р.-овским гнездом; между тем, там с.-д. устроили ряд революционных комитетов, руководивших крестьянским движением вплоть до вооруженных столкновений с войсками. С.-д. работа среди крестьян имела огромное значение и в Прибалтийском крае, в Грузии и др. местах. Таким образом, если включить эти районы, которые пропустил т. Дубровский, дать соответствующую оценку имевшихся здесь фактов крестьянской революции в ее наиболее резких формах, то у нас получится значительное увеличение участия с.-д. большевиков в крестьянском движении, а кроме того могут получиться и другие перспективы-другие выводы, о которых здесь говорилось т. Дубровским, правда, мельком. Маленькая справка относительно того адвоката, который ехидничал в 1905 г. против большевиков и который в 1917 г. был прокурором у Керенского и сажал крестьян в Бутырскую тюрьму (во время октябрьского переворота мы освободили этих крестьян), - его фамилия Стааль.

Тов. **Сеф.** Товарищи, что прежде всего обратило мое внимание в докладе т. Дубровского, это то, что он достаточно полно и интересно коснулся вопроса о массовом стихийном крестьянском движении, но почти совершенно не исследовал вопрос и не только не исследовал, но и оставил без разрешения проблему о начале сознательного крестьянского движения, о начатках организационных форм крестьянского движения. Здесь товарищи уже говорили о Крестьянском Союзе. Мне кажется, что нужно в значительно большей степени уделить внимание этой организации. Нельзя говорить об истории крестьннского движения, не говоря о Крестьянском Союзе и его истории. Нельзя говорить об истории крестьянского движения вне исследования вопроса об отношении крестьянства к выборам в первую государственную думу, вне исследования деятельности трудовой группы в первой думе. Повторяю, если бы даже это не входило в план исследования т. Дубровского, проблема эта должна была быть поставлена на разрешение в докладе. Было бы неправильно, если бы в докладе об и стории рабочего движения докладчик коснулся стачечного движения, совершенно не затронув вопроса о формах сознательного рабочего движения. И в этом отношении мне кажется, что здесь всю систему построения доклада нужно бы перестроить. У меня под руками совершенно случайно оказались выдержки из протокола летнего с'езда Крестьянского Союза. Они могут показать, насколько богат этот материал в смысле настроения крестьянства в этот период. Больше того, сейчас не

разрешен вопрос о роли кулачества в движении 1905 г.; так, напр., М. Н. Покровский в основном придерживается той точки зрения, что кулачество играло в значительной степени руководящую роль, а т. Дубровский ставит вопрос по-иному. Он говорит о руководстве низов в этом движении. Но возьмем для примера Крестьянский Союз: он руководился правым крылом народнических организаций и испытывал на себе не только их влияние, но и влияние кадетов. Но несмотря на то, что делегаты находились в значительной степени под влиянием представителей этих организаций, несмотря на то, что делегаты различных местностей были подобраны (были, главным образом, верхушки крестьянского населения), крестьянские делегаты на учредительном с'езде союза выступают все в целом против кадетской платформы выкупа частновладельческих земель, крестьянские делегаты в целом заявляют о насильственном отчуждении без выкупа этих земель. Так, напр., у меня выписка из речи представителя Владимирск. губ.: «Земля в народном сознании божий дар, как воздух и вода. Ее должен получить тот, кто в ней нуждается. Сколько нужно, столько и получай. Крестьяне на земле, дворяне при дворе, у них земля только придаток. За землю их отнюдь не нужно вознаграждать». Если взять выступление председателя этого с'езда, человека умеренного, то даже в его речи можно проследить антипомещичье настроение. Он говорил: «Отдавая дань прошлому и признавая заслуги отдельных лиц, не следует переоценивать современное значение земства, что благодаря цензовой системе в состав земства попадают лишь представители имущего класса, более зажиточные помещики или находящиеся на откупе правительства земские начальники; в состав городских деятелей попадают, главным образом, представители капитала. Нельзя ожидать и требовать, чтобы эти господа разделяли и проводили в жизнь программу, принимаемую Крестьянским Союзом, чтобы они не стояли в первую очередь за свои интересы, противоположные во многом крестьянским».

Это выступление одного из умеренных членов с'езда, который находился под влиянием кадетских кругов, игравших на этом первом с'езде немалую роль. Вообще настроения крестьян на этом с'езде показывают, что ставить все же вопрос только о руководстве движением низов нельзя, как нельзя, мне думается, ставить вопрос об исключительно-руководящей роли кулачества. Материалы летнего, а затем и ноябрьского с'езда дают богатейший материал об организационном оформлении групп крестьянства и их политических настроений. Это тем более важно, что в работе т. Дубровского мы имеем статистику политических выступлений, но не имеем анализа политической деятельности хотя бы отдельных крестьянских групп. В то время как выше охарактеризованный мной вопрос, так и вопрос об отношении крестьянства к выборам в первую думу, так четко поставленный Лениным, и вопрос об организации трудовической фракции в первой думе отображают крестьянские настроения в этот период, отображают колебания групп деревенской мелкой буржуазии между пролетариатом и буржуазией.

Всего этого в докладе нет, и мне кажется, что нужно не только отметить, что этого в докладе нет, но и отметить, что система построения доклада вне постановки проблемы о начале организованного и сознательного крестьянского движения не может претендовать на историю крестьянского движения в первой русской революции.

Тов. **Гайстер**. Товарищи, Ленинский метод изучения общественного явления знает 3 вопроса, которые обычно ставятся при изучении общественного явления. Эти вопросы: откуда выросло явление, как росло это явление и куда оно растет? Если мы с точки зрения этих вопросов, необходимых для освещения крестьянского движения, подойдем к сегодняшнему

докладу, то должны будем признать, что второй вопрос — как росло движение,—получил достаточное освещение. Первый же и третий, без которых не понять крестьянского движения в революции 1905 г., были недостаточно освещены.

Первый вопрос, откуда выросло крестьянское движение. Недостаток времени заставил докладчика сократить последнюю часть доклада, устремив больше внимания на самую сущность крестьянского движения. Тов. Дубровский намечает следующие основные причины крестьянского движения. В условиях развивающегося на сельскохозяйственном под‘еме капитализма в деревне, происходит обнищание крестьян. Отсюда взрыв негодования, отсюда усугубление общего негодования; это—главная причина, по мнению т. Дубровского, крестьянского восстания в 1905 г. Мне представляется, что это одна из причин, но далеко не самая главная. Прежде всего было бы совершенно неправильно подходить к крестьянскому движению, не расслоив самого крестьянства, не найдя причин, которые толкали различные слои крестьянства на борьбу против помещика; это—первое. Второе,—необходимо найти ту причину, которая соединила различные слои крестьянства в их об‘единенной борьбе за землю против помещиков. Подходя с такой точкой зрения к причинам крестьянского движения, нам придется внести два дополнительных корректива в тот основной момент, который наметил т. Дубровский. Первый вопрос, о путях развития сельского хозяйства России. Дело в том, что у нас довольно широко распространено мнение о том, что борьба за путь капиталистического развития выявилась впервые в революцию 1905 г. Между тем, как подчеркивал Ленин, «Россия развивается по крайней мере с 1861 г. по юнкерски-буржуазному типу». Крестьянская реформа 1861 г.—это была первая крупная победа прусского пути капиталистического развития. Борьба за путь капиталистического развития—прусский или американский,—идет с тех пор в недрах сельского хозяйства, где растут и развиваются основы указанных типов развития—помещичий и крестьянский капитализм. Крестьянские капиталистические отношения сдавлены со всех сторон господством помещичьего капитализма, тем, что т. Дубровский называет диктатурой крепостника. Сельскохозяйственный под‘ем, наметившийся в 1896 г., длящийся за революцию, оживляет как помещичий капитализм, так и буржуазные слои крестьянства. Это видно и по обогащению за счет средств производства, за счет накопления в сберегательных кассах именно крестьянских слоев населения. На ряду с нищанием широких слоев идет процесс значительного расширения в отдельных группах крестьянского хозяйства. Если мы заметим этот рост крестьянского капитализма, то нам придется признать, что в дополнение к той основной вехе, которую наметил т. Дубровский, вводится поправка, которая даст основы поведения крестьянства в некоторые моменты самой революции.

Весьма существенным для понимания причин революции является также вопрос о характере тех капиталистических отношений, которые развивал помещичий капитализм. Не надо думать, что помещичий капитализм лишь разрушает крепостнические элементы в деревне, не надо думать, что процесс развития помещичьего капитализма—это был лишь постепенный процесс вымирания крепостничества в деревне. Помещичий капитализм восстанавливал в отдельных моментах крепостнические отношения и осваивал капиталистические формы через старые крепостнические пережитки. Примеров этому очень много. Я приведу только маленький пример. Князь Шаховской в своих работах о земледельческом отходе крестьян приводит материалы по вопросу о том, как помещики нанимали крестьян. Приезжает от помещика приказчик, спаивает в деревне старосту и писаря, узнает, кто в деревне не платит недоимки, составляется

список недоимщиков, им дается по рублю вперед, чтобы уплатить недоимки. Так покупается рабочая сила: чем не крепостнические времена? Тов. Дубровский упомянул о разгроме хутора Михайловского Черниговской губ., о Курской губ., где были богатейшие капиталистические экономии. Но какие отношения вызывает процесс развития капитализма в этих экономиях? Он вызывает нажим на старые «отрезки», которые оказываются в руках нового помещика. В капиталистической экономии развиваются отработки, это вызывает резкое понижение цены рабочей силы, становящейся почти даровой.

Эти два основных дополнения заставляют нас не так голо искать главные социальные силы движения деревни. Такое расчленение чрезвычайно существенно, потому что оно дает иную установку в понимании направления движения. Приходится с сожалением констатировать, что в докладе тов. Дубровского этот момент—откуда росло крестьянское движение—совершенно не был отмечен.

Второй вопрос о том, как росло крестьянское движение. В этом вопросе мы слишком увлекаемся внешней формой, в которую выливается крестьянское движение. Попытаться до сих пор выскочить за пределы рубрик, которые наметили Вольно-Экономическое Общество, Прокопович и др., мы как будто не решались. Крестьянское движение делится на поджоги, порубки и т. д. Сегодня т. Дубровский сделал существенное дополнение в виде новой рубрики: политическая борьба. Мне кажется, что здесь можно внести нечто значительно большее. Тов. Шестаков и тов. Ярославский подходили к этому. Если мы устанавливаем известную периодизацию в развитии рабочего движения, то можно легко установить такую периодизацию и в развитии крестьянского движения в эпоху буржуазно-демократической революции. Это отнесение известных форм движения к той или другой стадии сознательности движения чрезвычайно важно и необходимо было бы это сделать. Тов. Дубровский не дал нам закономерности, по которой можно было бы видеть, как нарастала волна активного крестьянского движения, что представляет также недостаток доклада.

Третий вопрос о том, куда росло крестьянское движение. Здесь была полемика о кулаке, о том, был ли кулак главным руководителем крестьянского движения. Мне кажется, что ставить так вопрос было бы весьма несообразно. Вопрос не в том, было ли кулачество штабом революции, а вопрос в том, куда устремлялось крестьянское движение. В этом отношении т. Ленин писал, что пролетарская струя в крестьянском движении уже наметилась, она не только наметилась, она определилась, но она еще не составляла национальной особенности революции, национальной особенности разворачивающегося крестьянского движения. И поскольку т. Дубровский утверждает, что кулак не был главным руководителем революции,—это вопрос факта. Но что общее развитие движения шло по линии буржуазной революции, это совершенно несомненно. На этот вопрос, мне кажется, материал департамента полиции не может дать исчерпывающего ответа. Тов. Сеф, выступивший передо мною, наметил очень широкий план работы по вопросу о крестьянском движении. Такая работа никому из нас не под силу. Мы не располагаем таким количеством обработанного материала, чтобы дать историю крестьянского движения в революцию 1905 г. Мы только начинаем разрабатывать отдельные вопросы этого движения. В этом отношении было бы достаточно, если бы т. Дубровский ответил на вопрос, куда росло движение. Но ограничиться материалами, которые имел т. Дубровский, невозможно. Есть другие материалы, не разобранные. Это—знаменитые петиции, которые направлялись в собственную его величества канцелярию. Они в общем и целом отражают вопрос о том, куда росло крестьянское движение. И вот, если вы подойдете к этим петициям с невооруженным глазом, вы не увидите за слезницей небольшего

зерна, которое там имеется. Наша задача, задача историка-марксиста, заключается в том, чтобы из шелухи выбрать это зерно. Если вы возьмете эти петиции, вы найдете прежде всего слезницу: «Налоги большие, земли мало» и т. д., но в каждой из них прорывается одна нотка, которая достаточна для того, чтобы определить, откуда выросла эта петиция. Крестьяне местечка Курисова-Покровского, Одесского у., Херсонской губ., пишут: «Мы лишены возможности развиваться и развивать собственную инициативу даже в собственном хозяйстве» [1]), и т. д. В другом месте— Кирюшинской вол., Балахнинского уезда, вопрос ставится значительно проще:

«Итак, мы просим: увеличения земельных владений, дабы можно было хоть несколько передохнуть экономически и подумать о более усовершенствованных способах землепользования; всеобщего обязательного образования, свободного учреждения школ, библиотек, читален, без него невозможно культурное развитие, допущения свободно избранных наших представителей в представительном народном собрании, долженствующем преобразовать наше отечество на началах государственности и правового порядка, устранить существующие глубокие нестроения нашей внутренней жизни» [2]).

Я приведу еще пример из другой, Тверской губ. и этим ограничусь. Здесь пишут:

«Земля должна быть достоянием хлебопашца, почему необходимо каждому крестьянину нарезать достаточное количество земли хуторами, а для оборудования и культивирования этой земли правительство должно прийти на помощь материально» [3]).

Вот вам соответствующая почва для будущей столыпинщины.

Итак, товарищи, если вы возьмете петиции, они шли тысячами, то большинство из них указывают нам на то, откуда выросли те моменты крестьянского движения, которые несомненно отражают эти петиции. Говоря об этих петициях, я хотел бы отметить еще одно: о монархизме, о котором также шла дискуссия. Если обратить внимание на все петиции, то вы заметите весьма оригинальную и существенную черту. Все они настаивают на том, чтобы программа, которую они выставляют, была осуществлена законодательным путем, чтобы на место старого закона был поставлен новый закон, т.-е. такой закон, на который можно было бы опираться, при том необходимом развитии рамок, которого добивалось крестьянство. Ему нужна была социальная сила, социальная опора для своих преобразовательных стремлений. Такой социальной опорой в силу Романовской зубатовщины казался царь. Этот монархизм не был того подспудного типа, о котором говорил Плеханов, считая его присущим крестьянину. Это не так. Монархизм крестьянина 1905 г. обуславливался тем, что он искал социальную опору против помещика, и он скоро увидел, что эта опора идет против него, и этим об'ясняется то, что в 1905—1906 г.г. стали посылать более революционных представителей в Думу, хотя знали, что они против правительства, против царя.

Еще один последний вопрос, который выходит за пределы доклада, но который достоин того, чтобы его рассмотреть. Это основные причины поражения крестьянской революции. Одна из причин этого поражения, это слабость сцепок волны рабочего и крестьянского движения, во-вторых, та дезорганизованность крестьянского движения, которая характеризовалась тем, что в то время, как в Тульской губ. громили, рядом губернии молчали. Но мне кажется, товарищи, что только этим об'яснить поражение революции 1905 г. было бы совершенно неправильно. Революция 1917 г.

[1]) „Право“ 1905 г., ст. 1891.
[2]) „Право“ 1905 г., ст. 1895, 12 июня.
[3]) „Право“ 1905 г. № 32, ст. 2592.

среди причин, облегчивших ее победу, знает одну далеко не маловажную причину: это фронт, который отделял Россию от всех остальных империалистических хищников. Революция 1905 г. этого фронта не знала, и активность царского правительства повышалась в соответствии с тем, как его поддерживала мировая буржуазия. В победе русской контр-революции был заинтересован мировой империализм, который совершенно четко определился к этому периоду. Именно победа мирового империализма в нашей революции обеспечила крах нашего крестьянского движения.

Заключительное слово тов. Дубровского.

Товарищи, не только крестьянское движение, не только рабочее движение, и вообще всякое классовое движение имеет свою закономерность, но даже доклады и прения по ним имеют свою закономерность. Каждый докладчик может охватить лишь определенный круг вопросов, и всегда оппоненты укажут, что докладчик не коснулся того-то и того-то. Так как мы находимся в обществе историков-марксистов, работающих по отдельным частям истории и в частности революции 1905 г., то, конечно, мы всегда можем ждать дополнений, иногда ценных, иногда неценных, тем более, что я во всяком случае вовсе не имел в виду исчерпать крестьянское движение 1905 г. целиком.

Тов. Гайстер правильно здесь указал, что над 1905 г. надо работать не одному, не двум, а целому поколению историков, и тогда, может быть, исчерпают его историю. К этому нужно прибавить другое обстоятельство: если в нашей готовящейся к печати работе намечается 33 главы, или раздела, а для доклада имеется 60 минут,—сделайте арифметический рассчет, сколько приходится на каждую главу—и вам будет ясно, почему я сократил доклад и целый ряд вопросов обошел. В частности я обошел вопрос об организации Крестьянского Союза и, повидимому, сделал это правильно, так как этот вопрос был наиболее известным, и недаром по нему выступали все товарищи. Вопрос об организации Крестьянского Союза был мною опущен еще потому, что протоколы его напечатаны, и то, что как новое открытие цитировал товарищ Сеф, было мной использовано еще в моей популярной брошюре [1]), так что в этом отношении эти материалы мной даны. Из материалов о Крестьянском Союзе интересны не последующие с'езды и совещания, а первый учредительный с'езд, потому что московская полиция этот с'езд проморгала, за что получила нахлобучку от департамента полиции. Здесь т. Ярославский говорил о развитии деятельности Крестьянского Союза в 1906 г. Возможно, что на этот счет у него имеются особые материалы, но мне эти материалы неизвестны. Материалы, которые были в моем распоряжении, указывали на более сильное развитие Крестьянского Союза в ноябрьские дни, отчасти в декабрьские. В 1906 г. значение Крестьянского Союза уменьшается. Если у т. Ярославского имеются другие материалы, интересно было бы получить их.

Теперь в смысле об'ема темы. Можно было поставить n-ое количество вопросов. В частности в главе о партийном влиянии у меня имеется специальный раздел об агитации, где я исследовал партийную работу и большевиков и меньшевиков (особенно в Грузии), и деятельность с.-р., но вместить все в течение одного часа 10 минут было невозможно.

В отношении географических рамок доклада должен подчеркнуть, что я не взял Польшу, Прибалтику, Грузию и некоторые другие районы, потому что эти материалы недостаточно проработаны. По этим районам материалы

[1]) Очерки русской революции, вып. I, 2-е изд., стр. 117 и след.

департамента полиции в центральном архиве оказываются довольно скудными, их трудно было прорабатывать статистически. Нужно еще подчеркнуть то, что работа пишется в связи с юбилеем 1905 г. В юбилейном четырехтомнике должны быть специальные статьи о движении на «окраинах». Это позволило мне не касаться этого вопроса и тем более, что отсутствие этих «окраин» не мешало общим выводам. В докладе географический охват был довольно широкий. Я даже думал о том, что, может быть, можно подойти к изучению крестьянского движения по районам. Я указывал вам, что, например, в Курской губ. мы имеем свои особенности движения даже в различных уездах, такие особенности, которые позволяют делать выводы о движении даже на основании этих уездов. Я думаю, что я имел право сделать выводы на основании захваченных мною почти всех губерний Европейской России, которые выходят не только за пределы РСФСР, но касаются и Белоруссии и Украины. В этом отношении в географии я тверд и захватил довольно солидный кусок прежней царской России. Против моих выводов как будто бы никто не возражал, потому что выводы, я не скажу, чтобы они были очень яркие, но выводы основаны на нашей довольно богатой партийной литературе по революции 1905 г.

Теперь в отношении материалов. Я немного не понял т. Шестакова, он говорил о суб'ективизме в использовании материалов. Я не знаю, какой суб'ективизм имел в виду т. Шестаков, когда говорил о материалах департамента полиции. Если там написано, что в таком-то районе разгромили такое-то количество имений, подложили солому под молотилку и подожгли, я не знаю, какой тут суб'ективизм и как этот суб'ективизм мог отразиться на моих таблицах. Сожжено имение, по таблице регистрируется поджог, если где избили урядника, регистрируется избиение полиции. Может быть, т. Шестаков спутал с материалами анкеты Вольно-Экономического Общества. Там действительно много суб'ективизма. Когда корреспондента спрашивают, каково было в вашем районе движение, то корреспондент в 1907 г. вспоминает, что было в 1905 г. Он вспоминает, какие слои деревни участвовали, богатые или средние, или бедные. Ответы будут различны в зависимости от того, кто отвечает. Это суб'ективизм. В приведенных же нами статистических подсчетах мы имеем дело лишь с обобщенными фактами. Если же, например, в документе имеется суб'ективная оценка губернаторов, то этот суб'ективизм меньше всего отразился в отношении цифр. Важно, что оно точно, в полицейских целях, устанавливает факт. Его же оценки можно и отбросить. Может быть, приведенные цифры можно упрекнуть в неполноте. Но для нас не столько важны абсолютные цифры, хотя у нас они наиболее полны из существующих, сколько их соотношения. В отношении же улавливания общей закономерности развития движения я утверждаю, что эта закономерность улавливаема, если взять, например, наши таблицы и даиграммы, показывающие соотношение движения по районам, по основным видам, соотношение развития по месяцам и проч. Какой же суб'ективизм, если в течение июня, июля движение оказывается сильнее во всех районах, если в течение октября, ноября во всех районах оказывается под'ем? Где же суб'ективизм? Я готов согласиться с т. Шестаковым, что по отдельным видам можно было бы 5 случаев прибавить или отбавить, можно передвинуть на незначительный период, но и только. Поскольку имеется совпадение или об'яснимое несовпадение под'ема или упадка движения по районам, приходящееся на определенный период, это показывает, что закономерности уловлены этими цифрами правильно. Это можно было бы доказать и другими приемами проверки правильности статистически полученных кривых. Я думаю, что вопрос суб'ективизма нужно совершенно отбросить. Я думаю, товарищи, нам действительно нужно бороться против суб'ективизма в истории. До сих пор в

истории мы часто пользовались «суб'ективным методом» за отсутствием об'ективных данных. Статистический метод применялся мало.

Теперь позвольте остановиться на некоторых частностях в отношении движения 1905 и 1906 г. г. Должен подчеркнуть, что я остановился, главным образом, на характеристике массового движения, и в первую очередь на характеристике массового движения 1905 г., и меньше уделил внимания 1906—1907 г. г. Если же сопоставить 1905—1906 г. г., то мы имеем очень интересную закономерность. В 1906 г. крестьянское движение несомненно было более организовано, особенно было более организовано стачечное движение. С этим я согласен, это действительно подтверждено материалами. Я не могу остановиться на всех вопросах. Но вот относительно участников движения надо, как правильно указал М. Н. Покровский, брать социальную географию. Социальная же география такова: южный район, преимущественно бедняцкое движение, преимущественно, это не значит, конечно, что не найдется 10 кулаков, которые шли во главе движения. В земледельческом центре было преимущественно середняцкое движение, с большим руководством середняков. Если взять промышленный район, то здесь было больше руководство городских рабочих и полу-рабочих, полу-крестьян. Здесь, вне всякого сомнения, влияние города было наибольшим. На севере, в особенности на северо-востоке, было преимущественно движение зажиточных крестьян и их руководство. В Прибалтийском крае было батрацкое движение.

Теперь относительно крестьянского монархизма. Я не знаю, почему на этом вопросе обострились прения. Я подчеркнул монархизм крестьян; но указал, что крестьянство освобождается от монархизма, от крепостнической идеологии (монархическая идеология была крепостнической идеологией),—снизу вверх: от урядника до земского и пристава, от пристава до губернатора, от губернатора до министра, от министра до царя. Когда крестьянских ходоков к «царю» выпарывали и доставляли домой по этапу, они говорили: «нет царя», как рабочие после 9-го января. Но нужно иметь в виду также и то, что в отношении монархизма иногда преувеличивают неграмотность крестьянства и крестьянские надежды на царский манифест.

Теперь остается остановиться еще на целом ряде вопросов, которые поставил т. Гайстер в отношении предпосылок движения. Я не понял, в чем видит т. Гайстер разногласия. Он говорил о роли прусского развития. Это твердо установлено Лениным. Об этом у нас спора не было. Вопрос о том, куда росло крестьянское движение—это общеизвестно, и на этом можно было бы не останавливаться. Теперь относительно причин неудачи крестьянской революции. Я меньше всего склонен раздувать крестьянскую ограниченность и думаю, что вопрос об успехе революции зависел не только от хода крестьянской революции, он зависел от целого ряда причин и в известной степени от международного империализма, от международной буржуазии. При рассмотрении революции 1905 года в целом надо иметь в виду и положение в Европе, именно иметь в виду европейский под'ем промышленности и слабое рабочее движение в течение 1905—1906 г. г., когда в России был промышленный кризис и депрессия, форсировавшие рабочее движение. Я думаю, что этот вопрос особый, который придется обсудить отдельно.

Итак, я заканчиваю. Моей задачей было сегодня рассмотреть собственно массовое крестьянское движение, тем более, что установить факты для нас имеет большое значение. До сих пор мы эти факты в общем мало знали. Относительно прочих вопросов о руководстве крестьянским движением, о партийной работе в деревне и проч.,—это особая тема, которую мы разрабатываем в печати, и там найдет свое отражение и ряд еще не затронутых сегодня вопросов.

О Всероссийской методической конференции преподавателей истории в совпартшколах

В конце января в Москве состоялась конференция преподавателей истории в совпартшколах. Присутствовало более 100 человек со всех концов Советского Союза. Первый опыт коллективно суммировать результаты работы и наметить общие положения для дальнейшего преподавания истории дал свои положительные результаты. Делегаты проявили значительный интерес к вопросам методики, они привезли с собою огромный педагогический опыт, и нужно прямо сказать, что в отдельных случаях места превосходили центр.

Заслушаны были два основных доклада: доклад тов. К. А. Попова о месте исторических дисциплин в программе наших совпартшкол и доклад тов. Ц. Фридлянда об исследовательском методе в обучении истории при лабораторном плане. Оживленные прения, в связи с работой комиссий, дают богатейший материал для суждений о проделанной работе и о методических достижениях в наших партшколах. Мы приводим ниже подробные тезисы доклад тов. Ц. Фридлянда. Отметим в заключение, что главное требование преподавателей с мест было: положить в Москве начало специальному историческому журналу, где освещались бы вопросы методики преподавания истории и где молодые историки могли бы черпать материал для своей дальнейшей подготовки. Информация о работе Общества историков-марксистов была встречена с огромным интересом и вниманием.

По докладу тов. Попова основные прения развернулись вокруг вопроса о слиянии курсов истории России и истории ВКП(б), о месте в программе курса истории Коминтерна. Большинство получили предложения тов. Попова. По докладу тов. Фридлянда прения касались вопросов о роли документации в лабораторном плане, о месте лекций в преподавании, о ряде конкретных предложений в связи с пропедевтикой. Комиссия была центром, где все вопросы подвергались длительному обсуждению. Принятые решения являются итогом работ конференции, значение которой было отмечено в выступлениях т.т. М. Н. Покровского и Н. К. Крупской.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ И ЛАБОРАТОРНЫЙ ПЛАН

I. История в совпартшколе

1. История, как наука,—марксистская история, изучает прошлое человечества, конкретные факты классовой борьбы в их связи с хозяйственным развитием общества. Марксисту-историку одинаково чужд социологический схематизм, как и погоня за «индивидуальными, неповторяемыми» особенностями отдельного факта. История вскрывает социальную

значимость конкретных явлений прошлого. В этом смысле мы говорим об историзме марксистского метода. («Мы знаем только одну единственную науку — науку истории» — Маркс, «Немецкая идеология»). Рассматривая все явления общественной жизни в их диалектическом развитии (исторически). Маркс уничтожил пропасть между естественными и общественными науками, между «чисто» конкретным и «абстрактным» знанием.

2. Практическая задача является одной из основных в нашем преподовании истории; мы воспитываем ленинца. «В системе общего коммунистического образования факты прошлого могут иметь значение лишь как материал для об'яснения настоящего» (М. Н. Покровский). Знакомя слушателя с прошлым, мы имеем в виду помочь ему разобраться в конкретных фактах современной классовой борьбы, чтобы облегчить ему его практическую, повседневную, революционную работу. Мы отбрасываем две крайности: 1) изучение прошлого, как такового (задача научно-исследовательских учреждений); 2) попытку изучать прошлое путем анализа его пережитков в настоящем («регрессивный метод») [1]. То, в чем сама суть, в чем живая душа марксизма, писал Ленин: «это конкретный анализ конкретной ситуации».

3. Лабораторный план открывает возможность при наименьшей затрате сил с наибольшим педагогическим эффектом поставить дело самостоятельной работы слушателей над историческим материалом. Его преимущество над другими способами преподавания состоит в том, что вместо простого запоминания соответственных фактов слушатель имеет возможность разобраться в исторических документах; он не только усваивает абстрактную социологическую схему, но анализирует социальное значение конкретных фактов классовой борьбы. Лабораторный план, контролируя самостоятельную работу слушателей, точно учитывая необходимое время для проработки задания, должен, однако, предоставить слушателям известное свободное время для работы по данному предмету вне задания, сообразно их индивидуальным запросам.

II. Исследовательский метод и пользование историческими документами

4. В основу лабораторного плана в преподавании истории должен быть положен исследовательский метод. Его основная цель—организация самостоятельных работ слушателя. Исследовательский метод имеет в виду сообщить слушателю необходимые навыки для его дальнейшей практической работы и для дальнейшего его самообразования.

5. Под исследовательским методом мы отнюдь не понимаем работу исключительно над сырым материалом (т.-е. архивным, краеведческим и т. п. материалом), мы думаем, что слушателю должен быть сообщен известный минимум обще-исторических сведений, усвоение которого, как и проверка, является делом самостоятельной исследовательской работы курсанта.

Исследовательский метод мы не сводили также исключительно к пользованию иллюстративным материалом в преподавании.

6. Исследовательский метод в наших совпартшколах предполагает, как один из основных приемов преподавания, работу над отдельными, заранее к каждому занятию подобранными, историческими документами. Характер этих документов (речи, резолюции, статистические сводки, законод. акты,

---

[1]) Вопросы педагогической практики будут рассмотрены ниже.

показания современников и т. д.), задачи, поставленные перед слушателями в связи с разбором документа, зависят от данного исторического предмета, опыта предшеств. работы слушателей, подготовки и интересов каждого из них.

Исследовательский метод применим также в преподавании истории школ I ступени, при соблюдении при этом надлежащей последовательности в работе. Документы, подобранные соответственно уровню слушателей, должны служить иллюстративным материалом и лишь в отдельных случаях для задач самостоятельной работы слушателей.

7. Против пользования историческими документами в преподавании возражают в методической литературе, утверждая, что мы загромождаем занятие, что разбор отдельного документа недостаточен для исследовательской работы над темой. Подобного рода возражения были особенно часты в старой методической литературе.

Против использования документов возражают часто также и слушатели, не понимая смысла и значения работы над отдельным документом. Здесь необходима большая педагогическая работа по раз'яснению слушателям значения исторического документа.

Ошибочной является однако и перегрузка занятия документальным материалом, стремление поставить разработку темы исключительно на документальном материале (см. предложения Н. Рожкова в сборнике «К пятилетию АКВ»).

III. Исследовательский метод и наши программы

8. Необходима разгрузка наших программ, с точки зрения лабораторного плана.

Новые программы по истории классовой борьбы для совпартшкол I и II ступени являются безусловным шагом вперед в применении к лабораторному плану. Дальнейшие их усовершенствования должны пойти по линии сокращения количества тем (разгрузки) и разработки их в применении к лабораторному плану, соответственно задачам школ I и II ступени.

9. При прохождении наших программ следует иметь в виду целевую установку совпартшкол: работу слушателей по окончании школы среди крестьянства нашего Союза. Следовательно, часть тем в программе по истории классовой борьбы должна иметь в виду специально крестьянство, при чем темы эти должны быть теснейшим образом связаны с историей рабочего движения.

10. Лабораторный план и применение исследовательского метода, отменяя лекционную систему, отнюдь не означает ликвидации лекций, как подсобного средства. Они могут служить введением к известному разделу программы, они могут быть обобщением сведений по уже проработанной части программы, они должны дополнить то, что разработка отдельных тем в лабораторном плане не может дать слушателям. Новая программа должна наиболее целесообразным образом увязать известное (минимальное) количество необходимых лекций, с систематизированным комплексом тем для самостоятельной проработки.

Предложить школьному отделу ГПП разработать список дополнительных тем для лекций по истории Америки и Востока.

IV. Исследовательский метод и задания

11. Предварительным условием применения исследовательского метода в совпартшколе является сообщение слушателям ряда технических навыков, необходимых в работе: научить пользоваться исторической картой, составлять диаграммы и, следовательно, читать цифры, записывать и формулировать свои мысли, навыки пользования исторической книгой, работы над исто-

рическим документом и т. д. Это отнюдь не означает, что необходим «предлабораторный» план. Подобные навыки должны быть сообщены слушателю в процессе работы, овладение ими одна из существенных задач исследовательского метода, при соблюдении при этом стадийности в работе с аудиторией (см. ниже).

12. Центральным вопросом в постановке исследовательского метода при лабораторном плане является вопрос о составлении задания. Основные рубрики задания: а) целевая установка задания, б) план темы или основные вопросы для проработки, в) указатель литературы, г) документы к теме, д) характеристика литературы и документов, е) контрольные вопросы. Совершенно неприемлемыми с точки зрения исследовательского метода и задач нашей партшколы являются лабораторные задания рабочей школы Лондона (см. книжку «Год работы по истории»).

13. Вторая рубрика задания: план вопросов для проработки. План этот предполагает, как максимум, 4 основные пункта и 8—9 подпунктов для проработки. Плану должно предшествовать краткое введение, поясняющее смысл и цель задания (целевая установка). В введении отнюдь не должно быть дано ответа на поставленные в плане вопросы.

14. Что касается указателя литературы, то основным требованием является указание одной основной книжки и не больше двух, как дополнительного материала по основным вопросам темы. Задача методич. конференции составить твердый рекомендательный список этой литературы. Подбирая дополнительную литературу к теме, следует иметь в виду книги, где сообщено нечто новое по сравнению с основной книгой или нечто спорное, что следует подвергнуть марксистской критике.

Предложить школьному отделу ГПП составить комиссию в составе представителя ГПП, агитпропа ЦК и Московской губсовпартшколы для составления подобного твердого списка рекомендуемой литературы.

15. Исследовательский метод предполагает, в основном, работу над историческими документами. На их подбор к заданию следует обратить особое внимание. Как правило к каждой теме должно быть указано не больше 2 документов для проработки и не больше 2—3, как иллюстративный материал; документы должны иметь в виду углубленную работу над основными вопросами задания.

16. Важное значение в задании приобретает раздел «д» (характеристика литературы). Здесь следует дать оценку предлагаемым книгам с точки зрения их марксистской выдержанности и того, что слушатель должен в них искать при работе над данной темой. Должен быть указан порядок чтения рекомендованных к теме книг; должна быть поставлена определенная теоретическая задача курсанту при чтении и разборе указанных документов (скажем: составь диаграмму по вопросу о росте цен на хлеб и землю в Европе в конце XVIII в., или роста мировой торговли XIX в.; сравним Деклар. П. Ч. и Г. и Декл. П. Т. по вопросу о собственности и т. д.).

17. Контрольные вопросы должны облегчить слушателю повторение пройденного и должны иметь в виду увязку прошлого с современностью, а также выяснение степени усвоения темы в целом.

18. При применении исследовательского метода огромное значение имеют письменные работы слушателей. В заданиях должны быть указаны отдельные вопросы для письменной проработки. Желательно составление плана или тезисов по одному-двум вопросам задания. Безусловно желательны периодические письменные работы слушателей по всей теме. На первое время может быть предложено конспектирование прочитанного. Обязательна проверка письменных работ преподавателями.

19. В отдельных случаях может быть рекомендована постановка в задании вопросов для добровольного выполнения слушателями. Основная цель:

выделение наиболее интересующихся предметом, стимулирование их интереса к предмету,—желательна постановка в отдельных случаях реферата курсанта на общем собрании всех кружков.

V. Исследовательский метод и постановка занятий

20. Организация занятий при лабораторном плане имеет целью дать курсанту возможность самостоятельно приобрести знания и навыки. Основные звенья этой организации: а) инструктивный урок или вводное занятие, б) работа в лаборатории и консультация, в) учет проработанного, г) обобщающий урок или конференция. Мы впадем, однако, в ошибку, если будем считать, что эти звенья имеют одинаковое значение в различных моментах курса. Лабораторный план предполагает развертывание сообщаемых слушателю методических и практических навыков на всем протяжении пребывания его в школе. Содержание этих навыков, сначала простое, должно постепенно усложняться: растут исследовательские моменты, растет сознательное участие слушателя в работе, уменьшается роль преподавателя и перед курсантами выдвигаются практически все новые и новые задачи. Эти стадии развертывания учебно-педагогического процесса должны быть тщательно продуманы. Они должны лечь в основу каждого его звена.

21. Основные особенности каждой стадии следующие:

Первая стадия: а) главное внимание преподавателя сосредоточивается на методе работы с каждым курсантом, б) составление задания с введением, устанавливающим связь разбираемой темы с предыдущей, в) обучение курсанта исследовательской работе над книгой, картой, диаграммой и легко усваиваемыми им документами, г) в этой стадии играет большую роль книга, связно излагающая ход исторического процесса, д) значительна роль преподавателя на уроках и в разработке задания.

Во второй стадии: а) нарастание исследовательских элементов в работе слушателя, б) большая роль документа (включая в это понятие и книгу В. И. Ленина), в) практические целевые установки в работе (как-то: доклад, составление плана, организация выставки по отдельным вопросам и т. д.), г) увеличение самостоятельности слушателей в их работе и меньшее. чем в первой стадии, регламентирование задания.

В третьей стадии: а) Еще большее нарастание исследовательского элемента в работах курсанта, б) самостоятельная творческая работа по отдельным вопросам, в) практические установки для конкретной цели (например, доклад для крестьянской аудитории, план урока на данную историческую тему в определенной аудитории и т. д.).

22. Указанные стадии развертывания учебно-педагогического процесса не являются мертвой схемой. Они перерастают одна в другую в зависимости от усвоения того или другого навыка, уровня группы курсантов. Возможно, что найдутся группы, которые сразу начнут с более трудных форм или очень быстро минуют первые 2 стадии. Но для того, чтобы курсант вынес из школы необходимые ему в дальнейшей работе навыки, необходимо при разработке звеньев учебно-педагогического процесса тщательно учитывать последовательность их применения преподавателем.

23. Проработка каждой темы предполагает вводное занятие, индивидуальную консультацию и конференцию. Коллективная консультация излишня. На вводном занятии следует выяснить слушателям увязку разбираемой темы с вопросами современной классовой борьбы, необходимо установить связь с предшествующей темой. Важно слушателям дать на вводном занятии указания, на что в материале новой темы следует обратить особое внимание; сообщить ряд технических приемов при работе над новыми документами; сообщить слушателям о постановке спорных вопросов

в исторической литературе и т. д. Вводное занятие должно возбудить у слушателей интерес к теме, дать им представление о значении темы, облегчить им их самостоятельную работу.

24. Индивидуальная консультация имеет в виду помощь отдельным курсантам в их работе. В основном, однако, назначение этого звена лабораторного плана в индивидуализации работы со слушателями. В преподавании истории подобная консультация имеет огромное значение. Отнюдь не обязательно рекомендовать всей аудитории один и тот же документ для проработки: желательно наибольшее разнообразие приемов и материалов при разработке темы. Разнообразие проработанного материала открывает для конференции широчайшие возможности.

Считать желательным по мере возможности введение «четвертого звена» групповых консультаций для учета работы и помощи в самостоятельной работе слушателей.

25. На конференции отнюдь не прорабатывается вся тема целиком. Обсуждаются лишь три-четыре основных вопроса темы, а в отдельных случаях возможна и постановка вопросов, не совпадающих с вопросами задания. Обсуждение вопроса может вестись на основе разбора и отдельного наиболее характерного для темы документа или анализа какой-нибудь статистической сводки. Конференция не должна быть только повторением прошлого; она должна служить обобщением проработанного и его проверкой. Конференция должна сообщить нечто новое слушателям. Желательна поэтому постановка на конференции разбора какой-либо спорной формулировки (автора или слушателей), разбора нового документа и т. д.

VI. Исследовательский метод и отдельные исторические дисциплины.

26. Исследовательский метод предполагает строгий учет особенностей каждого из исторических предметов. При применении его в преподавании истории общественных форм, истории России, истории партии, истории Запада неодинакова роль экскурсионного метода, работы над сырым (архивным) и местным материалом.

27. В истории Запада роль всех отмеченных выше моментов исследовательского метода минимальная. Экскурсии мыслимы только в Москве и Ленинграде (НМЭ; Музей Революции). Работа над первоисточниками возможна лишь как исключение и в частной форме.

28. В работе по истории партии все указанные виды исследовательского метода применимы в наибольшей степени. Отдельные вопросы истории местной организации, рев. движения в крае могут быть предложены слушателям как задания для проработки на основе первоисточников. Подобная работа может быть, однако, лишь исключением. Постановка подобного рода вопросов должна иметь место не чаще, чем два раза в учебном году, да и то во вторую его половину.

29. Привлечение местного материала имеет в виду, как общее правило, пользование им как иллюстративным материалом. Исследовательский метод не предполагает, скажем, специального изучения пережитков прежних хозяйственных форм в окружающей слушателя среде, но поиски и анализ рудиментов в окружающей слушателя среде могут иметь практическое значение в преподавании для его конкретизации. Специально положение это относится к курсу истории общественных форм.

30. Исследовательский метод, однако, предполагает постоянное пользование материалом современной классовой борьбы для уяснения отдельных моментов прошлого. Метод аналогизирования должен занять видное место в преподавании истории. Конечно, преподаватель должен бороться со всякими попытками вульгаризации и «модернизирования».

Основная задача приучить слушателя выделять общее и отличное в современной классовой борьбе и ее прошлом.

31. Одна из основных задач исследовательского метода преподавания приучить курсанта читать книгу. Учебный текст должен выполнить две задачи: сообщить слушателю известный минимум сведения; служить обобщением проработанного к теме материала. Имея в виду эти две задачи, следует подбирать к заданию книги.

32. Чтобы слушатель научился в дальнейшем пользоваться историческим документом, на занятиях (конференции) следует обратить внимание курсантов при чтении книг на спорные точки зрения по данному историческому вопросу; не избегать постановки и критики буржуазного понимания проблемы (примеры: вопрос о первоначальном накоплении, как насильствен. революции; вопрос о возникновении и природе русского самодержавия).

33. Для воспитания в слушателях умения критически читать книгу следует время от времени ставить проверку выводов автора путем разбора отдельных документов, использованных им, или анализа статистических таблиц, лежащих в основе его выводов.

VII. Исследовательский метод, книга и документ

34. Во всех исторических дисциплинах при применении исследовательского метода главное место занимает работа над документом. Изучение документов должно приучить слушателя: 1) читать историческую книгу, 2) критически относиться к сообщаемому книгой, 3) анализировать социальное содержание конкретных исторических фактов, 4) выяснить ему значение исторической перспективы (умение отделять современность от прошлого), 5) самостоятельно собирать и систематизировать необходимый материал.

35. Основной метод работы слушателей над документом—проработка аналогичных или контрастирующих документов. Метод сопоставления дает положительные результаты при условии, если первое время слушатель будет сравнивать документ, имея в виду решение какой-нибудь определенной задачи, заранее поставленной перед ним преподавателем.

36. Предварительно, однако, следует предложить слушателю те документы, которые помогут ему обратить внимание на стиль эпохи, сходство и особенности изображаемого документом быта с современной эпохой (пример: сравнить речи Ф. Керенского и Ленина или отрывок из хрестомат. Фрид. и Слуцк., гл. IV, о голоде 93—94 г.г.).

37. Затем следует приступить к разработке целой группы документов, посвященных определенному вопросу, имея в виду определенную задачу: проследить, скажем, изменение позиции данной партии в связи с изменившейся обстановкой или уяснить себе идеологию данного класса на основании разбора ряда документов (примеры: скажем, в главе IV хрестоматии Фридлянда и Слуцкого документы, касающиеся крестьянской политики Конвента и Учр. Собран., или вопрос об отношении Ленина к моменту восстания в период от февраля до октября на основании отдельных его статей из XIV т.).

38. В ходе работы, с постепенным развитием слушателей, следует приступить к разбору двух групп неоднородных документов, имея в виду, скажем, выявить классовую противоположность двух партийных группировок или уяснить себе классовое перерождение какой-либо политической группировки (примеры: хрестоматия Фридлянда и Слуцкого, гл. IX,—на основании резолюций изменение позиций герм. с.-д. в вопросе о голосовании бюджета или отношения II Ин-ла к вопросу войны; вопрос о расслоении деревне на основании двух-трех таблиц книги Ленина «Развитие капита-

лизма в России» или вопрос о Вр. Правит. и восстании на основании разбора резолюций большевиков и меньшевиков в революции 1905 г.).

39. Наконец, задача преподавателя сведется к тому, чтобы помочь слушателю оценить изучаемый документ в его связи со всей исторической обстановкой данной эпохи, выяснить его удельный вес в определенной системе идей, его значение, как отражение классовой борьбы эпохи в целом (пример: «Доклад Робеспьера о принципах рев. правления», хр., гл. IV; манифест К. И. (I конгресс); статью Ленина «Марксизм и вооруженное восстание»).

40. Исследовательский метод должен выполнить еще одну существенную задачу в деле преподавания истории: увязать знания слушателя по отдельным историческим дисциплинам. Отсюда первое требование—необходимость сопоставления однородных классовых явлений в различной обстановке (пример: особенности «промышленного переворота» на Западе и в России; народничество и утопический социализм).

VIII. Дополнительные замечания.

41. Работа над книгой и историческими документами отнюдь не является исключительным содержанием исследовательского метода преподавания при лабораторном плане. Большое значение имеет экскурсионный метод, в частности для анализа прошлого в окружающей курсанта среде (особенно в курсе истории общественных форм). Преподаватель может также поставить перед слушателями и ряд практических задач, связанных с проработкой исторических тем. Так, например, Смоленская губсовпартшкола предлагает слушателям по окончании работы по теме о Парижск. Коммуне написать к 18 марта статью для стенной и местной газеты или приготовить инсценировку ко дню праздника; можно силами слушателей организовать кабинет по истории при школе; то же с клубом школы; можно в отдельных случаях, пользуясь интересом слушателей к историческим предметам, поставить (как исключение) обследование участия рабочих данного предприятия или крестьян уезда в гражданской войне (проведение анкеты). В последнем случае преподаватель обучает слушателей методам обследовательской работы. Должно использовать отпускное время слушателей для их практической работы по данному предмету.

42. Подобного рода практич. задания не должны однако загромождать занятия. В данном случае должна только преследоваться задача сообщить слушателям известные навыки применения на практике их теоретических книжных знаний.

43. Целесообразным в этом отношении является постановка в отдельных случаях исторической оценки газетного материала (пример: китайское революционное движение и русская революция 1905 г.; отношение Каутского к СССР и его позиция в первой русской революции и т. д.). Работа эта может быть проведена и вне учебного плана.

44. Для стимулирования интереса слушателей к историческим предметам следует обратить внимание на разработку списка рекомендуемой художественной литературы. Список этой литературы должен быть разработан комиссией, указанной в пункте 14.

45. Поставить перед агитпропом ЦК ВКП и ГПП вопрос о переподготовке преподавателей и о программах их самоподготовки.

46. Признать необходимым выпуск ГПП сборников по вопросам методики преподавания истории в совпартшколах и комвузах. Темой первого сборника должен быть вопрос об исследовательском методе в преподавании истории при лабораторном плане.

Ц. Фридлянд.

Николай Николаевич Авдеев

(*Некролог*)

18 апреля, в 11 ч. 50 м. вечера, умер внезапно от разрыва сердца тов. Николай Николаевич Авдеев. Перестало биться сердце старого большевика, умевшего до конца отдавать свои силы делу революции.

Какой-то чудесной теплотой веяло от этого человека, обладавшего исключительной скромностью, необыкновенной строгостью по отношению к себе, трогательной чуткостью и вниманием к окружающим и той редкой человечностью, которая свойственна только очень немногим.

Ушел из жизни прекрасный товарищ, беззаветно преданный революции, делу рабочего класса, коммунизму.

Николай Николаевич Авдеев родился в 1879 году, в г. Козлове, Тамбовской губернии. Еще совсем молодым человеком он начинает посещать подпольные с.-д. кружки и деятельно готовит себя к будущей революционной работе. Позже он уезжает в Харьковский университет, где и происходит его первый арест за пропаганду социализма и распространение прокламаций среди рабочих и студенчества. После освобождения из тюрьмы его высылают под гласный надзор полиции в родной город Козлов, где он продолжает революционную работу, занимается пропагандой среди учащихся и рабочих и, наконец, пытается организовать подпольную типографию. Осенью 1901 года его арестовывают по делу типографии «Рабочего Знамени». Освобожденный в августе 1902 года на поруки, он переходит на нелегальное положение. В 1903 году, вследствие предательства Серебряковой, его снова арестовывают уже в Москве и препровождают в Таганскую тюрьму, где он сидит до 1905 года. Октябрьская амнистия освобождает его, и он вместе со своей женой Ольгой Александровной Дилевской уезжает на юг, в Екатеринослав, где до февраля 1906 года работает в качестве члена екатеринославского комитета Р. С.-Д. Р. П., входя во фракцию большевиков. На этой работе его снова арестовывают и высылают в Тобольскую губернию, откуда Николай Николаевич бежит в Москву, где в 1906—1907 г.г. работает нелегально в качестве ответственного пропагандиста в железнодорожном районе.

Разгром революции, период упадка и ликвидаторских настроений не прерывают его партийной работы. Аресты, следовавшие один за другим, не могли истощить его революционной энергии. Он не поддается интеллигентским переживаниям и пессимизму в эту тяжелую полосу черной реакции. В 1908—1913 г.г. он ведет усиленную пропаганду среди учащихся Московского Университета, студентом которого он сам состоял.

С 1915 года Николай Николаевич жил в Тюмени, где его и застала вторая революция. В Тюмени он входил в местную группу с.-д. интернационалистов, ведя активную пропаганду против Колчака, захватившего город.

12 марта 1919 года Николай Николаевич Авдеев и Ольга Александровна Дилевская были арестованы колчаковцами и, как

большевики, приговорены к расстрелу. Им не об'явили об этом, а по городу пустили слух, что Авдеев и Дилевская были арестованы во время произнесения речей перед солдатами и что у Авдеева найден план вооруженного восстания. Трусливые палачи хотели подготовить общественное мнение, раньше чем совершить над заключенными кровавую казнь.

13 марта, в 11 ч. вечера, во время перевода арестованных из контр-разведки в тюрьму, на безлюдной Базарной площади Тюмени, была произведена гнусная расправа с пятью товарищами, в числе которых были Николай Николаевич и Ольга Александровна. Четверо остаются убитыми на месте, товарищ Авдеев, израненный, истекающий кровью, раздетый колчаковцами, с колотой раной в груди, случайно остается живым и добирается до дому [1]).

Снова арест. Но победоносное движение Красной армии освобождает его. Могучий организм и необыкновенная сила воли спасают товарища Авдеева, он снова в первых рядах борющихся, снова на активной работе в качестве пропагандиста, агитатора, организатора, лектора, редактора газеты, председателя РКК и, наконец, сотрудника Истпарта. Его перу, в числе ряда других работ в области истории, принадлежит «Хроника революции 1917 г.», являющаяся незаменимым пособием для всякого изучающего Великую Октябрьскую Революцию. На ряду с литературной работой т. Авдеев принимает также активное участие в организации и работах Общества историков-марксистов. Будучи одним из организаторов О-ва историков-марксистов, он был членом Ревизионной Комиссии О-ва и сотрудником журнала «Историк-Марксист».

Трудный, мучительный путь борьбы, пройденный Николаем Николаевичем, усеян бесконечным количеством его заслуг перед революцией, перед рабочим классом. Но он не замечал их, никогда не любил говорить о них, не требовал благодарности. Он стойко боролся, готовый еще и еще послужить делу коммунизма. Но сердце, надорванное суровой ожесточенной борьбой в подполье, на передовых позициях наступавшей революции и, наконец, на фронте гражданской войны, не выдержало и перестало биться.

В лице Николая Николаевича Авдеева мы потеряли не только старого большевика, мужественного борца-революционера, активно участвовавшего в строительстве социализма, готового отдать последние остатки своих сил борьбе сегодняшнего дня; не только ценного историка, любовно работавшего над прошлым нашей партии, добросовестно собиравшего в своих работах весь опыт борьбы революционного пролетариата, анализировавшего события и тактику действовавших классов, но и человека, обладавшего всеми качествами необыкновенно тонкого и чуткого воспитателя коммунистической смены.

Ее мы и призываем учиться у товарища Авдеева, безвременно покинувшего ряды нашей партии.

Н. Нелидов

---

[1]) См. воспоминания тов. Авдеева в № 4—5 „Молодой Гвардии" за 1923 год, стр. 321.

жанию, выдвигая на первый план экономики начала XIX в. «крестьянский капитализм», как основу социальных противоречий между феодальным дворянством и нарождающимся промышленным капитализмом в деревне. Декабризм отражал интересы этой своеобразной «сельской буржуазии», распыленной и растворенной в крестьянской массе и потому заранее обреченной на неуспех в ее борьбе с крепостным хозяйством и его государственной организацией. С автором можно спорить, тем более, что его аргументация страдает смешением традиционных для марксиста терминов, путаницей в анализе хозяйственных форм и т. д. Заявление Н. Л. Рубинштейна о том, что торговый капитал города после эпохи Петра I вообще сошел на-нет и был побежден феодальным дворянством, аргументировано далеко недостаточно. Самое понятие феодализма у автора статьи далеко расходится с общепринятым представлением об этой общественной формации. Так у него «феодальная реакция XVIII века» увлекается сельским хозяйством и агрономией, заботясь об усилении продукции своего поместного хозяйства в целях выгодного сбыта хлеба на основе монополии, вытеснения купца из торгового оборота и т. д. Типичная форма дворянского торгового капитала автором подменяется «феодальной» организацией хозяйства. Получается изрядная путаница. И такого рода методологическими «невязками» переполнена вся статья, претендующая дать новое освещение той экономической базы, на которой развернулось движение «декабристов».

Е. Тарле дает интересную историческую справку об испанском пронунсиаменто—испанской революции 1820—1823 г.г., и сообщает о влиянии этого события на декабристскую военную молодежь.

Из других статей «Каторги и Ссылки» следует еще отметить работы Е. В. Сказина о 14 декабря 1825 г., М. В. Нечкиной о восстании Черниговского полка, В. Н. Фигнер—о женах декабристов, и др. В «Каторге и Ссылке» регулярно помещаются обзоры исторического материала в журналах и библиография исторической литературы. Ценна также хроника из жизни о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

«БЫЛОЕ» № 5 (33). Тем же декабристам посвящена и эта книжка «Былого», начинающаяся ст. А. Е. Пресникова «Восстание декабристов». В ней любознательный читатель не найдет ничего нового, кроме старой трухи о столкновении «самодержавной власти с новой нарождающейся русской общественностью». об «отчуждении правительственной власти от всех насущных общественных интересов—материальных и культурных» и т. п. Таким же кадстизмом пахнет от фраз—«разделение трона от народа», как причина декабризма, об'яснение этого движения «разорением страны» после наполеоновских войн и пр. Гораздо ценнее документы декабристов, хотя в них и преобладает биографический характер.

Из других отделов «Былого» интересны воспоминания А. Барта «На фронте артиллерийского снабжения»—из эпохи империалистической войны 1914—1917 г.г. и З. Кельсона—«Милиция февральской революции.—«Возрождение охранки»—Временного Правительства—в 1917 г. Последний, между прочим, очень красочно рассказывает, как милицейские эсеры «ловили» В. И. Ленина.

А. В. Шестаков

РЕЦЕНЗИИ

Г. ШТАДЕН. О Москве Ивана Грозного. Записки опричника. «Записки Прошлого» под ред. Бахрушина и Цявловского. Изд. Сабашниковых. Лнгр. 1925. Стр. 182.

Публикуемые записки Г. Штадена представляют собой замечательный бытовой памятник бурной эпохи первого натиска торгового капитала на феодальный уклад жизни Московской Руси.

Автор записок, вестфалец-авантюрист, случайно попавший в Москву в 60-х годах XVI века, после полууголовного турнэ по Западной Европе, втягивается здесь в самый центр революционного циклона, который в это время сметал отжившие формы хозяйственного, общественного и политического строя Удельной Руси.

Чуждый идейному движению эпохи, равнодушный к смыслу происходящих событий, немец-опричник дает неприкрашенное и деловитое описание виденного и пережитого.

В его записках мы не уловим идей, движущих революцию 60-х годов, мы не почувствуем пафоса классовой борьбы, отраженного в памфлетной литературе той эпохи или хотя бы в боевом лозунге торопецких помещиков, в годы борьбы с Литвой и боярским Кобленцом: «На конех сидим, — с коня помрем!». Для Штадена революция, это — обилие мутной воды, в которой барахтаются караси и щуки, а его записки, это — романтический калейдоскоп щучьих подвигов автора.

Вся книжка насквозь пронизана колоритом эпохи первоначального накопления с ее жаждой быстрого обогащения, ломкой традиционных моральных устоев, своеобразной, грубой романтикой авантюр, беспощадностью «конквистадоров» и беспомощностью жертв.

Записки раскрывают перед нами моральный тип московского «конквистадора» XVI в., для которого опальная «земщина» открывала почти американские перспективы обогащения. Наш герой с нескрываемым самодовольством описывает свои победы и одоления над «земскими», одержанными при помощи банды «босяков», набранных на обратном пути из Новгородского похода, — разгром усадеб, монастырей и посадов, поголовное истребление жителей, насилия над женщинами, но прежде всего, всегда и всюду: грабеж, вымогательство, стяжание.

Сама столица Московии рисуется Штаденом, как центр отчаянного ажиотажа, денежной горячки, охватившей всю страну. Москва, только-что «открытая» западно-европейским торговым капиталом и вовлеченная в систему мировых экономических отношений, как раз в это время переживала лихорадочный период приспособления экономики, нравов и учреждений к новым хозяйственным условиям. Москва Ивана Грозного кишит пронырливыми иностранцами, спешащими записаться в опричину, земельными спекулянтами, торговыми посредниками, закладчиками, профессиональными доносчиками и сутягами, продажными судьями и приказными, покрывающими за деньги любые насилия и вымогательства богатых людей. Царь и его двор связаны со всем этим «деловым миром» и по существу почти не отличимы от рядовых стяжателей.

Статистика быстрой мобилизации недвижимостей во 2-й половине XVI века, хорошо разработанная нашими историками, облекается плотью и кровью в записках Штадена. Опричник меняет поместья, покупает и продает вотчины и городские участки с изумительной быстротой (за какой-нибудь десяток лет, проведенных Штаденом в Московии, он 11 раз приобретал недвижимости и столько же раз их отчуждал). Читателю становится очевидным, что делается это Штаденом и его товарищами исключительно в целях барышничества землей, а никак не ради нормального ведения сельского хозяйства. О том, как хищнически велось это хозяйство, историк найдет у Штадена яркие иллюстрации. Но в записках уже маячит там и сям призрак упадка и экономической катастрофы, которые явились, как тяжелое похмелье, на смену бурному пиру первых десятилетий расцвета денежного хозяйства. Описание террористического режима опричины составляет наиболее яркие страницы записок; в этой части памятника мы находим весьма ценное указание на эволюцию опричной диктатуры. Сломив боярскую оппозицию и упрочив внешнее положение, Иван IV в начале 70-х годов ведет политику смягчения террористического режима и примирения с «земщиной». Одной из жертв этой политики оказывается и Штаден, которому, на ряду с другими опричниками, приходится поступиться своими поместьями в пользу их бывших владельцев из земщины. Конечно, эта частичная реставрация прежних аграрных отношений могла коснуться не крупных феодальных боярщин и княженецких вотчин, владельцы которых со своими семьями сложили головы на плахе, а, главным образом, тех средних землевладельцев, которые остались за пределами опричины при комплектовании последней. Таким образом, «новая политика» Ивана IV явилась лишь вполне естественной попыткой расширить социальную базу дворянского самодержавия, накануне решающих военных событий 70-х годов.

К запискам приложен любопытный план завоевания Московии, составленный Штаденом для императора Рудольфа II. Оказывается, в Зап. Европе находились лица, и притом достаточно влиятельные, которые не удовлетворялись перспективой экономической экспансии на Восток. Воинствующий торговый капитал требовал обращения Московского государства в полную колонию империи. Замечательно, между прочим, то, что в первую очередь предполагалось заинтересовать в этом предприятии Ганзейские и Поморские города, передовой торгово-капиталистический форпост Германии на севере. В свете этих данных особый интерес приобретает борьба Московского Государства сперва за политическую, а затем и экономическую независимость в «смутное время» и в XVII веке.

Значение записок Г. Штадена двояко. Во-первых: они дают историкам XVI в. свежий фактический материал первостепенной важности, во-вторых, они полностью подтверждают справедливость исторической концепции М. Н. Покровского. Трудно назвать другой памятник эпохи, в котором с равной живостью были бы набросаны черты «хищнической эксплоатации... в раннюю эпоху денежного хозяйства», о котором говорит названный автор (Ист. России. Т. I, стр. 350, изд. 3). И в то же время, эти записки дают хороший ответ старым и новым критикам теории гегемонии торгового капитала в процессе русского исторического развития, чрезвычайно конкретно и ярко живописуя первые шаги этого капитала на русской почве.

А. Н. Штраух

ПЕТРАШЕВЦЫ в воспоминаниях современников. Сборник материалов. Составил П. Е. Щеголев. С предисловием Н. Рожкова. Гиз. М.—Л. 1926 г. Стр. 296+XX. Ц. 1 р. 80 к.

Рецензируемый сборник не включает в себе ни новых, неизвестных доселе, документов, ни новых материалов. В сборнике П. Е. Щеголевым собраны отрывки из мемуаров и переписки не только современников, но и самих петрашевцев. Все эти материалы взяты либо из журналов, либо из отдельных изданий. Имеются отрывки из Герцена, Достоевского, Ахшарумова, Ястржемского и ряда других.

Научной ценности сборник не представляет. Ничего нового к тому, что мы имеем в исследованиях В. И. Семевского («Петрашевский-Буташевич и петрашевцы»), Г. Бекшина («Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев»), в изданном Саблиным сборнике «Петрашевцы» и в V томе хрестоматии М. Коваленского, этот сборник не прибавляет.

Составлен сборник П. Е. Щеголевым в обычном для этого историка стиле. Вместо анализа общественной среды и экономической обстановки мы имеем литературную хрестоматию не о движении петрашевцев и их времени, а об отдельных петрашевцах. Трезвый научный анализ заменен героикой отдельных участников движения.

Этот пробел в работе Щеголева пытается восполнить Н. Рожков в своем предисловии. Странное впечатление оставляет это предисловие. Здесь и характеристика Петрашевского, о котором мы узнаем, что он «был очень добр, личную жизнь и личные интересы ставил на второй план. остался холостяком» (стр. XI), и довольно наивное, чтобы не сказать больше, об'яснение нахождения Петрашевского на государственной службе: «По своему социальному положению он (Петрашевский. *Л. М.*) был дворянин. средний землевладелец Петербургской губернии, ему принадлежало в нераздельном владении с матерью и четырьмя сестрами имение в 250 душ. Этим нельзя было жить так, как хотел Петрашевский: он хотел жить общественной жизнью, устраивал приемы, журфиксы по пятницам для обсуждения разных общественных вопросов, при чем присутствовавших угощали и ужином, хотя и скромным. Поэтому Петрашевский, сверх того, служил в министерстве иностранных дел» (стр. X).

Н. Рожков, доказывая преемственность петрашевцев с декабристами, дает такую характеристику этому последнему: ...«крепостничество и самодержавие вызывали протесты передовой дворянской молодежи, побывавшей за границей во время походов против Наполеона I и увидевшей, как эти порядки отличаются от европейских. Молодежь стала учиться, читать и размышлять над судьбами родины, и в конце-концов из этого вышло движение декабристов».

И дальше. «Декабристы названы так были потому. что 14 декабря 1825 г. они подняли восстание солдат в Петербурге для того, чтобы достигнуть отмены крепостного права и ограничения самодержавной царской власти. установления конституции. выборного народного представительства» (стр. V—VI). Аналогичные об'яснения декабризму даются и в дальнейшем изложении.

Эта стрижка всех декабристов под одну гребенку, это приведение к одному знаменателю и Трубецкого, и Пестеля, и «южных славян» вряд ли помогут читателю понять сущность движения декабристов и связь петрашевцев с этим движением.

На кого вообще рассчитана эта книга? Если судить по стилю и языку предисловия, — на массового начинающего читателя. За это говорит в первую очередь нарочито популярный язык, об'яснение иностранных слов в скобках — мемуарист-автор воспоминаний (стр. XI). Но если судить по тексту, — меньше всего на начинающего читателя. Большинство воспоминаний и писем написано стилем 40-х годов, затруднительным для рядового читателя; часто встречающиеся иностранные слова и целые фразы (стр. 149, 150, 165, 199 и др.) не переведены на русский язык и т. д.

Скорее всего этот сборник сможет быть использован на школьных занятиях в качестве подсобного материала, но и то лишь с необходимыми оговорками.

Л. Мамет

КАЛЕНДАРИ-ХРОНИКИ СОБЫТИЙ 1905 ГОДА

И. НИРОС. Календарь 1905 года. Хроника главнейших событий. Изд-во «Книга» Лнгр.—М. 1925. Стр. 158. Ц. 1 р. 50 к.—**А. БОРОВСКИЙ.** 1905 год. Хроника событий. Библиография. Гос. Военное Изд-во. М. 1925. Стр. 70. Ц. 50 коп.—**КАЛЕНДАРЬ-ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1905 ГОДА** с января 1905 г. по март 1905 г. Под ред. Е. А. Мороховца, с предисловием И. Флеровского. Пресс-бюро Отдела Печати ЦК ВКП(б). Гос. изд-во. М.—Лнгр. 1926. Стр. 61. Ц. 35 к.

В ряду юбилейных изданий, посвященных 1905 году, появилось несколько календарей-хроник первой русской революции. Появление их следовало бы только приветствовать. Подробная хронологическая канва, которую может и должен дать такого рода справочник, является необходимым подспорьем в работе исследователя. В сокращенном виде она, бесспорно, пригодится для учебных занятий, окажется полезной для любого читателя, интересующегося эпохой. Отдельные попытки дать подобную хронику (порой захватывавшую только отдельные стороны жизни) делались и раньше. Стоит припомнить работы В. Обнинского («Летопись русской революции», «Полгода русской революции»), «Календарь русской революции» В. Л. Бурцева, «Материалы по истории русского флота» С. Лукашевича (в «Морском Сборнике»), данные «Современной Летописи», печатавшейся в «Былом» за 1906 год. В 1925 г. в «Пролетарской Революции» помещались «Хронологические таблицы по истории ВКП». Появившиеся в отдельных изданиях календари-хроники ставят своей задачей дать перечень событий первой русской революции в целом.

Из этих изданий на научность претендует книга тов. Нирос «Календарь 1905 года». В своем предисловии к нему тов. Н. Рожков говорит о «Календаре», как издании, «предлагаемом вниманию исследователей», а не только одной «читающей публики». Таким образом, книга тов. Нирос предстает перед нами в качестве одной из первых научных работ в области составления хроники событий 1905 года.

Читатель несколько разочарован, открыв первую же страницу этой хроники. Составитель ее к вопросу о хронологических рамках своей работы подошел формально. Датой, открывающей «Календарь», является 1 января старого стиля. Находим последнюю страницу—здесь 30 декабря того же стиля фигурирует как заключительная дата. Конечно, с формальной стороны тов. Нирос мог ограничить свою работу пределами определенного года, тем более, что только этот год и стоит в заголовке книги. Но все же подобное ограничение понижает ценность книги тов. Нирос в глазах исследователя эпохи первой русской революции. Мы считали бы, что составитель должен был бы включить в свою работу и важнейшие из событий нескольких предшествующих лет, или хотя бы одного 1904 года и события 1906 и половины 1907 года (до третьеиюньской Думы). Теперь же нам не остается ничего другого, как последовать за тов. Нирос в тех пределах, какие он для себя отвел.

Одним из первых вопросов, которые, приступая к работе, предстояло разрешить тов. Нирос, был вопрос об источниках, используемых для составления хроники. От правильного его разрешения зависит надежность тех справок, которые составитель дает читателю, обращающемуся к его книге. Список источников, приведенный составителем (стр. 8—9), содержит 22 номера. Проглядывая этот список, в некоторых случаях, однако, нельзя не недоумевать. Прежде всего тов. Нирос использовал ряд газет 1905 г. и начала 1906 г. Он перечисляет «Русские Ведомости», «Русское Слово», «Новую Жизнь», «Слово», «Известия», «Пролетарий» и «некоторые другие». Уже из этого списка неясно, какими именно «Известиями» пользовался составитель—органом ли Петербургского Совета или же «Известиями», выпускавшимися также и в других городах (как известно, ряд Советов издавал «Известия»). Тем более невразумительно, какие издания скрываются под маской «некоторых других» газет. Вошли ли в число их наш большевистский «Вперед» (о «Пролетарии» составитель упоминает), меньшевистская «Искра», эсеровская «Революционная Россия», бундовские «Последние Известия», наконец «Правительственный Вестник», «Новое Время»? В этих изданиях содержится обильный материал. Очевидно, не использованы составителем ни «Собрание узаконений и распоряжений правительства», ни такое любопытное для той эпохи издание как «Право». Дальше: использован следственный материал по делу о декабрьском вооруженном восстании в Донбассе, и совершенно обойдены, даже появлявшиеся в печати, материалы других судебных процессов эпохи. Автор пользуется, например, халтурным, никуда негодным изданием «1905 год перед царским судом» (под ред. тов. Закс-Гладнева, изд-во «Рабочий Суд». Ленинград, 1925), но не ссылается ни на обвинительный акт по делу Петербургского Совета, выпущенный в 1906 году, ни на стенографический отчет процесса, ни на известную «Историю Совета Рабочих Депутатов гор. С.-Петербурга» (изд. Глаголева), ни на обвинительный акт по делу Шмидта и других «очаковцев», ни на ряд обвинительных актов, вошедших в брошюру «Московское вооруженное восстание по данным обвинительных актов и судебных протоколов» (к-во «Летопись», Москва, 1906). Использованы мемуары Гапона (далеко не во всем достоверные), воспоминания т.т. Сверчкова, Зеликсон-Бобровской, но оставлены в стороне письма Шмидта, воспоминания гр. Витте, не говоря уже о ряде мемуаров рядовых участников событий пятого года. В качестве «источников» состави-

тель пользовался даже некоторыми популяризациями, вроде книг М. Гордона—«Очерки экономической борьбы рабочих в России» или В. Камшицкого—«1905 год в Севастополе». Все это приводит к выводу, что источники использованы не в достаточном количестве; некоторые из них недостаточно надежны. Это отозвалось и на полноте, и на точности сообщаемых составителем данных.

К научно составленной хронике мы могли бы пред'явить и еще одно требование: указание того или другого события следовало бы документировать ссылкой на источники, откуда заимствовано данное сведение, оговорить имеющиеся в них разноречия. Так поступили составители «Хронологических таблиц по истории ВКП», помещенных в «Пролетарской Революции», и поступили вполне правильно. Тов. Нирос этого, к сожалению, не делает.

Исследователь, вздумавший взять книгу в руки, перелистывая первые же ее страницы, потерпит, пожалуй, еще одно разочарование. Составитель предупреждает его: «Календарь» не претендует на полноту в том смысле, что в него попали все без исключения главнейшие события 1905 года. Включено лишь то, что в революционно-марксистской литературе, после 1905 года и до последнего дня, оценено как главнейшее и крупное» (стр. 8). Автор предисловия т. Рожков со своей стороны думает, что составитель «вполне прав и что методологическая его позиция вполне выдержана и совершенно верна» (стр. 4). Мы тоже не имеем в виду, что составитель хроники событий 1905 года должен дать «все без исключения». Это было бы и не в его силах, да и не имело бы практического значения даже для исследовательских целей. Но что в книгу должны попасть «все без исключения главнейшие события 1905 года»—это для нас несомненно. Критерием для определения исторического значения того или иного события, его удельного веса в развитии революцинного движения историк-марксист располагает и при отборе фактов по признаку «главнейших» навряд ли затруднится. Между тем тов. Нирос вносит в вопрос некоторую путаницу. Оказывается, для него существуют «главнейшие события» вообще и параллельно «главнейшие» и даже просто «крупные», что оценено в качестве такового «в революционно-марксистской литературе после 1905 года». Вторые он включает в книгу все, первые целиком включать не собирается. Рассуждение странное.

Проглядывая страницу за страницей, не видишь все-таки, каким же принципом руководился автор при отборе фактов? Оценкой их значения в марксистской литературе, как утверждает он? Сомневаемся. Вот несколько примеров. За январь месяц составитель указывает ряд событий на дальневосточном театре военных действий. Среди них, например, значатся такие: 6(19) января «на фронте. Операции охотников. При занятии селения Сантийузы нами захвачен японский отряд из 5 человек, четверо заколото, один взят в плен». Или под 13(26) января—«На фронте. Нами занято селение Хайдатоза. Взятые в плен японские солдаты переколоты штыками». Или еще дальше—6(19) марта: «На фронт прибыли новые части». Какое значение могут иметь для справочника по истории революции эти мелкие стачки, события военных будней? Почему отмечается—и в одном только случае—прибытие на фронт пополнений, при том даже в неизвестном составителю количестве? На ряду с этим имеют ли «крупное» значение такие указания: 5(18) февраля: «Петербург. Циркулируют слухи о готовящемся мире с Японией», 7(20) августа: «Усиленные слухи об амнистии в связи со вчерашним указом о Государственной Думе»? При этом также не видно, в каких общественных кругах все эти слухи циркулировали. Думается, что при отсутствии в книге ряда фактов из области рабочего и крестьянского движения подобного рода материал о мелких событиях на фронте и о слухах только засоряет ее страницы.

Проглядываем события за январь 1905 г. В числе их не упомянуты (в то время как в других справочниках они приводятся): 1(14) января—отставка Сергея Александровича, демонстрация в Керчи, 2(15)—демонстрация в Лодзи, 6(19)—демонстрация в Риге, 8(21)—принятие воззвания «К офицерам русской армии» на собрании в Вольном Экономическом обществе, 10(23)—закрытие гапоновского общества, арест участников делегации к Святополк-Мирскому, прекращение занятий в Петербургском Политехническом Институте, резолюция студентов Технологического Института. 11(24)—всеобщая забастовка в Ярославле, демонстрации в Гельсингфорсе в Бердичеве, 12(25)—забастовка на Риго-Орловской ж. д., 13(26)—забастовки в Тифлисе, Витебске, Бреславле, Сморгони, волнения матросов в Либаве, 14 (27)—послание Синода о 9 января, забастовки в Полоцке, Двинске. Мытищах. на Варш.-Венской ж. д., резолюция Моск. С.-Хозяйств. Общества о созыве Учредительного Собрания, 15(28)—забастовки в Брянске, Красноярске, демонстрации в Риге, Юрьеве. Лодзи, Житомире, Полоцке, Мелитополе, Ровно. Горы-Горках, 16(29)—забастовки в Гомеле, Бобруйске, Борисове, Шклове, Волковыске, демонстрации в Варшаве, Митаве, закрытие учебных заведений в Петер-

бурге. 17(30)—введение усиленной охраны в Варшавской губ., в Лодзи, забастовки в Батуме, Харькове, Тамбове, Смоленске, Бердичеве, Седлеце, Гродно, Виндаве, демонстрации в Лодзи, Красноярске, 18(31)—забастовки в Самаре, Брест-Литовске, Коврове, Радомире, Люблине, Шавлях, Речице, Городке, демонстрации в Томске, Бердичеве, Шавлях, 19(1)—забастовки в Ченстохове, Томске, Нарве, демонстрация в Кутаисе, столкновения с войсками в Лодзи, Риге, 20(2)—забастовки в Казани, Царицыне, Батуме, Невеле, Мозыре, Пинске, демонстрации в Гомеле, Кутаисе, закрытие университетов в Харькове, Варшаве, 21(3)—забастовка в Орехове-Зуеве, демонстрация в Радоме, волнения запасных в Саратове, назначение Булыгина, 22(4)—забастовки в Сосновицах, Петрокове, Поти, Пинске, демонстрации в Лиде, Тифлисе, Могилеве, приговор в Севастополе по делу о волнениях во флоте, 23(5)—забастовки в Сувалках, Ошмянах, демонстрации в Могилеве, Сосновицах, Тифлисе, учреждение комиссии по делам печати (под председательством Кобеко), 24(6)—забастовки в Кутаисе, Житомире, Жирардове, демонстрация в Кутаисе, столкновения в Лодзи, Радоме, закрытие Новороссийского университета, конституционный адрес петербургского дворянского собрания, 25(7)—ряд забастовок, резолюция студентов петербургской духовной академии об учредительном собрании, 26(8)—забастовка в Чиатурах, постановление Черниговской городской думы о созыве Народного Представительства, 27(9)—забастовки в Грозном, Колпине, Чите, столкновения в Лодзи и Сосновицах, покушение на фабричного инспектора в Полтаве, 28(10)—забастовка на Путиловском заводе, покушение на могилевского полицеймейстера, введение усиленной охраны в Кутаисской губ., 29(11)—всеобщая забастовка в Харькове, закрытие Юрьевского университета, 30(12)—убийство пристава в Ростове-на-Дону, резолюция Тверского земства о созыве Учредительного Собрания, 31(13)—столкновения в Лодзи, убийство мирового посредника в Гурии, докладная записка петербургских заводчиков министру финансов и т. д.

В этот затянувшийся перечень вошли только события, не упомянутые в книжке тов. Нирос, но имеющиеся в «Хронике» тов. Боровского и в «Календаре-Хронике», вышедшем под ред. тов. Мороховца. Ряд пропусков находим и по сравнению с «Хронологическими таблицами по истории ВКП». В особенности бросается в глаза умолчание у тов. Нирос о ряде забастовок и демонстраций. Картина рабочего движения в январе вследствие этого блекнет. Пропущен ряд столкновений с войсками, пропущено такое значительное событие, как выступление матросов в Либаве. О фронте сообщаются данные, которые не дают читателю впечатления о том, что в это время Куропаткиным велось наступление, шел бой при Сандепу (12—16 января). Слабое освещение получает за январь и движение на окраинах.

Это только за один месяц. Но существенные пропуски имеются и дальше. Автор предисловия тов. Рожков уже вынужден признать, что в «Календаре» материал о крестьянском движении «совершенно недостаточен» (стр. 5). Оправдание этому действительно можно найти в трудности приурочить сведения об аграрном движении «к определенной хронологической дате». Весьма существенны пропуски, которые относятся к движению в войсках—так, например, не указаны апрельская попытка восстания в Новой Александрии, восстание матросов в Либаве 15—16(28—29) июня, киевское восстание саперов 18 ноября (1 декабря). Из правительственных мероприятий и актов опущены: июньские петергофские совещания, введение университетской автономии, финляндская автономия, отмена военного положения в Польше и др. Из фактов либерального буржуазного движения отсутствует, например, октябрьский учредительный с'езд кадетской партии. Никакими ссылками на оценки «революционно-марксистской литературы после 1905 года» составитель оправдать умолчание о ряде подобных событий не может. Они—необходимые мазки в широкой картине первой революции.

Отмечая то или иное событие, составитель, к сожалению, не всегда бывает точен. По сравнению с другими хрониками в его «Календаре» ряд событий почему-то запаздывает на один день. Возможно, что тов. Нирос, как это имеет, например, место в случае о назначении Трепова петербургским ген.-губернатором, берет просто дату появления соответствующего сведения в печати. Такой прием, если он не оговорен повсюду, ход событий искажает. Идет далее речь, например, о покушении на одесского полицеймейстера 19 января (1 февраля). Не указаны при этом ни фамилия террориста, ни партийность его, ни фамилия полицеймейстера. Между тем, все эти данные имеются. Как никак, это для исследователя значение все-таки имеет. Перепутаны некоторые фамилии, изредка есть описки (или корректурные ошибки) в географических названиях. Все это никоим образом не вяжется с утверждением тов. Рожкова о том, что составитель дает «главное и притом достаточно проверенное» (стр. 4).

При тех недостатках, которыми она обладает, книга тов. Нирос «надежным фундаментом» для исследователя служить не может. Пожалуй, и никаким фундаментом не послужит. Исследователю все равно пришлось бы и пополнять и исправлять ее указания. Для широких же кругов читателей мы отдали бы предпочтение двум другим хроникам.

Составитель одной из них тов. Боровский имел в виду прежде всего политпросветработника Красной армии. Понятно поэтому, что гнаться за полнотой ему не приходилось. Тем не менее во многих отношениях он дает более полные и ценные указания, чем тов. Нирос. Рамки работы тов. Боровским раздвинуты широко, в одну сторону даже, пожалуй, слишком широко. Он приводит важнейшие события русской общественно-политической жизни, начиная с событий данного месяца. К «Хронике» приложена довольно подробная библиография (приведено 239 названий). Для большинства книг даны аннотации. Все книги характеризованы со стороны их доступности для той или иной группы читателей. Нелишне и приложение—список художественной литературы, отразившей события эпохи первой революции.

«Календарь-Хроника», как и книжка тов. Боровского, предназначается для широкого круга читателей. Открывается она небольшой статьей тов. Н. Флеровского. Статья вкратце намечает этапы революции 1905 года, останавливается на вопросе о движущих силах революции, подытоживает ее опыт. Для читателя, которого она имеет в виду, статья будет полезна. При составлении хроники событий использованы таблицы «Пролетарской Революции» и «Русского Слова» за 1905 год. Событий указано не меньше, чем у тов. Боровского. Даты даны исключительно по новому стилю. Это почему-то не оговорено и на первых порах при пользовании книгой может у некоторых вызвать путаницу. Хронологическими рамками являются январь 1905 г.—февраль 1906 г.

Сравнивая две последние книги, надо отдать предпочтение работе тов. Боровского, как более богатой по содержанию.

Вопрос же о подробной хронике пятого года, отвечающей требованиям научности, с очереди не снят. Может быть, к 25-летию первой революции будет, наконец, заполнен тот пробел, который пыталась заместить книга тов. Нирос.

Ю. М. Бочаров

ФЕЛИКС КОН. Под знаменем революции (Воспоминания). Изд. «Пролетарий», Харьков. 1926 г. Стр. 331. Тир. 6.000.

Книжка Кона, ветерана польской и русской революции, охватывает собой период с конца 70 годов и кончая 1890 годом, когда автор воспоминания был выпущен из каторжной тюрьмы на Каре в «вольную команду».

Интерес к воспоминаниям Ф. Кона усугубляется тем, что он дает ряд зарисовок по истории польского социально-революционного движения, главным образом, по подготовительному пропагандистскому периоду конца семидесятых годов до 1882 года, и периоду старого «Пролетариата» с 1882 года, одним из деятельнейших членов которого, как известно, был и автор.

Очень тонко Ф. Кон рисует свою умственную и революционную эволюцию в связи со встречами разных представителей революционных течений того времени, гимназический свой кружок и разные факты из общественно-политической жизни, которые помогли юноше формировать свои революционные взгляды.

Хороши строки, посвященные той мимолетной полосе его жизни, когда он стремился внутренне сопротивляться террористическим тенденциям только-что тогда возникшей партии «Пролетариат», с Люд. Варынским во главе.

Как живые, встают фигуры конспираторов-революционеров, сыгравших столь незабываемую роль в складывавшейся тогда партии «Пролетариат», разбудившей своими лозунгами, программой и методами борьбы рабочий класс Польши к героической, систематической классовой борьбе. Остатки национализма, какие еще тлели в душе молодого революционера Польши, окончательно были выбиты и доносившимися из России раскатами героической борьбы «Народной Воли» с самодержавием. Герои восстаний — Костюшко, Домбровский — как-то совсем стушевались в воображении молодого Кона. Их место занимают В. Засулич, Перовская, Желябов. И, будучи студентом первого курса, Кон становится в ряды организованной Люд. Варынским партии «Пролетариат», для которой «народом, более несчастным, чем Польша, является «народ пролетариев». Ф. Кон весь вошел в революционное дело.

Прекрасны страницы, посвященные его участию, самому разнообразному, в делах партии «Пролетариат». Здесь и пропаганда, и агитация среди рабочих, и работа в тайной типографии, и переговоры с представителями партии «Народной Воли», для чего автор ездил в Белосток.

В партию Ф. Кон вступил осенью 1883 года, Л. Варынский был уже арестован, так же, как и его ближайшие товарищи Ентыс. Плосский. И потому Ф. Кон считает «крестным отцом» своей работы в партии Куницкого. Далее он описывает напряженную атмосферу своей партийной работы, захватывающей, нервной, бурнопламенной, своих товарищей по работе в партии, наконец, свой арест, тюрьму, суд.

Целая портретная галлерея встает со страниц книги.

Но особенно хороши отдельные характеристики Л. Варынского, Куницкого, Яновича, Рехневского, Маньковского, данные Ф. Коном в третьей части его книги.

Нельзя забыть характеристики Варынского еще и потому, что его можно считать предтечей современных коммунистов, и прав Ф. Кон, говоря, что Л. Варынский для тогдашнего поколения революционеров Польши был тем, чем в настоящее время является для нас Ильич. На жизни и революционной деятельности Л. Варынского, замученного царским правительством в Шлиссельбурге, должны воспитываться и современные наши подрастающие поколения. В нем, как в зеркале, отражен первый и главный момент сплочения рабочего класса в Польше вокруг чистого социалистического знамени.

Воспоминания Ф. Кона тем интересны, что лиризм и пафос автора об'ективно сливаются с историей. Чувствуешь, что в них элемент преувеличений, столь естественный при писании воспоминаний, совершенно отсутствует. Близко к исторической правде изображен суд над «пролетариатцами», казнь 4 товарищей, отправка по этапу в Сибирь на Кару, жизнь на каторге, встречи с русскими революционерами на этапах, в тюрьмах и на Каре — во всем отражены отдельные этапы в развитии общественно-политических условий России тех эпох.

Целая историческая панорама лиц и событий.

Досадно несколько то, что, вероятно, уже по недосмотру издательства, на стр. 136, в главе III «Людовик Янович» рассказан буквально почти теми же словами, что и на стр. 190—191 один и тот же факт из жизни в тюрьме Яновича относительно тех галлюцинаций, которые его преследовали и чуть не привели его тогда же к самоубийству.

Л. Федорченко (Н. Чаров)

Б. ГРАВЕ. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.—февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. ГИЗ. М. и Л. 1926. Стр. 414. Тираж 8.000. Ц. 2 р. 75 к.

В предисловии Б. Граве говорит: «Печатаемая работа является попыткой систематизировать материал по истории классовой борьбы за время империалистической войны», что должно по ее мнению «явиться началом исследования предистории февральской и октябрьской революции». Там же автор отмечает, что он «совершенно не имел возможности охватить класовую борьбу в целом, рассмотреть позицию также и других классов—крестьянства, мелкой городской буржуазии, помещиков и проч.».

Главное внимание автора направлено на изучение классовой борьбы пролетариата и буржуазии в период войны. Этот период в нашей исторической литературе освещался до сих пор весьма бледно, книжка Б. Граве как раз заполняет существующий пробел и, надо сказать, заполняет не плохо, давая не только «систематический материал», но и освещение ряда вопросов.

Прежде всего, в книжке дается очень много нового материала из архивных источников. С этой стороны книжка безусловно представляет большую ценность. Хорошо проработана относящаяся к вопросу литература и т. д.

Что дает книжка в качестве научного исследования?

Сначала несколько слов о введении—народном хозяйстве в годы войны. Здесь необходимо отметить слишком беглую и неполную характеристику военной экономики. Слабо освещены роль финансового капитала Запада в экономике России вообще и в годы войны в частности, мало разработан вопрос о влиянии войны на сельское хозяйство, где подчас даже не указываются источники по такому важному моменту, как %% недосева по районам и т. п. Возможно, что эта глава в работе Б. Граве и не имела самодавлеющего значения, но все же при такой постановке ряда проблем, которые ею разрабатываются в последующих главах, «экономике» следовало отвести побольше места, чем это ею дано, так как иначе у читателя не получится соответствующей увязки.

Гораздо обстоятельнее ею дана вторая лучшая часть во всей книге—о пролетариате во время войны, где кроме данных «статистического сборника» за 1913—17 г.г. имеется обширный материал из архивов бывшего департамента полиции, военно-промышленных комитетов и т. д., впервые появляющийся в печати. Но в этом разделе книги Б. Граве мы встречаемся с рядом таких заявлений, мимо

которых нельзя пройти. Так, на стр. 177 автор подчеркивает, что продовольственный кризис 1916 года «грозил опрокинуть весь капиталистический строй», так как-де «на ряду с ненавистью против правительства усиливается раздражение широких народных масс против капиталистов». Конечно, от «раздражения» до опрокидывания капиталистического строя»—«дистанция огромного размера», на что, хотя и значительно позже—уже в 1917 г. указывал Вл. Ленин, рекомендуя выжидательную тактику. Само собой разумеется, что в 1916 г. у широких народных масс никаких намерений к «опрокидыванию капиталистического строя» еще не было и быть не могло. Это пришло значительно позднее. Любопытно, что сама же Б. Граве заявляет, что под «капиталистов» массы подводили прежде всего торговцев-спекулянтов.

Далее. На стр. 191 автор пишет, что к осени 1916 г. народные массы «начали выступать под лозунгами большевиков, т.-е. лозунгами «превращения войны империалистической в войну гражданскую». Здесь опять тоже «форсирование событий», превращение стихийного озлобления масс против войны и ее последствий, против царизма и спекулянтов в ту форму движения, которую оно приняло лишь перед октябрем 1917 г. после целого ряда «уроков». Опять-таки любопытно отметить, что в ряде мест Б. Граве сама указывает, что массовое движение «еще не было охвачено партией» (напр. стр. 196) и т. п. Получается слишком явное противоречие между выше приведенными заявлениями и этими характеристиками «сознательности» масс.

Такой же «перегиб палки» допускает автор и в определениях революционной сознательности крестьянских масс накануне 1917 г. (стр. 218).

Не менее интересной является третья часть книги, посвященная буржуазии и ее деятельности в годы войны. Здесь использованы главным образом материалы охранки, также до сих пор нигде не опубликованные.

По вопросу о прогрессивном блоке нельзя согласиться с автором, трактующим его главным образом, как организацию промышленной буржуазии. Капиталистический помещик, представители антантовского финансового капитала влияли на политику блока не менее энергично, чем промышленная буржуазия. Роль «союзников» в движении буржуазии в годы войны вообще освещена недостаточно полно, между тем, по этому вопросу опубликовано много мемуарного материала разного рода «деятелей» этого периода (помимо Бьюкенена). Оппозиционная русская буржуазия не только рассчитывала на помощь «союзников» в своей борьбе с царизмом, она подталкивалась финансовым капиталом Антанты, недовольным ходом войны в России. Во всяком случае эта сторона вопроса в книжке Б. Граве не получила достаточного освещения.

Однако все указанные замечания не умаляют основного значения работы Б. Граве, о которой говорилось выше. В конце книги приложены 11 диаграмм по забастовкам рабочих с 1913 по 1916 г., которые могут быть использованы для учебных целей, при проработке учащейся молодежью классовой борьбы пролетариата в эпоху войны. Издана книга хорошо, но несколько высока ее цена, на которой, вероятно, отразилась стоимость производства диаграмм.

А Шестаков

«МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ». Сборники №№ 1, 2, 3, 4. Издание ВЦСПС.

Истпроф ВЦСПС, исходя из того бесспорного положения, что до недавнего времени история русского рабочего движения очень мало уделяла внимания вопросам развития профессиональных союзов, поставил себе целью заполнить этот чувствительный пробел и опубликованием различного рода материалов, посвященных прошлому профессионального движения, помочь будущим историкам-исследователям в их более широких обобщающих задачах. Важность поставленной для себя Истпрофом задачи станет вполне понятной, если мы вспомним, какую огромную роль у нас после Октябрьской революции начали играть наши профессиональные союзы, осуществив в своей деятельности у нас то значение, какое еще в 1866 году придавал им К. Маркс, как «центрам организации рабочего класса».

Истпроф включает в материалы о прошлом профессионального движения прежде всего очерки и исследования отдельных моментов и вопросов истории движения, которые дают наиболее полный и ценный фактический материал. Сюда относятся сообщения более или менее сырого не проверенного фактического материала, всякого рода архивные документы или извлечения из них, статистические данные, исторические справки, библиографические обзоры, личные воспоминания участников движения, различного рода мемуары и т. п.

В первом сборнике особенно ценны, по яркости и по историческому значению, воспоминания А. Пирейко «Профессиональный союз печатников Прибал-

гийского края в 1911—14 г.г.», в которых зафиксирован момент борьбы в рижском профессиональном союзе печатников. Одна группа профессионалистов стояла на принципе об'единения всех рабочих данного производства и вела борьбу со сторонниками цехового об'единения, а таких тогда в союзе было большинство, равнявшееся, помимо всего прочего, по немецкому профессиональному союзу печатников. В союзе заседала кучка высококвалифицированных рабочих и дальше своих узко-цеховых интересов ничего не хотела видеть. Наборщики и переплетчики неохотно принимались в союз. Пришлось вести беспощадную борьбу за превращение цехового союза в производственный.

Не менее интересны воспоминания А. Лева, старого участника движения рабочих-кожевников, представляющие собою очерк профессионального движения рабочих-кожевников. Уже с конца 80-х годов XIX в. этот союз в Западном Крае носил ярко-революционный характер. В 1901 г. образовался на двух бывших тогда с'ездах еврейских и польских кожевников социал-демократический Федеративный Союз кожевников. Интересна статья С. Айнзафта «Очерки профессионального движения в Житомире (1902—1912 г.г.), составленная не только по личным воспоминаниям автора, но и по тем материалам, которые автору удалось раздобыть при содействии волынского Истпрофа. Таков же характер статьи И. Меньшина «Профессиональный союз рабочих-портных гор. Харькова в 1913 г.». И здесь личные воспоминания дополняют документальные данные. Очерк А. Каца «Из истории московского общества взаимопомощи официантов» (1902—1916 г.г.), составленный по документам прошлого, ярко рисует положение «человека из ресторана» и его классовое положение в те годы.

Особенное внимание обращают на себя две методические статьи в 1-м сборнике: А. Чекина «Задачи изучения российского профессионального движения» и Ю. Милонова «Основные проблемы историографии профессионального движения». А. Чекин формулирует задачи историка профдвижения лозунгом «единства» методов изучения, требующих не только собирания и систематизации архивного материала самого движения, но и аналитического его разбора при свете данных о строении народного хозяйства, о составе рабочих и политических условиях классовой борьбы. Ю. Милонов в своей статье устанавливает схематически те требования, которые ставят перед историографом точки зрения и методы исследования исторического материализма. Основу изучения и освещения должна составлять не идеология профессиональнго движения, а его экономика, т.-е. на первый план нужно поставить экономическое бытие профорганизаций. Развитие профессионального движения необходимо освещать и изучать не само по себе, изолированно от изменений, происходивших одновременно с ним в сфере техники производства, экономики промышленности и политического устройства страны, а как раз в связи с такими изменениями.

Весьма полезной является справочная статья «Хроника профессионального движения рабочих в России» (1890—1903), но она, к сожалению, доведена только до 1903 г.

Во втором сборнике обращают на себя внимание «тезисы-доклады» В. Яроцкого, дискуссия и статьи по вопросу «об истоках профессионального движения».

В этом вопросе встретились следующие 3 точки зрения. Одна утверждает, что профессиональное движение в России имело своим началом «общества взаимопомощи и вспомогательные кассы дореволюционного времени», другая устанавливает, что оно родилось непосредственно из революции 1905—07 г.г., и, наконец, третья указывает, что оно родилось в массовых неоформленных рабочих организациях, родившихся в процессе развертывания революции. Определенного единого решения этого вопроса мы не находим в сборнике Истпрофа, хотя и можно было его дать при внесении в этот вопрос большей методологической ясности.

Из статей и монографий 2-го сборника отметим ст. Р. Арского «Рабочее движение в первые месяцы революции», С. Никитина о профессиональной печати 1905 года и др. Из материалов, мемуаров и документов заслуживают внимания ст. М. Адамовича («Карла») «Моряк и моряки перед судом», П. Колокольникова (К. Дмитриева) «Отрывки из воспоминаний», М. Раковского «Некоторые материалы к истории морозовской стачки 1885 г.».

В 3-м сборнике опубликованы впервые «Два документа» (К истории зубатовского движения в Одессе — июль 1903 г.), материалы, характеризующие некоторые моменты профессионального движения торговых служащих в Петербурге, относящиеся к закону 15 ноября 1906 г. о нормальном отдыхе торговых служащих. Материал подобран в связи с работой смешанных комиссий и прохождением закона через госуд. думу, архивные материалы Московского металлического завода бывш. Гужона, ныне «Серп и Молот», относящиеся к 1905—07 г.г., архивные материалы к истории «рабочих групп» Военно-Промышленных Комитетов и, наконец, материалы к истории бундовского союза кожевников.

Из статей и очерков не лишены интереса ст. Каца «Борьба с безработицей в годы войны» (К истории бирж труда в России), П. Д. Левина «Рабочие клубы в Петербурге (1907—14 г.г.). А. Тиханова «Рабочие-печатники в годы войны» и С. Айнзафта «Правительственное совещание по рабочему вопросу в 1905—07 г.г.».

Центр 4-го сборника — в материалах, посвященных профессиональному движению в эпоху первой революции 1905 г.

В этом сборнике помещен большой стенографический материал двух вечеров воспоминаний, организованных Истпрофом, с выступлениями Колокольникова, Канатчикова, Озола, Рязанова, Рожкова, Турбина, Магидова, Кибрика, Богданова-Евдокимова.

Хотя «вечера воспоминаний» были задуманы с целью освещения 1905—07 г.г., но сами участники нередко выходили за поставленные им хронологические рамки, касаясь в своих выступлениях и дней позднейших.

Конечно, не все изложенное в стенограмме может претендовать на безупречность и об'ективность, что сознает и сама редакция сборника в своем предисловии, ибо слишком «капризная» вещь — человеческая память, но все же с известной долей критики, оно может быть принято нами, как ценный человеческий документ. Интересны воспоминания Рязанова, касающиеся указания его на руководящий характер петроградского ЦБ 1905—07 г.г., на реорганизацию журнала Ц. Б. и т. д. Любопытно указание Рязанова на известного теперь проф. В. Святловского, как на автора знаменитого закона 4 марта 1906 года. Много дают воспоминания Рожкова из истории появления резолюции о профессиональных союзах на лондонском с'езде партии. Большой материал мы находим в воспоминаниях Турбина, относящийся к истории одесского профессионального движения. Есть в нем весьма ценные указания на организационное строительство союзов.

Поднятый Шером вопрос о возникновении профсоюзов в мелких производствах чрезвычайно важен для историка профдвижения, и об'яснения причин этого явления еще придется искать, изучая сложность обстановки, при которой наши профсоюзы возникали.

В этом же сборнике помещена ценная статья Н. А. Рожкова «К методологии истории профессионального движения», освещающая вопросы научного построения истории профессионального движения и экономической борьбы рабочего класса в России.

Несомненно, своими сборниками Истпроф ВЦСПС делает не только огромное дело строительства научной истории профессионального движения в России, но вносит и немалый вклад в историю рабочего класса.

Л. Федорченко (Н. Чаров)

АНАТОЛИЙ КАЛИННИКОВ. Национально-революционное движение в Монголии. 118 стр. «Московский Рабочий». 1926. Ц. 95 коп. Тир. 5.000.

ОН ЖЕ. Революционная Монголия. 96 стр. ГИЗ. Ц. 85 коп. Тир. 4.000.

Происходящие в последние годы на Востоке потрясения интересны не только с точки зрения непосредственных перспектив мировой революции, но и как поверка жизнью некоторых, ранее лишь теоретически поставленных, проблем. Вопрос о возможности отсталой стране перейти к социализму, минуя капиталистическую фазу развития, решается в разных странах различно, в зависимости от зрелости хозяйственного развития. По-иному проходила революция в Туркестане или Башкирии, и по-другому в Монголии, еще недавно бывшей страной скотоводческого феодализма. Ясно одно: существование страны, осуществляющей диктатуру пролетариата, ускоряет все революционные процессы и видоизменяет их в определенном направлении, особенно в сопредельных с ней странах. Если представляет особый интерес строительство социализма в окраинных республиках СССР, то сугубо интересен этот вопрос в такой стране, как Монголия, литература о национально-революционном движении которой рецензируется нами. В двух своих книжках о Монголии А. Калинников рисует нам, как монгольское движение за независимость, начавшееся еще в 1911 году и ведомое блоком всех социальных групп, после освобождения страны от гнета японских и русских империалистов и китайского торгового капитала, проделывает весьма любопытную эволюцию. Уже в начале 1920 года во главе движения становится партия, которая выдвигает своей задачей как «освобождение Монголии от политического и экономического гнета иностранных держав», так и «раскрепощение широких народных масс от порабощения светской и духовной аристократии» и «установление нового государственного строя на основах народовластия». Социальное содержание предстоящей революции еще более уточняется выработанной Народно-Революционной партией на

ее I с'езде программой, говорящей о «разработке и проведении закона об отмене крепостного права» и об «уравнении налоговых обязанностей всех сословий».

После проведенного партией переворота в 1921 году и победы над остатками белогвардейских банд, партия, в лице руководимого ею народно-революционного правительства, начинает проводить свою программу в жизнь, что вызывает усиленную классовую дифференциацию монгольского населения. Не останавливаясь на этом этапе, Народно-Революционная партия ведет революцию дальше и подходит вплотную к вопросу о создании условий для социалистического строительства. Это вызывает противодействие враждебных этим задачам элементов. По словам автора «коалиция элементов, связанных с феодально-теократической реакцией и нарождающейся монгольской буржуазией, привела к оформлению правого крыла в Монгольской Народно-Революционной партии».

После очищения своих рядов и решительного подавления реакционных выступлений Народно-Революционная партия становится подлинным выразителем диктатуры трудящихся.

Собравшееся в конце 1924 года Народное Собрание—Великий Хуруддан—постановляет «о незыблемости государственного регулирования внешней торговли» и «о развитии начал государственного капитализма, единственно дающего возможность развития производительных сил страны и в то же время предотвращающего закабаление Монголии иностранным капиталистам». По утвержденной тогда же конституции лишаются избирательных прав все, живущие эксплоатацией чужого труда—торговцы, ростовщики, бывшие князья и ламы (монахи).

Итак, на протяжении 15 лет—от феодализма к постановке задач социалистического строительства. Этот опыт должен стать предметом самого тщательного изучения.

Автор совершенно правильно подошел к своей задаче, предпослав изложению истории революционного движения Монголии очерк ее хозяйственного развития и социальных группировок Однако приводимые им данные совершенно недостаточны, чтобы разобраться в характере происшедшей там в 1921 году революции. Характеристика ее, как буржуазно-демократической, напрашивается сама собой, а между тем в предыдущем изложении автор почти отрицает классовое расслоение среди монголов и не дает возможности сделать заключение, на какой основе могла вырасти та буржуазия, о которой он говорит в последних главах.

Очевидно, революция 1911 года, освободив страну от гнета китайского торгово-ростовщического капитала, дала решающий толчек развитию ее производительных сил. Необходимо было бы указать, не выросла ли туземная буржуазия на прежних торгово-посреднических функциях, как это было в Китае и Туркестане. Следовало бы проследить, не наметилось ли (в каком количестве и в каких группах) применение труда батраков, как оно имеет место в скотоводческой Киргизии. Было бы важно изучить и бюджеты населения.

Приводимые автором—заимствованные у Майского—статистические данные о скотоводстве, взяты по сословным делениям, главным образом, с точки зрения перспектив хозяйственного развития и совершенно непригодны для исследования вопроса о хозяйственном расслоении. Автор сам приходит к выводу, что экономическая мощь страны находится в руках не привилегированных групп, а основной массы населения—простолюдинов, аратов. Очевидно, наравне с прежним сословным делением,—на основе хозяйственного развития наметились новые классовые группы, и чтобы их нащупать, следовало бы иначе подойти к исследованию хозяйства, и прежде всего не пользоваться данными, собранными под совершенно иным углом зрения.

Затронутые А. Калинниковым вопросы настолько сложны и интересны для каждого историка, что, несомненно, вызовут новые серьезные исследования.

Книги его, несмотря на указанные недочеты, можно рекомендовать всякому, интересующемуся проблемами, выдвигаемыми развитием национально-революционного движения в современных нам условиях.

О. Г. Меерсон

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ: С. М. Моносов и О. Л. Вайнштейн. ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ: А. В. Шестаков. РЕЦЕНЗИИ: Ю. М. Бочаров, Л. Мамет. О. Г. Меерсон. Л. С. Федорченко, А. Н. Штраух, А. В. Шестаков.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Библиографический обзор)

А. МАТЬЕЗ. — «Французская революция», т. I. перевод с франц. Цедербаум, под редакц. и с предисловием проф. Бороздина. «Книга». 1925 г. стр. 224. Цена 1 р. 25 к.

А. ОЛАР. — «Христианство и французская революция», пер. с франц. под ред. Шпицберга. «Атеист». 1925 г.. стр. 98. ц. 75 к.

Г. ЛОРАН. — «Рабочий — депутат Конвента», пер. с франц. Федотова. «Книга». 1925 г., стр. 71. ц. 45 к.

Я. М. ЗАХЕР. — «Очерки по истории бешеных эпохи Великой франц. рев.». «Прибой». стр. 92. ц. 45 к.

А. ПРИГОЖИН. — «Гракх Бабеф». Изд. Свердловск. У-та. Москва. 1925 г.. стр. 226, Ц. 1 р. 35 к.

М. ДОМАНЖЕ. — «Бабеф». Пер. с франц., «Прибой». 1925 г., стр. 102, ц. 40 к.

ГОВОРОВ. — «К вопросу о якобинской идеологии». статья в «Воинствующем материализме» № 5.

Настоящий обзор заключает в себе рассмотрение новых работ на русском языке, посвященных французской революции и вышедших в свет за последние полгода. Нечего и говорить, что работы эти совершенно различной ценности, среди них мы найдем и работы общего содержания, как книга Матьеза, и труды, посвященные рассмотрению специальных вопросов. Тут будут и оригинальные русские работы и работы переводные. работы, представляющие глубокие самостоятельные исследования, и труды компилятивные. Остановив наше внимание на работах, являющихся самостоятельными книгами. мы закончим свой разбор рассмотрением статьи. появившейся в одном из наших толстых журналов.

Начнем обзор с рассмотрения новой общей книги по истории французской революции. выходящей на русском языке.

Книга эта принадлежит перу крупного французского историка А. Матьеза. Вся работа рассчитана им на три тома. пока на русском языке появился в свет лишь первый том, охватывающий первый период французской революции с начала ее до переворота 10-го августа.

Автор новой книги—Матьез. член Лиги Прав Человека. стоит на самом левом фланге корпорации французских ученых. Несомненно, он является одним из крупнейших знатоков истории французской революции. однако. вследствие левизны его убеждений французское «демократическое» правительство держит его в захолустном Дижоне.

Совершенно понятно, что книга, вышедшая из-под пера такого ученого, должна возбуждать в русском читателе значительный интерес и пробуждать к себе в берущем ее в руки весьма большие надежды.

Однако при чтении первой главы книги Матьеза читатель испытывает известного рода разочарование. Действительно. глава первая—«Кризис старого порядка». написанная, безусловно. блестяще, все же содержит в себе далеко не полную характеристику этого порядка. Особенно это касается экономической стороны вопроса и характеристики положения низших классов старо-режимного общества. Описанию положения крестьянства наш историк уделяет не более одной страницы, а положению рабочих и того меньше.

Он или не знает исследований русских историков по вопросам экономического состояния французской деревни или их умышленно игнорирует. То же самое можно сказать относительно работы русского историка Тарле. посвященной рассмотрению положения рабочих.

Говоря об экономическом росте буржуазии в эпоху, предшествующую революции, наш историк очень высоко оценивает экономический расцвет, переживаемый в это время Францией. Он восклицает: «Не в истощенной стране, а, напротив, в цветущей, полной жизненных сил, предстояло разразиться революции. Нищета, вызывающая мятежи, не может породить великих социальных переворотов».

Но если буржуазия накапливала крупное богатство и достигла известной степени экономического процветания, то, во-первых, путы старого режима ставили определенные пределы этому процветанию, а, во-вторых, на противоположном полюсе общества, вследствие беспощадной эксплоатации масс крестьянства, эксплоатации, осуществляемой старым порядком, накапливались нищета и отчаяние.

В вышеприведенном утверждении почтенного историка, несомненно, содержится недостаточная оценка отрицательных предпосылок революции, а, следовательно, и значения массовых выступлений в процессе этой революции. Разве не тяжелое материальное положение крестьянских и городских масс сделало возможным превращение этих масс в те революционные кадры, которые своим вмешательством решали столкновения между реакционным правительством и третьим сословием.

Ведь нищета французского крестьянина, несомненно, настойчиво выдвигала на очередь немаловажный для значительных кругов третьего сословия вопрос о широком вутреннем рынке. Вопрос же этот, вероятно, сыграл в революционизировании этих слоев третьего сословия весьма крупную роль и, вероятно, роль не меньшую, чем те анекдотические факты, на которых наш историк считает долгом остановиться, такие факты, как удаление из ложи матери Барнава или угощение госпожи Ролан в буфете. (Стр. 24).

Наш историк сумел отметить известное расслоение в среде дворянства, не пытаясь, правда, об'яснить это расслоение экономическими причинами, зато буржуазию он обрисовал как выступающую в виде какого-то неделимого целого. Между тем, и в среде этой буржуазии были самые различные группировки и подразделения. Не указав на это обстоятельство, Матьез является довольно беспомощным в своей характеристике различных фракций Учредительного Собрания. По его мнению, группы эти отличались лишь политическими воззрениями и разницей во взглядах на конституцию (стр. 89), а, между тем, в основе деления фракции лежали различные экономические интересы, на что указания мы имели уже у Жореса.

Иногда наш историк делает очень странные заявления, выявляющие его, буквально, детское понимание причин событий. Так, говоря о парламентах, наш историк уверяет, что Людовик XVI тем, что «восстановил парламенты, подготовил гибель своей короны» (стр. 18). Вторую главу своей книги Матьез начинает таким заявлением: «Для преодоления наступающего кризиса во главе монархии нужен был король»' (!) (стр. 28).

При описании событий знаменитой ночи 4 августа Матьез как будто отдает дань традиции и говорит об известных жертвах со стороны дворян-депутатов. Повидимому, наш историк верит в наличие какого-то энтузиазма, охватившего якобы присутствующих на этом пресловутом заседании.

Однако приходится согласиться, что даже первая глава книги, содержащая значительное количество недочетов, написана блестяще. То же самое приходится сказать и о всей книге вообще. Ведь книга эта вышла из-под пера историка, обладающего колоссальной эрудицией и прорабатывающего в течение многих лет источники.

Поэтому ряд моментов освещен нашим автором великолепно. Взять хотя бы, например, позицию буржуазии, выступавшей против привилегированных, но с большой опаской оглядывавшейся назад на низы населения, которых она, несомненно, боялась больше чем правительства и дворян. Таким ее поведением было и в Париже и в провинции.

Между прочим, провинциальные движения, обычно как-то заслоняемые парижскими событиями, Матьезом обрисованы великолепно. Здесь с первых моментов революции создался блок дворян и буржуазии, направленный против рабочих и крестьян (стр. 71—75).

Совершенно правильную оценку дает Матьез Декларации Прав Человека, которая для него не является документом, устанавливающим извечный порядок человеческого общества. Наш историк видит в этом документе установление буржуазного порядка.—«Творение буржуазии—она носит ее черты» (стр. 86).

Гораздо менее правильную характеристику дает Матьез конституции, созданной Учредительным Собранием. Правда, он признает, что конституция эта

обеспечивала в первую очередь интересы имущих, но, с другой стороны, он считает, что она носила, по существу своему, республиканский характер (стр. 123).

С таким убеждением нашего историка едва ли можно согласиться: не говоря уже о монархической форме, конституция 91 года монархической была и по существу. Сохранение монархии было необходимо для тех слоев имущих классов, которые были представлены в Учредительном Собрании и видели в этой монархии оплот против мятежных выступлений низов.

Много внимания уделяет Матьез организации местного управления и организации суда. К сожалению, Матьез ни словом не упоминает о налоговой политике Конституанты, а между тем именно налоговая политика обыкновенно бывает наиболее показательной в смысле проявления классовых интересов.

Хорошо освещена Матьезом деятельность клуба Кордильеров, обычно как-то затмеваемая деятельностью Общества Якобинцев.

Первые вспышки борьбы за таксацию цен на продукты—предвестники будущих грозных столкновений, обрисованы нашим историком великолепно. Он выясняет, что в борьбе за установление максимума цен беднота городская и деревенская действовали заодно (стр. 190).

Весьма содержательны страницы, посвященные религиозной политике двух первых собраний. К сожалению, говоря об отказе департаментских и городских властей применять декрет о свободе культа, Матьез не упоминает о том, что отказ этот следовал почти всегда в результате давления со стороны революционных масс, понимавших, что свобода культа дает лишний козырь в руки контрреволюционеров, помогая им сорганизовываться.

Матьез—горячий почитатель Робеспьера, считающий себя носителем робеспьеровских традиций, дает очень низкую оценку и Дантону и жирондистам. Но для возвеличения самого Робеспьера эпоха, рассматриваемая в первом томе работы Матьеза, дает еще слишком мало, поэтому приходится с нетерпением ждать появления на русском языке второго тома, посвященного эпохе с 10 августа по 9 термидора, т.-е. тому периоду времени, в течение значительной части которого Робеспьер и его группа были центральными фигурами событий.

Если Матьез является одним из знатоков истории французской революции, то, несомненно, лучшим знатоком ее истории является Олар. Его перу принадлежит появившаяся на русском языке книга «Христианство и французская революция». Книга эта, написанная на основании долголетнего изучения первоисточников и изображающая эволюцию взаимоотношений между религией, религиозными учреждениями и различными правительствами, создававшимися во Франции в процессе революции, имеет для нас и некоторый другой, более жгучий интерес, нежели интерес чисто исторический.

Добросовестный исследователь, образец либерально-буржуазного беспристрастия, Олар, помимо своего желания, нарисовал нам в своей книге интереснейшую картину переплетения интересов духовных и религиозных с интересами чисто материальными, земными. И, кажется, сам наш почтенный историк с удивлением отступил перед вышедшей из-под его пера картиной.

Словом, с ним приключилось приблизительно то же, что с тем голландским богословом, о котором рассказывает нам М. Н. Покровский в своих «Очерках истории русской культуры». Богослов этот, как известно, помимо своего желания подобрал материал, изображающий с материалистической точки зрения возникновение религиозных представлений.

Также и наш французский историк, говоря, например, о конфискации земельных богатств, Олар утверждает, что конфискация эта, повлекшая за собой сокращение огромных доходов высшего духовенства, была основной причиной враждебности этого духовенства к революции. Даже через шесть лет после проведения конфискации Директория была вынуждена назначить тюремное заключение клирикам, ведущим агитацию против владельцев прежних церковных имуществ (ст. 27, 89).

Олар с удивлением констатирует большое равнодушие к противорелигиозным мероприятиям правительств у масс населения, в частности у крестьянства. Поскольку же выступления в защиту религии имели место, такие выступления были выступлениями контр-революционными. Так, в одном месте защитники религии пред'являли требования о том, чтобы «католическая религия была восстановлена и чтобы не было больше якобинцев». В другом месте выдвигалось требование о том, чтобы вообще «все было по-старому»...

В конечном выводе наш историк вынужден заявить, что он, буквально, «поражен тем переплетением веры и политики (а мы скажем, проявления классовых интересов, которые обнаружились в этих волнениях» (стр. 71).

Но все такие характерные факты и некоторые выводы из них всплывают в изложении почтенного историка как-то помимо его воли. Он просто, как добро-

совестный историк, не мог скрыть или сказать то, о чем говорили ему груды проработанных им источников. Сам же он, по его собственным словам, стремился «избегать всяких обобщений и слишком категорических утверждений», а, главное, он нигде не усматривает движущей силы всех исторических событий—классов и их интересов.

В религиозной полемике Учредительного Собрания Олар видит лишь попытку «связать крепче галликанскую церковь и государство» (стр. 7), в то время, как это была, в первую очередь, попытка обезвредить церковь, как установление феодальное, обуржуазив ее и превратив ее епископов и священников в буржуазных чиновников, выдвигаемых цензовыми элементами.

Разницу в политике Учредительного и Законодательного Собрания наш автор об'ясняет тем, что «дух» первого был совсем не тот, что «дух» последнего (стр. 50). Олар не видит классовой подоплеки борьбы, ведущейся вокруг религиозных вопросов в эпоху диктатуры якобинцев.

Безнадежный либерализм Олара проявляется им при трактовании допущенной Собранием 1791 года свободы культов. Олар не понимает того, что мера эта, кажущаяся либеральной вообще, в тот момент была мерой реакционной, ибо доставляла контр-революционным элементам возможность об'единения, а контр-революционным священникам возможность ведения пропаганды. Революционный инстинкт парижской массы правильно толкал эти массы на борьбу с религиозной свободой (стр. 43—45).

Но, как мы уже говорили в начале своего разбора, либерализм и нарочитая беспартийность, которую Олар столь старательно подчеркивает, не помешали ему выяснить связь религиозных движений с контр-революцией, а интересов духовных с интересами материальными, интересами классовыми—и это делает книгу профессора Олара особенно интересной и полезной для нас.

Французская революция XVIII века, как и всякое революционное движение, была движением массовым. Однако это обстоятельство очень часто забывается, и взамен истории массовых движений мы получаем историю парламентской борьбы, дворцовых интриг и т. д.

Небольшая книжка Лорана тем и интересна, что она приподнимает завесу над деятельностью подлинных масс, выступающих в лице своего настоящего представителя депутата-рабочего; эта деятельность или замалчивалась или искажалась историками, даже Жорес говорит всего об одном депутате-рабочем, заседавшем в Конвенте — Ноэле Пуэнте. Между тем, Жан Армонвилль был самым подлинным представителем тогдашнего пролетариата, так сказать, рабочим от станка.

Будучи представителем промышленного района—города Реймса—центра суконной промышленности, Армонвилль был плотью от плоти и кровью от крови трудового населения этого района. Его личная деятельность была так тесно связана с деятельностью трудовых масс города Реймса, что здесь весьма трудно провести какую-либо грань.

Вопреки тем, кто видит в первых шагах революции сплошную идиллию, Реймс уже с первых моментов революции был отмечен бурными вспышками классовой борьбы, вспышками, носившими политическую окраску.

Во время выборов в Генеральные Штаты, рабочие Реймса старались путем давления на буржуазию добиться права быть представленными в Штатах. Если рабочие Реймса с первых шагов революции проявили сознательность и активность, то активность эта должна была увеличиваться в процессе революции.

Нет ничего удивительного в том, что во время выборов в Конвент рабочие выдвигают своего собственного представителя—ткача Армонвилля.

Деятельность Армонвилля интересна не только тем, что он представитель рабочих и сам рабочий. Он вождь-организатор, он агитатор, пропагандист. Как таковой, он проявил себя в эпоху, предшествующую конвентским выборам, когда ему и удалось об'единить вокруг себя наиболее сознательную часть трудового населения Реймса. В этой своей деятельности Армонвилль не был одиноким, он действовал вместе с кружком таких же, как он, рабочих.

Энергией и усилиями Армонвилля и его друзей был создан рабочий клуб, обратившийся впоследствии в рабочее общежитие—что-то вроде наших домов коммун. Этот дом сделался центром той деятельности Армонвилля, которая привела его на скамьи народного представительства.

В Конвенте Армонвилль близко сходится с трибуном городской парижской бедноты Маратом и заводит знакомство с Бабефом.

Депутат-рабочий, наравне с другими членами Конвента, выполняет ряд ответственных поручений, в частности, наблюдает за изданием конвентского бюллетеня.

Высокое положение народного представителя не оторвало нашего ткача от тех трудовых масс, представителем которых он был. Со своими избирателями Армонвилль продолжал поддерживать самые тесные сношения.

Благодаря его влиянию в департаменте Марны, центром которого был Реймс, в тяжелый для всего округа момент, была создана департаментская и городская администрация, целиком состоящая из рабочих и принесшая городу и департаменту своей энергичной деятельностью огромную пользу.

В эпоху термидорианской реакции Армонвилль, как истинный представитель революции, подвергался жестоким преследованиям, а в эпоху Директории он был связан с заговором Бабефа. В противоположность другим народным представителям, использовавшим свое высокое положение для составления огромных состояний, депутат-рабочий умер в полной нищете.

Таково интересное содержание небольшой книжки Лорана, научная ценность которой, к сожалению, буквально сводится на-нет отсутствием каких-либо ссылок и примечаний. Не вина ли это переводчика? Между тем, книга Лорана написана с несомненным использованием источников, которые, впрочем, все остаются для читателя совершенно неизвестными.

Помимо того, едва ли можно соглашаться с Лораном в характеристике экономических мероприятий Конвента, как мероприятий социалистических (48—49). Эти мероприятия были направлены главным образом к урегулированию потребления и с обобществлением производства не имели ничего общего.

Едва ли можно также об'яснить вражду Армонвилля к Робеспьеру просто внушением со стороны Бабефа или других врагов вождя якобинцев. Не сыграла ли здесь роль рабочая политика последних, приведшая к разочарованию масс в этой политике в последний период якобинской диктатуры. К сожалению, по этому вопросу Лоран хранит молчание, и вообще взгляды Армонвилля не очерчены нашим автором достаточно четко, что является, конечно, главнейшим недостатком книжки.

Но в общем, книжка Лорана написана увлекательно, интересно и может быть вполне рекомендована комсомольцам, рабфаковцам и развитым рабочим, хотя полное отсутствие раз'яснительных примечаний затруднит для таких читателей понимание ее интересного содержания.

Если в лице Армонвилля мы имеем дело с подлинным представителем трудовых масс, то с ними же мы сталкиваемся и в лице бешеных, которым посвящена книжка Захера.

Бешеные—так в эпоху французской революции противники называли тех представителей городской трудящейся бедноты, которые выдвигали решительные требования борьбы с накоплением богатств, необузданной спекуляцией и установления таксы цен на продукты. Широкие трудящиеся массы Парижа, а отчасти провинции, т.-е. те революционные кадры, которые, в конечном счете, решали революционные битвы, шли за бешеными.

Поэтому эти последние представляли собой внушительную силу. Играя значительную роль в низовых организациях городского населения, а также в народных обществах предместий, бешеные были необходимыми союзниками для тех партий, которые хотели бы мобилизовать в помощь себе трудовые парижские массы. Этим об'ясняется то обстоятельство, что в момент жесточайшей борьбы с жирондистами якобинцы заключают союз с бешеными.

Несмотря на ту крупную роль, которую бешеные играли в событиях французской революции, их деятельность как-то замалчивалась прежними историками и должное внимание на них было обращено лишь в самое последнее время. Работа французского ученого Брэша, посвященная революционной Коммуне, созданной восстанием 10 августа, «Социалистическая история» Жореса и книга Кунова содержат уже не мало страниц, посвященных бешеным.

Наконец, теперь мы имеем небольшую русскую книжку, посвященную бешеным и рассмотрению их идеологии.

Книжка тов. Захера, написанная в ленинградских условиях, не может быть оригинальной в смысле использования материала, по этой причине она не является самостоятельным, основанным на изучении источников исследованием. Наш ленинградский историк, к сожалению, был вынужден пользоваться работами других, тех, кому были доступны сырые материалы. Однако в части, касающейся выводов, оценок и подведения под идеологию бешеных классового фундамента, наш автор является самостоятельным.

Помимо того, книжка тов. Захера имеет ту ценность, что делает доступными такие материалы, которые, будучи рассеяны по редким журналам и по книгам, имеющимся лишь на французском языке, являются недоступными широкому читателю.

По отношению к пониманию бешеных возможны две ошибки: или их считают левым крылом якобинцев, или в них видят представителей социалистической идеи, предшественников современного пролетарского движения.

В первом очерке своей книжки, очерке, посвященном деятельности Жака Ру, тов. Захер опровергает оба эти мнения. Полное пренебрежение бешеных к вопросам политической свободы, выдвигание на первый план чисто экономических требований, которые были абсолютно чужды большинству якобинцев, резко отделяет от последних Жака Ру — вождя бешеных. Бешеные, — говорит тов. Захер, — не были левыми якобинцами, «потому что не были якобинцами вообще» (стр. 30).

Между прочим, в своем утверждении о полном пренебрежении бешеными политических вопросов, тов. Захер не совсем прав. Отношение бешеных к вопросам свободы и демократии подвергалось значительным изменениям в зависимости от тактической обстановки. Так, выступая против Конституции, в момент ее принятия Конвентом, бешеные впоследствии, когда проведение конституции было отсрочено, выступали против этого мероприятия. Несомненно, демократические требования выдвигались бешеными и в последние моменты существования диктатуры якобинцев, во всяком случае после 9 термидора остатки бешеных пред'являли требование о восстановлении демократических городских властей.

Что касается социализма бешеных, то о таковом, вообще, не может быть и речи. Бешеные, представлявшие тогдашнюю городскую бедноту, не были выразителями взглядов пролетариата, а защищали интересы мелких ремесленников, класса, как говорит о нем тов. Захер, «по своему существу реакционного». В идеях бешеных не было и следа каких-либо требований об обобществлении производства, и вообще вопросы производства в их идеях занимали очень малое место.

Реакционность бешеных проявлялась не только в том, что они не были социалистами; помимо того, они были врагами капиталистического накопления, а в ту эпоху, в эпоху создания основ капиталистического общества, эта враждебность являлась идеей реакционной. И тов. Захер вполне прав, когда заявляет, что победа Жака Ру и представляемого им класса «обозначала бы полную неудачу революции, которая должна была создать наиболее благоприятные условия для развития капиталистического общества, и те самые законы экономического развития, до сознания существования которых Жак Ру никогда не дошел, неизбежно требовали его поражения и гибели» (стр. 31).

Второй очерк книжки тов. Захера посвящен Доливье. Если Жак Ру — выразитель взглядов городской бедноты, то Доливье, по мнению тов. Захера, защитник интересов бедноты деревенской. С такого сорта мнением нашего историка согласиться, пожалуй, можно, но нельзя смотреть на всю систему предлагаемых Доливье мероприятий, как на систему чисто реакционную. Ведь, все-таки, в основу системы было положено требование обобществления земельной собственности и передачи ее государству.

Не совсем прав тов. Захер и при высказывании им той мысли, что требование установления таксы на продукты было совершенно чуждо деревенской бедноте и в требованиях, выдвигаемых Доливье, являлось чем-то случайным. Как мы уже указывали, проф. Матьез в рассмотренной нами выше книге показал, что на этом требовании городская и деревенская беднота сходились. В самом деле, ведь и деревенскому бедняку приходится покупать на стороне целый ряд нехватающих ему продуктов.

Третий очерк разбираемой нами книги затрагивает деятельность Л'Анжа. Л'Анж, открытый Жоресом, социалист, сторонник национализации хлебных запасов и торговли хлебом, стоит как-то особняком среди других деятелей французской революции. Мало общего имеет он и с бешеными, с которыми его, пожалуй, не стоило бы и об'единять путем рассмотрения его взглядов в книжке, посвященной анализу воззрений бешеных. В самом деле, Л'Анж ближе стоит к социалистам-утопистам, чем к идеологам ремесленной и деревенской бедноты, каковыми были бешеные.

Несомненно, в эпоху последних моментов существования якобинской диктатуры и первых месяцев термидорианской реакции группы, представлявшие собою остатки бешеных, были связаны с будущим главою «Заговора Равных»—Бабефом. Поэтому является совершенно естественным перейти от рассмотрения работы, посвященной бешеным, к рассмотрению книг, касающихся деятельности великого основоположника революционного коммунизма.

Бабеф, основоположник революционного коммунизма и провозвестник революционной диктатуры, безусловно, заслуживает более богатой литературы, чем та, которая имеется о нем на русском языке; поэтому приходится с особой тщательностью отмечать появление каждой новой книжки, касающейся деятельности и идей Бабефа.

За последнее время появилось две посвященных Бабефу книжки, одна из них оригинальная русская, другая переводная.

Обе книжки написаны марксистами и потому заслуживают сугубого внимания. Русская книжка—тов. Пригожина—начинается очерком положения промышленности и рабочего класса в эпоху Директории, затем она переходит к рассмотрению

раннего периода жизни Бабефа и воззрениям его в это время. Далее события жизни великого коммуниста излагаются параллельно с описанием эволюции его идей. На протяжении глав 3—5 мы можем проследить, как Бабеф из приверженца черного передела становится проповедником обобществления собственности, из раздельщика—коммунистом. Глава 5 книги посвящена рассказу о «Заговоре Равных» и его крахе, глава 6 анализу идей Бабефа—бабувизму.

Во всем этом изложении весьма неудачной является глава 4; об'ясняется это тем, что автор ее не смог разобраться во взаимоотношениях различных партий и группировок в эпоху, непосредственно следующую за катастрофой 9 термидора. Между тем, понять позицию Бабефа в период издавания им «Журнала Свободы Прессы» возможно только в свете этих взаимоотношений. Автор считает, повидимому, что Бабеф стоял в это время на левом фланге якобинцев, отчего именно так —«На левом фланге якобинцев»—и озаглавливает эту главу. Если Бабеф в это время и солидаризировался с какими-либо группами, то это были, скорей всего, остатки бешеных, а эти последние, как мы уже говорили, только по ошибке могут считаться левой фракцией якобинцев.

Изложение тов. Пригожина дает возможность спутать Бабефа с термидорианцами, т.-е. с той реакционной кликой, которая, вопреки левым элементам противо-робеспьеровской коалиции, захватила после переворота 9 термидора власть. На самом деле, Бабеф был враждебен и этой группе правых, и левым, которых называли «хвостом Робеспьера».

Бабеф в это время был центром, вокруг которого группировались бешеные, давнишние противники якобинцев. Вопреки последним, стоящим на точке зрения необходимости продления режима революционного правительства, т.-е. диктатуры, бешеные требовали, как мы уже упоминали, проведения полной демократии, помимо того, они отстаивали, повидимому, и какие-то экономические требования. Во всяком случае, господствовавшие в Конвенте термидорианцы обращали против этих групп строки одного из конвентских адресов: «Собственность должна быть священной, нам чужды эти системы..., снисходительные к грабежу и возводящие его в систему» [1]).

Все эти обстоятельства не нашли себе места в изложении тов. Пригожиным указанной главы 4. Напротив, он полагает, что «экономическая программа Бабефа этого времени была чисто якобинской», что у Бабефа в эту эпоху не было «никаких требований, направленных к урегулированию экономической жизни» (стр. 69). В таком случае остается совершенно непонятным, почему якобинцы старались всеми силами отмежеваться от Бабефа и его сторонников определенными декларациями, вроде следующей: «Пусть нам не говорят, что наша цель—ограбление богачей, народ ничего не хочет, кроме работы и хлеба» [2]).

Большие возражения должна вызвать трактовка тов. Пригожиным Бабефа как «чисто аграрного коммуниста» (19, 163).

«Все произведения Бабефа,—говорит наш автор (стр. 164),—выставляющие требование уничтожения всякой частной собственности, имеют в виду почти исключительно собственность землевладельца, не говоря ни слова о промышленных предприятиях»

Однако уже из тех цитат, которыми оперирует тов. Пригожин, или из приложенных к его книге документов, явствует, что Бабеф мыслил обобществление, как обобществление всей производственной деятельности общества. Ведь сам тов. Пригожин находит возможным говорить о «Внешторге» бабефовской общины (стр. 151), он же цитирует одну из брошюр Бабефа, в которой тот настаивает на необходимости «сосредоточить все наличные богатства в руках общины», «собирать в общественные склады все продукты земледелия и промышленности» и «положить конец всякой частной собственности и торговле» (стр. 122). Наконец, на стр. 126 мы читаем следующее, делаемое тов. Пригожиным, заявление: «Коммунизм Бабефа есть «всесторонняя государственная организация, охватывающая все стороны человеческой жизни».

Обратившись к подлинным документам, хотя бы лишь к тем, которые приложены к разбираемой нами книге, мы и в них найдем опровержение мнения тов. Пригожина. Так, в «Доктрине Бабефа» (документ № 12) мы читаем: «Труд и потребление должны носить коллективный характер». Ничто не говорит нам, что здесь дело идет только о земледельческом труде. Статья 6-я того же документа гласит: «Никто не можт присвоить исключительно себе поземельную или промышленную собственность». Следовательно, и собственность промышленная должна подвергнуться обобществлению наравне с собственностью аграрной.

---

1) Moniteur, XXII, 200—201.

2) Протоколы якобинского клуба, т. VI, стр. 528.

Не менее убедительно в этом отношении звучит и «Декрет об общественных работах» (документ 13 г.). Здесь совершенно определенно говорится об урегулировании всей производственной деятельности общины как сельскохозяйственной, так и промышленной.

Тов. Пригожин подчеркивает то обстоятельство, что Бабеф нигде не говорит о национализации крупно-промышленных предприятий специально. Мы полагаем, что это происходит по причинам малочисленности таковых предприятий во Франции эпохи Бабефа и слишком малой роли, каковую эти предприятия играли во всей экономической жизни страны. Франция XVIII века была страной земледельческой, а также страной ремесла и домашней промышленности.

Тов. Пригожин ссылается на проект «Экономического Декрета», который особенно подробно останавливается на необходимости обобществления земельной собственности. Надо помнить, что в эпоху Директории именно этого рода собственность являлась предметом яростной спекуляции, на почве которой и вырастало колоссальное имущественное неравенство.

На основании всего вышесказанного мы полагаем, что мнение т. Пригожина об исключительно, якобы, аграрном характере бабефовского коммунизма должно подвергнуться основательному пересмотру. Кроме того, указанная уже нами 4-я глава его книги должна быть переработана.

При всем том, книга т. Пригожина является хорошей и весьма полезной книгой, во-первых, эта книга марксистская, во-вторых, она очень популярно и живо написана, в-третьих, она дает хорошую картину эволюции воззрений Бабефа.

К сожалению, книга т. Пригожина имеет целый ряд недостатков внешнего характера, происходящий из той, видимо, поспешности, с которой она написана. Поспешность эта отразилась в первую очередь на аппарате ссылок и примечаний. Здесь мы можем увидать ссылки на второй том «Немецко-Французского Ежегодника», который, как известно, был издан Марксом всего в одном томе, на целый ряд подлинников XVIII века непосредственно, в то время как наш автор ознакомился с этими подлинниками из доступной всем книги Вольтерса и т. д. Кроме того, т. Пригожин иногда приписывает очень известные выражения не тому лицу, которому они принадлежат (так обстоит дело с знаменитой фразой чартистского оратора Стэфенса).

Но все недостатки этого рода не очень значительны и в последующих изданиях книги могут и должны быть исправлены.

Другая посвященная Бебефу книга принадлежит перу Мориса Доманже, автора недавно вышедшей книжки о Бланки. Морис Доманже является марксистом. Его работа распадается на три части: Люди. Факты. Идеи.

Первая часть дает портреты-биографии Бабефа и его ближайших сподвижников. Вторая часть рассказывает историю «Заговора Равных». Эта часть с достаточной подробностью останавливается на организационной стороне заговора и весьма много дает о связи заговора Бабефа с рабочими массами. Здесь мы узнаем много интересного об агитационных приемах бабувистов, об их попытках связаться с мастерскими и рабочими кварталами.

Что касается организационной стороны заговора, то, поскольку она нашла свое изображение у Доманже, поскольку бубувистская организация вырисовывается перед нами не как создание какой-то кучки фантазеров, вспышкопускателей, а как сильная конспиративная организация, руководимая опытными конспираторами-политиками.

Третий отдел книжки посвящен изложению учения Бабефа. Здесь Бабеф выявляется, как проповедник коммунизма, и не только коммунизма аграрного, как полагает автор только-что разобранной нами книжки т. Пригожин. Бабеф является сторонником классовой борьбы и революционной диктатуры. Он не только теоретик, но и революционер-практик, поэтому он создает проекты реальных и конкретных мероприятий, имеющих быть осуществленными в момент переворота и захвата власти революционерами.

В общем, книжка Доманже написана весьма доступно и интересно, а местами — с известным под'емом.

Однако она не лишена некоторых довольно крупных недочетов.

Наиболее важным из них является то обстоятельство, что учение Бабефа изображено Доманже, в противоположность тому, как это сделано т. Пригожиным в стационарном состоянии, а не в его развитии, в то время как учение это абсолютно коммунистическим сделалось лишь постепенно.

Поэтому едва ли будет правильным утверждать, как это делает наш автор (стр. 8), что Бабеф еще в эпоху, предшествующую революции, был последовательным коммунистом и что его проповедь аграрного закона, имевшая место в первый период революции, была лишь тактическим приемом (стр. 83).

Опираясь на заявление самого Бабефа, на заявление, носящее лишь агитационный характер, Доманже видит в Бабефе продолжателя идеи Робеспьера. Таким путем этот последний, равно как и Сен-Жюст, и Марат обращаются в социалистов. Такое понимание взглядов вождей якобинцев является очень крупным недоразумением. Последнее коренится в весьма прискорбном пренебрежении нашим автором, несомненно, являющимся марксистом, пренебрежении подлинным марксистским анализом.

Пренебрежение этим анализом сказывается, между прочим, и на общей характеристике эпохи деятельности Бабефа: экономическая сторона характеристики этой эпохи у нашего автора отсутствует или почти отсутствует.

Как и т. Пригожину, Доманже не удалось понять и изобразить послетермидорианские группировки и их взаимоотношения. Поэтому поведение Бабефа этого времени кажется нашему автору непонятным и противоречивым. А между тем, поведение это может быть понято только в свете социальных характеристик указанных группировок. Ведь и сам Бабеф не был в это время одиноким, а действовал как один из вождей определенной группы, центром которой являлся столь враждебный якобинцам «Избирательный Клуб».

Давая общую оценку учения Бабефа и определяя его место в развитии революционных идей, наш автор, несомненно, хватает через край, когда говорит, что Бабеф в вопросе понимания классовой борьбы «в сущности марксист» (стр. 3). Конечно, бабефовскому делению общества на бедных и богатых, на паразитов и трудящихся далеко до марксистского анализа классового состава общества. Несомненно, несколько преувеличенной является и имеющаяся в последней главе оценка оказанного Бабефом на последующее революционно-социалистическое движение влияния.

Остановившись на отдельных книгах, посвященных Французской Революции, скажем пару слов по поводу статьи, напечатанной в № 5 «Воинствующего Материалиста» и озаглавленной «К вопросу о якобинской идеологии».

Редакционное примечание к этой статье гласит, что статья печатается в порядке обсуждения, и, действительно, статья, небольшая по размеру, только лишь ставит указанный в заглавии вопрос и делает лишь слабые попытки к его разрешению.

Автор статьи обнаруживает значительную эрудицию в вопросе, но и только. В самом деле, значительную часть статьи он посвящает выяснению того всем известного обстоятельства, что Якобинское Общество «отражало изменение в общественном настроении, будучи монархическим, пока Франция была монархической, республиканским — когда обстоятельства привели к установлению республики» (стр. 264).

Но, во-первых, помимо смены настроений, здесь играло роль и изменение состава общества, постепенно обращавшегося в клуб мелкобуржуазных слоев парижского населения, а, во-вторых, когда мы говорим о якобинцах, о якобинской идеологии, то мы имеем в виду определенный момент в истории якобинского общества, и именно тот момент, когда общество это стало якобинским по существу, т.-е. когда оно стало отражать большинством своего состава настроения указанного выше определенного слоя, быть может, и нестрого по своему составу но все же определенного.

И вот, как это ни странно, в разбираемой нами статье об этом обстоятельстве нет ни звука. Вообще, классовый подход автору этой статьи как-то совершенно чужд. И, несомненно, по этим причинам наш автор и восстает против предписывания Сен-Жюсту и Робеспьеру «кулацкой идеологии», т.-е. идеологии зажиточных мелких собственников. В качестве аргумента против такой социальной классификации воззрений указанных вождей якобинцев, нашим автором выдвигается то обстоятельство, что Бабеф, Кабэ и другие коммунисты считали себя наследниками идей Робеспьера.

Конечно, такой аргумент является весьма мало убедительным. Ведь если пойти дальше, то можно увидать, что деятели французской революции смотрели на себя, как на продолжателей дела Гракхов, царя Ликурга или Брута. Вообще, основывать свое утверждение на исторических легендах, на заявлениях агитационного или риторического характера — не следует. Это мы говорили уже при разборе книги Доманже. Но автор разбираемой нами статьи смотрит на дело иначе и в конце ее определенно заявляет, что Робеспьер был основоположником коммунистической идеи, а Бабеф лишь практически пытался провести ее в жизнь (стр. 270).

С. М. Моносов

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ КОММУНЫ 1871 Г.

(Библиографические заметки)

Интерес к истории революционного движения во Франции у нас всегда был очень велик, но он, в силу многих причин, о которых распространяться здесь не место, был направлен почти исключительно на изучение великого социального кризиса конца XVIII века. Благодаря этому мы располагаем наиболее обширной— после французской—оригинальной и переводной, научной и популярной литературой этого вопроса. Известно, что даже во Франции очень ценят «русскую школу» историков В. Французской Революции. Гораздо меньше повезло у нас истории другого события величайшего значения — Парижской Коммуне 1871 г. Если судить по обилию появившихся после Октября трудов в этой области, то и с этим дело обстоит как будто вполне благополучно. Каждый год, особенно к 18 марта, появляется несколько новых книг, брошюр, статей, посвященных пролетарской революции 1871 г. Однако говорить на этом основании об успехах научного изучения Коммуны у нас совершенно не приходится. За очень редкими исключениями, это— пересказ, более или менее удачный, одних и тех же фактов, без привлечения новых материалов, без критического отношения к давно установленным взглядам. Авторы таких работ, впрочем, и не ставят себе других целей, помимо популяризаторских — вещь очень серьезная и нужная для широкого распространения знакомства с Коммуной, но ни на шаг не подвигающая нас в разрешении множества еще невыясненных вопросов. Даже работа Лукина, серьезно задуманная и хорошо выполненная, не дает в этом отношении картины деятельности Коммуны, о к о н ч а т е л ь н о установленной, так как она опирается на слишком неполный материал. Исторический синтез столь сложного и широкого революционного движения, каким была Коммуна, требует еще долгой и тщательной подготовительной работы, наподобие излюбленных немцами Forschungen, с привлечением, сопоставлением и критическим анализом всех доступных источников. Необходима также исчерпывающая научная библиография вопроса, которую французам, конечно, гораздо легче выполнить, чем нам, но которую, на первых порах, мог бы заменить просто сводный каталог всех источников по 1871 году, хранящихся в различных библиотеках нашего Союза. Почин в этом деле должен принадлежать Институту Маркса и Энгельса, располагающему, к слову сказать, наиболее полным собранием материалов по истории Коммуны в пределах СССР.

За границей, особенно во Франции, для научной разработки истории Коммуны имеются несравненно более широкие возможности. Однако и там до последнего времени почти ничего не делалось в этом направлении. Позднейший обширный труд Эдмонда Лепелетье (Histoire de la Commune de 1871 t. I - III, 1911—13) имеет очень невысокую научную ценность, хотя и дает наиболее детальный из существующих рассказов о событиях 1871 г.

Судьба интересующего нас вопроса в зап.-европейской исторической литературе, вообще говоря, чрезвычайно любопытна. После поражения парижского пролетариата, книжный рынок был буквально наводнен «литературой» о Коммуне, в подавляющем большинстве случаев архи-реакционного и буржуазного происхождения. Известно, что в Национальной Библиотеке, главным образом, от того времени, сохранилось до десяти тысяч названий, относящихся к истории Коммуны. Цена почти всей этой литературе, в которой восторжествовавшая буржуазия обливала грязью и кровью побежденного врага, достаточно хорошо известна. Но затем этот поток внезапно прекращается и наступает долгое молчание, прерванное только выходом книги Дюбрейля в известной серии Жореса. Те же статьи, нередко высоко интересные, которые помещались в «Humanité» и других рабочих органах, даже и не претендуют на научность. Элемент личных воспоминаний и переживаний играет в них преобладающую роль и, в соответствии с публицистическими и агитационными целями, которые ставили себе их авторы, строгие методы исторического анализа здесь совершенно не применялись.

Не менее любопытна и судьба оставленных павшей Коммуной документов, без которых oeuvre definitive по ее истории никогда не станет возможным. Мы знаем, что в Архиве Военного Министерства в Париже хранятся исключительно ценные материалы, которые могли бы пролить свет на ряд еще невыясненных моментов в жизни революционного Парижа, но они до сих пор ревниво оберегаются от взоров «посторонней» публики. Согласно существующему во Франции общему правилу, архивы официальных учреждений становятся доступны историкам по истечении пятидесятилетней давности. Но на бумаги Коммуны общие правила, по вполне понятной причине, не распространяются, и на них доныне лежит своеобразное табу. Правда, для одного, «своего» человека, сделано было исключение из общего правила, и именно тогда, когда эти бумаги принадлежали не архиву, а были еще куском живой и трагической действительности: в 1871 г. к их разра-

ботке был допущен Dauban, и о том, что он сделал с этим высокоценным материалом, свидетельствует его книга «Le Fond de la Société sous la Commune, décrit d'après les documents qui constituent les archives de la justice militaire. Paris, 1873». Тенденциозность подбора материала и его освещения, нарушение самых элементарных правил исторической благопристойности в воспроизведении документов обнаруживаются здесь настолько откровенно, насколько этого можно было ожидать от реакционного историка, поставившего своей задачей изобразить деятелей Коммуны отребьями человеческого рода. Кусочки писем, выхваченные из контекста, апокрифические приказы, найденные в карманах убитых «коммуналистов», чередуются здесь с очень важными документами. В таком же духе и все издания документов, вышедшие в 1871 и последующих годах [1]).

Помимо архива Военного Министерства, ценнейшие материалы хранятся также в Исторической Библиотеке г. Парижа (Bibliothèque de l'Institut d'histoire de Géographie et d'Economie de la ville de Paris). В 1894 г. она обогатилась документом первостепенной важности — тремя тетрадями подлинных протоколов Парижской Коммуны. Любопытная история этого документа сообщена была недавно архивистом Национального Архива Жоржем Бурженом.

В течение почти всего времени функционирования Коммуны, ее секретариат находился в ведении Амуру, рабочего, шляпочника по профессии, одного из самых молодых и популярных революционных деятелей. Неутомимый и добросовестный работник, Амуру поставил секретариат образцово, выполняя одновременно функции секретаря, делопроизводителя и архивариуса Коммуны. Уже в середине мая, в связи с сильными трениями между Центральным Комитетом и Коммуной, Амуру решил перенести архив последней в место более безопасное, чем городская Ратуша. Однако, 20 в город неожиданно проникают версальцы, и он отправляется на передовые позиции, не успев сделать никаких распоряжений о бумагах секретариата. 22 мая один из его друзей, служащий Коммуны, Mayer пользуясь правом доступа в секретариат, пробрался туда и унес с собой ряд бумаг, показавшихся ему наиболее ценными. Эти бумаги он хранил у себя до возвращения Амуру из ссылки, когда, по соглашению с последним, он передал Исторической Библиотеке протоколы Коммуны. Остальные же документы поступили туда через его сына уже в 1911 г.

Мы имеем теперь первый том этих протоколов, приготовленный к печати Бурженом и Анрио и изданный упомянутой Библиотекой Историко-Географо-Экономического Института г. Парижа в 1924 г.

Таким образом, тридцать лет лежал этот важнейший исторический памятник в архивах Библиотеки, прежде чем он поступил в научный оборот,—замечательный факт, свидетельствующий о своеобразном «заговоре молчания» буржуазной исторической науки по отношению к героическому прошлому французского пролетариата.

С выходом первого тома «Протоколов», этот заговор молчания теперь нарушен, при чем сам издатель памятника, Буржен, поспешил об'яснить на страницах Revue historique (t. CL, septembre-octobre 1925), почему в настоящий момент можно снять запрет с истории Коммуны. «Кажется,—пишет он,—уже настало время приложить к истории Коммуны 1871 г. критические методы, применяемые к истории других великих революционных периодов французского прошлого. Истек уже достаточный срок, который, сглаживая, а подчас и совсем стирая личные воспоминания, позволяет зато обозревать движение в его целом, действия—в массе, и дает возможность наследникам, менее заботящимся, чем отцы, об известном благоразумии, об известных предосторожностях, публиковать документы, полезные для познания полной и об'ективной истины».

Итак, в течение пятидесяти слишком лет «познание полной и об'ективной истины» о пролетарской революции для исторической науки не являлось необходимостью, потому что раскрытие такой истины было бы неосторожностью и неблагоразумием... Будем благодарны автору за его ценное признание, так хорошо иллюстрирующее классовый характер современной исторической науки...

Нужно отдать справедливость Буржену и его ученому сотруднику: хотя и с маленьким опозданием, они сами для выяснения этой об'ективной истины сделали очень много. Они отнеслись к предпринятой ими работе с исключительной заботливостью и издали протоколы Коммуны—это было отмечено уже Оларом [2])—

---

[1]) Livre noire de la Commune de Paris, Bruxelles. 1871.—Documents pour servir à l'histoire de la Commune (Anon) 1871.—Pièces justificatives de l'Enquête Parlementaire sur l'insurrection de dix-huit Mars, 1872, и др.

[2]) См. его рецензию в Revue historique de la Révolution Française. Neuv. Serie. № 27 (1925).

так, как если бы речь шла не о памятнике недавнего прошлого, а о какой-нибудь античной или средневековой рукописи.

Согласно требованиям строгого научного издания, они дают в обстоятельном введении тщательное описание рукописи, знакомят нас с условиями ее возникновения и с ее судьбою после гибели Коммуны. Не довольствуясь изданием оригинального текста, они дополняют его и сопоставляют с другими вариантами протоколов, известными из печатных источников. Вслед за протоколом каждого заседания, они помещают: 1) «Акты» Коммуны, т.-е. декреты, постановления и резолюции, выносившиеся на этих заседаниях, и 2) «Приложения», в которых нашли себе место всякого рода документы, поступавшие в Коммуну и служившие материалом для обсуждений, основаниями для постановлений и т. п. Они снабдили, наконец, текст безукоризненно сделанными примечаниями, позволяющими историку ориентироваться среди множества фактов, вещей и лиц, прямо или косвенно упоминаемых в протоколах. Ценность этой работы увеличивается еще благодаря тому, что издатели нигде не воспользовались случаем навязать свою точку зрения, дать какую-нибудь оценку или одностороннее освещение того или иного вопроса. Их примечания—это реальный комментарий и ничего больше.

В первом вышедшем томе даются протоколы только за период 28 марта—30 апреля. Но именно этот период является наиболее существенным, и вот по какой причине.

Вопрос о публичности заседаний Коммуны был сразу решен в отрицательном смысле. Коммуна, заявил на одном заседании Паскаль Груссе, не парламент, а военный совет». Но в вопросе об отчетности мнения сильно расходились. Публикация отчетов о прениях в Коммуне казалась многим, особенно якобинско-бланкистскому большинству, довольно рискованным шагом: ведь это значило бы посвящать всех в интимную жизнь, во внутренние нелады в Коммуне. Однако, когда оказалось, что в одном из органов буржуазной враждебной прессы —Paris Journal— начали печататься ежедневно подробные протоколы Коммуны, при чем источник этой нескромной информации не удавалось обнаружить, а также в связи с несколько поздно сознанной необходимостью установить более тесную связь с парижским населением, путем широкого оповещения его обо всех дебатах,—было решено составлять на основании протоколов детальные отчеты каждого заседания и публиковать их в Journal Officiel de la République Française. Но это решение было вынесено 11 марта, и, следовательно, официальные отчеты мы имеем лишь с 13 марта. Издание Буржена и Анрио теперь восполняет образовавшийся таким образом пробел. С другой стороны, между публиковавшимися отчетами и протоколами существуют иногда значительные расхождения, которые делают необходимым их сопоставление. Мы упоминали уже, что эта работа чрезвычайно облегчена издателями «Протоколов».

Таково это во всех отношениях замечательное издание, кладущее прочное основание научной разработке истории Парижской Коммуны и могущее послужить образцом для издания любых первоклассных исторических памятников.

Начало такой научной разработке, основанной на строго проверенных текстах и на анализе всего доступного материала, положено тем же Бурженом в его статье «La Commune de Paris, et le Comité Central», помещенной в октябрьской книжке Revue historique. Автор ставит себе узкую задачу выяснения тех фактов, на которых может базироваться то или иное представление, та или иная оценка деятельности Центрального Комитета Национальной Гвардии. В самую оценку он не входит, выводов по существу не делает; он только подвергает как бы перекрестному допросу различные источники, и, путем тщательной критической проверки данных, устанавливает фактическое содержание деятельности Комитета и других связанных с ним организаций. Он дает сначала историю возникновения Ц. К. 20 округов, строго разграничивая его деятельность от деятельности Ц. К. Нац. гвардии, выясняет, когда и при каких условиях появляется последний, знакомит с теми распоряжениями и воззваниями, которые действительно от него исходили. На ряду с материалом, давно известным, Буржон опирается в своем изложении и на документы, которые доныне не опубликованы и которые иногда в состоянии изменить все наше представление о действиях Ц. К. Нац. гвардии. Так, напр., многие историки склонны были отрицать за Ц. К. сколько-нибудь заметную роль в решающий день 18 марта. Указывали,—и как будто не без оснований,—что парижский пролетариат действовал в этот день без всякого руководства, что только ночью, когда выяснилось бегство правительства и отказ его от защиты Ратуши, последняя была занята Ц. Комитетом, внезапно всплывшим на поверхность, в то время, как в течение всего дня он не подавал и признаков жизни. Этот взгляд был выдвинут, между прочим, еще некоторыми из современников и участников революции 1871 г., особенно представителями анархистски настроенной мелкобуржуазной радикальной интеллигенции (Флуранс, Вермерш).

Так вот. один коротенький документ, приводимый Бурженом, совершенно разбивает такое представление. «Приказываем, гласит этот документ, незанятым (disponible) батальонам 17 округа немедленно спуститься в Париж и захватить Вандомскую площадь (т.-е. генеральный штаб Парижского военного округа), действуя в контакте с незанятыми батальонами 18 округа. По уполномочию Ц. К., Гролар. Фабр, Руссо. 18 марта 1871 г. 2½ часа».

Итак, не может быть речи о «самопроизвольном захвате народом» власти: Ц. К. действовал, распоряжался революционными военными силами, руководил операцией захвата Парижа вооруженным пролетариатом 17 и 18 округов.

Мы ограничимся уже сказанным в нашей попытке ознакомить русского читателя с интересной статьей Буржена. Любопытная деталь: автор отмечает наличие черт несомненного сходства между руководящими органами Парижской Нац. Гвардии 1871 г. и нашими, а также германскими советами солдатских депутатов. Эта мысль кажется ему настолько плодотворной, что он обещает развить ее в специальной статье. Здесь же он, как было указано, избегает всяких преждевременных выводов. Его статья—это черновая работа, очистка места для возведения стройного здания научной истории Парижской Коммуны 1871 г.

Будем надеяться, что путь, намеченный французским историком для изучения великой пролетарской революции 1871 г., будет расширен усилиями советской исторической науки.

О. Л. Вайнштейн

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ КОНЦА 1925 И НАЧАЛА 1926 Г.Г. [1])

«Пролетарская революция» №№ 46, 47 и 48; **«Красная Летопись»** № 4/15; **«Красный Архив»** т. XI—XII; **«Каторга и Ссылка»** № 8 (21); **«Былое»** № 5 (33).

Русские исторические журналы за годы революции постепенно определились, как постоянные периодические органы, освещающие те или иные стороны истории, дающие мемуары и публикующие исторические материалы, нередко подвергая их научной разработке. Однако центр тяжести почти во всех русских исторических журналах—это опубликование архивных документов, подчас чрезвычайно ценных не только для историков СССР, но и всемирной истории, например, в области внешней политики России. Научная разработка исторических проблем—наиболее трудная работа для историка, так же как и разработка марксистской исторической методологии—меньше всего находят место на страницах русских исторических журналов. Вместе с этим имеется целая область истории, которая почти не разрабатывается в исторических журналах СССР,—это история Запада и Америки. Также случаен материал по истории развития общественных форм и по истории Востока, которая обслуживается, помимо всего прочего, особым журналом «Новый Восток». Целый ряд исследовательских работ по различным вопросам истории до сих пор был разбросан по журналам общего характера вроде «Красной Нови», «Нового Мира», «Вестника Коммунистической Академии», «Воинствующего Материалиста» и др. Задачу собирания таких статей в один орган в числе других и берет на себя наш журнал—«Историк-Марксист».

Приступая к обзору русских исторических журналов за последние месяцы перед выпуском «Историка-Марксиста», мы ставим себе задачу, главным образом, информировать читателей о материале, который они могут найти в них. Критическая оценка тех или иных работ не исключается из обзоров, но мы будем останавливаться лишь на наиболее ценных из них или на таких, которые требуют поправок, замечаний и т. д. На исчерпывающую критику наши обзоры не претендуют.

«Пролетарская Революция» №№ 46, 47 и 48. Почти целиком все три книжки журнала посвящены тем или иным моментам первой русской революции. На первом месте должна быть поставлена «Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с Одесской организацией», идущая в 46 и 47 №№. В ней сосредоточены яркие моменты из жизни Одесской организации, главным образом, на фоне событий 1905 года, и особенно выпукло очерчено то руководство организацией, которое шло из-за границы от Ленина и Крупской и в котором так нуждались одесские товарищи.

В ряде статей по революционному движению в 1905 году на местах использованы архивные материалы, но с недостаточной полнотой и в сокращениях.

---

[1]) Редакция намечает давать обзор русских исторических журналов по периодам между выходом №№ „Историка-Марксиста“.

Так вот, один коротенький документ, приводимый Бурженом, совершенно разбивает такое представление. «Приказываем, гласит этот документ, незанятым (disponible) батальонам 17 округа немедленно спуститься в Париж и захватить Вандомскую площадь (т.-е. генеральный штаб Парижского военного округа), действуя в контакте с незанятыми батальонами 18 округа. По уполномочию Ц. К., Гролар, Фабр, Руссо. 18 марта 1871 г. 2½ часа».

Итак, не может быть речи о «самопроизвольном захвате народом» власти: Ц. К. действовал, распоряжался революционными военными силами, руководил операцией захвата Парижа вооруженным пролетариатом 17 и 18 округов.

Мы ограничимся уже сказанным в нашей попытке ознакомить русского читателя с интересной статьей Буржена. Любопытная деталь: автор отмечает наличие черт несомненного сходства между руководящими органами Парижской Нац. Гвардии 1871 г. и нашими, а также германскими советами солдатских депутатов. Эта мысль кажется ему настолько плодотворной, что он обещает развить ее в специальной статье. Здесь же он, как было указано, избегает всяких преждевременных выводов. Его статья—это черновая работа, очистка места для возведения стройного здания научной истории Парижской Коммуны 1871 г.

Будем надеяться, что путь, намеченный французским историком для изучения великой пролетарской революции 1871 г., будет расширен усилиями советской исторической науки.

О. Л. Вайнштейн

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ КОНЦА 1925 И НАЧАЛА 1926 Г.Г. [1])

«Пролетарская революция» №№ 46, 47 и 48; **«Красная Летопись»** № 4/15; **«Красный Архив»** т. XI—XII; **«Каторга и Ссылка»** № 8 (21); **«Былое»** № 5 (33).

Русские исторические журналы за годы революции постепенно определились, как постоянные периодические органы, освещающие те или иные стороны истории, дающие мемуары и публикующие исторические материалы, нередко подвергая их научной разработке. Однако центр тяжести почти во всех русских исторических журналах—это опубликование архивных документов, подчас чрезвычайно ценных не только для историков СССР, но и всемирной истории, например, в области внешней политики России. Научная разработка исторических проблем—наиболее трудная работа для историка, так же как и разработка марксистской исторической методологии—меньше всего находят место на страницах русских исторических журналов. Вместе с этим имеется целая область истории, которая почти не разрабатывается в исторических журналах СССР,—это история Запада и Америки. Также случаен материал по истории развития общественных форм и по истории Востока, которая обслуживается, помимо всего прочего, особым журналом «Новый Восток». Целый ряд исследовательских работ по различным вопросам истории до сих пор был разбросан по журналам общего характера вроде «Красной Нови», «Нового Мира», «Вестника Коммунистической Академии», «Воинствующего Материалиста» и др. Задачу собирания таких статей в один орган в числе других и берет на себя наш журнал—«Историк-Марксист».

Приступая к обзору русских исторических журналов за последние месяцы перед выпуском «Историка-Марксиста», мы ставим себе задачу, главным образом, информировать читателей о материале, который они могут найти в них. Критическая оценка тех или иных работ не исключается из обзоров, но мы будем останавливаться лишь на наиболее ценных из них или на таких, которые требуют поправок, замечаний и т. д. На исчерпывающую критику наши обзоры не претендуют.

«Пролетарская Революция» №№ 46, 47 и 48. Почти целиком все три книжки журнала посвящены тем или иным моментам первой русской революции. На первом месте должна быть поставлена «Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с Одесской организацией», идущая в 46 и 47 №№. В ней сосредоточены яркие моменты из жизни Одесской организации, главным образом, на фоне событий 1905 года, и особенно выпукло очерчено то руководство организацией, которое шло из-за границы от Ленина и Крупской и в котором так нуждались одесские товарищи.

В ряде статей по революционному движению в 1905 году на местах использованы архивные материалы, но с недостаточной полнотой и в сокращениях.

[1]) Редакция намечает давать обзор русских исторических журналов по периодам между выходом №№ „Историка-Марксиста“.

Многие из статей могли бы с большей для себя выгодой быть изданы местными истпартами. Там они не подверглись бы такому урезыванию, как в органе Центрального Истпарта. Материал по 1905 году во всех трех книжках «Пролетарской Революции» чрезвычайно разнообразен. Здесь и ст. А. Луначарского о большевиках в 1905 г., и С. Канатчикова о Ленине в 1905 году, и О. Варенцовой о возникновении «Искры» и ее работе, и А. Гайстера—о той же «Искре» и о крестьянском движении в 1902 г. и т. д.

В ряде статей затронуты революционное движение железнодорожников в 1905 году, события в отдельных городах и районах, крестьянское движение 1905 года и пр.

Необходимо выделить в № 46 воспоминания А. Мартынова, носящие в значительной мере автобиографический характер. Они начинаются с народовольческого периода деятельности А. Мартынова и его ссылки в Колымск и подробно освещают его работу в конце 90-х и начале 900-х годов уже в качестве социал-демократа, между прочим, редактора «Южного Рабочего». Особенно интересны штрихи автора из его работы в «Рабочем Деле»—органе, по словам А. Мартынова, «покровительствовавшем» «экономистам». Весьма ценно замечание тов. Мартынова о «благословении» Плеханова известной брошюрки автора воспоминаний «Две диктатуры»—этого «кредо» меньшевизма того периода. Любопытны его характеристики «якобинизма» Плеханова и сравнения последнего с Лениным, а также портреты вождей германской социал-демократии. Очень жаль, что воспоминания тов. Мартынова носят такой фрагментарный характер. Он мог бы написать их более распространенно и, конечно, более содержательно. Такой книжки мы ждем от него.

В № 48 помещена статья Г. Л. Шкловского «Владимир Ильич и февральская революция», в которой имеется ряд весьма ценных замечаний к биографии В. И. Ленина за этот период его жизни. Там же В. М. Смирнов рассказывает о своих встречах с В. И., с конца 1905 года по 1907 год, когда тов. Ленину пришлось после «финляндского» периода его жизни снова эмигрировать за границу. Трогательно описаны В. М. Смирновым и его встречи с В. И. после октябрьского переворота.

С большим интересом читается в № 47 ст. Н. Батурина «На свежую воду» (Критика критической антикритики В. И. Невского) по поводу I издания I тома «Очерков по истории ВКП(б)» В. И. Невского. Ст. тов. Батурина является продолжением полемики между ним и В. И. Невским, начавшейся в «Пролетарской Революции» и перенесенной затем в ленинградский исторический журнал «Борьба классов». Н. Батурин очень удачно полемизирует с В. И. Невским по вопросам об определяющей роли экономики в общественном строении и социальных явлениях, о классовых соотношениях в царской России, о гегемонии пролетариата в русской революции и т. д. Во многом приходится согласиться с Н. Батуриным, а не с В. И. Невским, первое издание «Очерков» которого безусловно требует серьезной проработки не только с точки зрения фактического материала, но и со стороны методологии. Попутно следует отметить рецензию Н. Батурина в № 48 по поводу краткого очерка «Истории ВКП(б)» того же В. И. Невского. Отмечая и здесь теоретическую слабость автора краткого очерка, Н. Батурин указывает на основной грех В. И. Невского, как партийного историка: «непонимание классовой обособленности крестьянства при самодержавии». И действительно, как это отмечает Н. Батурин, при анализе движущих сил революции 1905 г. В. Невский пропускает крестьянство, а в другом месте, противореча самому себе, искажает большевистскую оценку крестьянства в 1905 году, заявляя, что «большевики видели две главные силы революции—пролетариат и беднейшие слои крестьянства». Затем Н. Батурин приводит ряд других неверных теоретических положений в кратком очерке, доказывая опасность применения учебника В. И. Невского в партийной школе, могущего повести к понижению теоретического уровня молодежи.

Библиографический разбор литературы в указанных №№ «Пролетарской Революции» в общем может быть признан серьезным.

«КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ» № 4/15—1925—исторический журнал Ленинградского Истпарта—целиком посвящен революции 1905 года. На первом плане ст. В. Быстрянского «Ленин, как теоретик вооруженного восстания в первой русской буржуазной революции 1905—1907 г.г.». Статья производит весьма странное впечатление. Автор ухитрился дать на 36 страницах текста 31 страницу выписок из собрания сочинений В. И. Ленина. Это скорее компиляция с авторскими примечаниями, которые дают только некоторую увязку ленинского текста, и вся работа больше похожа на «систематический указатель», чем на статью. Более самостоятельна ст. М. Ахун и В. Петрова «Революционная работа в войсках

Петербургского гарнизона в 1905—1906 г.г.», с массой ценных примечаний из архивов департамента полиции и петербургского военно-окружного суда. Эту статью также было бы весьма важно развернуть в отдельную монографию. Все, что касается революционной работы в армии, является весьма актуальным в наши дни, и авторам следует порекомендовать полнее осветить ряд моментов из данной области. Необходимо также более подробное, всестороннее обследование состава войск Петербургского гарнизона в эпоху первой революции и тщательное выяснение причин сравнительно слабого участия войск в революционном движении.

Привлекает внимание ст. А. Суздалева «Союз шенкурских крестьян 1905 и 1906 г.г.», с подробной характеристикой экономики уезда и истории крестьянского движения и его организованности. В статье приводится ряд ценных документов эпохи. Р. Арский опубликовал интересные материалы «Из истории революционного движения в Польше», относящиеся к русско-японской войне и январским событиям 1905 года.

Библиографический отдел «Красной Летописи» на должной высоте. Отмечаем письмо Д. Сверчкова «К вопросу о возникновении Совета Рабочих Депутатов в Петербурге в 1905 году» по поводу кн. П. Горина «Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов в 1905 году» (см. по этому же поводу прения по докладу тов. Горина в настоящем № нашего журнала).

«КРАСНЫЙ АРХИВ» т. XI—XII (двойной), исторический журнал Центрархива РСФСР, ГИЗ. 1925. Весь том посвящен революции 1905 г. Он открывается блестящей ст. М. Н. Покровского «Начало пролетарской революции в России». Автор рассматривает наши революции—декабрь 1905, февраль 1917 и октябрь 1917 г., как одно целое, и, проводя аналогии с европейскими революциями, подчеркивает слова Ленина о том, что в качестве единственного предшественника русской революции XX в., у которого мы могли бы чему-нибудь поучиться, является Парижская Коммуна 1871 г.

М. Н. Покровский резко критикует плехановскую схему революции, заявляя, что революция 1905 г. самым жестоким образом разбила предвидение Плеханова, подходившего к ней со схемой германского примера 48 года. Таким образом революция 1905 г., заявляет М. Н. Покровский, «оказалась для Плеханова чем-то чуждым, совершенно непохожим на ту схему, какую он нарисовал себе,—а так как он был слишком самолюбив, чтобы пожертвовать схемой для революции, то он пожертвовал революцией для схемы». Очень ценная мысль М. Н. Покровского о национальном факторе в революции 1905 года и о роли пролетариата, который, по словам автора, «спасал Россию от повторения австрийской революции 1848—1849 г.», где революция погибла на национальных противоречиях, была ими расколота и провалилась.

Из материалов «Красного Архива» по 1905 г. следует отметить документы по 9 января—«Доклады В. Н. Коковцева Николаю II» и «Отчеты фабричного инспектора Петербургской губ.» С. Чижова, «Проект манифеста о событиях 9 января», «Манифест 17 октября» и др. Много ценных исторических фактов дают документы из архива С. Ю. Витте, из которых его роль палача революции 1905 г. выступает чрезвычайно ярко. Хроника вооруженной борьбы—декабрьских восстаний 1905 г.—представлена в виде сводки по департаменту полиции с 8 по 29 декабря, при чем в ней «охранной лжи во спасение самодержавия» больше, чем достаточно. Аграрное движение в 1905 г. представлено по отчетам Дубасова и Пантелеева и, как материал, представленный в кратких конспектах, большой ценности не имеет. Значительно полнее даны документы по восстановлению флота и движению в войсках на Дальнем Востоке, при чем о последних событиях в литературе по 1905 г. материалов очень немного. Основным источником их явился архив ген. Куропаткина. Материалы дают яркую картину революционного движения в ряде пунктов Сибири и серьезно заполняют существовавший до сих пор пробел по этому вопросу. Из остальных документов «Красного Архива» следует отметить официальную записку о революционном движении в Прибалтийском крае в 1905 г., связанную с запросом в III государственной думе «по поводу незаконных действий военных и гражданских властей, чинимых над населением» этого края. Документ о «Штурме Пресни» в 1905 г. сопровождается фотографическим снимком смертных приговоров дружинникам Москвы. К этому же моменту относятся рапорты начальника Карательной Экспедиции полковника Римана.

«КАТОРГА И ССЫЛКА». № 8 (21), посвящена 100-летию восстания декабристов. Из основных статей по декабристам должны быть выделены: Н. Л. Рубинштейн—«Экономическое развитие России в начале XIX в., как основа движения декабристов», А. Е. Преснякова—«Тайные о-ва и общественно-политические воззрения декабристов» и Евг. Тарле—«Военная революция на Западе Европы и декабристы». Статья Н. Л. Рубинштейна оригинальна по своему содер-

жанию, выдвигая на первый план экономики начала XIX в. «крестьянский капитализм», как основу социальных противоречий между феодальным дворянством и нарождающимся промышленным капитализмом в деревне. Декабризм отражал интересы этой своеобразной «сельской буржуазии», распыленной и растворенной в крестьянской массе и потому заранее обреченной на неуспех в ее борьбе с крепостным хозяйством и его государственной организацией. С автором можно спорить, тем более, что его аргументация страдает смешением традиционных для марксиста терминов, путаницей в анализе хозяйственных форм и т. д. Заявление Н. Л. Рубинштейна о том, что торговый капитал города после эпохи Петра I вообще сошел на-нет и был побежден феодальным дворянством, аргументировано далеко недостаточно. Самое понятие феодализма у автора статьи далеко расходится с общепринятым представлением об этой общественной формации. Так у него «феодальная реакция XVIII века» увлекается сельским хозяйством и агрономией, заботясь об усилении продукции своего поместного хозяйства в целях выгодного сбыта хлеба на основе монополии, вытеснения купца из торгового оборота и т. д. Типичная форма дворянского торгового капитала автором подменяется «феодальной» организацией хозяйства. Получается изрядная путаница. И такого рода методологическими «невязками» переполнена вся статья, претендующая дать новое освещение той экономической базы, на которой развернулось движение «декабристов».

Е. Тарле дает интересную историческую справку об испанском пронунсиаменто—испанской революции 1820—1823 г.г., и сообщает о влиянии этого события на декабристскую военную молодежь.

Из других статей «Каторги и Ссылки» следует еще отметить работы Е. В. Сказина о 14 декабря 1825 г., М. В. Нечкиной о восстании Черниговского полка, В. Н. Фигнер—о женах декабристов, и др. В «Каторге и Ссылке» регулярно помещаются обзоры исторического материала в журналах и библиография исторической литературы. Ценна также хроника из жизни о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

«БЫЛОЕ» № 5 (33). Тем же декабристам посвящена и эта книжка «Былого», начинающаяся ст. А. Е. Пресникова «Восстание декабристов». В ней любознательный читатель не найдет ничего нового, кроме старой трухи о столкновении «самодержавной власти с новой нарождающейся русской общественностью». об «отчуждении правительственной власти от всех насущных общественных интересов—материальных и культурных» и т. п. Таким же кадетизмом пахнет от фраз—«разделение трона от народа», как причина декабризма, об'яснение этого движения «разорением страны» после наполеоновских войн и пр. Гораздо ценнее документы декабристов, хотя в них и преобладает биографический характер.

Из других отделов «Былого» интересны воспоминания А. Барта «На фронте артиллерийского снабжения»—из эпохи империалистической войны 1914—1917 г.г. и З. Кельсона—«Милиция февральской революции.—«Возрождение охранки»—Временного Правительства—в 1917 г. Последний, между прочим, очень красочно рассказывает, как милицейские эсеры «ловили» В. И. Ленина.

А. В. Шестаков

РЕЦЕНЗИИ

Г. ШТАДЕН. О Москве Ивана Грозного. Записки опричника. «Записки Прошлого» под ред. Бахрушина и Цявловского. Изд. Сабашниковых. Лнгр. 1925. Стр. 182.

Публикуемые записки Г. Штадена представляют собой замечательный бытовой памятник бурной эпохи первого натиска торгового капитала на феодальный уклад жизни Московской Руси.

Автор записок, вестфалец-авантюрист, случайно попавший в Москву в 60-х годах XVI века, после полууголовного турнэ по Западной Европе, втягивается здесь в самый центр революционного циклона, который в это время сметал отживавшие формы хозяйственного, общественного и политического строя Удельной Руси.

Чуждый идейному движению эпохи, равнодушный к смыслу происходящих событий, немец-опричник дает неприкрашенное и деловитое описание виденного и пережитого.

В его записках мы не уловим идей, движущих революцию 60-х годов, мы не почувствуем пафоса классовой борьбы, отраженного в памфлетной литературе той эпохи или хотя бы в боевом лозунге торопецких помещиков, в годы борьбы с Литвой и боярским Кобленцом: «На конех сидим, — с коня помрем!». Для Штадена революция, это — обилие мутной воды, в которой барахтаются караси и щуки, а его записки, это — романтический калейдоскоп щучьих подвигов автора.

ХРОНИКА

В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Мысль об организации общества историков-марксистов возникла весной 1925 года. Нельзя не отметить, что появление ее находится в тесной связи с общим культурным под'емом нашего Союза. Рост научно-подготовленных марксистских сил естественно вызывал необходимость создания какого-то центра, где можно было бы разрешать ряд исторических проблем. В своей исследовательской работе многие историки встречались с рядом вопросов, требующих коллективного обсуждения. Это и послужило толчком к организации общества. Необходимость в организации общества почувствовалась еще острее и отчасти благодаря переходу работы комвузов в нормальные условия. Увеличение срока обучения в комвузах до 3 лет дало возможность более углубленной проработки исторических дисциплин, а также потребовало от преподавателей уделения большего внимания вопросам методики. Благодаря этому среди преподавательского персонала растет интерес к работе других вузов и комвузов. Нередки, например, случаи посещения заседаний кафедр одного вуза или комвуза преподавателями другого учебного заведения. Эти на первых порах стихийные попытки об'единения вскоре нашли свое конкретное выражение, вылившись в частное совещание преподавателей историков-марксистов.

Это первое совещание и состоялось 5 февраля 1925 года в составе представителей ГУСА (т. М. Н. Покровский), Ком. универс. им. Свердлова (т. Горин и т. Фридлянд), Ком. универс. Востока (т. Шестаков), Ком. универс. Запада (т. Зайдель) и представителя Института Красной Профессуры. Присутствующими товарищами отмечалось, что об'единение историков-марксистов весьма своевременно. В заключение было решено приступить к организации общества. При этом, однако, обращалось внимание на необходимость осторожного и внимательного подхода к организации. Совещание в этом вопросе целиком присоединилось к мнению т. Покровского, что «первоначально необходимо создать основной кадр так называемых учредителей, включив в него историков-коммунистов, имеющих свои печатные труды, и только затем уже приступить как к приему действительных членов, так и членов соревнователей». Для созыва же собрания учредителей, выработки устава общества и проведения организационной работы, совещанием была избрана организационная комиссия из пяти человек, в составе т.т. Покровского, Шестакова, Горина, Фридлянда и Зайделя.

10 февраля состоялось заседание организационной комиссии, наметившей список лиц, приглашаемых на собрание учредителей, и 2 марта было созвано собрание учредителей (присутствовали тт.: Авдеев, Ванаг, Викторов, Волгин, Гайстер, Горин, Зайдель, Максаков, Мартынов, Панкратова, Покровский, Полонский, Рудаш, Фридлянд, Черноморлик, Шестаков). В повестке дня были поставлены вопросы: 1) об организации общества историков-марксистов; 2) об уставе; 3) об издании журнала; 4) выборы временного совета общества.

В среде присутствующих мысль о необходимости создания общества не встретила никаких возражений. Наоборот, отмечались своевременность и необходимость такой организации. Живому обсуждению подверглись только вопросы о характере общества, его деятельности и составе. Многочисленные указания и замечания по этим вопросам нашли свое отражение в уставе общества, рассмотренном на этом же заседании. Касаясь вопроса о целях общества, собрание признало, что общество историков-марксистов имеет целью:

а) Об'единение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории.

б) Научную разработку вопросов истории и марксистской методологии истории.

в) Борьбу с извращениями истории буржуазной наукой.

г) Критическое освещение текущей исторической литературы с марксистской точки зрения.

д) Содействие членам общества в получении научной литературы, доступа в архивы, научных командировок и т. п.

е) Пропаганду и популяризацию марксистского метода и ознакомление широких масс с марксистскими достижениями в области истории.

Эти основные задачи, поставленные перед обществом, и были изложены в уставе.

Цели общества в значительной мере определяли и состав его. Поэтому при обсуждении вопроса о составе общества возникли задачи двоякого рода: подбор основного, марксистски выдержанного и теоретически подготовленного ядра, но на ряду с этим необходимость втягивания в общество подготовляющихся марксистских исторических кадров. Привлечение в общество только историков-марксистов, имеющих свои печатные труды, естественно вызывало опасение о возможности отрыва от марксистского молодняка. Общество, поэтому, стало перед задачей об'единения и сплочения вначале основного ядра, а затем расширения рамок общества и для начинающих историков. Организационно это было закреплено в установлении двух категорий членов общества: действительных и корреспондентов. Разница между ними была формулирована так: «действительными членами общества могут быть марксисты, занимающиеся научно-исторической работой и имеющие печатные труды, а также ведущие самостоятельные курсы по историческим дисциплинам в высших учебных заведениях.

Членами-корреспондентами могут быть лица, хотя и не удовлетворяющие этим требованиям (т.-е. для действительных членов), но оказывающие содействие обществу личным участием в разработке научных вопросов, а также сообщением обществу материалов в виде корреспонденций, заметок и т. д.».

Эти общие решения о целях общества и его составе, принятые на собрании учредителей 2 марта, впоследствии и были положены в основу устава. На том же собрании учредителей был избран временный совет общества в составе т.т.: Волгина, Горина, Канатчикова, Лукина, Максакова, Мартынова, Мицкевича, Павловича, Покровского, Панкратовой, Полонского, Рудаша, Фридлянда, Черномордика и Шестакова. Из числа членов совета избраны — председателем совета — М. Н. Покровский, учеными секретарями — Горин, Панкратова и Шестаков.

При совете также была избрана комиссия в составе тт. Полонского, Фридлянда и Шестакова по разработке вопроса об издании журнала.

В своей работе временный совет, учитывая сравнительно небольшой срок, оставшийся до летних каникул, и понимая невозможность до осени развернуть широкую массовую работу, главное внимание уделил вопросам организационным: оформлению устава общества и проведению его через соответствующие инстанции. В области же широкой работы решено было ограничиться двумя публичными докладами (Пугачевщина и по вопросу о значении истории в учебном плане комвузов). Постановкой этих докладов тем самым фиксировалось фактическое существование общества. Эти доклады и были зачитаны весной 1925 года. В мае были прочтены доклады т. М. Н. Покровского—«Пугачевщина» и Ц. Фридлянда — «Крестьянская война в Германии». 15 же июня состоялось широкое совещание преподавателей истории вузов и комвузов по вопросу о согласовании программ истории общественных форм, а также истории России, Запада и Востока. Совещание выдвинуло и разрешило ряд интересных программных вопросов, сыграв большую подготовительную роль к с'езду совпартшкол и комвузов.

В области же организационной за этот период следует отметить открытие приема членов, окончательное выяснение вопроса о существовании общества при Коммунистической Академии, окончательную обработку и отредактирование устава общества и утверждение его советом, бюро президиума Коммунистической Академии, Гус'ом и агитпропом ЦК ВКП.

Летний период (июнь — сентябрь), благодаря от'езду членов общества и совета из Москвы (преподавательские отпуска), оказал большое влияние на работу общества. В работе общества летом наблюдается затишье. Ведется только подготовительная работа, и намечается план осенней работы.

С начала же учебного года, осенью 1925 года, возобновляется и работа общества. За этот период (второе полугодие 1925 года), перед обществом встали основные задачи: окончательное оформление общества, сплочение вокруг него основного марксистски высоко подготовленного и квалифицированного ядра и развертывание работы общества по линии пропагандистской, научно-исследовательской и методической.

За осенний период проведена большая организационная работа. Осенний период практически подтвердил своевременность и необходимость существования общества, о чем можно судить по количеству принятых членов. Уже до 1 февраля общество об'единяло 63 члена, распределяющихся на 43 действительных члена (т.-е. имеющих научно-печатные труды) и 20 членов-корреспондентов. Это соотношение заставляет притти к выводу, что основной кадр подготовленных и высоко-квалифицированных историков-марксистов вокруг общества

действительно удалось сплотить и т. о. одна из основных задач, поставленных с первых же дней организации общества, к 1926 г. в значительной мере может считаться выполненной. Окончательное утверждение устава в высших правительственных органах (устав утвержден Наркомвнуделом 15 февраля 1926 г.) в данном случае вполне совпало с фактическим оформлением общества. Это сплочение и создание основного научно-подготовленного ядра явится лучшей гарантией к достижению задач общества. Нельзя при этом не отметить и все более увеличивающегося притока молодых сил. До сих пор, правда, в общество об'единены преимущественно историки гор. Москвы, но уже с конца 1925 года стали поступать заявления и из других городов нашего Союза, и в недалеком будущем бесспорно встанет вопрос об организации отделений о-ва в важнейших центрах Союза. На ряду с организационной работой обществу уже зимой 1925 г. удалось выявить себя и в области научно-пропагандистской и методической. В заседании совета, происходившем 9 октября, при намечении плана работ особое внимание уделялось необходимости активного участия общества в проведении юбилея 1905 года. С этой целью общество вошло в соглашение с МК ВКП(б) о постановке ряда публичных научных докладов, имеющих инструктивное значение для агитаторов и пропагандистов Московской организации. В течение октября—декабря в публичных заседаниях были прочтены доклады: 23 октября т. Покровским — «Революция 1905 года» и т. Шестаковым — «Всеобщая октябрьская забастовка»; 13 ноября доклад т. Горина «Чем же были Советы Р. Д. в 1905 г.»; 20 ноября — т. Дубровского «Крестьянское движение»; 11 декабря — доклад т. Черномордика «Декабрьское вооруженное восстание». В цикле докладов, посвященных 1905 г., не был зачитан доклад т. Ярославского «Декабрь 1905 г.» в виду занятости докладчика в связи с происходившим XIV партс'ездом.

Общество одно из своих публичных заседаний посвятило также столетнему юбилею восстания декабристов. 15 января был зачитан доклад т. Нечкиной о «Соединенных славянах».

Из публичных выступлений научно-исследовательского характера за этот же период следует отметить доклад т. Фридлянда «Якобинцы против Марата», зачитанный 26 февраля, и методическое совещание историков вузов и комвузов 29 января.

Кроме публичных выступлений, за этот период общество проделало большую работу по организации журнала общества «Историк-Марксист». Мысль об издании журнала появляется почти одновременно с организацией общества. Избранная еще в марте 1925 г. организационная комиссия наметила общие вехи журнала, решив однако реальное осуществление издания журнала отложить до осени. Это вызывалось рядом трудностей. Осенью же мысль о журнале вновь встает перед обществом, и к изданию его принимаются все меры. Уже на заседании совета 9 октября выделяется временная редакционная комиссия журнала в составе т.т.: Покровского, Полонского, Горина, Фридлянда и Шестакова. На этом же заседании намечается и тип журнала. Общество считает своей задачей заполнить пробел в нашей исторической журнальной литературе и дать журнал русской исторической мысли. Многие исторические журналы хотя и проделывают большую работу по собиранию материалов, однако не уделяют и не могут уделять достаточного внимания вопросам научной разработки и методологии истории. Научно-исследовательские статьи многих историков-марксистов часто разбросаны в различных журналах, что, конечно, в значительной мере об'ясняется отсутствием исторического журнала, занимающегося, кроме собирания документов и материалов, еще вопросами исследования и методологии истории. Этот пробел и должен заполнить журнал «Историк-Марксист», печатный орган общества, выходящий 1 раз в три месяца.

Весь период ноябрь — декабрь проходит в подготовительной работе по изданию первого номера, сданного в набор в середине февраля 1926 г. Работа по организации журнала, как во всяком новом деле, наталкивалась на многочисленные затруднения, но тем не менее в процессе работы выявилось, что потребность в общеисторическом журнале велика. Изданием журнала общество частично осуществляет задачу об'единения научных марксистских сил.

На ряду с журналом предполагается издание серии популярной литературы по истории. К этой же серии может быть отнесено издание «Книги для чтения по истории нового времени», охватывающей как русскую, так западную и восточную историю.

Подводя итог сравнительно недолгому существованию общества, можно, таким образом, отметить, что общество явилось необходимой и жизненной организацией. Правда, впереди еще много трудностей, но небольшой опыт прошлого тем не менее—залог дальнейшего роста.

П. Г.

ИЗ ТЕКУЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ О-ВА

5-го марта состоялось общее собрание членов О-ва Историков-Марксистов, на котором заслушан был отчет Временного Совета О-ва, избранного на собрании учредителей 2-го марта 1925 года, и произведены выборы постоянного Совета О-ва, на основании устава, утвержденного НКВД 15 февраля с. г. Собрание констатировало, что Временным Советом была проделана большая работа как организационного характера, так и по популяризации научных достижений в области истории. Постановлено расширить сферу влияния О-ва, установив тесную связь с марксистами - историками, работающими в национальных республиках и научно-исследовательских институтах.

Признано необходимым участие О-ва в работе комиссии под председательством т. Н. И. Бухарина, которая должна всесторонне подготовить проведение юбилея Октябрьской революции, особенно в литературной ее подкомиссии.

Этой подкомиссией намечен план работы, которым изучение Октябрьской революции разбито на три периода:

Во-первых, изучение самой Октябрьской революции, которое должно охватить и предшествующий период с начала 1917 года. Руководство этой частью работы поручено т.т. М. Н. Покровскому и Я. А. Яковлеву.

Во-вторых, изучение периода военного коммунизма, под руководством т. Л. Н. Крицмана.

В-третьих, изучение эпохи нэпа, под руководством т. В. П. Милютина.

По первому периоду собран очень ценный материал, включающий в себя, напр., стенографические протоколы заседаний ВЦИК'а, стенограммы Государственного Совещания, протоколы Петроградского Совета, ряд материалов о гражданской войне и т. д.

Издание этого материала входит в первую задачу комиссии, при чем материал отчасти уже подготовлен к печати. Кроме того, намечен ряд научно - исследовательских трудов по истории революции, темы уже розданы.

На том же общем заседании общества были избраны постоянный Совет общества и Ревизионная Комиссия.

В члены Совета О-ва избраны т.т.: В. А. Гурко-Кряжин, П. О. Горин, В. Г. Кнорин, С. И. Канатчиков, Н. М. Лукин, В. В. Максаков, А. С. Мартынов, В. Н. Максимовский, М. Н. Покровский, М. П. Павлович-Вельтман, В. П. Полонский, Н. А. Рожков, А. В. Шестаков и Г. С. Фридлянд. Одно место оставлено свободным для представителя одного из учреждений, тесная связь с работой которого входит в задачу О-ва.

Кандидатами в члены Совета избраны т.т.: С. М. Моносов, Панкратова, С. М. Дубровский, В. В. Рудаш и А. И. Гайстер.

В члены ревизионной комиссии избраны т.т.: Н. Н. Авдеев, В. П. Антонов-Саратовский, А. М. Васютинский, П. И. Кушнер и С. И. Черномордик.

УСТАВ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

I. Задачи Общества

1. Общество историков - марксистов при Коммунистической Академии имеет целью:

а) об'единение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории;

б) научную разработку вопросов истории и марксистской методологии истории;

в) борьбу с извращением истории буржуазной наукой;

г) критическое освещение текущей исторической литературы с марксистской точки зрения;

д) содействие членам О-ва в получении научной литературы, доступа в архивы, научных командировок и т. п.;

е) пропаганду и популяризацию марксистского метода и ознакомление широких масс с марксистскими достижениями в области истории.

2. Для достижения этих целей О-во: а) заслушивает и обсуждает доклады в общих собраниях членов Общества; б) устраивает публичные лекции и диспуты;

в) издает периодические органы, сборники, бюллетени и т. п.; г) приобретает, отчуждает и арендует всякого рода имущество, необходимое для целей Общества, и заключает договоры и сделки в соответствии с задачами Общества.

Примечание. Поименованные права осуществляются Обществом с соблюдением действующего законодательства.

2. Состав Общества

3. Общество историков - марксистов состоит из: а) действительных членов и б) членов - корреспондентов.

4. Действительными членами Общества могут быть марксисты, занимающиеся научной исторической работой и имеющие печатные труды, а также ведущие самостоятельные курсы по историческим дисциплинам в высших учебных заведениях. Первыми действительными членами являются члены - учредители Общества.

5. Членами -- корреспондентами могут быть лица, хотя и не удовлетворяющие требованиям пункта 4, но оказывающие содействие Обществу личным участием в разработке научных вопросов, а также сообщением Обществу материалов в виде корреспонденций, заметок и т. п.

6. Избрание в действительные члены Общества производится по предложению Совета общим собранием, открытым голосованием, простым большинством голосов.

7. Зачисление в члены - корреспонденты производится таким же способом, при чем вступающие должны представить рекомендации от действительных членов Общества.

3. Права и обязанности членов Общества

8. Действительные члены Общества пользуются правами решающего голоса на всех собраниях Общества.

9. Каждый действительный член Общества уплачивает членский взнос в размере: вступительный — 1 руб. и ежегодный — 3 руб.

10. Исключение из членов Общества производится общим собранием по предложению не менее 10 членов Общества.

11. Члены - корреспонденты пользуются совещательным голосом на собраниях Общества; членский взнос членов - корреспондентов устанавливается в тех же размерах, что и для действительных членов. Исключение членов-корреспондентов производится на тех же основаниях, как и действительных членов.

12. Члены - корреспонденты могут быть переведены в действительные члены Общества по заявлениям через Совет Общества, с заключением которого вопрос переносится на окончательное утверждение общего собрания.

13. Списки членов Общества ежегодно представляются в Президиум Коммунистической Академии и НКВД в 2-х экземплярах.

4. Управление делами Общества

14. Делами Общества руководит Совет Общества в числе 15 человек и 5 кандидатов к ним, избираемых на 1 год на общем собрании. Совет из своей среды выделяет Президиум из 5 членов, в составе председателя, зам. председателя, ученого секретаря и двух членов, кроме того, Совет выделяет Редакционную Комиссию в числе 5 человек.

15. Избранный состав Совета Общества и все последующие в нем изменения представляются на утверждение в Президиум Коммунистической Академии, после чего сообщаются НКВД.

16. Совет созывается председателем по мере надобности.

17. Для ревизии дел Общества общим собранием членов Общества избирается Ревизионная Комиссия сроком на 1 год в числе 5 членов и 3 кандидатов к ним.

18. Для разрешения текущих вопросов и всех дел Общества, также для заслушания научных докладов Совет созывает общее собрание членов Общества.

19. Общее собрание созывается не реже 1 раза в месяц.

20. Собрание, созываемое для разрешения организационных вопросов, считается действительным при наличии $^1/_3$ числа членов, находящихся в Москве.

21. Если назначенное общее собрание не может состояться за отсутствием кворума, то созывается вторичное общее собрание, которое считается действительным при всяком числе присутствующих членов.

22. Повестка дня общего собрания устанавливается Советом Общества. Вопросы, вносимые членами Общества в порядок дня общего собрания, предварительно рассматриваются Советом Общества.

Примечание. Заявления должны быть внесены в Совет в письменном виде.

23. Вопросы на общем собрании разрешаются простым большинством голосов, открытым голосованием. Вопросы, касающиеся изменения устава, исключения членов, ликвидации дел Общества, решаются большинством $^{2}/_{3}$ присутствующих членов.

24. Для организации исследовательской работы Совет может образовать при Обществе соответствующие секции. Положение о секциях разрабатывается Советом и утверждается общим собранием Общества.

25. Совет Общества составляет отчет об ежегодной деятельности Общества, представляет его в Президиум Коммунистической Академии и публикует таковой во всеобщее сведение. В случае неопубликования Обществом отчета о его годичной деятельности в трехмесячный срок, по истечении такового Общество считается прекратившим свое существование.

26. Район деятельности Общества — РСФСР. С санкции Совета Общества могут быть открыты его отделы в крупных городах. Порядок образования деятельности Отделов определяется особой инструкцией, разработанной Советом.

27. Местопребывание Совета Общества — Москва, Коммунистическая Академия.

5. Средства Общества

28. Средства Общества состоят из членских взносов, доходов от изданий, публичных лекций и др. поступлений.

6. Порядок ликвидации Общества

29. Общество может быть закрыто:

а) по постановлению соответствующих органов власти;

б) по постановлению общего собрания членов $^{2}/_{3}$ голосов.

30. В случае ликвидации Общества, все его имущество передается Коммунистической Академии в Москве Ликвидационной Коммиссией, избранной для сего на общем собрании членов Общества.

ИЗ ЖИЗНИ ИСТОРИКОВ В КОМВУЗАХ

В Ком. Унив. Трудящихся Востока

Одной из инициативных ячеек, поставивших вопрос об организации историков-марксистов, была так называемая «Научно-историческая группа при Комм. Университете Трудящихся Востока». Группа образовалась 31 января 1925 г. и провела ряд собраний как организационного характера, так и научного. Были заслушаны и обсуждены два доклада: т. Васютинского — «Бунт английских матросов во время Французской Революции 1789 г.» и т. Шестакова — «Восстание в Туркестане в 1916 г.».

Группа стремилась вовлечь в свою работу не только преподавателей-историков, но и студентов, представители которых вошли в состав бюро группы. Для характеристики этой стороны деятельности студентов интересно привести «Декларацию научно-исторической группы» к студентам КУТВ. Она гласила следующее:

Товарищи-студенты КУТВ!

Буржуазная наука изучала Восток для своих классовых целей. К жизни и быту Востока она подходила исключительно с точки зрения эксплоатации. Изучение учеными профессорами и миссионерами археологии, этнографии, лингвистики, истории и всех форм идеологии и экономики имело задачей проложить путь и подготовить средства к капиталистическому угнетению и порабощению трудящихся Востока.

Пробуждающимся при громах великой пролетарской революции массам народов Востока нужна иная наука. Им нужна наука, которая проложила бы пути и подготовила бы средства к свержению империалистического ига. Она должна быть революционной наукой, ибо без революционной теории не может быть революционного движения (Ленин).

Пионерами такой науки можете быть и должны быть вы, молодые ленинцы КУТВ.

История, как наука, изучающая классовую борьбу в ее конкретных формах, должна служить предметом тщательного и внимательного изучения вообще. История Востока, которая более, чем какая-либо другая наука, извращалась буржуазными учеными и менее всего подвергалась марксистскому анализу, нуждается в разработке именно под этим углом зрения.

Научно-историческая группа при КУТВ и ставит себе задачей организовать эту работу при вашем ближайшем участии. Каждый из вас имеет возможность внести в наше общее дело часть своего труда. Вы должны собирать материалы, обрабатывать их и передавать в бюро научно-исторической группы. Ваши доклады, сообщения, корреспонденции и заметки будут обсуждаться на общих собраниях членов группы, печататься в трудах у-та, обрабатываться, переводиться на национальные языки и служить великому делу нашего общего освобождения от гнета капитала.

Бюро научно-исторической группы при КУТВ

С образованием О-ва историков-марксистов при Ком. Академии работа в группе несколько замерла, но с осени 1925 г. появилось течение за организацию исследовательского института по Востоку при КУТВ, при чем в первую очередь образовалась группа зарубежных восточников (при иностранной группе КУТВ), проделавших за зиму значительную подготовительную работу по выявлению материалов. В феврале 1926 г. по инициативе историков был поставлен вопрос о расширении работы на советский Восток, и на общем собрании преподавателей различных специальностей вопрос принципиально был решен в положительном смысле. Кафедра истории КУТВ высказалась, однако, за несвоевременность создания при КУТВ исследовательского института, предложив на первое время организовать работу лишь в форме общего для всех дисциплин кабинета Востока с отдельными секциями. Пока вопрос окончательно еще не разрешен.

ОБ ИНСТИТУТЕ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ПРИ ЦИК СССР

В ближайшем номере журнала мы дадим подробное изложение работ Института М. и Эн., здесь мы ограничимся краткой заметкой.

В декабре 1925 г. исполнилось пять лет со дня образования в Москве института К. Маркса и Ф. Энгельса во главе с Д. Б. Рязановым. За эти годы институт стал одним из замечательнейших учреждений не только в России, но и во всем мире. Институт — единственное книгохранилище, где систематически и полно собраны и собираются материалы по истории социализма, истории революций, рабочего движения и марксизма. В настоящее время в институте 12 кабинетов: 1) Маркса и Энгельса; 2) истории Интернационала; 3) философии; 4) политэкономии; 5) социологии; 6) права и истории политических учений; 7) истории социализма; 8) международных отношений; 9) истории Германии; 10) Франции; 11) Англии; 12) кабинет им. Плеханова по истории марксизма в России и в славянских странах.

Книжные богатства института составлены были в основном из библиотек Маутнера, Паппенгейма, Карла Грюнберга, частично Виндельбанда (коллекция соч. Фихте), Маккая и т. д. Много дали институту помещичьи библиотеки. Институт издает «Архив», посвященный вопросам истории марксизма; он публикует академические издания классиков, он издает строго подобранную научно-популярную библиотеку марксиста. В последнее время институт приступает к публикации подлинных работ классиков социализма, ораторов и публицистов революций, политических мыслителей. Но особый интерес представляет архив института. Трудно перечислить все его богатства. В недрах его хранится наследство Маркса и Энгельса, далеко еще не опубликованное или опубликованное в искаженном виде. «Диалектика природы», новый текст энгельсовского введения к

«Борьбе классов во Франции», — только крупица проделанной институтом работы по опубликованию матерялов архива. Отметим хранящиеся в институте материалы по истории I Интернационала. В распоряжении института имеются 1.200 архивных единиц рукописных материалов по истории Великой Французской Революции (41 письмо Бабефа; 800 единиц в связи с Парижской Коммуной). Некоторые вопросы из истории революций можно свободно изучать в архиве института, не выезжая за границу. О богатствах кабинетов дает нам представление справка «Бюллетеня» института.

Из последних ценных поступлений в кабинет истории Англии необходимо отметить:

Памфлеты левеллеров: 1. **Overton**, R. A., Defiance against all arditrary usurpation... 1646. 2. Lilburne & Overton, The out-cryes of oppresed commons, 1646. 3. A pearle in a Downghill, or Lieut. Col. John Lillburne in Newgate committed... 1646. 5. The Engagement vindicated and explained...by J. Lillburne, 1650. 6. The Leveller or the Principles and maxims which are asserted by those that are commonly called, levellers, 1659.

Перечисленные памфлеты принадлежат перу руководящих деятелей левеллеров — Лильборну и Овертону. В первых трех указанных памфлетах Лильборн и Овертон протестуют против незаконности своего ареста и гонений на печать, нападают на деспотизм палаты лордов, требуя народного суверенитета и признавая верховную власть лишь за палатой общин. В «Juglers discovered» Лильборн нападает на высшее офицерство за его переговоры с королем, обвиняя его в подкупности и измене. Последние два памфлета относятся к эпохе республики. В первом из них Лильборн, в связи с избранием его в члены городского совета, развивает свою политическую программу: ежегодный парламент, всеобщее избирательное право и т. д., во втором памфлете неизвестный автор нападает на диктаторскую политику протектората и излагает принцип левеллеров: всеобщее избирательное право, свободный парламент, народная армия и свобода совести. Вместе с тем он опровергает обвинения левеллеров в коммунизме и атеизме, заявляя, что левеллеры требуют только равенства всех людей перед законом.

Marten, Henry. The Parliaments Proceedings justified in Declining a Personal Treoty with the King.

Мартен Генри (1602 — 1680) — один из наиболее крайних деятелей великой английской революции. Был членом Долгого парламента, принадлежал к фракции левых индепендентов. Памфлет написан в связи с постановлением парламента прервать сношения с королем; в нем он одобряет эту меру и с остроумной логичностью доказывает ее необходимость. Памфлет этот приобретает особую ценность в виду того, что он встречается крайне редко.

Rushworth, John. 1. Historical Collections... London, 1682. in 4°. II. The Tryal of Thomas Earl of Strafford. Ld. 1686.

Решворт Джон (1612 — 1690) — современник английской революции. В 1650 г. личный секретарь Кромвеля. Его труд о суде над Страффордом основан, главным образом, на личных стенографических записях. Роялистские писатели-современники жестоко раскритиковали «Историческую коллекцию», обвиняя автора в пристрастном изложении событий. Коллекция Решворта представляет большую историческую ценность.

Kennett, White. A complete history of England. 3 vols. London, 1719.

Автор (епископ) открыто поддерживал революцию. Исторические взгляды и симпатии его на стороне вигов. Экземпляр его «Complete history», приобретенный институтом, принадлежал русскому ученому Андрею Кайсарову (1782 — 1823), известному своей диссертацией, написанной в 1806 г.,— «Об освобождении крепостных в России». Kennet упоминается Марксом в «Капитале».

Среди редких памфлетов, приобретенных недавно институтом, имеется также 31 памфлет квакеров, напечатанные между 1655 и 1675 гг.

Holinshed's Chronicles of England, Scottland and Ireland. In six volumes 1807—1808. In 4°.

Автор-летописец (год рождения не установлен, умер в 1580 г.). Часть Chronicles, написанная Гаррисоном: «Description of England»,—цитируется Марксом в «Капитале». Разрешение на первое издание дано в 1578 г., но как первое, так и второе издания (1586) подверглись цензурной чистке, особенно некоторые события, касавшиеся правления Елизаветы. В первоначальном, неурезанном виде «Хроника» Холиншеда и Гаррисона появилась лишь в 1807 — 1808 г.г.

Кабинет истории Франции пополнялся в последнее время, главным образом, материалами по истории великой революции. Назовем только наиболее ценные приобретения.

Отдел прессы эпохи революции пополнился за последнее время полными комплектами журналов:

1) «Révolution de Paris» (1789—1794).

Радикально-демократическая газета, издававшаяся Прюдомом и являющаяся очень важным источником для истории классовой борьбы в эпоху революции

2) «Le Défenseur de la Constitution» (1792).

Газета Робеспьера.

3) «Cércle Social» (1790).

Как и упоминаемая далее газета «Bulletin de la Bouche de Fer», издавалась Бонневиллем и аббатом Фошэ, основателями клуба «Cércle Social» которому приписываются социалистические тенденции.

Кроме того, приобретены неполные коллекции журналов: «Bulletin de la Bouche de Fer» (1790). «L'Eclaireur du Peuple ou le Défenseur de 24 millions d'opprimés» (газета Бабефа, № 3—4, 1796). «Le Patriote français» (газета Бриссо, 1789—1790 и 1792), «Aux voleurs!» (De l'imprimerie de Jean Bart, 1790) (газета в стиле Père Duchesne принадлежит к серии газет, связанных с именем Jean Bart). «Journal populaire ou le Catéchisme pes Sans-culottes par des Jacobins», (№ 5—9, 1792) (якобинская газета), «La Feuille villageoise» (март—октябрь 1792) (деревенская газета, широко распространенная среди зажиточного крестьянства).

Из отдельных коллекций коллекция, посвященная Марату, значительно пополнилась различными брошюрами, написанными или самим Маратом или его современниками, писавшими о нем. В настоящее время коллекция эта включает в себя:

1) 62 названия книг и брошюр, принадлежащих перу Марата или ему приписываемых; среди них имеются не только политические произведения Марата, но и его труды по физике, написанные до 1789 г.: «Découvertes sur la lumière (London dres 1780), «Recherches physiques sur le feu» (Paris 1780), Recherches physiques sur l'éléctricité» (1782), Mémoires sur l'éléctricité médicale» (1784) «Nations élémentaire d'optique» (1784), «Mémoires académiques au nouvelles decouvertés sur la lumière» (1788 2) четыре редчайшие газеты Марата, почти полный комплект: «L'Ami du peuple ou le Publiciste parisienne (сентябрь 1789—апрель 1792), «Journal de la République française» («Le publiciste de la République française» (сентябрь 1792—май 1793), «Le Junius français» (1790) и «Le Moniteur patriote» (№ 1) и, кроме того, значительное количество подложных номеров «Друга Народа»; 3) 42 названия книг и брошюр, написанных о Марате его современниками и, наконец, 4) 26 названий книг позднейшего времени. Уже в настоящем своем виде коллекция дает ценный материал для изучения Марата, как политического деятеля, социального мыслителя и ученого естествоиспытателя.

Пополнялись отдельными поступлениями также коллекции, посвященные Бабефу, Сильвэн-Марешалю, Робеспьеру, Сен-Жюсту, Бонневиллю и аббату Фошэ. Особенно ценное приобретение представляет собою коллекция произведений Анахарсиса Клоотца, «оратора рода человеческого», которая в настоящее время заключает в себе 20 его произведений, представляющих собою очень большую редкость, среди них: La certitude des preuves du mahomètisme (1780) L'Orateur du genre humain» (1891) «Ni Marat, ni Roland» (1792), «La République universelle» (1792), «Etrenne de l'Orateur du genre humain aux cosmopolites» (1793), Appel au genre humain» (1793) и др.

Отметим также приобретение институтом почти полной коллекции: «Colection de documents inedits sur l'histoire èconomique de la Révolution française».

В заключение нашей краткой заметки мы не можем не привести один из вновь опубликованных институтом документов, договор между бланкистами и марксистами, который бросает любопытный свет на историю марксизма. Документ этот представляет огромную историческую ценность. Он опубликован в № 1 «Бюллетеня» (стр. 11).

Всемирное общество коммунистов-революционеров

Ст. 1. Целью общества является низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой организации (constitution) человеческого рода (famille humaine).

Ст. 2. Для содействия осуществлению этой цели общество образует узы солидарности между всеми фракциями партии коммунистов-революционеров, уничтожая согласно принципу республиканского братства национальные разделения.

Ст. 3. Учредительный комитет общества образует собою центральный комитет; всюду, где для проведения дела встретится в том надобность, он учредит комитеты, стоящие в связи с центральным комитетом.

Ст. 4. Число членов общества не ограничено, но ни один член не может быть принят иначе, как единогласно. Выборы ни в коем случае не могут состояться путем тайной подачи голосов.

Ст. 5. Все члены общества клятвенно обязуются поддерживать статью первую настоящего регламента в точности так, как она в нем выражена. Изменение, могущее иметь последствием ослабление выраженных в статье первой заданий, освобождает членов общества от их обязательств.

Ст. 6. Все постановления общества принимаются большинством двух третей голосов.

Подписи: Ж. Видиль. Август Виллих. Дж. Юлиан Гарни. Адам. К. Маркс. Ф. Энгельс».

По словам Д. Рязанова. договор этот хранился в бумагах Маркса у Бернштейна тридцать лет. И если Каутский на стр. венского журнала «Kampf» пытается превратить в мелочь новый текст предисловия Энгельса к «Борьбе классов». то чрезвычайно любопытно, что смастерит он по поводу столь убийственного для с.-д. документа, каким является договор между бланкистами и марксистами.

К работе института каждый марксист, каждый историк относятся с напряженным интересом. Помочь ему в его работе — долг каждого из нас.

Ответственный редактор **А. В. Шестаков**